

**Власть истории –
История власти**

Том 10. Часть 3. (№53)

**The Power Of History
– The History Of Power**

Volume 10. Issue 3. (№53)

Свидетельство о регистрации средств массовой информации

ПИ № ФС77-61481

от 24 апреля 2015 г.

Эл № ФС77-61482

от 24 апреля 2015 г.

При отборе материалов для публикации главным критерием является их высокий научный уровень. При этом редакция исходит из принципиальной допустимости плюрализма научно аргументированных точек зрения, которые могут расходиться с позицией издателей.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

При перепечатке ссылка на журнал «Власть истории – история власти» обязательна.

Рукописи рецензируются.

Журнал входит в Перечень ВАК (№ 694)

**Отдельно выражаем благодарность выдающимся ученым
и общественным деятелям, внесшим финансовый вклад
в поддержку проекта.**

ISSN 2415-7015

8 номеров в год

E-mail: etnosocium@mail.ru

Сайт: <http://etnosocium.ru/vi>

Язык: русский, английский.

Зам. гл. ред. С.В. Рыбаков

Корректор Е.А. Белоусова

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro

Формат 60x90/16. Тираж экз. 500

Усл. п. л. 15,875

Оригинал-макет подготовлен Международным издательским центром «Этносоциум»

Отпечатано в типографии Международного издательского центра «Этносоциум»,

105066, Москва, Спартаковская ул., д. 19, стр. 3.

Москва 2024

Certificate of registration of mass media

ПИ № ФС77-61481

Founded in April 24, 2015

ЭЛ № ФС77-61482

Founded in April 24, 2015

The journal is ready to cooperate with authors from Russia and far abroad, and to consider submissions (works) both from young scientists who are only beginning their way in science, and specialists, whose names are already famous in the scientific society.

“The Power Of History” aspires to spread scientific knowledge and leads an honest and open policy towards all the authors. Thus, the editorial board of the journal provides free access to all publications, unless the contract with the author presupposes other conditions.

The editorial board of the journal has a right to refuse the publication of the article in case of violation of the rules stated below.

All the submitted materials are reviewed.

The journal is included in the list of HAC (№ 694)

**We express our gratitude
of the outstanding scientists and public figures, who made
a financial contribution to the project.**

ISSN 2415-7015

8 issues per year

E-mail: etnosocium@mail.ru

Website: <http://etnosocium.ru/english/The-Power-Of-History-vi-iv>

Languages: Russian, English

Deputy Chief Editor: Rybakov S.V.

Corrector: Belousova E.A.

Paper: offset

Types: Minion Pro

Format: 60x90

Copies: 500

The original layout was prepared by the International Publishing Center «Ethnosocium»

Printed in the printing house of the International Publishing Center «Ethnosocium»

105066, Moscow, Spartakovskaya st., 19, building 3.

Moscow 2024

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Зам. Главного Редактора, руководитель проекта:

Рыбаков С.В., доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Уральского федерального университета.

Михайлов В.А., доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой национальных и федеративных отношений Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Долженко А.Н., доктор филологических наук. Заведующий кафедрой русского и иностранных языков. Московская Академия Следственного комитета Российской Федерации.

Ненарокова М.Р., доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики иностранных языков ИИЯ РУДН, ведущий научный сотрудник, отдел Классических литератур Запада и сравнительного литературоведения. Институт мировой литературы имени А.М. Горького (ИМЛИ) РАН. Переводчик.

Нагорнова Е.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков Российского университета дружбы народов.

Никашина Н.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков Российского университета дружбы народов.

Клименко Д.А., кандидат филологических наук, специалист по Италии.

Мурашко С.Ф., кандидат психологических наук, профессор кафедры русского и иностранных языков. Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.

Терновая Л.О., доктор исторических наук, профессор МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет).

Ивакин Г.А., доктор исторических наук, профессор, эксперт. Заместитель директора ФГБНУ «Психологический институт РАО».

Наумова Г.Р., доктор исторических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (МГУ).

Никонов А.В., доктор исторических наук, профессор, Государственный советник РФ 1 класса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Нечипоренко В.С., доктор исторических наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Пономаренко Б.Т., доктор исторических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Ковалева Н.А., доктор филологических наук, доцент. Профессор кафедры русского языка и литературы Института иностранных языков Нанкинского университета (КНР).

Летуновский П.В., кандидат исторических наук, доктор политических наук, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии войсковой ПВО Вооруженных Сил РФ имени маршала Советского Союза А.М. Василевского.

Варсонофьев В.В., кандидат политических наук, военный эксперт.

Чапкин С.В., почетный академик, президент «Академии экологии и права».

Болтенкова Л.Ф., доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Игнатов И.С., кандидат политических наук, старший советник юстиции.

Вражнова М.Н., доктор педагогических наук, профессор, МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет).

Курбонзода Хонали, доктор исторических наук, Ректор Республиканского института повышения квалификации и переподготовки работников сферы образования, Республика Таджикистан, г. Душанбе.

Платонова Н.М., доктор исторических наук. Доцент кафедры «Теория и история государства и права» Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Дальневосточный государственный университет путей сообщения» (г. Хабаровск).

EDITORIAL BOARD

Deputy. Chief Editor and Project Manager:

Rybakov S.V., Doctor of historical sciences, professor of the history of Russian Ural Federal University.

Mikhailov V.A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of National and Federal Relations of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Dolgenko A.N., Doctor of Philology. Head of the Department of Russian and Foreign Languages at the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Nenarokova M.R., Doctor of Philology, Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages, Institute of Foreign Languages, RUDN University, Leading Researcher, Department of Classical Literature of the West and Comparative Literature. Institute of World Literature RAN. Interpreter/Translator.

Nagornova E.V., PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages at the Institute of Foreign Languages of the Peoples' Friendship University of Russia.

Nikashina N.V., PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages, Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia.

Klimenko D.A., Candidate of Philology, specialist in Italy.

Murashko S.F., Candidate of Psychological Sciences, Professor of the Department of Russian and Foreign Languages. Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor MADI (The Moscow Automobile and Road Construction University).

Ivakin G.A., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Expert. Deputy Director of the Federal State Budgetary Scientific

Institution “Psychological Institute of the Russian Academy of Education”.

Naumova G.R., Doctor of Historical Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University.

Nikonov A.V., Doctor of Historical Sciences, Professor, State Councillor of the 1st class, the Lomonosov Moscow State University.

Nechiporenko V.S., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ponomarenko B.T., Honoured worker of higher education, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Kovaleva N.A., Doctor of Philology, Associate Professor. Professor of the Department of Russian Language and Literature of the Institute of Foreign Languages of Nanjing University (PRC).

Letunovsky P.V., Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, head of the department of Humanitarian, Social and Economic Disciplines of the Russian Federation Armed Forces Army Air Defense Military Academy named after the Marshal of the A.M. Vassilevsky Soviet Union.

Varsonofiev V.V., Candidate of Political Science, Military expert.

Chapkin S.V., Honorary Academician, President of the “Academy of Ecology and Law”.

Boltenkova L.F., Doctor of Legal Sciences, Professor.

Ignatov I.S., Candidate of Political Sciences, senior advisor of justice.

Vrajnova M.N., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Moscow Automobile and Road Construction University (MADI).

Honali Kurbonzoda, Doctor of Historical Sciences, Rector of the «National Institute of professional development and training of educators».

Platonova N.M., Doctor of Historical Sciences. Associate Professor of the Department “Theory and History of State and Law” of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Far Eastern State University of Communications” (Khabarovsk).

Содержание

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Рябова Е.Л., Чапкин Н.С.

Некоммерческие и коммерческие медицинские организации: теоретические аспекты осуществления деятельности.....	12
<i>Терновая Л.О.</i> Камни силы и судьбы в структуре культурных кодов и властных отношений.....	22
<i>Зуев А.В.</i> Северное пароходное общество: новые страницы истории российского торгового флота.....	33
<i>Игнатенко С.В.</i> «Адмирал Ушаков», «Адмирал Сенявин» и «Генерал-адмирал Апраксин» – броненосцы береговой обороны российского императорского флота.....	41
<i>Ладович А.А.</i> Постсоветская историография развития транспортной системы в Западной Сибири в XIX веке.....	48
<i>Ильин А.А., Ларионов А.Э.</i> Теория официальной народности как методология истории в русской консервативной историографии 2-й четверти XIX века.....	57
<i>Напсо М.Б., Агирбов Т.Р.</i> Виртуальность и реальность: индивид в гибридном пространстве.....	69
<i>Суслов А.Ю.</i> Театры Татарстана в зеркале современной историографии.....	77
<i>Ширяева-Бакшевникова В.Н.</i> Развитие морских промыслов мурманского берега в XI-XVIII веках.....	83

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

<i>Щербаков М.Ю.</i> Антифинляндские настроения в общественном мнении и политике 1880–1890-х годов.....	93
<i>Ян Шанжун</i> Американская пропаганда времен Холодной Войны и кризиса с венгерскими беженцами в 1956 году.....	101
<i>Захарьев Я.О.</i> Китайская община Юго-Восточной Азии в начале XXI века: вопросы сохранения власти и влияния.....	109
<i>Хуан Ясинь</i> Место и роль «глобальных» СМИ в системе масс-медийной коммуникации.....	115

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ, ЛИНГВИСТИКА

Долженко А.Н., Касатикова А.А., Косырева М.С.

Категоризация языкового пуризма в филологическом наследии немецкого гуманизма (опыт Ю.Г. Шоттеля).....121

Баталов А.А., Серегина М.К. Взаимосвязь речевого портрета и способов реализации критической оценки оратора в TED Talks.....126

Басова О.В. Современные технологии при преподавании английского языка.....133

Яшунькина А.С. Текст как продукт письменной речи.....141

Синявский А.А. Применение зооморфных метафор в деловом русском и испанском языках.....148

Сизинцева А.С., Бажеряну В.В. Использование невербальных средств общения в процессе коммуникации в англоязычных и русскоязычных производственных коллективах.....154

Жун Синь, Го Лихун Концепт «мать» в языковой картине мира русского языка (на материале фразеологии).....161

Ишуткина Д.А., Шаламова О.О., Ли Н.Б.

Аутентичность текста как феномен современного российского образования в обучении корейскому языку.....169

Лю Ляньчжи, Лю Ижуй, Гао Хуэйминь

Способы и навыки перевода четырехсимвольного слова в «Докладе на XX съезде КПК».....178

Лю Наньин Освоение заимствований

в русском языке на рубеже XX-XXI веков.....189

Макарова О.Г., Красикова О.М., Бадмаева А.А.

Категория падежа в русском и бурятском языках (сопоставительный анализ).....200

Мирзоева Ф.Р. Особенности

функционирования эвфемизмов в маркетинге.....209

Поспелова Н.В., Башарова Р.Ф.

Лингвокультурологическое чтение текста художественного произведения «How to be good» Ника Хорнби.....216

Россинская Е.А., Камех Хош Неда, Васильева Ю.А.

Особенности русского варианта английского языка в области употребления прилагательных и глаголов.....222

Аннотации.....232

Авторы.....249

Content

ACTUAL QUESTIONS OF HISTORICAL SCIENCES

<i>Ryabova E.L., Chapkin N.S.</i> Commercial and non-profit medical organizations: theoretical aspects of the implementation of activities.....	12
<i>Ternovaya L.O.</i> Stones of power and destiny in the structure of cultural codes and power relations.....	22
<i>Zuev A.V.</i> Northern shipping company: new pages in the history of the Russian merchant fleet.....	33
<i>Ignatenko S.V.</i> «Admiral Ushakov», «Admiral Seniavin» and «General–admiral Apraksin» – coastal battleships of the imperial Russian navy.....	41
<i>Ladovich A.A.</i> Post-soviet historiography of the development of the transport system in Western Siberia in the XIXth century.....	48
<i>Ilyin A.A., Larionov A.E.</i> The theory of official nationality as a methodology of history in the Russian conservative historiography of the 2nd quarter of the XIX century.....	57
<i>Napso M.B., Agirbov T.R.</i> Virtuality and reality: an individual in a hybrid space.....	69
<i>Suslov A.Y.</i> Theaters of Tatarstan in the mirror of modern historiography.....	77
<i>Shiryayeva-Bakshevnikova V.N.</i> The development of marine crafts of the Murmansk coast in the XI-XVIII centuries.....	83

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS AND GENERAL HISTORY

<i>Shcherbakov M.U.</i> Anti-Finnish sentiments in public opinion and politics of the 1880s–1890s.....	93
<i>Yang Shangrong</i> American propaganda during the Cold War and the Hungarian refugee crisis in 1956.....	101
<i>Zakharyev Y.O.</i> Chinese community of Southeast Asia at the beginning of the 21st century: issues of maintaining power and influence.....	109
<i>Huang Yaxin</i> The place and role of “global” media in the system of mass-media communication.....	115

PHILOLOGICAL SCIENCES, LINGUISTICS

Dolgenko A.N., Kasatikova A.A., Kosyreva M.S.

Categorization of linguistic purism in the philological heritage
of German humanism (experience of Yu.G. Schottel).....121

Batalov A.A., Seregina M.K. Relation of speech portrait and ways
of implementating of the speaker's critical opinion in TED Talks.....126

Basova O.V. Modern technologies in teaching English.....133

Iashunkina A.S. Text as a product of the writing process.....141

Sinyavsky A.A. Applying zoomorphic metaphors
in Spanish and Russian business discourse.....148

Sizintseva A.S., Bazheryanu V.V. Application
of non-verbal language in the communication process
in English-speaking and Russian-speaking production teams.....154

Rong Xin, Guo Li Hong The concept "mother" in the language picture
of the world (based on phraseology the Russian language).....161

Ishutkina D.A., Shalamova O.O., Lee N.B.

The phenomenon of text authenticity
in modern education when teaching Korean language.....169

Liu Lianzhi, Liu Yirui, Gao Huimin

Translation methods and techniques
of four-character words in the report of the 20th National Congress.....178

Liu Nanying Mastering borrowings

in the Russian language at the turn of the XX-XXI centuries.....189

Makarova O.G., Krasikova O.M., Badmaeva A.A.

Case category in Russian and Buryat languages (comparative analysis).....200

Mirzoeva F.R. Peculiarities of euphemisms functioning in marketing.....209

Pospelova N.V., Basharova R.F. Linguistic and cultural reading

of the text of the work of art "How to be good" by Nick Hornby.....216

Rossinskaya E.A., Kameh Khosh Neda, Vasilyeva Y.A.

Features of the Russian variety
of the English language in the use of adjectives and verbs.....222

Abstracts.....241

Authors.....252

Актуальные вопросы исторических наук

Actual questions of historical sciences

Рябова Е.Л.

Доктор политических наук, Главный редактор, международное издательство «Этносоциум».

Чапкин Н.С.

Старший преподаватель. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова». Базовая кафедра цифровой экономики института развития информационного общества.

Некоммерческие и коммерческие медицинские организации: теоретические аспекты осуществления деятельности*

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные аспекты деятельности некоммерческих (неправительственных, общественных) организаций, обеспечивающих охрану здоровья граждан. Определено, что роль некоммерческих и неправительственных общественных организаций в глобальном здравоохранении состоит в укреплении систем здравоохранения и чаще всего включает работу в партнерстве с министерствами здравоохранения; управление совместными проектами и программами; и пр. Несмотря на то, что ресурсы общественных организаций значительно скромнее по сравнению с коммерческими, они вносят значительный вклад в охрану здоровья населения и снижение неравенства в доступности медицинской помощи.

Ключевые слова: бизнес, организация, коммерческие организации, некоммерческие организации, здравоохранение, медицинская помощь, деятельность.

Ryabova E.L.

Doctor of Political Sciences, Editor-in-Chief, international publishing house "Ethnosocium".

Chapkin N.S.

Senior Lecturer. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian Economic University named after G.V. Plekhanov". Basic Department of Digital Economy of the Institute for the Development of the Information Society.

**Commercial and non-profit medical organizations:
theoretical aspects of the implementation of activities**

Abstract. The article examines certain aspects of the activities of non-profit (non-governmental, public) organizations that ensure the protection of citizens' health. It is determined that the role of non-profit and non-governmental public organizations in global health is to strengthen health systems and most often includes working in partnership with ministries of health; managing joint projects and programs; etc. Despite the fact that the resources of public organizations are much more modest compared to commercial ones, they make a significant contribution to protecting public health and reducing inequalities in access to medical care.

Key words: business, organization, commercial organizations, non-profit organizations, healthcare, medical care, activity.

Далеко не все проблемы по охране здоровья могут быть решены в рамках национальных систем здравоохранения. Ресурсные возможности государства, модели и технологии обеспечения общественного здоровья, а также традиции и практики здоровьесбережения во многом определяют доступность медицинской помощи отдельным гражданам. И в условиях, когда официальные субъекты системы здравоохранения обнаруживают собственную дисфункциональность, она может быть скомпенсирована посредством структур гражданского общества – прежде всего общественными (негосударственными, некоммерческими) организациями.

Коммерческая организация здравоохранения принадлежит инвесторам, как и любой другой коммерческий бизнес. Хотя коммерческие медицинские организации предлагают услуги и программы, помогающие людям стать и оставаться здоровыми, они стремятся получать прибыль, удовлетворяющую учредителей, или акционеров, а инвесторы ожидают хорошей отдачи от своих вложений.

Кроме того, как и другие корпорации, коммерческие организации здравоохранения имеют иерархическую организационную структуру, которая включает совет директоров.

Некоммерческая (негосударственная, общественная) организация здра-

воохранения - это организация, основанная на миссии, которая служит людям в сообществе или выступает от имени служб здравоохранения без намерения получения прибыли. Некоммерческие организации здравоохранения несут ответственность перед своими донорами, членами сообщества и другими заинтересованными сторонами за соблюдение своих заявленных миссий.

Некоммерческая организация существует на благо общества, а некоммерческая организация здравоохранения помогает восполнять пробелы в медицинских услугах, иными словами – обеспечивать охрану здоровья граждан.

Хотя деятельность коммерческих и некоммерческих организаций регулируется одними и теми же органами власти и предъявляет одинаковые требования к осуществлению той, или иной деятельности (например, лицензирование образовательной, или медицинской деятельности), существуют определенные различия между коммерческими и некоммерческими организациями здравоохранения, помимо того, платят ли они налоги на имущество и прибыль.

Несмотря на сходства и различия между разными типами медицинских организаций, правильная технология управления может дать некоммерческим организациям необходимый прирост эффективности.

Между коммерческими и некоммерческими организациями здравоохранения есть много общего, например, у обеих есть администрация (совет директоров, руководитель и пр.) и обе предоставляют медицинские услуги населению. Основные различия между ними заключаются в следующем:

- Некоммерческие организации не облагаются некоторыми налогами, которые обязаны оплачивать коммерческие.
- Некоммерческие организации должны реинвестировать свои средства обратно в организацию на текущую уставную деятельность.
- Некоммерческие организации ограничены в своих возможностях лоббировать законодательство.
- У некоммерческих организаций могут быть сотрудники, и они также могут в значительной степени полагаться на волонтеров.

Приведенная ниже таблица показывает основные различия между коммерческими и некоммерческими организациями здравоохранения.

Таблица 1. Общее и отличия коммерческих (КМО) и некоммерческих медицинских организаций (НКМО).

Руководству коммерческих медицинских организаций приходится поддерживать культуру, ориентированную на бизнес, потому что они подотчетны своим учредителям. Акционеры не всегда имеют те же интересы или уровень сочувствия, что и члены сообщества.

Характеристики	КМО	НКМО
Требуется сбор средств / привлечение капитала	Нет	Да
Доступ к дорогим технологиям	Да	Иногда
Располагает собственными ресурсами для оказания профессиональных услуг	Да	Нет
Освобожден от уплаты налогов (в основном, на имущество и подоходный налог)	Нет	Да
Ограниченные возможности лоббирования / пропаганды	Нет	Да
Основной вид деятельности ориентирован на оказание медицинской помощи	Да	Да
Основная цель деятельности – получение прибыли	Да	Нет
Ограничения инвестиционной деятельности	Нет	Да

Положительным моментом является то, что коммерческие организации здравоохранения, как правило, не имеют ограничений на способность инвестировать, что означает, что эти организации имеют доступ к большому финансированию для модернизации своей деятельности, покупки дорогостоящего медицинского оборудования и поддержания технологических систем в актуальном состоянии.

Коммерческие организации здравоохранения обычно имеют больше средств для инвестирования в технологии, чем некоммерческие организации, что позволяет им предлагать наилучшую медицинскую помощь и делать это эффективно. Более широкий доступ к технологиям также позволяет коммерческим организациям здравоохранения активно устранять киберриски для защиты акционеров, пациентов и общественности в целом.

Крупные коммерческие корпорации с несколькими филиалами также имеют преимущество использования собственных ресурсов, таких как штатный юрист-консультант и специальные консультанты, вместо того, чтобы нанимать сторонних специалистов. Еще одно преимущество масштаба заключается в том, что крупные медицинские организации могут делиться тем, что они узнали о передовых практиках, со своими дочерними учреждениями.

Несмотря на критику со стороны профсоюзов, групп потребителей и некоторых законодателей, коммерческие организации здравоохранения не обязательно жертвуют качеством медицинской помощи ради прибыльности. Именно качество медицинских услуг, оказываемых коммерческими медицинскими организациями обеспечивает им конкурентные позиции и устойчивость на рынке.

Что касается некоммерческих медицинских организаций, то, несмотря

на то, что во многих законодательствах они, как правило, освобождены от уплаты налогов на имущество и подоходный налог, они полагаются на финансирование от доноров, незначительные инвестиции и сообщество, чтобы иметь возможность оказывать помощь пациентам.

Хотя у некоммерческих организаций есть некоторые ограничения на их способность инвестировать без ущерба для их некоммерческого статуса, они обычно реинвестируют излишки средств в уставную деятельность: содержание помещений, приобретение нового медицинского оборудования, обновление технологий и другие необходимые улучшения в медицине.

Некоммерческие организации здравоохранения обычно продвигают культуру, ориентированную на обслуживание, а не на бизнес. Как организации, ориентированные на оказание услуг, некоммерческие медицинские организации, как правило, более агрессивно ведут переговоры при рассмотрении вопросов о расходах, таких как контракты на управляемое медицинское обслуживание и пр..

В некоторых странах в соответствии с законодательством некоммерческие медицинские организации могут быть несколько ограничены в своей способности лоббировать или отстаивать реформы здравоохранения, или иные другие интересы. Адвокация и лоббирование не могут быть существенной частью их деятельности, иначе они рискуют потерять свой некоммерческий статус.

Научные исследования показывают, что далеко не всегда некоммерческие организации могут иметь такое же влияние на общественное здоровье, как коммерческие. Прежде всего потому, что ресурсы некоммерческого сектора всегда имеют большее ограничение в ресурсах по сравнению с коммерческими.

Особо следует отметить деятельность неправительственных организаций.

При этом заявляемые эффекты деятельности НКМО достигаются за счет предоставления медикаментов и санитарного просвещения. Они также стимулируют местные общественные движения вести общественную активность, привлекать средства массовой информации и стимулировать таким образом правительства к предоставлению необходимых медицинских услуг. Однако существует ряд факторов, которые могут ограничивать их эффективность.

Во-первых, неправительственные организации могут не оказывать никакого влияния на общественное здоровье как в целом, так и в отдельных его аспектах, поскольку реализуемые ими проекты являются маломасштабными и ограничены по географическому охвату (Ливернэш, 1992).

В качестве примера можно привести кейс реализации проекта Population Services International и Sulabh International Social Service Organization, в

рамках которого указанные организации улучшают санитарные условия и снабжение чистой водой только 150 000 человек в Дели, в то время как обща населения города составляет примерно 12,8 миллиона человек.

По мнению некоторых исследователей, проекты, осуществляемые неправительственными организациями, часто не помогают достаточному количеству людей в достаточно большом географическом регионе, чтобы обеспечить какое-либо существенное улучшение состояния здоровья.

В результате Princen Т. приходит к выводу: «Без сильного мультипликативного эффекта они вряд ли приведут к значительным социальным изменениям».

Во-вторых, некоммерческие медицинские организации часто реализуют свои программы нерегулярно. Это приводит к тому, что основное внимание уделяется региональным проектам, а не национальным программам.

Такой «фрагментарный» или «лоскутный» подход может задержать создание стабильной системы первичной медико-санитарной помощи. Эта проблема усугубляется это объясняется тем, что расходы на здравоохранение часто сильно несбалансированы внутри стран и между ними. Деньги, как правило, направляются в те места, где уже работают международные неправительственные и некоммерческие организации. Таким образом, несколько областей могут получать большую часть средств, в то время как другим областям, не менее подверженным проблемам со здоровьем населения, уделяется меньше внимания.

В-третьих, широко распространено мнение, что сообщество международных неправительственных некоммерческих организаций является «образцом сотрудничества». Тем не менее, неправительственные некоммерческие организации часто действуют в одиночку, а не совместно друг с другом. Отчасти это связано с необходимостью адаптировать проекты к конкретным условиям. Однако это также является результатом высококонкурентного процесса получения финансирования, который порождает острое соперничество.

Эта тенденция «действовать в одиночку», возникающая в результате конкуренции за финансирование, усугубляет мелкомасштабный и разрозненный характер проектов.

В-четвертых, поскольку неправительственные организации получают все больше средств на двусторонней и многосторонней основе, часто возникают проблемы легитимности и подотчетности. Chapin М. предполагает, что переход от финансирования из частных источников к корпоративным пожертвованиям способствует этому процессу. Ndegwa S. указывает, что это может быть в связи с растущим участием международных неправительственных организаций в разработке и реализации проектов Всемирного банка. Существует опасение, что такое финансирование и партнерские

отношения приведут к большему количеству проектов, которые принесут пользу международному капиталу (например, инфраструктуре), а не населению страны (например, медицинским клиникам). Если это так, то неправительственные организации могут усугубить проблемы со здоровьем, создавая иллюзию прогресса без предоставления дополнительных услуг.

На самом деле, Эдвардс и Хьюм пишет: «Растущее финансирование неправительственных организаций официальными донорскими учреждениями выдвигает на первый план вопрос о легитимности, поскольку, если неправительственные организации становятся более чуткими к внешним проблемам, что происходит с их отношениями с «бедными», сторонниками и другими лицами, благодаря которым они получают свое право вмешиваться в развитие».

В то же время, поскольку международные неправительственные организации становятся все более важными компонентами процесса развития, существует опасность того, что небольшие, более подотчетные на местном уровне организации с прямым участием могут не получать финансирования. Это может препятствовать развитию местных институтов.

В-пятых, есть мнение, что, когда в их руки поступает больше ресурсов, неправительственные организации могут утратить те характеристики, которые делают их идеальными кандидатами для предоставления медицинских услуг. Эти характеристики включают гибкость, отсутствие бюрократии, подотчетность на местах и близость к местному населению. Например, местные жители часто отстраняются от процесса принятия решений, когда неправительственные организации реализуют проекты. Это часто происходит из-за того, что медицинские неправительственные организации ограничены прихотями доноров. Таким образом, финансируемые ими проекты, которые могут принести региону большие суммы денег, в гораздо большей степени зависят от требований доноров, чем от потребностей местного населения.

Проблема усугубляется тем, что международными неправительственными организациями имея очень слабую подотчетность на местном уровне, в отличие от правительств, которые, по крайней мере, в принципе должны отчитываться перед электоратом. Кроме того, внутри самой неправительственной организации может возникнуть «институциональная шизофрения», когда сборщики средств сосредоточиваются на удовлетворении потребностей доноров, а сотрудники на местах - на потребностях местного населения. Более того, более тесные связи с двусторонними и многосторонними донорами могут вызвать подозрения в иностранном влиянии на правительство и привести к усилению государственного регулирования. Это может подорвать процессы неофициальных консультаций и этические кодексы, характерные для многих неправительственных

медицинских организаций.

В-шестых, медицинские неправительственные организации могут подвергаться критике за продвижение «реформистских» решений. Иными словами, они, как правило, выступают за программы, направленные на постепенное изменение экономического и политического статус-кво. Например, многие медицинские неправительственные организации предоставляют необходимое оборудование, медикаменты и обучение. Однако они часто не устраняют глубинные причины проблем со здоровьем. Эти факторы могут быть связаны с более масштабными политико-экономическими факторами, связанными с деятельностью транснациональных корпораций или репрессивных правительств. Таким образом, утверждают Bryant R.L. и Bailey S., «если аргумент заключается в том, что фундаментальные изменения - это единственный путь вперед», то международные неправительственные организации «могут быть частью проблемы, а не частью решения».

В-седьмых, правительства могут быть способны повышать или ограничивать эффективность неправительственных организаций, поскольку они предоставляют структуру политических возможностей, в рамках которой действуют неправительственные организации. Этот момент довольно очевиден в репрессивной стране, где неправительственные организации часто терпимы только в том случае, если они получают одобрение правительственных чиновников. Однако репрессивные государства также склонны использовать свои законодательные полномочия для того, чтобы «притупить остроту критики неправительственных организаций».

Таким образом, можно сделать вывод, что роль некоммерческих и неправительственных общественных организаций в глобальном здравоохранении состоит в укреплении систем здравоохранения и чаще всего включает работу в партнерстве с министерствами здравоохранения; управление совместными проектами и программами; опробацию инновационных подходов к предоставлению услуг; вовлечение сообществ; развитие людских ресурсов и укрепление инфраструктуры и информационных систем. Несмотря на то, что ресурсы общественных организаций значительно скромнее по сравнению с коммерческими, они вносят значительный вклад в охрану здоровья населения и снижение неравенства в доступности медицинской помощи.

Библиографический список:

1. Бутарева М.М., Кобяцкая Е.Е., Куркатова С.О., Мецгер А.В. Организационно-правовые формы некоммерческих организаций в здравоохранении Российской Федерации. Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2022. № 30;4. С. 554-558.
2. Волкова О.А. Саморегуляция деятельности социально-ориентированных некоммерческих организаций в контексте их государственного регулирования: амбивалентность гражданского общества. Труд и социальные отношения. 2020. № 31;2. С. 195-196.
3. Горский А.А. Медицинская помощь в деятельности благотворительных организаций. Труд и социальные

- отношения. 2022. № 33;6. С. 135-142.
4. Горский А.А., Волкова О.А. Медицинская благотворительность: основные направления деятельности за рубежом некоммерческих организаций. Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2020. № 28. С. 701-704.
  5. Bryant R.L., Bailey S. Third World Political Ecology. London: Routledge. 2017.
  6. Chapin M. A Challenge to Conservationists. World Watch Magazine. 2004. № 1. P. 17-34.
  7. Clark J. Democratizing Development: The Role of Voluntary Organizations. London: Earthscan Press. 2021.
  8. Edwards M., Hulme D. Too Close for Comfort? The Impact of Official Aid on Non-Governmental Organizations. World Development. 2016. № 24. P. 961-73.
  9. Ndegwa S. The Two Faces of Civil Society: NGOs and Politics in Africa. New York: Kumarian Press. 2016.
  10. Princen T. Non-Governmental Organizations: Creating a Niche in Environmental Diplomacy. Environmental NGOs in World Politics: Linking the Local and the Global. New York: Routledge. 1994.
  11. Sanyal B. Cooperative Autonomy: The Dialectic of State-NGOs Relationships in Developing Countries. Geneva: International Institute for Labor Studies. 1994.
  12. Sulabh International Social Service Organization. // URL: <https://www.sulabhinternational.org/> (Дата обращения: 12.12.2023)
  13. Байханов И.Б. Молодежь в цифровом мире: самооценка сформированности цифровых компетенций абитуриентов московских вузов // Миссия конфессий, 2021. Т. 10. № 6 (55). С. 615-623.
  14. Байханов И.Б. Особенности управления человеческими ресурсами в условиях глобальных перемен // Власть истории и история власти. 2022. Т. 8. № 1 (35). С. 20-29.
  15. Байханов И.Б. Государственная политика как фактор развития национальной образовательной системы: базовые аспекты // Этносоциум и межнациональная культура, 2020. № 1 (139). С. 69-76.
  16. Байханов И.Б. Формирование цифровых компетенций в условиях трансформации образовательных систем // Миссия конфессий, 2021. Т. 10. № 7 (56). С. 705-712.
  17. Байханов И.Б. Геополитическая культура: как корабль ты назовешь // Миссия конфессий. 2021. Т. 10. № 5 (54). С. 519-524.
  18. Байханов И.Б. Интернет, выборы и формирование электоральной культуры // Этносоциум и межнациональная культура, 2013. № 5 (59). С. 101-107.
  19. Ананченко П.И., Тонконог В.В. Направления государственной политики в создании и развитии региональной инновационной образовательной системы. Ученые записки Российской Академии предпринимательства. 2016. № 49. С. 8-15.
  20. Тонконог В.В., Константинов В.М., Ананченко П.И. Развитие образовательных услуг в сфере подготовки и повышения квалификации кадров для малого и среднего бизнеса. Труд и социальные отношения. 2014. Т. 25. № 9. С. 106-121. (
  21. Тонконог В.В., Ананченко П.И. E-LEARNING: заменит ли дистант традиционные формы обучения? Труд и социальные отношения. 2017. Т. 28. № 4. С. 119-128.
  22. Ананченко П.И., Кузнецов М.Ю. Профессиональное обучение безработных в системе службы занятости населения. Ученые записки Российской Академии предпринимательства. 2016. № 47. С. 176-183.
  23. **Бормотова Т.М., Мазеев Ю.Н.** Коммуникация пожилых людей в социальных сетях Интернета // Межконфессиональная миссия. 2021. Том 10. Часть 3. № 52. С. 309-319.
  24. Бормотова Т.М. Влияние неконтролируемой миграции на рост трансграничной преступности в европейских странах // Этносоциум и межнациональная культура. 2016. № 8 (98). С. 169-173.
  25. Бормотова Т.М., Никитина И.Э. Проблемы сближения национальных законодательств стран-членов Евросоюза в вопросах миграционной политики // Этносоциум и межнациональная культура. 2016. № 1 (91). С. 51-54.
  26. Бормотова Т.М., Меркурьев А.В. Главной стратегической целью межнационального и межконфессионального сотрудничества является обеспечение национальной безопасности России // Межконфессиональная миссия. 2012. № 1. С. 39-45.
  27. Пономаренко Б.Т., Смирнова М.И. Размышления об истине и правде // Журнал «Межконфессиональная миссия» 2016. № 12 (16). С. 77-80.
  28. Рыбаков С.В. Туристический имидж Армении в свете ее культурно-исторических особенностей // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 2 (104). С. 122-129.

Reference

1. Butareva M.M., Kobyatskaya E.E., Kurkatova S.O., Metzger A.V. Organizational and legal forms of non-profit organizations in healthcare of the Russian Federation. Problems of social hygiene, health care and history of medicine. 2022. № 30;4. P. 554-558.
2. Volkova O.A. Self-regulation of the activities of socially-oriented non-profit organizations in the context of their state regulation: ambivalence of civil society. Labor and social relations. 2020. № 31;2. P. 195-196.

3. Gorsky A.A. Medical assistance in the activities of charitable organizations. *Labor and social relations*. 2022. № 33:6. P. 135-142.
4. Gorsky A.A., Volkova O.A. Medical charity: main activities of foreign non-profit organizations. *Problems of social hygiene, health care and history of medicine*. 2020. № 28. P. 701-704.
5. Bryant R.L., Bailey S. *Third World Political Ecology*. London: Routledge. 2017.
6. Chapin M. A Challenge to Conservationists. *World Watch Magazine*. 2004. № 1. P. 17-34.
7. Clark J. *Democratizing Development: The Role of Voluntary Organizations*. London: Earthscan Press. 2021.
8. Edwards M., Hulme D. Too Close for Comfort? The Impact of Official Aid on Non-Governmental Organizations. *World Development*. 2016. № 24. P. 961-73.
9. Ndegwa S. *The Two Faces of Civil Society: NGOs and Politics in Africa*. New York: Kumarian Press. 2016.
10. Princen Vol. *Non-Governmental Organizations: Creating a Niche in Environmental Diplomacy*. Environmental NGOs in World Politics: Linking the Local and the Global. New York: Routledge. 1994.
11. Sanyal B. *Cooperative Autonomy: The Dialectic of State-NGOs Relationships in Developing Countries*. Geneva: International Institute for Labor Studies. 1994.
12. Sulabh International Social Service Organization. // URL: <https://www.sulabhinternational.org/> (12.12.2023)
13. Baykhanov I.B. Youth in the digital world: self-assessment of the formation of digital competencies of Moscow university applicants // *Mission of Confessions*, 2021. Vol. 10. № 6 (55). P. 615-623.
14. Baykhanov I.B. Features of human resource management in the context of global changes // *The power of history and the history of power*. 2022. Vol. 8. № 1 (35). P. 20-29.
15. Baykhanov I.B. State policy as a factor in the development of the national educational system: basic aspects // *Ethnosocium and interethnic culture*, 2020. № 1 (139). P. 69-76.
16. Baykhanov I.B. Formation of digital competencies in the context of transformation of educational systems // *Mission of Confessions*, 2021. Vol. 10. № 7 (56). P. 705-712.
17. Baykhanov I.B. Geopolitical culture: what do you name the ship // *Mission of Confessions*. 2021. Vol. 10. № 5 (54). P. 519-524.
18. Baykhanov I.B. Internet, elections and the formation of electoral culture // *Ethnosocium and interethnic culture*, 2013. № 5 (59). P. 101-107.
19. Ananchenkova P.I., Tonkonog V.V. Directions of state policy in the creation and development of a regional innovative educational system. *Scientific notes of the Russian Academy of Entrepreneurship*. 2016. № 49. P. 8-15.
20. Tonkonog V.V., Konstantinov V.M., Ananchenkova P.I. Development of educational services in the field of retraining and advanced training of personnel for small and medium-sized businesses. *Labor and social relations*. 2014. Vol. 25. № 9. P. 106-121. (
21. Tonkonog V.V., Ananchenkova P.I. E-LEARNING: will distance learning replace traditional forms of learning? *Labor and social relations*. 2017. Vol. 28. № 4. P. 119-128.
22. Ananchenkova P.I., Kuznetsov M.Yu. Vocational training for the unemployed in the employment service system. *Scientific notes of the Russian Academy of Entrepreneurship*. 2016. № 47. P. 176-183.
23. Bormotova T.M., Mazaev Yu.N. Communication of older people on Internet social networks // *Interconfessional mission*. 2021. Volume 10. Part 3. № 52. P. 309-319.
24. Bormotova T.M. The influence of uncontrolled migration on the growth of cross-border crime in European countries // *Ethnosocium and interethnic culture*. 2016. № 8 (98). P. 169-173.
25. Bormotova T.M., Nikitina I.E. Problems of convergence of national legislations of the EU member countries in matters of migration policy // *Ethnosocium and interethnic culture*. 2016. № 1 (91). P. 51-54.
26. Bormotova T.M., Merkuriev A.V. The main strategic goal of interethnic and interfaith cooperation is to ensure the national security of Russia // *Interconfessional mission*. 2012. № 1. P. 39-45.
27. Ponomarenko B.T., Smirnova M.I. Reflections on truth and truth // *Journal "Interfaith Mission"* 2016. № 12 (16). P. 77-80.
28. Rybakov S.V. Tourist image of Armenia in the light of its cultural and historical features // *Ethnosocium and interethnic culture*. 2017. № 2 (104). P. 122-129.

Терновая Л.О.

Доктор исторических наук, профессор, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ).

Камни силы и судьбы в структуре культурных кодов и властных отношений*

Аннотация. В современном мире разворачивается настоящая ментальная битва между приверженцами традиционных ценностей и предлагаемых западному обществу новых жизненных паттернов, в которых перечеркивается смысл истории и теряются устойчивые прежде идентичности. Ответ, почему эти новшества оказываются свободно воспринятыми частью населения, можно найти, изучая различия культурных кодов Востока и Запада, даже в тех их частях, что напрямую не затрагивают ни глубинные личностные аспекты бытия, ни высокие геополитические стратегии. Но такие фрагменты обязательно имеют непосредственное отношение к прочтению смыслов отношения человека с стихиям природы: земле, воде, растениям, огню. Всякий их элемент трактовался в ракурсе тех возможностей и запретов, которые были у людей независимо от их происхождения или социального положения. Камень, отражал смысл родной земли, а потому утверждал господство над ней и в некоторых культурах выступал как индикатор права на власть. В других культурах такая власть трактовалась не как политический институт, а как нравственная твердость и умение владеть собою. И хотя многое из этого культурного кода утеряно, сохранившиеся памятники помогают его реконструировать.

Ключевые слова: история, традиционные ценности, культурный код, власть, сила, мегалит, фольклор.

Ternovaya L.O.

Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow Automobile and Highway State Technical University.

Stones of power and destiny in the structure of cultural codes and power relations

Abstract. In the modern world, a real mental battle is unfolding between adherents of traditional values and new life patterns offered to Western society, in which the meaning of history is crossed out and previously stable identities are lost. The answer to why these innovations are freely accepted by part of the population can be found by studying

---

* © Терновая Л.О., 2024.

the differences in the cultural codes of the East and West, even in those parts that do not directly affect either the deep personal aspects of existence or high geopolitical strategies. But such fragments are necessarily directly related to reading the meaning of man's relationship with the elements of nature: earth, water, plants, fire. Every element of them was interpreted from the perspective of the opportunities and prohibitions that people had, regardless of their origin or social status. The stone reflected the meaning of the native land, and therefore asserted dominance over it and in some cultures acted as an indicator of the right to power. In other cultures, such power was interpreted not as a political institution, but as moral firmness and the ability to control oneself. And although much of this cultural code has been lost, surviving monuments help to reconstruct it.

Key words: history, traditional values, cultural code, power, strength, megalith, folklore.

Замечено, что, чем сложнее социальная реальность предстает для ее понимания обычным человеком, тем проще требуется ее разъяснять специалистам. Им необходимо учитывать закономерность, что, чем более научным языком обозначены предполагаемые модели общественного развития, тем менее предсказуемую картину мира преподносят социуму ученые. При этом потребность в обосновании причин сложившегося положения и формулировании основных направлений социальных, экономических, политических действий для прояснения и улучшения этой картины только возрастает. В реализации такой научно-практической потребности неминусемо приходится обращаться к культурно-символическому коду, позволяющему даже в самых запутанных исторических ситуациях обнаруживать опорные точки идентичности любой социальной общности, позволяющие от нее отталкиваться в дальнейшем развитии¹.

Несмотря на то, что у каждого народа сложилась собственная система культурных архетипов², они все выстроены по одному канону, который отражает универсальность человеческой культуры³. Также важно, что все такие комбинации культурно-исторических смыслов подпитываются от одного источника, живительные силы которого в еще древности уловило язычество, а сейчас стремятся возродить различные неязыческие культы⁴.

1 Гудова М.Ю., Юань М. Концепт «культурный код»: уровни значения // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2022. № 4. С. 151-159.

2 Нарочницкая Н.А. Русский код развития. – М.: Книжный мир, 2013.

3 Байханов И.Б. Геополитическая культура: как корабль ты назовешь // Миссия конфессий. 2021. Т. 10. Ч. 5 (№ 54). С. 519-524; Кузнецова Т.Ф., Логинова Л.Ф. Методология современного социально-гуманитарного знания в контексте культуры // Межконфессиональная миссия. 2014. № 3. С. 113-122; Передня Д.Г., Ильянова О.И. Управленческая культура как социальный факт обществ разного вида // Миссия конфессий. 2022. Т. 11. Часть 2. (№ 59). С. 42-49; Шевченко О.П. Социологический анализ культуры: некоторые проблемные аспекты // Миссия конфессий. 2022. Том 11. Часть 3. (№ 60). С. 64-69.

4 Луценко А.В. «Неязыческий комплекс» в сознании современного европейца //

Однако активность их адептов затеняет те уникальные возможности, которые дешифровка всякого фрагмента культурного кода добавляет не только в более ответственное отношение людей к фактам и артефактам повседневности, но и в видение того, какие их смыслы способны выводить людей на более высокие уровни понимания того, где человечество находится и куда оно движется⁵. В частности, прошедшая 6 мая 2023 г. коронация Карла III, короля Великобритании и Северной Ирландии и королевств Содружества, была наполнена множеством символических смыслов. Какие-то ритуалы, входящие в эту церемонию, остались незабываемыми со времен прошлых коронаций, но что-то исчезло из современного протокола.

В условиях размывания на Западе традиционных ценностей особый интерес вызывают детали, отражающие работу механизма преемственности, включая преемственность власти. Одной из таких коронационных констант стало обращение к Скунскому камню (гэльск. *Clach Sgàin*, англ. *Stone of Scone*), также известному как Камень Судьбы (гэльск. *Clach na Cinneamhainn*, англ. *Stone of Destiny*) или Коронационный камень (англ. *Coronation Stone*). Реликвия представляет собой фрагмент красного песчаника массой 152 килограмма. С одной стороны на камне выгравирован крест, с другой — приделаны два кольца, предназначенные для перемещения камня. Это — один из множества знаковых камней, занимающих почетное место в ряду тех символов природы (земли, воды, растений, огня), что сберегаются в исторической памяти благодаря культурным кодам.

Смысл символики камня восходит к мифопоэтическому образу центра мира — пупу Земли, омфалу (др.-греч. ὀμφαλός — пуп). Камень издревле служил залогом передачи информации, высеченной на нем, независимо ее смысла. То могли быть законы, например, древнейший правовой документ — Кодекс Хаммурапи, созданный в 1750-х гг. до н.э., представленный в виде клинописной надписи, высеченной на диоритовой стеле конусообразной формы на аккадском языке. До нашего времени сохранились 33 надписи надписи (эдикты) индийского царя Ашоки, нанесенные в III в. до н.э. на стены пещер и каменные колонны. Известны «Камни голода», поднимающиеся из воды центрально-европейских рек в периоды засухи. Каждый из таких камней помогает понять и проникнуться в условия жизни давних времен. А памятники, подобные Скунскому камню, способны оказывать влияние на современный политический выбор и экономические решения на государственном уровне⁶.

Межконфессиональная миссия. 2013. № 2. С. 94-100; *Пугалкина С.Н.* Неоязычество в России: конкуренция взглядов // Миссия Конфессий. 2017. № 15 (19). С. 78-83.

5 *Багаева А.В.* Коммуникативные императивы превращения повседневности в предмет междисциплинарных исследований // Миссия конфессий. 2023. Том 12. Часть 5. (№ 70). С. 133-147.

6 *Рябова Е.Л., Терновая Л.О.* Связь времен и смыслов: священные деревья // Миссия конфессий. 2019. Том 8. Часть 2 (№ 37). С. 133-142; *Терновая Л.О.* «Голубое золото» планеты:

Одной из причин силы ментального воздействия на потомков со стороны символизированных объектов природы выступает туманность их происхождения. Загадочность задает тон всевозможным интерпретациям. Среди них наиболее популярными являются версии, связывающие Скунский камень с Камнем Иакова (англ. *The Pillow Stone*), использованным этим ветхозаветным персонажем как подушка, на которой он спал, когда увидел Лестницу в Небо (Быт. 28:12-16). Не менее устойчива версия о связи этого камня с деятельностью святого Колумбы (521 – 597), у которого камень служил переносным алтарем в период его миссионерских путешествий⁷. Достоверная история Скунского камня начинается в 840-е гг., когда король Кеннет I (Кеннет Смелый или Кеннет мак-Альпин, 810 – 858) — основатель королевства Альба, ставшего позже называться Шотландией, перенес камень в древнюю столицу Скун. Кеннет I положил начало церемонии коронации, в которой камень, символизировавший связь с родной землей, был помещен в основание трона. До конца XIII столетия камень хранился в местном аббатстве.

Следующий исторически подтвержденный факт относится к 1296 г. Тогда король Англии из династии Плантагенетов Эдуард I Длинноногий (1239 – 1307) включил Скунский камень в число военных трофеев, перевез в Лондон, сохранив его предназначение в качестве коронационной регалии. Ее уникальность, согласно легенде, состояла в даре распознавать настоящего монарха, отличая его от лже-королей. Если кому-то из подобных претендентов на престол удалось бы устроить коронацию, то камень тотчас бы его выдал, расколовшись со страшным звуком.

Несмотря на то, что в 1328 г. между Англией и Шотландией был заключен Нортгемптонский договор (англ. *Treaty of Edinburgh-Northampton*), согласно которому камень следовало вернуть в Шотландию, это условие не выполнялось до конца XX в. В 1953 г. на этом камне была коронована и Елизавета II (1926 – 2022). Именно при ней в 1996 г. власти Великобритании приняли решение передать Скунский камень Шотландии, сохранив право использовать его время коронаций, транспортируя на время в Лондон. Реликвию торжественно вернули в Шотландию 30 ноября 1996 г., в день святого Андрея, и разместили в Эдинбургском замке рядом с шотландскими королевскими регалиями.

Попытки выяснить природу камня не прекращаются. Накануне коронации Карла III ученые из *Historic Environment Scotland (HES)* исследовали

водное измерение культуры, религии, экономики и геополитики.... // Миссия конфессий. 2020. Т. 9. Вып. 6 (47). С. 651-657; Терновая Л.О. Крымские камни — хранители памяти о полуострове // Альманах «Крым». 2020. № 19. С. 75-85; Терновая Л.О. Образ дерева в системе национальной самоидентификации // Этносоциум и межнациональная культура. 2011. № 7 (39). С. 114-122.

7 Живлова Н.Ю. Мир святого Колумбы: Раннесредневековая Ирландия и Британия глазами монахов с острова Иона. – М.: Языки славянских культур, 2019.

Скунский камень с помощью цифрового сканирования. Выявленные на его поверхности скрытые детали дают возможность узнать, с помощью каких инструментов он был обработан. Также специалисты обнаружили отметины, напоминающие римские цифры, но пока не поддающиеся расшифровке.

Любопытно, что даже обломки таких камней сохраняют часть свойств, присущих целому. Для удержания власти мало обладать силой, а еще требуются знания и навыки убеждения. Как фрагмент Скунского камня расценивается блок песчаника, вмонтированный в стену замка Бларни в ирландском графстве Корк, подаренный королем Шотландии Робертом Брюсом (1306 – 1329) хозяину замка Кормату Маккарти в благодарность за его участие в победе над английским королем Эдуардом II 1314 г. По поверью, этот камешек способен наделить даром красноречия всякого человека, поцеловавшего его.

Выдающийся специалист в области философии культуры, мифологии религии Мирча Элиаде (1907 – 1986) был убежден, что подобные природные объекты выступали символом упорядочивания мира. Он считал, что камень в необработанном виде символизировал первозданную стихию — хаос. Когда же такой камень издавал звук, это было знаком сопротивления этих диких сил наступлению порядка. Именно такой порядок мог установиться в результате коронации⁸.

К разряду «камней судьбы» относится Камень Лиа Фаил (ирл. *Lia Fáil* — светлый, сверкающий, изобилие, знание). О нем рассказывается в ирландской саге (др.-ирл. *scela*) «Битва при Маг Туиред» (ирл. *Cath Maige Tuired*), в части, где повествуется о втором сражении между мифическими Племенами Богини Дану, воплощавшей образ Матери-Земли, и фоморами, представлявшими темные силы хаоса. Битва произошла примерно в то же время, когда на юге разворачивались события Троянской войны. Более подробно о первой битве между этими же соперниками рассказывается в тексте, записанном в XV в. и дошедшем до нас только в одном источнике — рукописи Н 2.17 из библиотеки кембриджского Тринити Колледжа (англ. *Trinity College*)⁹. Одним из самых значимых даров Племен Богини Дану был камень, имевший обычай вскрикивать, оказавшись под кем-либо из Верховных королей Ирландии. Этим он подтверждал законность претендента на престол.

Связан с церемонией коронации и Княжеский камень (нем. *Fürstenstein*; словен. *Knežji kamen*) из Цолльфельдской долины¹⁰. То был не необработанный камень, а перевернутое основание античной ионической колонны. В VII – IX вв. Карантаня (словен. *Karantanija, Korotan*), ставшая позже Каринтией, слыла одним из наиболее ранних славянских государств

8 Широкова Н.С. Мифы кельтских народов. – М.: АСТ [и др.], 2004. С. 206.

9 Битва при Маг Туиред / перевод С.В. Шкунаева // «Похищение быка из Куальнге» и предания об ирландских героях. – М.: Наука, 1985. // URL: <https://www.facetia.ru/node/4741>.

10 Gleirscher P. Karantanien — das slawische Kärnten. Klagenfurt: Carinthia, 2000.

в восточных Альпах. Особенностью церемонии вступления на престол правителей этого государства было то, что первым на Княжеский камень садился крестьянин, который символизировал народ. Когда появлялся претендент на престол, то этот крестьянин помогал ему облачиться в крестьянское платье, затем вручал посох или жезл. После этого будущий правитель мог с обнаженным мечом в руке взобраться на камень, откуда должен был повернуться на все стороны света. Эта часть церемонии предваряла собственно коронацию в храме. В 1862 г. камень перенесли в здание регионального парламента в административный центр федеральной земли Каринтия — Клагенфурт. Изображение Княжеского камня можно было увидеть словенских банкнотах начала 1990-х гг., а сейчас оно отчеканено на монетах номиналом в два евроцента. Этим современные словенские власти хотели подчеркнуть свою связь с древним государством Каринтия. Имеется любопытный письменный памятник, рассказывающий о церемонии интронизации герцогов Каринтии, составленный средневековым историком, аббатом монастыря Виктрина близ Клагенфурта Иоанном Викторинским (1270/1280 – 1347). Ценно то, что его рассказ с точностью воспроизведен в книге выдающегося французского политического мыслителя, правоведа Жана Бодена (1530 – 1596) «Шесть книг о республике» (фр. *Six livres de la Republique*, 1576). Существует точка зрения, что карантанский обряд избрания князя повлиял на церемонию вступления в должность президента США, поскольку книгу Бодена внимательно изучал один из отцов-основателей США, третий президент этого государства Томас Джефферсон (1743 – 1826).

В Швеции можно найти историю священного камня, на котором избирались шведские конунги. Название камню дано по лугу Мурастен (швед. *Morastén* — мурский камень, камень из Муры), что находился приблизительно на десяти километрах к юго-востоку от Упсалы на границе между Аттундаландом и Тиундаландом. Процедура избрания конунгов изложена в «Старшем Вестьётгалаге», сборнике обычного права исторической области Швеции Вестерьётланда, составленном около 1220 г. Текст сохранился в единственной пергаментной рукописи (*Codex B 59*), находящейся в Королевской библиотеке в Стокгольме и датируемой 1280 г.¹¹ Новый король поднимался на этот камень, чтобы принести клятву избравшим его сваям. Камень был окружен двенадцатью менее крупными камнями, на каждом из которых высекалось имя нового конунга. Из этих малых камней до наших дней сохранились девять, а на двух даже читается текст, говорящий об избрании Эрика Померанского в 1396 г. и Карла Кнутссона в 1448 г. Еще на одном камне различимы три короны, являющиеся геральдическим символом Швеции.

Все истории, связанные с коронационной функцией камней, отражают глубокое понимание единства власти и земли, находящейся под управлением

11 Три вестьётские хроники / пер. С.Д. Ковалевский. – М.: Директ-Медиа, 2009.

ем лица, вступающего на трон. Камень был выражением мощи, силы и крепости этой земли. Неудивительно, что подобные ритуалы были распространены как на Западе, так и на Востоке. В Самарканде до 1868 г. в тронном зале дворца бухарских эмиров находился камень Кукташ (в переводе с тюркского — голубой камень), связанный с именем тюрко-монгольского завоевателя Тамерлана (1336 – 1405). На протяжении XV – XIX столетий он служил важной обрядовой деталью церемонии вступления во власть представителей разных династий. Последний раз Кукташ выполнял коронационную функцию в 1861 г. при восхождении на престол эмира Музаффера (1834 – 1885) из династии Мангытов. После того, как в 1920-х гг. дворец бухарских эмиров был разрушен, Кукташ несколько раз менял свое местонахождение, а с 1960-х гг. находится во дворике мавзолея Гур-Эмир в Самарканде.

Если Скунский камень, Лиа Фаил, Княжеский камень и другие коронационные камни при всей их символической ценности, определяемой отношением к власти, все же не входят в объекты, обязательные для ознакомления туристов и интересуют в основном специалистов, то многие другие камни стали местами настоящего паломничества. Это объясняется не только их величием в прямом смысле, но укоренившимся в массовом сознании представлении об особой энергии, исходящей от этих объектов¹². Многие из них получили мировую известность. Так, мегалиты Стоунхенджа (англ. *Stonehenge*) вошли в список Всемирного наследия¹³.

Несмотря на повышенное внимание этот комплекс продолжает оставаться загадкой для ученых, которые для ее разгадки стремятся использовать инновационные методы и оборудование. Так, исследование, проведенное междисциплинарной группой специалистов, помогло отказаться от версии о происхождении культового алтарного камня Стоунхенджа, бывшей основной теорией на протяжении почти столетия¹⁴. В 1923 г. британским геологом Гербертом Генри Томасом (1876 – 1835) была опубликована работа о происхождении «голубых камней», названных так из-за специфического голубоватого оттенка и составляющих внутренний круг Стоунхенджа. Алтарным именуется самый крупный камень в этом круге, размером в 4,9 метра¹⁵. Томас был убежден, что эти камни родом с холмов Пресели в западном Уэльсе. Хотя Алтарный камень имеет не голубой, а серо-зеленый оттенок, ученый локализовал его происхождение там же, где и остальные камни. Сейчас выяснилось, что он ошибался. К этому выводу современные

12 Брунов В.В. и др. Энергоинформационная археология. Пирамиды, мегалиты, святылица. Мегалиты мира и энергия планеты Земля. – М.: Белые альвы, 2023; *Османагич С.* Новая археология. – М.: Вече, 2016. 240 с.

13 Браун П. Стоунхендж. Загадки мегалитов. – М.: Центрполиграф, 2010.

14 Передельский Д. Культовый камень Стоунхенджа поставил науку в тупик // Российская газета. 2023. 4 октября.

15 Thomas H.H. The source of the stones of Stonehenge // *Antiquaries Journal*. 1923. № 3. P. 239-260.

исследователи пришли на основе сравнения геохимических и минералогических характеристик Алтарного камня с 58 образцами песчаника, отобранными из различных карьеров на обширной территории. В результате их работы выяснилось, что ни один из 58 карьеров на пространстве от южного Уэльса до западной Англии не мог служить источником происхождения Алтарного камня, который в отличие от других камней, собранных в этом памятнике, содержит исключительно большое количество бария. Наличие в составе камня этого химического элемента должно помочь разыскать следы его происхождения, а благодаря этому понять, какую роль он должен был играть в организации социального пространства.

Мегалиты одновременно с всеобщими представлениями об изначальной силе Земли транслируют общающимся с ними людям уверенность в особых живительных ресурсах конкретного места и находящегося там камня. Например, вблизи деревни Киндяково Дмитровского района Московской находится Киндяковский камень, или же Шутов камень, как его называют по месту расположения в Шутовом лесу. Отличительная чета этой местности заключается в «слиянии трех вод»: река Кимерша, река Золотуха и безымянный ручей. Есть подробное описание этого объекта, который «имел славу целителя от всяких болезней, но более всего — от детских. Сюда несли тяжелобольных детей и проделывали следующее. Набирали из ручья ковшиком воду и «скатывали», т. е. обливали ею Камень, собирая стекавшую воду в особую посудинку. Этой водой, считавшейся целительной, чудодейственной, обмывали больного дитя, надевая после этого на него новое белье. [...] Народная молва утверждала, что результаты такой процедуры могут быть двоякого рода (что вообще характерно для памятников такого типа): “если ребенку суждено жить, то он сразу после омовения пойдет на поправку, а коль суждено умереть — быстро зачахнет”. Популярность Камня в старину была очень велика...»¹⁶ Киндяковский камень, как и многие другие мегалиты, служит местом паломничества и поклонения и в наши дни. Можно отметить характеристики, что выделяют если не сам камень, то связанное с ним святилище-рощу из ряда подобных. Во-первых, это — легенда о том, что камень некогда приплыл в Шутов лес по реке в дни празднования Купалы, посвященные летнему солнцестоянию и наивысшему расцвету природы. Считается, что максимальной силы волшебство таких камней достигается именно на Купалу¹⁷. Во-вторых, совместная сила слияния водных источников вполне способна противостоять силе камня, поэтому знаменитые строки Пушкина из «Евгения Онегина» о различимости волны и

16 Золотов Ю.М. Остатки древнего святилища на реке Кимерше // Балтославянские исследования. Вып. 1980 г. – М.: Наука, 1981. С. 269-274.

17 Платов А.В. Мегалиты Русской равнины: [врата Иного Мира, нижний Мир, Бог, стоящий за Камнем, мегалиты и астрономия древней Европы, попытка классификации]. – М.: Вече, 2009.

камня в таких случаях теряют актуальность: стихии воды и земли уравновешивают друг друга, гармонизируя пространство и души находящихся в них людей, принося в них покой и уверенность в своих возможностях.

Специалисты отмечают, что в фольклоре достаточно часто упоминаются связи между водой, священными камнями и периодом летнего солнцеворота. В частности, в Гламоргане, на юге Уэльса, на высоком берегу моря расположено знаменитое древнее захоронение Коэтан Артур (англ. *Coetan Arthur*), датируемое приблизительно 3000 г. до н.э. и, по легенде, относящиеся к истории короля Артура. Именно в Иванов день, соответствующий Купале в восточнославянской традиции, камень оживает и спускается на берег, чтобы искупаться в море¹⁸.

Истории о камнях силы и судьбы есть почти у каждого народа. Только эти истории отличаются по тому, на что направлены свойства подобных природных объектов. Эти различия не случайны, поскольку их выявление позволяет определить некоторые черты не только национального характера, но и национальной геополитики. Там, где камень выступает в властном контексте можно увидеть определенную упорность носителей этой традиции, относящуюся к расширению зоны своего могущества. Однако есть и другая модель мировосприятия, в которой священный камень содействует прежде всего сбережению силы родной земли и благополучию, здоровью, физическому и духовному, населяющих ее людей. Именно таков Алатырь-камень из русского фольклора, где он выступает под разными именами: алабор, алабырь, бел-горюч камень, латырь, синий камень. Его также часто упоминают в русских заговорах, преимущественно, любовных, приворотных, как «силу могучая, которой конца нет»¹⁹. Это камень есть «всем камням отец». Он часто несет на себе сакральные письмена, содержащие глубокий смысл.

Этот же смысл постарался донести советский писатель Аркадий Гайдар (1904 – 1941) в своем последнем произведении, философской сказке «Горячий камень». Через образ волшебного камня, который предлагает начать жизнь сначала, автор заставляет читателя задуматься о том, что ценность жизненного багажа составляют не только успехи, но и ошибки и трудности. Символично, что притча была опубликована в первые месяцы Великой Отечественной войны²⁰. Именно в такие тяжелые времена надо находить силы, в том, чтобы двигаться вперед и побеждать, чему помогает правильное понимание культурных кодов.

В современном мире разворачивается настоящая ментальная битва меж-

18 Волшебные сказки и предания кельтов. Кн. 1: Сказания Красного Дракона: Уэльс и Корнуолл / Под ред. Платова А.В. – М.: Менеджер, 1996.

19 Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Русские легенды и предания. – М.: Эксмо, 2008. С. 7.

20 Гайдар А.П. Горячий камень / Гайдар А.П. Собрание сочинений в 4-х томах / Составители: Т.А. Гайдар, Л.А. Кассиль, В.Г. Компаниец, Ф.Е. Эбин. Т. 3. – М.: Детская литература, 1964. С. 232-237.

ду приверженцами традиционных ценностей и сторонниками предлагаемых западному обществу новых жизненных паттернов, в которых перечеркивается смысл истории и теряются устойчивые прежде идентичности. Ответ, почему эти новшества оказываются с легкостью воспринятыми частью населения, можно найти, изучая различия культурных кодов Востока и Запада, даже в тех их частях, что напрямую не затрагивают ни глубинные личностные аспекты бытия, ни высокие геополитические стратегии. Но такие фрагменты обязательно имеют непосредственное отношение к прочтению смыслов отношения человека к стихиям природы: земле, воде, растениям, огню. Всякий их элемент всегда трактовался в ракурсе тех возможностей и запретов, которые были у людей независимо от их происхождения или социального положения. Камень, отражал глубинный смысл родной земли, а потому утверждал господство над ней и в некоторых культурах выступал как индикатор права на власть. В других культурах такая власть трактовалась не как политический институт, а как нравственная твердость и умение владеть собою. И хотя многое из этого культурного кода утеряно, сохранившиеся памятники обеспечивают возможность его реконструировать.

Библиографический список:

1. Багаева А.В. Коммуникативные императивы превращения повседневности в предмет междисциплинарных исследований // Миссия конфессий. 2023. Том 12. Часть 5. (№ 70). С. 133-147.
2. Байханов И.Б. Геополитическая культура: как корабль ты назовешь // Миссия конфессий. 2021. Т. 10. Ч. 5 (№ 54). С. 519-524.
3. Битва при Мар Туиред / перевод С.В. Шкунаева // «Похищение быка из Куальнге» и предания об ирландских героях. – М.: Наука, 1985. // URL: <https://www.facetia.ru/node/4741>.
4. Браун П. Стоунхендж. Загадки мегалитов. – М.: Центрполиграф, 2010. 336 с.
5. Брунов В.В. и др. Энергоинформационная археология. Пирамиды, мегалиты, святилища. Мегалиты мира и энергия планеты Земля. – М.: Белые альфы, 2023. 640 с.
6. Волшебные сказки и предания кельтов. Кн. 1: Сказания Красного Дракона: Уэльс и Корнуолл / Под ред. Платова А.В. М.: Менеджер, 1996. 415 с.
7. Гайдар А.П. Горячий камень / Гайдар А.П. Собрание сочинений в 4-х томах / Составители: Т.А. Гайдар, Л.А. Кассиль, В.Г. Компаниец, Ф.Е. Эбин. Т. 3. М.: Детская литература, 1964. С. 232-237.
8. Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Русские легенды и предания. – М.: Эксмо, 2008. 208 с.
9. Гудова М.Ю., Юань М. Концепт «культурный код»: уровни значения // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2022. № 4. С. 151-159.
10. Живлова Н.Ю. Мир святого Колумбы: Раннесредневековая Ирландия и Британия глазами монахов с острова Иона. – М.: Языки славянских культур, 2019. 432 с.
11. Золотов Ю.М. Остатки древнего святилища на реке Кимерше // Балтославянские исследования. Вып. 1980 г. – М.: Наука, 1981. С. 269-274.
12. Кузнецова Т.Ф., Логинова Л.Ф. Методология современного социально-гуманитарного знания в контексте культуры // Межконфессиональная миссия. 2014. №3. С. 113-122.
13. Луценко А.В. «Неоязыческий комплекс» в сознании современного европейца // Межконфессиональная миссия. 2013. № 2. С. 94-100.
14. Нарочницкая Н.А. Русский код развития. – М.: Книжный мир, 2013. 352 с.
15. Османгич С. Новая археология. – М.: Вече, 2016. 240 с.
16. Пердельский Д. Культовый камень Стоунхенджа поставил науку в тупик // Российская газета. 2023. 4 октября.
17. Передня Д.Г., Ильинова О.И. Управленческая культура как социальный факт обществ разного вида // Миссия конфессий. 2022. Т. 11. Часть 2. (№59). С. 42-49.
18. Пигалкина С.Н. Неоязычество в России: конкуренция взглядов // Миссия Конфессий. 2017. № 15 (19). С. 78-83.
19. Платов А.В. Мегалиты Русской равнины : [врата Иного Мира, нижний Мир, Бог, стоящий за Камнем, мегалиты и астрономия древней Европы, попытка классификации]. – М.: Вече, 2009. 286 с.

20. Рыбова Е.Л., Терновая Л.О. Связь времен и смыслов: священные деревья // Миссия конфессий. 2019. Том 8. Часть 2 (№37). С. 133-142.
21. Терновая Л.О. «Голубое золото» планеты: водное измерение культуры, религии, экономики и геополитики.... // Миссия конфессий. 2020. Т. 9. Вып. 6 (47). С. 651-657.
22. Терновая Л.О. Крымские камни — хранители памяти о полуострове // Альманах «Крым». 2020. № 19. С. 75-85.
23. Терновая Л.О. Образ дерева в системе национальной самоидентификации // Этносоциум и межнациональная культура. 2011. № 7 (39). С. 114-122.
24. Три вестгётские хроники / пер. С.Д. Ковалевский. – М.: Директ-Медиа, 2009. 43 с.
25. Шевченко О.П. Социологический анализ культуры: некоторые проблемные аспекты // Миссия конфессий. 2022. Том 11. Часть 3. (№ 60). С. 64-69.
26. Широкова Н.С. Мифы кельтских народов. – М.: АСТ [и др.], 2004. 431 с.
27. Gleirscher P. Karantanien — das slawische Kärnten. Klagenfurt: Carinthia, 2000. 165 S.
28. Thomas H.H. The source of the stones of Stonehenge // Antiquaries Journal. 1923. № 3. P. 239-260.

References

1. Bagaeva A.V. Communicative imperatives of transforming everyday life into a subject of interdisciplinary research // Mission of Confessions. 2023. Volume 12. Part 5. (№ 70). P. 133-147.
2. Baykhanov I.B. Geopolitical culture: what do you name the ship // Mission of Confessions. 2021. Vol. 10. Part 5 (№ 54). P. 519-524.
3. Battle of Mag Tuired / translation by S.V. Shkunaeva // “The abduction of the bull from Cualnge” and legends about Irish heroes. – М.: Nauka, 1985. // URL: <https://www.facetia.ru/node/4741>.
4. Brown P. Stonehenge. Mysteries of megaliths. – М.: Tsentrpoligraf, 2010. 336 p.
5. Brunov V.V. and others. Energy-information archeology. Pyramids, megaliths, sanctuaries. Megaliths of the world and the energy of planet Earth. – М.: White Alva, 2023. 640 p.
6. Fairy tales and legends of the Celts. Book 1: Tales of the Red Dragon: Wales and Cornwall / Ed. Platova A.V. М.: Manager, 1996. 415 p.
7. Gaidar A.P. Hot stone / Gaidar A.P. Collected works in 4 volumes / Compiled by: T.A. Gaidar, L.A. Kassil, V.G. Kompaniets, F.E. Ebin. Vol. 3. М.: Children’s literature, 1964. P. 232-237.
8. Grushko E.A., Medvedev Yu.M. Russian legends and traditions. – М.: Eksmo, 2008. 208 p.
9. Gudova M.Yu., Yuan M. The concept of “cultural code”: levels of meaning // Intellect. Innovation. Investments. 2022. № 4. P. 151-159.
10. Zhivlova N.Yu. The World of Saint Columba: Early Medieval Ireland and Britain through the Eyes of the Monks of Iona. – М.: Languages of Slavic Cultures, 2019. 432 p.
11. Zolotov Yu.M. Remains of an ancient sanctuary on the Kimersha River // Baltoslav studies. Vol. 1980 – М.: Nauka, 1981. P. 269-274.
12. Kuznetsova T.F., Loginova L.F. Methodology of modern social and humanitarian knowledge in the context of culture // Interconfessional mission. 2014. № 3. P. 113-122.
13. Lutsenko A.V. “Neo-pagan complex” in the consciousness of a modern European // Interconfessional mission. 2013. № 2. P. 94-100.
14. Narochitskaya N.A. Russian development code. – М.: Book World, 2013. 352 p.
15. Osmanagic S. New archeology. – М.: Veche, 2016. 240 p.
16. Peredel'sky D. The cult stone of Stonehenge has baffled science // Russian newspaper. 2023. October 4.
17. Perednya D.G., Ilyanova O.I. Managerial culture as a social fact of societies of different types // Mission of Confessions. 2022. Vol. 11. Part 2. (№ 59). P. 42-49.
18. Pigalkina S.N. Neopaganism in Russia: competition of views // Mission of Confessions. 2017. № 15 (19). P. 78-83.
19. Platov A.V. Megaliths of the Russian Plain: [the gates of the Other World, the lower World, the God behind the Stone, megaliths and astronomy of ancient Europe, an attempt at classification]. – М.: Veche, 2009. 286 p.
20. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Connection of times and meanings: sacred trees // Mission of confessions. 2019. Volume 8. Part 2 (№ 37). P. 133-142.
21. Ternovaya L.O. “Blue gold” of the planet: the water dimension of culture, religion, economics and geopolitics... // Mission of Confessions. 2020. Vol. 9. Issue. 6 (47). P. 651-657.
22. Ternovaya L.O. Crimean stones - keepers of the memory of the peninsula // Almanac “Crimea”. 2020. № 19. P. 75-85.
23. Ternovaya L.O. The image of a tree in the system of national self-identification // Ethnoscium and interethnic culture. 2011. № 7 (39). P. 114-122.
24. Three Westyet Chronicles / trans. S.D. Kovalevsky. – М.: Direct-Media, 2009. 43 p.
25. Shevchenko O.P. Sociological analysis of culture: some problematic aspects // Mission of Confessions. 2022. Volume 11. Part 3. (№ 60). P. 64-69.
26. Shirokova N.S. Myths of the Celtic peoples. – М.: AST [etc.], 2004. 431 p.
27. Gleirscher P. Karantanien — das slawische Kärnten. Klagenfurt: Carinthia, 2000. 165 S.
28. Thomas H.H. The source of the stones of Stonehenge // Antiquaries Journal. 1923. № 3. P. 239-260.

Зуев А.В.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, Ленинградский областной филиал Санкт-Петербургского университета МВД России.

Северное пароходное общество: новые страницы истории российского торгового флота*

Аннотация. В статье исследуются мало изученные факты становления российского торгового флота России. Отмечается, что одним из крупнейших пароходных обществ на Балтике в дореволюционной России было Северное пароходное общество, которое было учреждено по инициативе и при участии Датско-Русского пароходного общества. Основной капитал общества составлял 2000000 рублей и был разделён на 8000 акций, по 250 рублей каждая. Показан процесс становления общества, выявлены проблемные моменты и трудности. По материалам ежегодных общих собраний акционеров в статье приведены итоги деятельности Северного пароходного общества. Нарушение нормальной жизни государства отразилось на делах обществ, совершенно изменив планомерный ход его работ. События Первой мировой войны привели к тому, что на основании положения о военно-судовой повинности большинство пароходов общества были переданы в полное распоряжение правительства для военных перевозок. На основании декрета СНК «О национализации торгового флота» от 26 января 1918 г. общество было объявлено общенациональной собственностью. Утверждается, что Северное пароходное общество стало важным фактором в развитии морской торговли и судостроительной промышленности не только на Балтике, но и всей страны. Оно внесло свой достойный вклад в становлении торгового флота дореволюционной России и оставило значительный след в истории российского торгового флота.

Ключевые слова: Северное пароходное общество, Датско-Русское пароходное общество, пароходное сообщество, правление, акции, совет директоров, военно-судовая повинность, капитан судна, экипаж судна.

Zuev A. V.

Candidate of historical sciences, Associate Professor of the Department of socio-economic and humanitarian disciplines, Leningrad Regional Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Northern shipping company: new pages in the history of the Russian merchant fleet

---

Abstract. The article examines the little-studied facts of the formation of the Russian merchant fleet of Russia. It is noted that one of the largest shipping companies in the Baltic in pre-revolutionary Russia was the Northern Shipping Society, which was established on the initiative and with the participation of the Danish-Russian Shipping Society. The company's fixed capital amounted to 2,000,000 rubles and was divided into 8,000 shares, 250 rubles each. The process of formation of society is shown, problematic issues and difficulties are identified. Based on the materials of the annual general meetings of shareholders, the article presents the results of the activities of the Northern Shipping Company. The disruption of the normal life of the state affected the affairs of societies, completely changing the planned course of its work. The events of the First World War led to the fact that, on the basis of the provisions on military service, most of the company's ships were transferred to the complete disposal of the government for military transportation. Based on the decree of the Council of People's Commissars "On the nationalization of the merchant fleet" dated January 26, 1918, the company was declared national property. It is argued that the Northern Shipping Company has become an important factor in the development of maritime trade and the shipbuilding industry not only in the Baltic, but throughout the country. It made its worthy contribution to the development of the merchant fleet of pre-revolutionary Russia and left a significant mark on the history of the Russian merchant fleet.

Key words: Northern Shipping Company, Danish-Russian Shipping Company, steamship service, board, shares, board of directors, military service, ship captain, ship crew.

Одним из крупнейших пароходных обществ на Балтике в дореволюционной России было Северное пароходное общество. Оно стало важным фактором в развитии морской торговли и судостроительной промышленности не только на Балтике, но и всей страны.

Северное пароходное общество открыло свои действия 15 октября 1900 г. на основании устава, утвержденного 25 февраля 1900 г., для устройства и содержания пароходных сообщений между русскими и иностранными портами, с целью перевозки пассажиров и грузов [3, л.88].

Северное пароходное общество было учреждено по инициативе и при участии Датско-Русского пароходного общества [1, с. 162]. Между правлением Датско-Русского пароходного общества в Копенгагене и правлением Северного пароходного общества в Санкт-Петербурге было заключено соглашение, которое было утверждено общим собранием обоих обществ. Каждое общество сохраняло возможность полного распоряжения над своими активами и пассивами. Однако более крупные денежные сделки могли быть совершены лишь после предварительного соглашения правлений [3, л.40].

Учредителями Северного пароходного общества выступили: тайный советник Владимир Николаевич Рейтц, датский королевский генеральный консул Петр Петрович Берг, потомственный почетный гражданин Роберт

Иванович Паллизен и С-Петербургский 1-ой гильдии купец Павел Григорьевич Мерк [1, с. 161].

Основной капитал общества составлял в 2000000 рублей и был разделён на 8000 акций, по 250 рублей каждая. По взаимному соглашению все «означенные» акции распределялись между учредителями и приглашенными ими к участию в предприятии лицами [3, л.92].

Датско-Русскому пароходному обществу из 8000 акций Северного пароходного общества принадлежало 6126 акций на общую сумму 294.519.226 крон. Оно было крупнейшим держателем акций Северного пароходного общества. При этом само Датско-Русское пароходное общество, было создано преимущественно на русские капиталы [2, л. 41 об.]. Состоящее, главным образом, из русских акционеров, оно являлось по существу русским предприятием, которое было «поставлено» под иностранный флаг лишь потому, что существовавшая во время учреждения предприятия высокая пошлина на пароходы с одной стороны, и отсутствие подходящих капитанов и механиков с другой, делали плавание океанских судов под русским флагом крайне невыгодным. При учреждении же Северного пароходного общества акционеры руководствовались, прежде всего, желанием «оживить неподвижный капитал», представляемый акциями Датско-Русского пароходного общества, путем постепенного превращения их в русские акции. Рассчитывали «акционеры также на льготы по закону о большом каботаже, и на льготы по возврату пошлин за проход Суэцким каналом» [2, л.42]. Что касается частных лиц, то наиболее крупными держателями акций общества были Г.Г., П.Г. и А.Г. Мерк; М.О. Шамет; И.П., П.Т. и П.П. Берг; К.Э. Регель; Р.И. Паллизен; А. Вильямс; П.И. и О.И. Торсе. [1, с. 162].

Акции общества котировались на Санкт-Петербургской бирже. Это произошло благодаря тому, что всего за несколько лет общество приобрело «солидное положение» на рынке. Правление общества обратилось в совет фондового отдела Санкт-Петербургской биржи с прошением о допуске акций к котировке, и это «ходатайство было удовлетворено 8 февраля 1905 г.» [7, л. об.].

Первое общее собрание акционеров состоялось 15 октября 1900 г, которое постановило «открыть действия Общества немедленно» [4. л.3]. В собрании приняли участие 23 акционера, владеющими 7068 акциями общества [3, л.37].

В директоры и кандидаты избирались лица, имевшие на свое имя не менее двадцати акций [3, л.94 об.].

По истечении одного года от «первоначального избрания директоров и кандидатов», ежегодного избирался один директор и один кандидат, в начале по жребию, а затем по «старшинству вступления». На место выбывших избирались новые директор и кандидат. При это и «выбывшие директоры, и кандидаты могли быть вновь избраны» [3, л.94 об.].

После первого собрания, созванного учредителями, и затем ежегодно, после очередного общего собрания, из состава директоров избирали «председателя и заступающего его места» [3, л.94 об.].

Для ближайшего заведывания делами общества, правление, с утверждения общего собрания акционеров, могло избрать из своей среды, или даже из сторонних лиц, особого директора – распорядителя, с определением ему вознаграждения по усмотрению общего собрания акционеров. Директор – распорядитель, если он назначался из членов правления, должен был представить, «сверх определенных двадцати акций, еще не менее двадцати акций» [3, л.95]. Если директор – распорядитель назначался не из состава правления, то круг его прав и обязанностей, а также размер вносимого им залога определялся особым контрактом. Такой директор – распорядитель присутствовал в заседаниях правления с правом лишь совещательного голоса [3, л.95 об.].

Члены правления за свою работу по управлению делами общества могли получать, кроме процентного из чистой прибыли вознаграждения, и определенное содержание по назначению общего собрания акционеров [3, л.94 об.].

Правление распоряжалось всеми делами и капиталами общества [3, л.94 об.]. Порядок действия правления, пределы прав и обязанностей определялись инструкцией, утвержденной и изменяемой общим собранием акционеров [3, л.95].

В директоры правления на 1900/1903 гг. были избраны: К.Э. Регель, П.И. Сим и Г.Г. Мерк. В кандидаты в директора на 1900/1901 и 1902 годы были избраны А.Э. Стельп и П.И. Торсе. С момента создания общества председателем правления и директором - распорядителем состоял Павел Григорьевич Мерк [3, л. 37 об.]. С 1 июня 1907 г. председателем правления и фактически исполняющим обязанности директором – распорядителем общества стал Карл Эдуардович Регель [1, с. 162].

Позднее число директоров правления было увеличено до пяти и «кандидатов к ним» до трех [5, л.2] Разрешение такое было получено от министра финансов 19 ноября 1901 г, причем не менее четырех директоров и двух кандидатов на должности директоров должны быть русские подданные. Кандидат из иностранных подданных мог вступить «в исполнение» должности директора, однако директором - распорядителем мог стать только русский подданный [5, л.3].

Правление общества располагалось по адресу: Петроград, Васильевский остров, Университетская наб. 25-1 – телеграфный адрес «Мерк». Конторы общества находились в Одессе (главная), Риге и Либаве. Что касается агентств общества, то они располагались в Москве, Ревеле, Киеве, Новороссийске, Екатеринодаре, Мариуполе, Николаеве, Керчи, Батуми, Риге, Либаве, Николаевске на Амуре и во всех заграничных портах захода паро-

ходного общества [1, с. 162].

На береговые должности в пределах России общество обязано было назначать, исключительно, русских подданных. На должности судового экипажа, общество вправе было выбирать служащих, как из русских подданных, так и иностранцев, руководствуясь положениями «об экипаже на российских торговых судах (ст. 190 Устава Торгового)» [3, л.90 об. - 91].

Обществу было предоставлено право приобретать в собственность пароходы и «суда всякого рода», устраивать и брать в аренду «соответственные цели общества» строения, доки, эллинги, верфи, пристани, механические приспособления для загрузки и выгрузки товаров и механические заводы, а также, необходимые для деятельности общества, земли и леса. [3, л.88 об.].

Первый пароход общества «Эдуард Бари» в 3034 регистровых тонн брутто и 5600 тонн грузоподъемности ко дню открытия деятельности предприятия 15 октября 1900 г. уже находился в плавании. В октябре 1901 г. начал компанию пароход «Барон Дризен» в 4036 регистровых тонн брутто и 7000 тонн грузоподъемности, а в декабре 1901 г. пароход «Князь Горчаков» в 3287 регистровых тонн брутто и 6000 тонн грузоподъемности. Наконец в марте 1902 г. отправился в плавание пароход «Герман Лерхе» в 3068 регистровых тонн брутто и 5600 тонн грузоподъемности [6, л.39]. Это были первоклассные пароходы океанского типа, предназначенные для дальнего плавания. Все они были построены и для того времени были хорошо оборудованы. Несмотря на большие суммы, затраченные на их приобретение, пароходы в отношении эксплуатации могли с успехом выдержать борьбу с конкурентами. К 1 января 1915 г. общество имело уже 16 собственных пароходов и несколько зафрахтованных [10, л.6].

Пароходы общества совершали постоянные рейсы между портами Черного моря и Дальним Востоком и в 1902 г. были включены в прямое Южно-Заморское международное вывозное сообщение для перевозки грузов из Одессы и Новороссийска до русских портов на Дальнем Востоке [6, л.39]. Основными массовыми грузами на этой линии были цемент и керосин [10, л.6 об.]. Начав в 1900 г. с 3-4 нерегулярных рейсов на Дальневосточной линии, общество к началу Первой мировой войны совершало срочные рейсы по линиям: 1) 24 рейса от портов Черного моря до Николаевска на Амуре и Владивостока; 2) 11 рейсов от Калькутты до Владивостока; 3) 5 рейсов от Ханькоу до Николаевска на Амуре. Пароходы этой линии, преимущественно, совершали рейсы с чайными грузами [9, л.3].

Общество поддерживало постоянное пароходное сообщение на Черноморско – Балтийской и Балтийско – Черноморско – Азовский линиях. Была открыта линия С. Петербург – Лондон – Гуль, приносящая одно время убыток, но впоследствии дававшая прибыль обществу [8, л.3 об.]. Общество принимало активное участие в перевозке эмигрантов из России

в Южную Америку, Англию, Канаду и другие [1, с. 162].

Кроме упомянутых рейсов по определенным линиям пароходы общества совершали так называемые, «случайные рейсы», в том числе, зафрахтованными пароходами. Работа зафрахтованными пароходами не всегда приносила прибыль обществу. Тем не менее, правление общества не отказывалось работать «чужими пароходами» [3, л.1].

Почти во всех портах общество владело причалами и складскими помещениями. Было удовлетворено ходатайство правления общества перед Советом Министром и Государственным Советом об аренде сроком на 24 года участка земли в Петроградском торговом порту на Южной дамбе морского канала на концессионных началах и постройку на нем двух железобетонных пакгаузов. Договор с министерством торговли и промышленности был заключен 1 июня 1915 г. Ведение обеих построек было поручено фирме «Христиан и Нильсен» [11, л.9] Строительство пакгаузов было завершено в 1916 г. [12, л.4].

Для удовлетворения потребностей правительства, связанных с приведением армии и флота на военное положение (мобилизацией), а также по другим обстоятельствам, вызываемых военными потребностями и соображениями, любое судно общества, по требованию правительства, могло быть изъято из владения общества во временное пользование или

Северное пароходное общество. Пароход «Михаил Лунд». Командный состав во главе с капитаном парохода. Рига. 16.07.1910 г. Фотография из личного архива А.В. Зуева.

в полную собственность правительства. За изъятые во временное пользование суда за все время их использования правительство должно было выплачивать обществу вознаграждение из расчета 5 % годовых с первоначальной стоимости и 6 % с «современной» балансовой стоимости этих судов. Если во время использования пароходом судно погибало, то правительство должно было выплатить обществу стоимость по «современному» балансу. Для определения стоимости выплат должна была быть создана комиссия, в состав которой должны быть включены представители министерства финансов и морского министерства, а также представители от самого общества [3, л.90 об.].

События в стране всегда оказывали очень сильное влияние на деятельность общества. Нарушение нормальной жизни государства отражалось на делах обществ, совершенно изменив планомерный ход работ.

Таблица 1. Итоги деятельности Северного пароходного общества по годам.

Годы	Чистая прибыль, руб.	Убытки, руб.
1900	66395.13	
1901	217265.95	
1902	124 875. 21	
1903	124 063. 75	
1904	154 599. 58	
1905	427 833. 14	
1906	370618. 47.	
1907		237238. 36
1908		209252. 08
1909		137 148. 73
1910	269302	
1911	230177.04	
1912	587659.36	
1913	360243.26	
1914		249 619.60
1915	577770	
1916	Валовый приход 1266981.20	

Так события Первой мировой войны привели к тому, что на основании положения о военно-судовой повинности большинство пароходов обще-

ства были переданы в полное распоряжение правительства для военных перевозок и лишь небольшая их часть, главным образом пароходы небольшого тоннажа, оставались в распоряжении правления общества и использовались для чайных перевозок на Дальний Восток [12, л.4]. Общество было вынуждено в октябре 1914 г. отказаться от постройки новых пароходов заказанных в Англии [11, л.9]. При этом оно обязано было содержать свои конторы и пакгаузы с многочисленным штатом служащих, а также экипажи судов и нести все те расходы, которые были предусмотрены для мирного времени, не получая почти никакой прибыли [11, л.8 об.].

Итоги деятельности общества представлены в таблице 1, которая была составлена по материалам ежегодных общих собраний акционеров. Некоторые цифры в отчетах разнятся, но динамика деятельности общества по отчетным годам сохраняется.

Таким образом, одно из самых крупных пароходных обществ на Балтике, Северное пароходное общество внесло достойный свой вклад в становлении торгового флота дореволюционной России и оставило значительный след в истории российского мореходства.

Стоимость имущества Северного пароходного общества в 1916 г. оценивалась в 4317407 руб. На основании декрета СНК «О национализации торгового флота» от 26 января 1918 г. общество было объявлено общенациональной собственностью.

Библиографический список / Reference

1. Зуев А.В. Северное пароходное общество // Молодой ученый. 2017. № 14 (148). С. 161-164.
2. РГИА. Ф. 111. Оп.1. Д.1. Отчеты Датско-Русского пароходного общества за 1893 г.-1906 г.; доклад главного уполномоченного Датско-Русского пароходного общества П.Г. Мерка совещательному собранию акционеров 7 марта 1903 г. по отчету 1902 г. и о взаимоотношениях Общества с Северным пароходным обществом.
3. РГИА.Ф. 111. Оп.1. Д.3. Материалы учреждений Северного пароходного общества (протоколы собрания учредителей и первого учредительного собрания акционеров Общества, договор с Датско-Русским пароходным обществом о совместных действиях (черновик и копия), уставы обоих обществ и др.
4. РГИА. Ф. 111. Оп.1. Д.4. Материалы общего собрания акционеров 10 апреля 1901 г. (протокол, доклад Правления, отчет за 1900 г. и список акционеров).
5. РГИА. Ф. 111. Оп.1. Д.5. Материалы чрезвычайного общего собрания акционеров 21 декабря 1901 г. по вопросу об избрании членов правления (протокол, доклад Правления и список акционеров).
6. РГИА. Ф. 111. Оп.1. Д.12. Прошение Правления Северного пароходного общества в Совет фондового отдела Петербургской биржи(черновик)о допущении его акций к котировке на Бирже, с приложением устава. Отчетов и протоколов общих собраний акционеров на 1900 г. -1903 г. и проспекта о деятельности Общества.
7. РГИА. Ф. 111. Оп.1. Д.13. Материалы общего собрания акционеров 7 марта 1905 г. (протокол, доклад Правления, отчет за 1904 г. и смета на 1905 г., заключение ревизионной комиссии и списки акционеров).
8. РГИА. Ф. 111. Оп.1. Д.19. Материалы общего собрания акционеров 20 мая 1909 г. (протокол, доклад Правления, отчет за 1908 г. и смета на 1909 г., заключение Ревизионной комиссии и списки акционеров).
9. РГИА. Ф. 111. Оп.1. Д.20. Материалы общего собрания акционеров 9 апреля 1910 г. (протокол, доклад Правления, отчет за 1909 г. и смета на 1910 г., заключение Ревизионной комиссии и списки акционеров).
10. РГИА. Ф. 111. Оп.1. Д.33. Материалы общего собрания акционеров 28 марта 1914 г. (протокол, доклад Правления, отчет за 1913 г. и смета на 1914 г., заключение Ревизионной комиссии и списки акционеров). Л.6 об.
11. РГИА. Ф. 111. Оп.1. Д.34. Материалы общего собрания акционеров 28 июля 1915 г. (протокол, доклад Правления, отчет за 1914 г. и смета на 1915 г., заключение Ревизионной комиссии и списки акционеров).
12. РГИА. Ф. 111. Оп.1. Д.36. Материалы общего собрания акционеров 28 марта 1917 г. (протокол, доклад Правления, отчет за 1916 г. и смета на 1917 г., заключение Ревизионной комиссии и списки акционеров).

Игнатенко С.В.

Преподаватель кафедры Международного морского права, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный морской технический университет», г. Санкт-Петербург.

**«Адмирал Ушаков», «Адмирал Сенявин»
и «Генерал-адмирал Апраксин» – броненосцы
береговой обороны
российского императорского флота***

Аннотация. Исторический анализ вопросов создания броненосцев береговой обороны требует особо учитывать стратегическое назначение кораблей данного класса. По задумке руководства Морского ведомства, они должны были стать основой российского флота на Балтике, имеющими определенное преимущество в одиночных боях с броненосцами аналогичного класса флотов западных держав.

Выполняя функции поддержки береговых батарей, а также имея возможность укрыться в своем порту данные корабли могли успешно противостоять нападениям более крупных броненосцев.

Однако в контексте внешней политики России и целей создания Тихоокеанского флота, строительство броненосцев береговой обороны не в полной мере отвечало принципам рациональности рассматриваемого периода строительства флота.

Ключевые слова: броненосцы береговой обороны, Россия, береговая оборона, военное кораблестроение, Российский императорский флот.

Ignatenko S. V.

lecturer of the Department of International Maritime Law, Saint-Petersburg State Marine Technical University, Saint-Petersburg.

**«Admiral Ushakov», «Admiral Seniavin»
and «General-admiral Apraksin» – coastal battleships
of the imperial Russian navy**

Abstract. Historical analysis of the issues of creating coastal defense battleships requires special consideration of the strategic purpose of ships of this class. As conceived by the leadership of the Maritime Department, they were supposed to become the basis of the Russian fleet in the Baltic, having a certain advantage in single battles with the battleships

---

of the coastal defense fleets of the Western powers.

With the support of coastal batteries and the ability to take refuge in their port, these ships of the type could successfully withstand attacks by larger battleships.

However, in the context of Russian foreign policy and the goals of creating the Pacific Fleet, the construction of coastal defense battleships did not fully meet the principles of rationality of the period of fleet creation.

Key words: coastal defense battleships, Russia, coastal defense, military shipbuilding, Russian Imperial Navy.

Вторая половина XIX века в отечественном судостроении связана с коренным изменением к подходам строительства российского флота.

Неутешительные итоги Крымской войны 1853 – 1856 гг. наглядно продемонстрировали техническую отсталость России и привели к краху всей ее экономической политики, показав стратегическое отставание государства от ведущих европейских держав [6, с. 168].

Ограничительные условия Парижского мирного договора, которыми был установлен запрет России иметь военный флот в Черном море, значительно усложнили и без того шаткое положение государства в военно-морской сфере.

По точному определению Г.А. Гребенщиковой «Крымская (Восточная) война, стоила России колоссальных людских и материальных потерь» [3, с. 78].

Российская судостроительная промышленность не отвечала новым веяниям и по степени своей оснащенности и наличию подготовленных кадров (как морских инженеров, так и рабочих) не была готова к кардинальным поворотам государственной морской политики в сторону железного и броненосного судостроения.

В этот период перед морским командованием стоял выбор строительства военно-морского флота между двумя основными направлениями: строительство крейсеров, способных вести борьбу на океанских коммуникациях либо создание броненосцев береговой обороны, предназначенных для защиты побережья Балтийского моря и подступов к Кронштадту.

Взяв на вооружение концепцию оборонительного флота Морское министерство приступает к созданию кораблей береговой обороны. Первым таким кораблем, заказанным в 1861 году к постройке в Англии, стала броненосная батарея «Первенец».

Впоследствии по чертежам «Первенца» с привлечением английских инженеров и мастеровых в России было построено две серийных батареи «Не тронь меня» и «Кремль».

Продолжением политики Морского министерства по созданию флота береговой обороны стало создание башенных броненосных батарей (мони-

торов) типа «Ураган». Данные корабли были созданы по американской «мониторной» программе в рамках российско-американского сотрудничества.

Кораблестроительной программой 1864 года было предусмотрено строительство нового типа кораблей береговой обороны – броненосных башенных фрегатов. В соответствии с ней на российских верфях были построены три корабля: «Адмирал Грейг», «Адмирал Лазарев», «Адмирал Спиридов» и «Адмирал Чичагов».

В последнее десятилетие XIX века по проекту Э.Е. Гуляева в рамках продолжения политики строительства оборонительного флота были спущены на воду три «классических» броненосца береговой обороны: «Адмирал Ушаков», «Адмирал Сенявин» и «Генерал-адмирал Апраксин». [2, с. 107]. Этот этап стал завершающим в истории строительства кораблей данного класса в России.

Создаваемые броненосцы оснастили вертикальными паровыми машинами тройного расширения, которые питались восьми-цилиндрическими угольными котлами.

Двигатели кораблей приводили в движение два вала, а максимальная скорость достигала 16 узлов.

В качестве вооружения «Адмирал Ушаков» имел в арсенале четыре 254-мм орудия в двух двухорудийных башнях, установленных в носовой и кормовой частях надстройки. Кормовая башня «Генерал-адмирал Апраксина» имела только одно орудие. Дополнительно корабль имел в арсенале четыре 120-мм орудия, которые были смонтированы по краям надстройки.

Бронирование кораблей имело целью защитить жизненно важные части корпуса. Палубная броня имела толщину 51–76 мм, тогда как башни и боевая рубка имели броню Харви в 203 миллиметра [1, с. 13].

Процесс создания «Адмирала Ушакова» в Петербурге оказался достаточно сложным и предполагал совместное участие множества ведомственных организаций, включая портовые и центральные управления Морского министерства, а также многочисленных контрагентов. Детальная рабочая конструкторская документация, разработанная Д.В. Скворцовым, проходила согласование несколькими инстанциями, включая должностных лиц и руководство Санкт-Петербургского порта, прежде чем попасть на утверждение в Морской технический комитет.

После процесса согласования рабочие конструкторские документы направлялась на Балтийский завод, где, в свою очередь, заключались контракты и оформлялись наряды на поставку механизмов и устройств от контрагентских организаций. Завод сохранял свою автономность в организации корпусных и сборочных работ, а также в закупках необходимых инструментов и материалов.

Не смотря на трудности, связанные с закупкой комплектующих изделий и материалов, а также благодаря хорошо отлаженному технологиче-

скому процессу и квалификации мастеров и рабочих, работы продвигались относительно быстро: в среднем каждый месяц на корпус добавлялось порядка 73 тонн стали.

К началу 1893 года завершилась установка листов второго дна, а также установка шпангоутов, достигавших настила верхней палубы. К концу весны начались испытания междонных отделений на отсутствие проницаемости корпуса, результаты которых позволили оценить качество работы и давали возможность безопасно осуществить технологический процесс спуска корабля на воду.

Особенно важным было своевременное утверждение рабочих чертежей, которые связывали изготовленные на заводе корпусные части с деталями и оборудованием, поставляемыми контрагентами. Например, чертежи кронштейнов и гребных валов были представлены уже в апреле 1892 года. Это дало возможность безотлагательно начать процесс проектирования и изготовления главных и вспомогательных механизмов на иностранных заводах.

После утверждения чертежей ахтерштевня и форштевня, одинаковых для обоих броненосцев, они были заказаны на заводе фирмы «Steel Company of Scotland», которые поставщик доставил в Санкт-Петербург к лету 1893 года, где они были осмотрены комиссией, и после обнаружения и устранения раковин в одном из кронштейнов были установлены на место. Работами по установке кронштейнов, фор- и ахтерштевня руководил М.И. Кази.

В кораблестроительном отделении Морского технического комитета экспертизу чертежей броненосцев проводили старшие судостроители Н.К. Глазырин и Н.Е. Кутейников.

В сентябре 1892 года были разработаны чертежи румпелей и рулевого устройства с паровым приводом от фирмы «Стопфер де Дюкло» из Франции. После некоторых изменений, утвержденные чертежи были направлены командиру Санкт-Петербургского порта для выполнения [4, с. 72].

Н.Е. Кутейников, опираясь на положительный опыт использования приводов «Дюкло» на других судах, считал их подходящей для броненосцев, включая «Адмирала Ушакова».

Существовали и противоположные мнения использования французской системы. Считалось, что ее применение целесообразно лишь на судах малого водоизмещения.

Существенное влияние на сроки окончательной готовности корабля оказало Главное управление кораблестроения и снабжений, которое, хоть и не было прямо связано с процессом строительства, однако, обеспечивало его поставками «за счет казны» и в целом, в функции данного органа входило решение текущих производственных вопросов.

Так, например, вице-адмирал П. Тыртов вследствие отношения командира Санкт-Петербургского порта, обратился к председателю правления

дать наряд Балтийскому заводу на проводку переговорных труб из машинного отделения на верхние мостики и между машинным и котельным отделениями на броненосце «Адмирал Ушаков», а также изготовить и установить на этом броненосце два сальника вокруг промежуточных валов, где они проходят через непроницаемую переборку [7].

В 1892 году для «Адмирала Ушакова» было заказано два станковых якоря Мартина на Адмиралтейских Ижорских заводах.

В целом, большое количество необходимых компонентов поставлялось поздно, что существенно тормозило процесс строительства.

Примером этому показательно служит внесение коррективов в конструкцию оборудования, корпуса и броневой защиты, что спровоцировало отсрочку предъявления систем Путиловским заводом до 1 марта 1895 года. Части установок были доставлены на завод-строитель летом 1895 года, а испытания провели на Охтинском поле. Установка поворотных столов на броненосце была начата в июне, однако окончательная сборка установок с броней была осуществлена только годом позже. Кормовая башня корабля была оснащена вооружением в марте 1897 года, а конечная регулировка установок в совокупности с носовыми орудиями затянулась до осени.

Аналогичная задержка в поставках системы водоотлива, брони и болтов заставила сдвинуть график строительства «вправо», и, в конечном счете, не позволила начать проведение заводских ходовых испытаний в ранее установленные сроки. На готовность к проведению вышеназванных испытаний, очевидно, влиял, также, монтаж главных и вспомогательных механизмов. Министерство предпочло поручить заказ британской фирме «Модслей, сыновья и Фильд», несмотря на «историческое» решение Александра II о предпочтении строительства флота на отечественных заводах. Право заключения контрактов и наблюдения за их выполнением было передано капитану 1 ранга 3.П. Рожественскому – российскому морскому агенту в Великобритании.

20 июля 1892 года 3. П. Рожественский и Уолтер Модслей был подписан контракт, которым предусматривалась поставка паровых машин тройного расширения в количестве двух единиц. Спецификацией предусматривалась, также, поставка котлов, винтов и вспомогательных механизмов.

Контрактом было достаточно однозначно и строго определено качество материалов, масса механизмов, рабочее давление пара, мощность, сроки поставок, а также порядок испытаний и платежей. Фирма обязалась доставить механизмы в Санкт-Петербург до закрытия навигации 1893 года и установить их на корабль.

В целях контроля за изготовлением машин и котлов в Англию был направлен помощник старшего инженера-механика 10-го флотского экипажа А.И. Францкевич.

Программой испытаний предусматривалось проведение непрерывной

12-часовой проверки механизмов на полную мощность с естественной тягой. При этом скорость корабля на испытаниях оговорена не была. Общая сумма заказа составила 60 тыс. фунтов стерлингов, выплачиваемых по ходу выполнения работ.

Должностные лица, отвечавшие за приемку качества, назначенные Морским ведомством, предъявляли строгие требования к точному соответствию выполняемых работ спецификации. И.Н. Воскресенский, наблюдавший за изготовлением механизмов, отмечал, что английские фирмы часто должны были исправлять «ничтожные недостатки и малейшие отклонения от спецификаций». Это свидетельствовало о строгой приемке и охране качества, заставляя фирмы следовать условиям контракта. Однако на русских предприятиях процесс сборки механизмов затягивался из-за необходимости длительной ручной пригонки деталей.

Контроль проводился и руководством. Так, управляющий Морским ведомством Н.М. Чихачев достаточно часто осуществлял личный контроль процесса строительства, как на Новом Адмиралтействе, так и на Балтийском заводе.

Необходимо отметить, что из всех броненосцев программы только создание броненосца «Адмирал Ушаков» продвигалось достаточно быстрыми темпами, что было хорошим новостям для Морского ведомства. В целях своевременного доклада императору, Балтийским заводом было решено осуществить церемонию спуска корабля на воду в конце октября 1893 года.

Броненосцы береговой обороны рассматриваемого типа были мореходными кораблями. В этом качестве кораблей заключался постепенный и закономерный отход от «мониторного» типа кораблей береговой обороны, которые создавались в начале 60-х годов, низкий борт которых создавал чрезвычайную опасность при плавании в свежую погоду.

В целом, у руководства Морского ведомства существовало ясное осознание об утрате популярности «мониторной схемы» кораблей. Ввиду этого корабли этой конструкции, непригодные для плавания в открытом море, в дальнейшем нашли применение только на реках и озерах.

Оценивая корабли типа «Адмирал Сенявин», необходимо учитывать их стратегическое назначение. По задумке руководства Морского ведомства, они должны были стать основой российского флота на Балтике. Учитывая особенности данного региона, броненосцы этого типа имели определенное преимущество в одиночных боях с оборонительными кораблями флотов Германии или Швеции. При достаточно удовлетворительной скорости они могли участвовать в сражениях совместно с другими классами кораблей, а их небольшая осадка облегчала навигацию у берегов.

Также, эффективное противостояние атакам кораблей более крупного водоизмещения обеспечивалось возможностью броненосцев береговой обороны укрыться в своем порту в случае повреждения, а также поддержкой

береговых батарей. В случае военных действий на Балтийском море, они были весьма целесообразны, а вынужденное увеличение водоизмещения, вызванное установкой на них артиллерийского вооружения, компенсировалась пропорциональным уменьшением запасов угля и других материалов.

Однако, в контексте внешней политики России и создания Тихоокеанского флота, строительство броненосцев береговой обороны становилось роскошью.

Три корабля «Адмирал Ушаков» были приписаны к 3-й Тихоокеанской эскадре под командованием контр-адмирала Николая Небогатова и отправились 2 февраля 1905 года для усиления 2-й Тихоокеанской эскадры адмирала Зиновия Рожественского на пути к Тихому океану.

Судьба всех трех броненосцев береговой обороны оказалась весьма трагична. Во время боевых действий на Дальнем Востоке им пришлось выполнять совершенно не свойственные им функции эскадренных броненосцев, что не позволило в полной мере реализовать их положительные качества, заложенные при проектировании и постройке.

В Цусимском бою днем 14 мая 1905 года «Адмирал Ушаков» получил три попадания крупными снарядами и из-за двух пробоин ниже ватерлинии отстал от эскадры и на следующий день был затоплен экипажем.

«Адмирал Сенявин» и «Генерал-адмирал Апраксин» 15 мая сдались вместе с отрядом контр-адмирала Н.И. Небогатова [5, с. 271,273].

Библиографический список:

1. Burt R.A. Japanese Battleships, 1897-1945.
2. Бережной С.С. Линейные и броненосные корабли. Канонерские лодки: Справочник / С.С. Бережной. – М: Воениздат, 1997. 311 с.
3. Гребенщикова Г.А. К вопросу о начале Крымской войны. Документы из российских архивов // Клио. 2012. № 11 (71). С. 78-84.
4. Грибовский В.Ю. Броненосец «Адмирал Ушаков» / В.Ю. Грибовский, И.И. Черников. – СПб: Судостроение, 1996. 242 с.
4. Каторин Ю.Ф. Защитники побережья. Мониторы и броненосцы береговой обороны. / Ю.Ф. Каторин – СПб: Морское наследие 2020. 348 с.
5. Мурыгина Л.С. История российского предпринимательства: учебное пособие / Л.С. Мурыгина, А.В. Федосеев. Челябинск: Изд-во «Библиотека А. Миллера», 2022. 168 с.
6. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 1304. Оп 3. Д. 33. Л. 1-106.

Reference

1. Burt R.A. Japanese Battleships, 1897-1945.
2. Berezhnoy S.S. Linear and armored ships. Gunboats: Directory / S.S. Berezhnoy. – M: Voenizdat, 1997. 311 p.
3. Grebenshchikova G.A. On the issue of the beginning of the Crimean War. Documents from Russian archives // Clio. 2012. № 11 (71). P. 78-84.
4. Gribovsky V.Yu. Battleship "Admiral Ushakov" / V.Yu. Gribovsky, I.I. Chernikov. – St. Petersburg: Shipbuilding, 1996. 242 p.
4. Katorin Yu.F. Coastal Defenders. Coastal defense monitors and battleships. / Yu.F. Katorin - St. Petersburg: Maritime Heritage 2020. 348 p.
5. Murygina L.S. History of Russian entrepreneurship: textbook / L.S. Murygina, A.V. Fedoseev. Chelyabinsk: A. Miller Library Publishing House, 2022. 168 p.
6. Central State Historical Archive of St. Petersburg (TSGIA SPb). F. 1304. Op 3. D. 33. L. 1-1v.

Ладович А.А.

Аспирант кафедры истории и документоведения. Курганский государственный университет.

**Постсоветская историография
развития транспортной системы
в Западной Сибири в XIX веке***

Аннотация. Историография транспортной системы Западносибирской части России XIX века сложена из нескольких ключевых аспектов. В этом плане она представлена сюжетами, посвященными специфике собственно транспорта, а также суждениями и оценкой истории транспорта. Немаловажное значение имеют общеисторические, даже концептуальные проблемы. В статье рассмотрены обширные литературные источники, книги и научные статьи непосредственно посвященные развитию транспортной системы Западной Сибири, дан их анализ с точки зрения комплексного подхода.

Ключевые слова: развитие, транспортная система, Западная Сибирь, XIX век, Транссибирская магистраль, постсоветская историография.

Ladovich A.A.

Postgraduate student of the Department of History and Documentology Kurgan State University.

**Post-soviet historiography
of the development of the transport system
in Western Siberia in the XIXth century**

Abstract. The historiography of the transport system of the Western Siberian part of Russia of the XIX century consists of several key aspects. In this regard, it is represented by stories devoted to the specifics of transport itself, as well as judgments and assessments of the history of transport. General historical, even conceptual problems are of no small importance. The article considers extensive literary sources directly devoted to the development of the transport system of Western Siberia.

Key words: development, transportation system, Western Siberia, XIX century, post-Soviet historiography, post-Soviet historiography.

Широкий спектр вопросов, имеющих отношение к развитию транспортной инфраструктуры в Западной Сибири, до сих пор остается актуальным, научно и теоретически значимым, так как дает возможность сформировать представление о ключевых исторических аспектах развития экономической и хозяйственной системы региона.

Среди исследователей, занятых изучением формирования транспортной инфраструктуры за Уралом следует отметить Н.А. Миненко, проанализировавшую складчатость Западно-Сибирского участка Московского тракта, транспортную организацию и особенности расселения. По ее мнению, возникновение новых дорог привело к усилению всех миграционных течений и концентрации населения вдоль дорожной сети¹.

Г.П. Ерохин установил связь между планированием отдельных городов региона и динамикой развития транспортного сообщения². О.Н. Катионов выдвинул тезис о том, что развитие транспортной артерии коррелирует с увеличением плотности населения. Согласно его мнению, именно общесистемный подход позволяет проследить ретроспективный опыт развития транспорта на территории Сибири и применить при анализе транспортной инфраструктуры Алтайского края в целом³.

В работах авторов, которые рассматривают сибирскую тематику, следует отметить устойчивую тенденцию, тесно связанную с развитием транспортной инфраструктуры в регионе. А.В. Матвеев делает акцент на обусловленности развития дорог естественными коридорами (зонами микрорельефа)⁴.

В коллективной монографии А.Н. Дюнца, В. Исаева и других сложность адаптации транспортной инфраструктуры к нуждам промышленного комплекса связана с обширностью и неоднородностью ландшафта Верхнего Обь-Иртышского региона, а также с дефицитом финансовых и людских ресурсов⁵.

Между тем в большинстве публикаций до сих пор не рассматривается формирование транспортных коммуникаций в региональном аспекте, особенно в контексте производственной сферы или управленческих аспектов региона.

---

1 *Миненко Н.А.* По старому Московскому тракту. Новосибирск, 1990. 124 с.

2 *Ерохин Г.П.* Влияние внешних транспортных коммуникаций на архитектурно-планировочную организацию городов Западной Сибири: автореф. дис... канд. арх. Новосибирск, 1998. 25 с.

3 *Катионов О.Н.* Итоги изучения истории Московско-Сибирского тракта в XVII-XIX вв. // Вестник Томского гос. ун-та. 2005. № 288. С. 34-39.

4 *Матвеев А.В.* История сухопутных путей сообщения Омского Прииртышья (Средневековье - Новое время). Омск, 2014. 198 с.

5 *Дунец А.Н., Исаев В.В., Рыгалова М.В., Колокольцев М.Г.* Дороги Алтайского края: от первых верст до наших дней. Барнаул, 2017. 150 с.

И только в диссертации А.А.Любимова предпринята попытка всесторонне осветить транспортную составляющую производительных сил в Сибири. В результате исследователь показал каким образом в связи с введением в эксплуатацию Сибирской железной дороги складывалась система индустриального транспорта в Прииртышье, как важнейшей составляющей региональной рыночной экономики⁶.

Высокая историческая и экономическая значимость Сибирского тракта заключалась в том, что близлежащие населённые пункты, а также территория послужили отправной точкой, которая способствовала росту, как самой губернии, так и населения, позволила сблизить провинцию и города по уездам, активному заселению и динамическому развитию региона.

Для местного населения транспортная отрасль приносила немалый доход, к тому же грузовые перевозки представляли собой компонент, связывающий аграрный сектор, что стало стимулом для роста сельскохозяйственной деятельности крестьян. Развитие транспортной инфраструктуры также повлекло за собой укрепление капиталистических отношений на территориях, которые соседствовали с Московско-Сибирской магистралью, динамично развивалась торговля товарами и сырьем с Китаем⁷.

Освоение отдаленных регионов Сибири, становление и развитие транспортной инфраструктуры сформировало масштабный предмет систематического исторического исследования. На фоне централизации власти в России и благодаря привлечению жителей прилегающих территорий процесс развития существенным образом интенсифицировался.

Территория Западной Сибири в плане становления транспортной системы в достаточно полном объеме с точки зрения историографии описана местными историками, такими как: В.А. Ламин, В.Ю. Пленкин, В.Я. Ткаченко и А.И. Тимошенко, которые провели серьезное исследование вопроса и показали аналитику транспортного освоения Западной Сибири⁸. Монографии авторов акцентируют внимание на том, что транспортная система в России прошла период развития, где рост отрасли и ее инфраструктуры был обеспечен по радиальной схеме. В итоге дороги стремились и выходили из центра страны и ее политического могущества⁹.

---

6 Любимов А.А. Развитие индустриального транспорта в Среднем Прииртышье 90-е гг. XIX в. - 1914 гг. [Текст]: автореф. канд. ист. наук / А.А. Любимов. - Омск, 2000. С. 3-11; С. 18-19.

7 Катионов О.Н. Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII-XIX вв. [Текст] / О.Н. Катионов; М-во образования и науки РФ, Новосибирский гос. пед. ун-т. - 2-е изд. - Новосибирск: НГПУ, 2014. 568 с.

8 Ламин В.А., Тимошенко А.И. Роль транспортных путей в освоении Сибири // Уральский исторический вестник. № 2 (35). Екатеринбург, 2012. С. 37-47.

9 Ламин В.А., Пленкин В.Ю., Ткаченко В.Я. Глобальный трек: развитие транспортной системы на востоке страны. Екатеринбург, 1999.

Примечательно, что в постсоветской историографии рост транспортной отрасли в западносибирском регионе в XIX в. изучается с прицелом значимости этих территорий в динамике роста страны с учетом этнополитики и экономики в контексте рассмотрения социокультурных слагаемых каждой территории.

Ссылаясь на постсоветскую историографию, отрасль транспорта в Западной Сибири XIX века развивалась от таких базовых структурных слагаемых как водные виды транспорта, а также всех вариантов наземных транспортных средств, рост которых по мере интенсивности наиболее резко стремился к пику в 1838-1843 гг. Самые крупные города соединялись магистральями, ведущими на Москву или Сибирь, а наиболее развитые города лежали на трассе «Екатеринбург – Тюмень – Омск – Томск – Красноярск – Иркутск – Верхнеудинск – Чита». По грунтовым дорогам можно было добраться в Тару, Бийск, Барнаул, Минусинск, Енисейск, Якутск.

Дороги государственного значения в XIX веке обслуживались и содержались при участии представителей генерал-губернаторств, а также губерний, которые были созданы, начиная с 1822 года в качестве самостоятельных отделов¹⁰. На местное население была возложена обязанность следить за сухопутными дорогами и обслуживать мосты.

Государство на постоянной основе становилось главным проводником промышленной модернизации. К началу XX столетия в стране были достигнуты очень высокие темпы развития промышленного сектора, сопоставимые с мировыми масштабами, благодаря этому удалось сократить разницу с наиболее развитыми странами¹¹.

Строительство Сибирской железной дороги было чрезвычайно важным шагом в стратегическом развитии страны и дало импульс практически всем сферам жизни в Сибири. Для постсоветской историографии исследоване строительства Транссиба характерно тем, что исследователями, в подавляющем большинстве случаев, не вводятся в научный оборот новые архивные материалы, а используется информация, опубликованная авторами в предыдущих периодах.

Помимо прочего, авторы 1990-2000-х гг. большее внимание уделяют узко-профильным проблемам рассматриваемой темы, чем всему процессу

10 Ладович А.А. Характеристика транспортной системы в западной Сибири в XIX в // Лебедевские чтения: сб. ст. по материалам XXIV Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. Году педагога и наставника и 80-летию образования Пензенского государственного университета. 2023. С. 286-289

11 Ладович А.А. Транспортная система Западной Сибири в XIX веке // Яковлевские чтения: сб. науч. ст. II Межведомственная научно-практическая конференция с международным участием: в 2 частях. Ч. 1 / Под общ. ред. В. В. Косухина. – Новосибирск: Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2023. С. 203-208.

строительства Транссиба, что обнаруживается как в сжатых хронологических или географических рамках, так и в ограничении целей исследования экономико-управленческих вопросов¹².

Современная историография строительства Великой Сибирской железной дороги представлена значительным разнообразием литературы. Первая большая группа публикаций представлена статьями в разнообразных журналах – от узких профессиональных железнодорожных журналов до изданий, выпускаемых российскими писательскими организациями¹³.

Вторую часть публикаций характеризуют разные юбилейные издания, выпущенные в связи с разнообразными памятными событиями и значимыми датами¹⁴. И, наконец, третью группу литературных источников представляют разного уровня и направленности справочные и энциклопедические издания¹⁵.

К сожалению, большинство исследователей либо успешно собирают материал из предыдущих периодов, или высказывают восхищение размерами и масштабами этого великого сооружения, а также перспективности использования Транссиба в условиях современной России. К примеру, в статье Б. Соколова приводятся предварительные сведения, которые могут вызвать интерес к данной теме у нынешних и будущих историков¹⁶. В. Ганичев с энтузиазмом описывает строительство трассы, большое

---

12 Первопроходцы восточных магистралей России / авт.-сост. В.Ф. Зуев. Хабаровск: Частная коллекция, 2001 352 с.; *Видыч М.А.* Железнодорожное строительство на Дальнем Востоке в конце XIX - начале XX века // Гуманитарный вектор. 2011 № 3 С. 40-44; Дальневосточная магистраль. Промышленность Сибири в феодальную эпоху (конец XVI – середина XIX в.) Новосибирск, России / сост. В.Ф. Буркова, В.Ф. Зуев. Хабаровск: Частная коллекция, 1997. 352 с.

13 *Сенин А.С.* «Мы в начале пути. Нас ждет Сибирь...» // Транспортное строительство. 1991. № 7 С. 44-48; *Илларионов В.* Азия – Европа: российский транзит // Экономист. 2001. № 4. С. 35-38; *Привалихин В.* Великий Сибирский рельсовый путь // Уральский следопыт. 1997. № 7 С. 15-16; *Гилько М.А.* Транссибирская магистраль: для кого и за чей счет // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сб. ст. по матер. XI междунар. науч.-практ. конф. - Новосибирск: СибАК, 2012. С. 92-96

14 *Богачев Е.* На дальней станции сойду. Иркутск, 2002; Дальневосточная магистраль России: 100-летию Дальневосточной железной дороги посвящается, 1897-1997 / сост. В.Ф. Буркова, В.Ф. Зуев; под общ. ред. В.А. Крапивного, А.А. Забелина. Хабаровск: Частная коллекция, 1997. 351 с.; Дорога – это жизнь. [К 100-летию Забайкальской ж.д.]. Чита: Забтранс, 2000; *Ременцев А.Н., Савельев Ю.Е.* Из истории создания Великого транссибирского железнодорожного пути (вековой юбилей Транссиба). М.: МАДИ, 2003. 70 с.

15 Краткие сведения о развитии отечественных железных дорог с 1838 по 1990 гг. / сост. Г.М. Афонина. М.: Изд-во МПС РФ, 1995; Транссиб – история, интересные факты, рекорды // URL: <http://www.modelzd.ru/ustroystvo-zhd/history/transsib.html> (Дата обращения: 02.07.2021).

16 *Соколов Б.* Великий евразийский путь // Родина. 2003. № 9 С. 76-77.

внимание уделяет людям, построившим Транссиб¹⁷, которые поддержали строительство дороги.

В статье, опубликованной в 2001 г. в журнале «Человек и труд» детально описывались вопросы, связанные с возведением и значительными сложностями развития Транссиба, осуществлен сравнительный анализ с подобными крупными стройками на территории других государств¹⁸.

К теме значимости Транссиба следует отнести электронное издание С. Сигачева и М. Крайнова, как наиболее полный информационный сборник по Транссибу из когда-либо изданных в России¹⁹, в котором объектом исследования впервые стала Транссибирская магистраль. Однако авторы описывают не столько историю ее строительства, сколько современную магистраль, которая, конечно, мало связана с историографией строительства Транссиба. Заслуживает внимания книга А.В. Юдиной, задуманной как продолжение «Путеводителя по Великому Сибирскому пути», изданному более ста лет назад, в ней представлена попытка взглянуть на Транссиб глазами современного путешественника²⁰.

Историография строительства Транссиба развивается достаточно медленно. В дополнение к обобщенной информации, давно известной исследователям, одиночно появляются новые свидетельства, которые могли бы придать новый импульс развитию историографии по этому вопросу.

К отрицательным моментам следует отнести редкое обращение к архивным и ранее неопубликованным материалам, в том числе Новосибирской и Иркутской областей.

Современная российская историография Западной Сибири XIX века в целом и транспортной системы в частности весьма разнообразна по своему составу и концептуально неоднородна. Однако по большей части она фокусируется на нескольких ключевых вопросах: оценка общего характера развития региона, дипломатико-пограничный дискурс, административное строительство и формирование производственно-экономического (производственного и территориального) комплекса.

В ближайшие годы, наряду с продолжением развития данных вопро-

---

17 Ганичев В. Дорожник: Москва – Дальний Восток: [путевые заметки к 100-летию Транссибирской магистрали] // Наш современник. 2001. № 12 С. 165-198.

18 Транссиб: огромный потенциал, который будет реализован: [Беседа ведущих специалистов ж.-д. транспорта о перспективах развития Транссибирской железнодорожной магистрали со спец. корреспондентом журн.] / П. Шевоцук, С. Гапеев [и др.] // Человек и труд. 2001. № 10 С. 20-25.

19 Сигачев С., Крайнов М. Транссибирская магистраль: Web-энциклопедия // URL: <http://transsib.ru/about.htm> (Дата обращения: 02.07.2021).

20 Юдин А.В. Транссибирская магистраль. Путеводитель // URL: http://fictionbook.ru/author/aleksandr_yudin/transsibirskaya_magistral_putevoditel/read_online.html?page=1#part36 (Дата обращения: 02.07.2021)

сов, следует ожидать увеличения количества исследований по социокультурной сфере региона. Процессы становления Западно-Сибирской транспортной системы также нуждаются в полной исторической реконструкции.

Выводы: Изучение историографического наследия, касающегося проблемы развития транспортной инфраструктуры в Сибири, позволило выделить совокупность методологических подходов, которые были сформированы историками к исследованию данной предметной плоскости. Кроме всего прочего, обращение к существующим научно-литературным источникам помогает переосмыслить глубину информации и аналитический потенциал относительно известных публикаций на данную тему.

В целом современные историки значительно расширили круг проблем, анализируемых в истории развития транспортной инфраструктуры. Их внимание было сосредоточено на темпах строительства дорог, причинах задержки и недостаточности строительства транспортной инфраструктуры, а также на анализе проблем социального развития, связанных с дорогами.

В настоящее время комплексное исследование историографии дорожного строительства в Западной Сибири как таковое отсутствует. Без внимания остались многочисленные проблемы проектно-исследовательских работ и материально-технического обеспечения, организационного и личного укрепления дорожного строительства, социально-бытовых условий людей, а также ключевые этапы в плане формирования магистральной транспортной сети на территории Западной Сибири.

Библиографический список:

1. Богачев Е. На дальней станции сойду. Иркутск, 2002.
2. Вивдыч М.А. Железнодорожное строительство на Дальнем Востоке в конце XIX - начале XX века // Гуманитарный вектор. 2011. № 3. С. 40-44.
3. Ганичев В. Дорожник: Москва – Дальний Восток: [путевые заметки к 100-летию Транссибирской магистрали] // Наш современник. 2001. № 12. С. 165-198.
4. Гилько М.А. Транссибирская магистраль: для кого и за чей счет // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сб. ст. по матер. XI междунар. науч.-практ. конф. - Новосибирск: СибАК, 2012. С. 92-96.
5. Дальневосточная магистраль России: 100-летию Дальневосточной железной дороги посвящается, 1897-1997 / сост. В.Ф. Буркова, В.Ф. Зуев; под общ. ред. В.А. Крапивного, А.А. Забелина. Хабаровск: Частная коллекция, 1997. 351 с.
6. Дальневосточная магистраль. Промышленность Сибири в феодальную эпоху (конец XVI – середина XIX в.) Новосибирск, России / сост. В.Ф. Буркова, В.Ф. Зуев. Хабаровск: Частная коллекция, 1997. 352 с.
7. Дорога – это жизнь. [К 100-летию Забайкальской ж.д.]. Чита: Забтранс, 2000.
8. Дунец А.Н., Исаев В.В., Рыгалова М.В., Колокольцев М.Г. Дороги Алтайского края: от первых верст до наших дней. Барнаул, 2017. 150 с.
9. Ерохин Г.П. Влияние внешних транспортных коммуникаций на архитектурно-планировочную организацию городов Западной Сибири: автореф. дис... канд. арх. Новосибирск, 1998. 25 с.
10. Илларионов В. Азия – Европа: российский транзит // Экономист. 2001. № 4. С. 35-38.
11. Катионов О.Н. Итоги изучения истории Московско-Сибирского тракта в XVII-XIX вв. // Вестник Том-

- ского гос. ун-та. 2005. № 288. С. 34-39.
12. Катюнов О.Н. Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII-XIX вв. // Новосибирск: НГПУ, 2014. 568 с.
  13. Краткие сведения о развитии отечественных железных дорог с 1838 по 1990 гг. / сост. Г.М. Афонина. – М.: Изд-во МПС РФ, 1995.
  14. Ладович А.А. Характеристика транспортной системы в западной Сибири в XIX в // Лебедевские чтения: сб. ст. по материалам XXIV Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. Году педагога и наставника и 80-летию образования Пензенского государственного университета. 2023. С. 286-289.
  15. Ладович А.А. Транспортная система Западной Сибири в XIX веке // Яковлевские чтения: сб. науч. ст. II Межведомственная научно-практическая конференция с международным участием: в 2 частях. Ч. 1 / Под общ. ред. В. В. Косухина. – Новосибирск, 2023. С. 203-208.
  16. Ламин В.А., Пленкин В.Ю., Ткаченко В.Я. Глобальный трек: развитие транспортной системы на востоке страны. Екатеринбург, 1999.
  17. Ламин В.А., Тимошенко А.И. Роль транспортных путей в освоении Сибири // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2012. № 2 (35). С. 37-47.
  18. Любимов А.А. Развитие индустриального транспорта в Среднем Прииртышье 90-е гг. XIX в. - 1914 гг. Автореф.... канд. ист. наук. Омск, 2000. С. 3-11, 18-19.
  19. Матвеев А.В. История сухопутных путей сообщения Омского Прииртышья (Средневековье - Новое время). Омск, 2014. 198 с.
  20. Миненко Н.А. По старому Московскому тракту. Новосибирск, 1990. 124 с.
  21. Первопроходцы восточных магистралей России / авт.-сост. В.Ф. Зуев. Хабаровск: Частная коллекция, 2001. 352 с.
  22. Привалихин В. Великий Сибирский рельсовый путь // Уральский следопыт. 1997. № 7. С. 15-16.
  23. Ременцев А.Н., Савельев Ю.Е. Из истории создания Великого транссибирского железнодорожного пути (вековой юбилей Транссиба). – М.: МАДИ, 2003. 70 с.
  24. Сенин А.С. «Мы в начале пути. Нас ждет Сибирь...» // Транспортное строительство. 1991. № 7. С. 44-48.
  25. Сигачев С., Крайнов М. Транссибирская магистраль: Web-энциклопедия // URL: <http://transsib.ru/about.htm> (Дата обращения: 02.07.2021).
  26. Соколов Б. Великий евразийский путь // Родина. 2003. № 9 С. 76-77.
  27. Транссиб – история, интересные факты, рекорды // URL: <http://www.modelzd.ru/ustroystvo-zhd/history/transsib.html> (Дата обращения: 02.07.2021).
  28. Транссиб: огромный потенциал, который будет реализован: [Беседа ведущих специалистов ж.-д. транспорта о перспективах развития Транссибирской железнодорожной магистрали со спец. корреспондентом журн.] / П. Шевоцук, С. Гапеев [и др.] // Человек и труд. 2001. № 10. С. 20-25.
  29. Юдин А.В. Транссибирская магистраль. Путеводитель // URL: http://fictionbook.ru/author/aleksandr_yudin/transsibirskaya_magistral_putevoditel/read_online.html?page=1#part36 (Дата обращения: 02.07.2021)

Reference

1. Bogachev E. I'll get off at the distant station. Irkutsk, 2002.
2. Vivdych M.A. Railway construction in the Far East at the end of the 19th - beginning of the 20th centuries // Humanitarian vector. 2011. № 3. P. 40-44.
3. Ganichev V. Road worker: Moscow - Far East: [travel notes to the 100th anniversary of the Trans-Siberian Railway] // Our contemporary. 2001. № 12. P. 165-198.
4. Gilko M.A. Trans-Siberian Railway: for whom and at whose expense // Current issues of social sciences: sociology, political science, philosophy, history: collection. Art. by mother XI international scientific-practical conf. - Novosibirsk: SibAK, 2012. P. 92-96.
5. Far Eastern Railway of Russia: dedicated to the 100th anniversary of the Far Eastern Railway, 1897-1997 / comp. V.F. Burkova, V.F. Zuev; under general ed. V.A. Krapivny, A.A. Zabelina. Khabarovsk: Private collection, 1997. 351 p.
6. Far Eastern Highway. Industry of Siberia in the feudal era (late 16th – mid 19th century) Novosibirsk, Russia / comp. V.F. Burkova, V.F. Zuev. Khabarovsk: Private collection, 1997. 352 p.
7. The road is life. [To the 100th anniversary of the Trans-Baikal railway]. Chita: Zabtrans, 2000.
8. Dunets A.N., Isaev V.V., Rygalova M.V., Kolokoltsev M.G. Roads of the Altai Territory: from the first miles to the present day. Barnaul, 2017. 150 p.
9. Erokhin G.P. The influence of external transport communications on the architectural and planning organization of cities in Western Siberia: abstract of thesis. dis... cand. arch. Novosibirsk, 1998. 25 p.
10. Illarionov V. Asia – Europe: Russian transit // Economist. 2001. № 4. P. 35-38.
11. Kationsov O.N. Results of studying the history of the Moscow-Siberian tract in the 17th-19th centuries. // Bul-

- letin of Tomsk State. un-ta. 2005. № 288. P. 34-39.
12. Kationsov O.N. Moscow-Siberian tract and its inhabitants in the 17th-19th centuries. // Novosibirsk: NGPU, 2014. 568 p.
  13. Brief information about the development of domestic railways from 1838 to 1990. / comp. G.M. Afonina. – M.: Publishing house of the Ministry of Railways of the Russian Federation, 1995.
  14. Ladovich A.A. Characteristics of the transport system in Western Siberia in the 19th century // Lebedev Readings: collection. Art. based on materials from the XXIV All-Russia. scientific-practical conf., dedicated The year of the teacher and mentor and the 80th anniversary of the formation of Penza State University. 2023. P. 286-289.
  15. Ladovich A.A. Transport system of Western Siberia in the 19th century // Yakovlev Readings: collection. scientific Art. II Interdepartmental scientific and practical conference with international participation: in 2 parts. Part 1 / Under general. ed. V.V. Kosukhina. – Novosibirsk, 2023. P. 203-208.
  16. Lamin V.A., Plenkin V.Yu., Tkachenko V.Ya. Global track: development of the transport system in the east of the country. Ekaterinburg, 1999.
  17. Lamin V.A., Timoshenko A.I. The role of transport routes in the development of Siberia // Ural Historical Bulletin. Ekaterinburg, 2012. № 2 (35). P. 37-47.
  18. Lyubimov A.A. Development of industrial transport in the Middle Irtysh region in the 90s. XIX century - 1914 Author's abstract... Ph.D. ist. Sci. Omsk, 2000. P. 3-11, 18-19.
  19. Matveev A.V. History of land routes of communication in the Omsk Irtysh region (Middle Ages - Modern times). Omsk, 2014. 198 p.
  20. Minenko N.A. Along the old Moscow highway. Novosibirsk, 1990. 124 p.
  21. Pioneers of the eastern highways of Russia / author.-comp. V.F. Zuev. Khabarovsk: Private collection, 2001. 352 p.
  22. Privalikhin V. The Great Siberian Rail Track // Ural Pathfinder. 1997. № 7. P. 15-16.
  23. Rementsev A.N., Savelyev Yu.E. From the history of the creation of the Great Trans-Siberian Railway (centenary anniversary of the Trans-Siberian Railway). – M.: MAD!, 2003. 70 p.
  24. Senin A.S. "We are at the beginning of the journey. Siberia awaits us..." // Transport construction. 1991. № 7. P. 44-48.
  25. Sigachev S., Krainov M. Trans-Siberian Railway: Web encyclopedia // URL: <http://transsib.ru/about.htm> (07.02.2021).
  26. Sokolov B. The Great Eurasian Road // Rodina. 2003. № 9 P. 76-77.
  27. Transsib - history, interesting facts, records // URL: <http://www.modelzld.ru/ustroystvo-zhd/history/transsib.html> (07.02.2021).
  28. Trans-Siberian Railway: huge potential that will be realized: [Conversation with leading railway specialists. transport about the prospects for the development of the Trans-Siberian Railway with special. correspondent of the magazine] / P. Shevotsuk, S. Gapeev [etc.] // Man and labor. 2001. № 10. P. 20-25.
  29. Yudin A.V. Trans-Siberian Railway. Guide // URL: http://fictionbook.ru/author/aleksandr_yudin/transsibirskaya_magistral_putevoditel/read_online.html?page=1#part 36 (07.02.2021)

Ильин А.А.

Старший преподаватель, аспирант факультета истории, политологии и права, ГОУ ВО Государственный университет просвещения.

Ларионов А.Э.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России факультета истории, политологии и права, ГОУ ВО Государственный университет просвещения.

Теория официальной народности как методология истории в русской консервативной историографии 2-й четверти XIX века*

Аннотация. Статья посвящена исследованию методологических принципов историописания в русской консервативной историографии 2-й четверти XIX столетия. В центре авторского внимания находятся исторические труды историков, являвшихся сторонниками и адептами «теории официальной народности». Которая рассматривается в качестве действенного методологического основания на определённом этапе развития отечественной исторической науки. Конкретные исторические работы М.П. Погодина, Н.Г. Устрялова, А.И. Михайловского-Данилевского и М.А. Корфа рассмотрены в качестве историографических источников, представляющих собой единый интеллектуальный капитал николаевской эпохи. В качестве рабочей гипотезы авторы статьи выдвигают тезис о сохранении за произведениями указанных авторов не только музейно-мемориальной, но и вполне актуальной научной ценности для отечественной исторической науки вплоть до настоящего момента. Методология истории, фундированная «теорией официальной народности», предстаёт как закономерный продукт своей исторической эпохи и непосредственно предшествовавших макроисторических событий, от Великой Французской революции до Восстания декабристов включительно. Соответственно, отвергается стереотипная идея о сугубо ситуационно-политической обусловленности «теории официальной народности» и чисто карьеристских устремлениях её идеологов. Выявлен комплекс идей историко-методологического характера в работах четырёх историков, которые объединены в рамках единой эпистемологической модели, дающей простор для научного творчества и, вместе с тем, сохраняющей аксиологические интенции гуманитарного знания. Сочетание прагматического рационализма и христианской метафизики, описаний времён большой длительности с локально-событийными реконструкциями являются характерными чертами российской методологии истории во 2-й четверти XIX века и несут в себе значительный потенциал познания истории. Соответственно, научная ценность консервативной методологии истории и историографии является значительно более высокой, чем это считалось до последнего времени.

---

* © Ильин А.А., Ларионов А.Э., 2024.

Ключевые слова: теория официальной народности, методология истории, историография, история России, интеллектуальный капитал, консерватизм, николаевская эпоха.

Ilyin A.A.

Senior lecturer, post-graduate student of the Faculty of History, Political Science and Law of the State University of Education.

Larionov A.E.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History, Faculty of History, Political Science and Law, State University of Education.

The theory of official nationality as a methodology of history in the Russian conservative historiography of the 2nd quarter of the XIX century

Abstract. The article is devoted to the study of methodological principles of historiography in the Russian conservative historiography of the 2nd quarter of the XIX century. The author's attention is focused on the historical works of historians who were supporters and adherents of the "theory of official nationality". Which is considered as an effective methodological basis at a certain stage of the development of Russian historical science. Specific historical works by M.P. Pogodin, N.G. Ustryalov, A.I. Mikhailovsky-Danilevsky and M.A. Korfa are considered as historiographical sources representing a single intellectual capital of the Mykolaiv epoch. As a working hypothesis, the authors of the article put forward the thesis about the preservation of the works of these authors not only museum-memorial, but also quite relevant scientific value for the national historical science up to the present moment. The methodology of history, based on the "theory of official nationality", appears as a natural product of its historical epoch and the immediately preceding macro-historical events, from the Great French Revolution to the Decembrist Uprising inclusive. Accordingly, the stereotypical idea of the purely situational-political conditionality of the "theory of official nationality" and the purely careerist aspirations of its ideologists is rejected. The complex of historical and methodological ideas in the works of four historians, which are united within a single epistemological model, giving scope for scientific creativity and, at the same time, preserving the axiological intentions of humanitarian knowledge, is revealed. The combination of pragmatic rationalism and Christian metaphysics, descriptions of long-lasting times with local-event reconstructions are characteristic features of the Russian methodology of history in the 2nd quarter of the XIX century and carry a significant potential for the knowledge of history. Accordingly, the scientific value of the conservative methodology of history and historiography is much higher than it was thought until recently.

Key words: theory of official nationality, methodology of history, historiography, history of Russia, intellectual capital, conservatism, the Nicholas era.

Историография есть формализованная разновидность национальной исторической памяти. Данный постулат был вполне осознан уже в конце XIX столетия, в частности, Михаилом Осиповичем Кояловичем. Неслучайно его труд «История русского самосознания» фактически посвящён идейной борьбе в русской исторической науке вокруг проблемы самобытности России, её исторической и культурной субъектности¹. Историческая наука рассматривалась Кояловичем в качестве важнейшего модуса общественной мысли. Тем самым, отметим попутно, признавалась её ключевая роль в формировании национально-государственной идентичности.

Однако, объективная ситуация такова, что с течением времени одни имена историков и их трудов оказались выдвинуты на первый план и признаны классическим каноном отечественного историописания, тогда как другие в силу субъективных и объективных обстоятельств были словно бы отодвинуты на периферию интеллектуальных сетей, проиграв борьбу в пространстве внимания². Но достаточно ли данного факта для признания худшего научного качества трудов полузабытых историков, которым не повезло стать частью классического академического нарратива?! Такого рода априоризм был бы мнением совершенно ненаучным, ибо вместо поисков научной истины фактически убрал бы неудобный вопрос в пыльный чулан.

Нам представляется, что именно такая ситуация академического «чулана» сложилась вокруг научного наследия тех историков, которые стояли не на либерально-западнических позициях (подобно С.М. Соловьёву, В.О. Ключевскому, П.Н. Милюкову и др.), а стремились продолжить в своих трудах линию Н.М. Карамзина, стоявшего в зрелый и поздний периоды своего творчества на позициях консервативных. К числу таковых историков-консерваторов и государственников относятся те персоны российского историописания 1-й половины и середины XIX столетия, которые опирались на постулаты «Теории официальной народности» как на методологическую основу формирования нарратива по отечественной истории. В первую очередь, здесь следует упомянуть М.П. Погодина и Н.Г. Устрялова. Также в ряду историков-приверженцев «Теории официальной народности» числятся А.И. Михайловский-Данилевский и М.А. Корф. В силу позднейшего господства в отечественном историописании либеральных и революционных парадигматических установок историкам официозно-консервативного крыла уделялось либо недостаточное, либо пристрастно-отрицательное внимание. В отношении двух первых из поименованных

---

1 Коялович М.О. История русского самосознания. Минск: Белорусский дом печати, 1997. 668 с.

2 Коллинз Р. Социология философий. Глобальная история интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 1283 с.

представителей русской исторической науки был закреплён ярлык «приверженцев реакционной теории официальной народности»³, что априори дезавуировало возможную ценность их научных трудов.

По нашему убеждению, априорное отрицание научной значимости той или иной теории по причине её несоответствия господствующим идеологическим установкам способствует не прогрессу, но регрессу науки. И никогда не поздно оглянуться назад, чтобы попытаться отыскать в прошлых концепциях те методологические компоненты, которые помогут нам в понимании не только событий прошлого, но также настоящего и будущего. Кроме того, смена исторической конъюнктуры объективно может способствовать актуализации тех эпистемологических постулатов, которые ранее казались безнадежно устаревшими. Современная историческая ситуация, в которой пребывает Россия, вновь делает востребованным консервативное наследие, не исключая его самобытных «отражений» в историографии. Работы наших современников закладывают общий мировоззренческий фундамент для дальнейших исследований русского консерватизма: «Сегодня крайне важно ответить на вопрос об эффективных путях динамичного и, что не менее важно, органичного развития нашего Отечества. Главный вывод, к которому приводят довольно длительные размышления, это заключение, что реального и устойчивого успеха можно добиться лишь в рамках модернизации консервативной. Об этом свидетельствует весь опыт успешных модернизаций, хотя и их лидеры и те, кто вкушает благодетельные плоды их результатов, могут даже не осознавать этого»⁴.

Итак, рабочая гипотеза настоящего исследования заключается в предположении, что главная ценность «Теории официальной народности» в отечественной исторической науке состоит в эпистемологической модели структурирования и интерпретации исторических событий на основе консервативно-традиционалистской аксиологии и телеологии. Соответственно, **целью статьи** выступает выявление наиболее существенных компонентов методологии консервативного историописания как целостной системы познания и репрезентации прошлого.

Для максимально аутентичной реконструкции научной методологии, необходимо ясно представлять себе тот социокультурный контекст, в рамках которого происходило формирование российской модели консервативно ориентированной историографии. Если сопоставить между собой персоналии поименованных выше историков, то мы обнаруживаем их принадлежность к одному поколению. самого старшего и самого младшего

3 См., например: *Рубинштейн Н.И.* Русская историография. СПб: Изд-во СПбГУ, 2008. С. 294, 308.

4 *Дискин И.Е.* Консервативная модернизация. М.: РОССПЭН, 2021. С. 7.

разделяет лишь 16 лет, их рождение пришлось на тот исторический период, который один из выдающихся отечественных историков Н.Я. Эйдельман обозначил как «грань веков»⁵, то есть определённый перелом, порог, связанный не только и даже не столько со сменой правящих особ на русском троне, сколько с глубокими (хотя и не всегда сразу заметными) изменениями в состоянии русского общества, его коллективной ментальности. Представленная ниже таблица позволяет более отчётливо увидеть тот событийный и культурный фон, на котором происходило формирование личностей и мировоззрения будущих историков-консерваторов.

Историки-консерваторы	Событийный фон конца XVIII – ¼ XIX столетия	Культурный контекст эпохи
1. Михайловский-Данилевский А.И. 1789-1848 гг.;	Великая Французская революция; Смерть Екатерины II; Царствование Павла I и царевбийство 11 марта 1801 года;	Идеи Просвещения и Великой Французской революции; Развитие русского масонства и распространение его идей в русском обществе;
2. Корф М.А. 1800-1876 гг.;	Правление Александра I; Попытки либерального реформаторства М.М. Сперанского;	«Культ Наполеона» в русском обществе;
3. Погодин М.П. 1800-1875 гг.	«Консервативный поворот» 2-й половины правления Александра I, деятельность А.А. Аракчеева;	Патриотический подъём в связи с Отечественной войной 1812 года;
4. Устрялов Н.Г. 1805-1870 гг.	Наполеоновские войны и Отечественная война 1812 года и Заграничные походы русской армии; Победоносные войны России с Персией, Турцией, Швецией; Венский конгресс; Россия – решающая сила континентальной Европы; Деятельность тайных обществ в России и восстание декабристов.	«История государства Российского» Н.М. Карамзина; Усиление консервативного влияния при дворе (Великая княжна Екатерина Павловна, архимандрит Фотий, А.А. Аракчеев, А.С. Шишков); Немецкая философия; Консервативное влияние французской эмиграции, идеи Жозефа де Местра; «Борис Годунов» А.С. Пушкина. Подъём «русской темы» в живописи и музыке.

Как видим, событийный фон эпохи, на которую пришлось формирование личностей будущих консервативных историографов, был весьма бурным, участие в нём России – решающим, а культурный фон отличался диаметрально противоположными противоречиями. Происходило столкновение европей-

5 Эйдельман Н.Я. Грань веков. М.: Мысль, 1986. 368 с.

ского влияния в разных его ипостасях с набирающим силу национально-консервативным движением. Естественно полагать, что будущие историки – представители «теории официальной народности», впитывали в своё сознание образы событий, роль России в мировой истории, усиливающийся антагонизм национального и западного культурных течений. Тот факт, что далеко не все представители русского образованного общества избрали для себя путь копирования зарубежных идей и идеалов, но попытались вычлениить и кристаллизовать идеи национальной самобытности как основы для будущего развития страны и народа, весьма показателен.

Так или иначе, эти впечатления детства и юности неизбежно должны были найти отражение в последующих исторических трудах консервативных историков. Консервативный курс внутренней и внешней политики Николая I, пик русского влияния в Европе между Венским конгрессом и Крымской войной, личность и деятельность С.С. Уварова во главе Министерства народного просвещения стали катализаторами мировоззрения указанных выше четырёх авторов, становления их научных взглядов на русскую историю, которые начали формироваться значительно раньше, но получили окончательное воплощение в более поздних исторических трудах. Ниже приведена таблица с указанием ключевых с методологической точки зрения исторических трудов историков-консерваторов и хронологии первых публикаций этих работ.

№	Историк	Исторический труд	Год первой публикации
1	Погодин М.П.	Взгляд на русскую историю	1832
2	Устрялов Н.Г.	О системе прагматической русской истории	1836
3	Михайловский-Данилевский А.И.	Описание Отечественной войны в 1812 году	1839
4	Корф М.А.	Историческое описание 14-го декабря и предшествовавших ему событий	1848

Подчеркнём: в таблице упомянуты те работы, которые принадлежат к числу ранних публикаций историков и в которых отражена их методологическая концепция в историописании. Как видно, из 4-х работ 3 опубликованы в течение 1830-х годов, когда властный импульс «теории официальной народности» был наиболее силён. При этом более молодые Погодин и Устрялов явно опередили Михайловского-Данилевского и Корфа. Если рассуждать в категориях теории интеллектуальных сетей⁶, то именно По-

6 Коллинз Р. Социология философий. Глобальная история интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 1283 с.

годину и Устрялову принадлежит приоритет в овладении «пространством внимания» в качестве ответа на призывы своего патрона графа С.С. Уварова⁷. Именно с их относительно небольших работ начинается формирование «интеллектуального капитала» официальной русской историографии в продолжение подвижнических трудов Н.М. Карамзина.

Тексты Погодина и Устрялова отличаются небольшими объёмами и обзорным характером: это беглый взгляд на всю протяжённость истории России. Именно в силу притязания всеохватности можно говорить о том, что авторы данных работ фактически предложили определённую методологию изучения и интерпретации русской истории. Хотя оба автора принадлежали к государственно-консервативному направлению русской общественной мысли, их подходы к изучению отечественной истории обладают существенными отличиями. В частности, у Погодина заметен явственный уклон в метафизику и религиозную историософию, сквозь призму которых он описывает, интерпретирует и оценивает события и персоны прошлого. Тогда как Устрялов склонен к большему рационализму и дидактизму – не случайно, его программный текст носит несколько необычное название – «О системе прагматической русской истории»⁸.

В качестве основных идей, с которыми надлежит подходить к событиям истории России, Погодин выделяет провиденциализм и вытекающую из него телеологию⁹. С которыми связано безапелляционное утверждение о чудесности как важнейшей черте русской истории. Иными словами, феноменология истории России имеет в себе элемент непостижимого, как бы свидетельства прямого вмешательства Бога в исторический процесс. Наряду с этим прослеживается настойчивое сравнение истории России с историей Европы, компаративный метод совмещён с основанной на нём апологией именно русской истории. В то же время, антитеза «Россия vs Европа» не означает отделения первой от второй – напротив, автор прямо говорит о «России как части Европы». Но части особенной, имеющей важнейшее значение для судеб Европы и человечества. Хотя и пункти-

7 Ещё в 1813 году С.С. Уваров опубликовал знаменательные строки: «В народном воспитании преподавание истории есть дело государственное» // Уваров С.С. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 204; двумя десятилетиями позже сформулированы положения знаменитой «триады»: «...образование настоящего и будущих поколений в соединённом духе Православия, Самодержавия и Народности составляет, бесспорно, одну из лучших надежд и главнейших потребностей времени...» // Уваров С.С. Государственные основы. М.: Институт Русской цивилизации, 2014. С. 107.

8 Устрялов Н.Г. О системе прагматической русской истории. СПб.: Типография Л. Снегирёва и К°, 1836. – 90 с.

9 Погодин М.П. Взгляд на русскую историю // Погодин М.П. Историко-критические отрывки. Т. 1. М.: Типография А. Семе, 1846. Лекция при открытии курса в сентябре 1832 г. С. 1-19.

ром, в этом небольшом тексте Погодина можно обнаружить идею о народе как носителе государственного суверенитета, причём в самых первых строках программного текста: «История всякого государства... представляет собой... зрелище народных действий, устремлённых к одной цели человеческого рода, цели, указанной ему благим Провидением»¹⁰. Обратим внимание – автор говорит именно о *действиях* народа как совокупного субъекта исторического процесса. Персоны государей появляются по тексту значительно позже! Идея же об исполнении каждым народом некоей высшей мысли Бога отсылает нас к знаменитому сочинению немецкого просветителя И.-Г. Гердера¹¹.

На фоне столь возвышенной метафизики «прагматическая история» Устрялова выглядит гораздо более рациональной. В числе её основных эпистемологических идей можно указать следующие: ориентация на придание истории строго научного характера, необходимость критического анализа предшествующей историографии как обязательной части формируемого научно-исторического нарратива, важнейший концепт о непрерывном характере изменений по ходу исторического процесса и, наконец, комплексный подход к описанию и анализу исторических событий: «История должна обнимать всё, что оставило по себе следы заметные: достопамятные действия людей, управлявших внутреннюю и внешнюю политику России; успехи законодательства, промышленности, наук и художеств; влияние религии, нравов и обычаев»¹². Впрочем, едва ли стоит абсолютизировать рационализм Устрялова. Ему явно были не чужды романтические идеи об особом пути каждого народа в истории, заявляя об этом, подобно Погодину, в самом начале своего обзорно-программного труда: история России может быть вполне «понятна только Русскому уму, Русской душе»¹³.

Есть и ещё один характерный момент, роднящий Погодина и Устрялова при всём их различии: это использование понятий «История» и «Русский» в качестве имён собственных, всякий раз применяя их написание с заглавной буквы наравне с лексемами «Бог», «Россия», «Государь». Таким образом, для наших двух авторов данные термины приобретали значение идеальное, формирующее ключевые вехи исторического сознания общества. История была призвана формировать мировоззрение Русского народа в служении Государю, тем самым ведя Россию к Богу. Подобным образом можно сформулировать то высшее, практическое и метафизическое предназначение изучения отечественной истории, которое

10 Там же. С. 1.

11 Гердер И.-Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. 703 с.

12 Устрялов. Указ. соч. С. 6.

13 Там же. с. 1.

стремились выразить в своих научных штудиях русские консервативные историки.

Если Устрялов и Погодин воплощают в своём научном творчестве направление обобщающих исследований по русской истории, стремясь охватить всю её протяжённость, то два других историка, принадлежавших к государственно-консервативному лагерю эпохи Николая I, сосредоточили своё внимание на ближайших по времени крупных исторических событиях – Отечественной войне 1812 года и Восстанию декабристов 14 декабря 1825 года. фундаментальное сочинение Михайловского-Данилевского о Войне 1812 года и очерк барона Корфа о Восстании 14 декабря писались с прямой санкции императора и, соответственно, могут с полным правом считаться выражением принципов государственной исторической политики Николаевской эпохи. В то же время, эти работы с неизбежностью выражали официальные принципы методологии истории, особенно в том, что касалось истории новейшей и прямо затрагивающей продолжающееся царствование, августейшие персоны. По сути, речь шла об историческом имидже Царствующего дома Романовых.

«Описание Отечественной войны 1812 года» с первых строк основного текста задаёт принципы и содержание историописания: «Война 1812 года навсегда останется незабвенною, как повесть событий беспримерных в летописях военных, как память великого подвига Императора Александра и любви к Нему и Отечеству Русского народа»¹⁴.

Михайловский-Данилевский обозначает такие основания историографии, как стремление к полноте описания (говоря о необходимости описывать не только события военной и дипломатической истории, но и событий, происходивших в глубине России), опора на архивные источники, единство царя и народа в борьбе за свободу Отечества, исключительная роли императора как олицетворения Верховной власти. Кроме того, автор явно склонен рассматривать события 1812 года как исключительные и не имеющие равновеликих аналогов.

Иную пропозицию декларирует М.А. Корф в предисловии к описанию событий 14 декабря: «Достопамятные события, которыми ознаменовался период времени от получения известия о кончине...Императора Александра I до истечения дня 14 декабря 1825 года, не имеют до сих пор полного и удовлетворительного описания... Чтобы восстановить факты в их чистоте и вместе восполнить для будущего историка России, такой пробел, которого не простило бы потомство... Это ещё не история, возможная только в потомстве, но верная летопись, которую вести надлежит на

14 Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 года. Ч.1. СПб.: Типография Штаба Отдельного Корпуса Внутренней Стражи, 1845. 3-е изд. С. 1.

обязанности современников. Летопись должна рассказать что и как было; история оценит бывшее и произнесёт над ним свой приговор»¹⁵.

В данном случае автор претендует на полноту и беспристрастность описания, опираясь на аутентичные документы и свидетельства очевидцев, квалифицируя свой труд в качестве летописи и проводят различие с подлинно научной историей. Вместе с тем, по ходу текста просматривается желание ненавязчивой апологетики персоны Николая I, как вдохновителя сохранения государственного порядка в России. По нашему мнению, такая позиция не есть свидетельство карьеризма, но искренних монархических убеждений автора. То же суждение можно отнести и к сочинению Михайловского-Данилевского.

Дав общую характеристику методологическим принципам четырёх программных исторических трудов, созданных сторонниками «Теории официальной народности», можно сделать некоторые выводы. Поскольку в русле уваровской «триады» работали 4 крупных российских историка, постольку мы можем говорить об образовании ядра интеллектуальной сети. Хотя в историографии 1-й половины XIX столетия культура ссылок ещё не сформировалась, однако можно с уверенностью утверждать, что все четыре автора знали о работах друг друга и были лично знакомы. Это объясняется не только их проживанием и работой в столичных центрах (Москва, Петербург), но и общим небольшим числом представителей исторического сообщества. Достаточно сказать, что за 1-ю половину столетия в Российской империи было защищено 85 диссертаций по истории¹⁶. То есть круг профессиональных историков был узок, следовательно, связи внутри него неизбежно были тесными. Вместе с тем, отдельные ссылки на работы коллег по цеху всё же встречаются: например, М.А. Корф в качестве предшественника называет Н.Г. Устрялова. Однако сообщество ещё не означало полноценной интеллектуальной сети. Ей ещё только предстояло сформироваться в русской историографии.

Обобщая методологические пропозиции четырёх рассмотренных работ официально-консервативного направления, мы можем попытаться объединить их ключевые идеи в единый комплекс. В этом случае мы получаем очень интересную модель. Как отмечалось выше, две первых работы претендуют на обширный охват отечественной истории. Тогда как две последних концентрируют внимание на отдельных значимых собы-

---

15 Корф М.А. Историческое описание 14-го декабря 1825 года и предшедших ему событий. СПб.: Типография 2-го Отделения СЕИВ Канцелярии, 1848. С. I-IV.

16 Алеврас Н.Н., Скворцова А.М. Проблемы историографии и методологии истории в диссертациях российских историков 1-й половины XIX в. // Всеобщая история и историческая наука в XX – начале XXI века: сборник статей и сообщений. В 2-х т. Т.1. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2020. С. 86.

тиях – фокусный анализ или описание. Таким образом, два полюса – это широта либо событийная точечность охвата. Два других полюса: трансцендентные либо рациональные основания историописания. Два первых полюса можно расположить по горизонтали, два последних – по вертикали. Получаем систему координат, в которой вращаются практически все исторические сочинения по сию пору. Верхний полюс вертикальной оси составляет трансцендентное устремление консервативной историографии, её убеждение в богодухновенности исторического процесса в целом и России – в особенности; нижний полюс этой же оси – рациональные исследовательские установки, убеждение в том, что историю можно и должно постигать силами человеческого разума, выводя из фактов закономерности, которые необходимо использовать прагматически; правый полюс горизонтальной оси – суть установка на обширный охват во времени и пространстве, притязания на целостные и универсальные описания эпох «большой длительности»; наконец, левый полюс по горизонтали – это фокус исследовательского внимания на отдельных и локальных событиях, их детальная реконструкция по горячим следам. В каждом историческом сочинении от авторов-адептов «Теории официальной народности» мы можем отыскать в различных сочетаниях и пропорциях компоненты всех четырёх методологических пропозиций. Будучи взяты в целом, эти сочинения образуют необходимую полноту в освещении истории России. Гипотетически можно говорить, что такая схема приложима и при исследовании всемирной истории.

Таким образом, русская консервативная историография, взявшая в качестве мировоззренческих оснований положения знаменитой «уваровской триады», не просто создала целостную и глубокую методологию историописания в контексте своей эпохи, но смогла предложить такую эпистемологическую модель, которая не теряет своего значения и в наши дни. Не вина консервативных историков 2-й четверти XIX столетия, что их сочинения были забыты, либо подвергались обструкции то с либеральных, то с революционных позиций. Скорее, это объясняется «брожением умов» в русском обществе и идейно-политическими инверсиями, нежели недостатками исторических текстов. По прошествии времени, становится очевидной легковесность поспешных и предвзятых выводов, осуждения либо забвения многих сочинений, из которых можно почерпнуть немало интересного и полезного в методологическом плане при условиях искреннего интереса и стремления к научной истине.

Библиографический список:

1. Алеврас Н.Н., Скворцова А.М. Проблемы историографии и методологии истории в диссертациях российских историков 1-й половины XIX в. // Всеобщая история и историческая наука в XX – начале XXI века:

- сборник статей и сообщений. В 2-х т. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2020. Т. 1. С. 86-89.
2. Гердер И.-Г. Идеи к философии истории человечества. – М.: Наука, 1977. 703 с.
  3. Дискин И.Е. Консервативная модернизация. – М.: РОССПЭН, 2021. 342 с.
  4. Коллинз Р. Социология философий. Глобальная история интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 1283 с.
  5. Корф М.А. Историческое описание 14-го декабря 1825 года и предшедших ему событий. – СПб.: Типография 2-го Отделения СЕИВ Канцелярии, 1848. С. I-IV.
  6. Коялович М.О. История русского самосознания. – Минск: Белорусский дом печати, 1997. 668 с.
  7. Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 года. Ч.1. – СПб.: Типография Штаба Отдельного Корпуса Внутренней Стражи, 1845. 3-е изд. С. 1.
  8. Погодин М.П. Взгляд на русскую историю // Погодин М.П. Историко-критические отрывки. Т. 1. – М.: Типография А. Семе, 1846. Лекция при открытии курса в сентябре 1832 г. С. 1-19.
  9. Рубинштейн Н.И. Русская историография. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 802 с. С. 294, 308.
  10. Уваров С.С. Избранные труды. – М.: РОССПЭН, 2010. 720 с.
  11. Уваров С.С. Государственные основы. – М.: Институт Русской цивилизации, 2014. 608 с.
  12. Устрялов Н.Г. О системе прагматической русской истории. – СПб.: Типография Л. Снегирёва и К^о, 1836. 90 с.
  13. Эйдельман Н.Я. Грань веков. – М.: Мысль, 1986. 368 с.

References

1. Alevras N.N., Skvortsova A.M. Problems of historiography and historical methodology in dissertations of Russian historians of the 1st half of the 19th century. // General history and historical science in the 20th – early 21st centuries: collection of articles and messages. In 2 volumes – Kazan: Kazan University Publishing House, 2020. Vol. 1. P. 86-89.
2. Herder I.-G. Ideas for the philosophy of human history. – М.: Nauka, 1977. 703 p.
3. Diskin I.E. Conservative modernization. – М.: ROSSPEN, 2021. 342 p.
4. Collins R. Sociology of Philosophies. A global history of intellectual change. Novosibirsk: Siberian Chronograph, 2002. 1283 p.
5. Korf M.A. Historical description of December 14, 1825 and the events that preceded it. – St. Petersburg: Printing house of the 2nd Department of the SEIV Chancellery, 1848. P. I-IV.
6. Koyalovich M.O. History of Russian identity. – Minsk: Belarusian Press House, 1997. 668 p.
7. Mikhailovsky-Danilevsky A.I. Description of the Patriotic War of 1812. Part 1. – St. Petersburg: Printing house of the Headquarters of the Separate Corps of the Internal Guard, 1845. 3rd ed. P. 1.
8. Pogodin M.P. A look at Russian history // Pogodin M.P. Historical-critical passages. Vol. 1. – М.: A. Seme Printing House, 1846. Lecture at the opening of the course in September 1832, P. 1-19.
9. Rubinshtein N.I. Russian historiography. – St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 2008. 802 p. P. 294, 308.
10. Uvarov S.S. Selected works. – М.: ROSSPEN, 2010. 720 p.
11. Uvarov S.S. State fundamentals. – М.: Institute of Russian Civilization, 2014. 608 p.
12. Ustryalov N.G. About the system of pragmatic Russian history. – St. Petersburg: Printing house of L. Snegirev and Co., 1836. 90 p.
13. Eidelman N.Ya. Edge of centuries. – М.: Mysl, 1986. 368 p.

Напсо М.Б.

Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса, Северо-Кавказская государственная академия.

Агирбов Т.Р.

Студент, Северо-Кавказская государственная академия.

Виртуальность и реальность: индивид в гибридном пространстве*

Аннотация. Введение. Трансформация процесса социализации индивида под влиянием его пребывания в виртуальном и реальном мирах сделали самым важным качеством индивида его способность рационально использовать возможности технологий для саморазвития в реальной жизни. Проблема существования в гибридном пространстве, использования преимуществ одного мира в интересах другого приобретает самый актуальный характер. **Теоретический анализ.** В силу растущего влияния образов реальности на образ жизни индивида проблематика виртуальности как неотъемлемой части социального бытия индивида находится в центре научно-исследовательского дискурса. Предметом междисциплинарных исследований являются существо, свойства, причины востребованности виртуального мира, характер его влияния, негативные последствия гипертрофированной роли в жизни индивида. **Заключение.** Особые характеристики виртуального бытия: анонимность, свобода, абстрагирование от реальных факторов, отсутствие внутреннего и внешнего контроля, барьеров, «нейтральность» к достоверности, правовым, нравственным и культурным нормам - формируют у индивида множество выраженных зависимостей и особые, антропные, характеристики, способные изменить свойства реальной личности. Злоупотребление даже преимуществами виртуального мира придает последним характер угроз и рисков. Совершенствование коммуникаций в условиях виртуального мира с неизбежностью требует применения социокультурных механизмов, эффективно используемых в условиях реальности.

Ключевые слова: виртуальность, гибридное пространство, иллюзорность, цифровая аддикция, эскапизм, цифровая покорность, Интернет-феномены.

Напсо М.Б.

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the North Caucasus State Academy.

Agirbov T.R.

Student of the North Caucasus State Academy.

Virtuality and reality: an individual in a hybrid space

Abstract. Introduction. The transformation of the process of socialization of an individual under the influence of his stay in the virtual and real worlds has made the most important quality of an individual his ability to rationally use the possibilities of technology for self-development in real life. The problem of existence in a hybrid space, using the advantages of one world in the interests of another, is becoming the most urgent. **Theoretical analysis.** Due to the growing influence of reality images on an individual's lifestyle, the problem of virtuality as an integral part of an individual's social existence is at the center of scientific research discourse. The subject of interdisciplinary research is the essence, properties, reasons for the demand for the virtual world, the nature of its influence, and the negative consequences of an exaggerated role in an individual's life. **Conclusion.** The special characteristics of virtual existence: anonymity, freedom, abstraction from real factors, lack of internal and external control, barriers, "neutrality" to reliability, legal, moral and cultural norms - form an individual's many pronounced dependencies and special, anthropic characteristics that can change the properties of a real person. The abuse of even the advantages of the virtual world gives the latter the character of threats and risks. Improving communications in the virtual world inevitably requires the use of socio-cultural mechanisms that are effectively used in reality.

Key words: virtuality, hybrid space, illusory, digital addiction, escapism, digital submission, Internet phenomena.

Введение. Характерной чертой информационного общества эпохи цифровизации является феномен пребывания в гибридном пространстве, существования индивидов в двух реальностях - социальной и виртуальной. Мир технологий с его безграничным потенциалом постоянно развивающихся возможностей позволяет индивидам свободно перемещаться в иное бытие, придавать всему обыденному и привычному насыщенный и захватывающий характер, создавать новые формы и образы, синтезировать новую реальность со свойствами виртуального и реального мира. Эти возможности используются индивидом не только для расширения собственных границ, но и для бегства, укрытия, защиты от проблем все усложняющегося мира. Свобода, простота, легкость и яркость виртуального бытия притягательны как сами по себе, так и в сравнении с реалиями социального бытия. Однако одновременное нахождение индивида в

сфере социального и виртуального взаимодействия рискогенно множеством негативных проявлений и последствий. Среди них пребывание в условиях информационной перегрузки, рост проявлений аддиктивного поведения, что приводит «к заикливости на жизни в сети, отсутствию интереса к реальной жизни, социальной дезадаптации и деформации» [1, с. 23], в том числе из-за неприспособленности к реальной жизни, нереализованности в ней. Однако гипертрофическая увлеченность виртуальностью может только усилить несоответствие между реальным и виртуальным существованием.

Теоретический анализ. Востребованность виртуальной жизни объясняется множеством причин, среди них: 1) углубление субъективизма; 2) стремление индивида к новизне, обретению большей свободы; 3) виртуализация всех сфер жизнедеятельности, наличие у нее широких возможностей для самовыражения и пребывания в «насыщенной, множественной реальности, которая поддается внутреннему изменению», являясь интерактивной средой; 4) наличие возможности переноса социальных практик в виртуальную реальность и из нее в реальность, взаимообогащение виртуального и реального опытов [2, с. 94, 95, 96]. Киберпространство притягательно благодаря своим характерным свойствам. Жизнедеятельность индивида осуществляется по правилам и законам, формируемым в значительной мере им самим. Общедоступность и простота оперирования нематериальными образами обладают рекреационным эффектом и творческим потенциалом, но главное - разительно отличаются от сложностей их создания и оборота в естественном пространстве. Особую роль играет не реальность, а ее образы, ставшие источником новизны, различий, креативности. Но главное свойство - новизна, большая степень свободы, самовыражения, их независимость от реальных качеств личности и условий существования раскрепощают, захватывают, вселяют уверенность в себе. Технологии предоставили индивиду беспредельные постоянно совершенствующиеся возможности освобождения от пут реальности и выхода за любые пределы. Можно сказать, что эскапизм соответствует самому существу виртуального пространства.

Характер и содержание взаимодействия двух миров находятся в прямой зависимости не только от их объективных особенностей, но и субъективного на них воздействия, субъективных свойств личности, субъективного опыта. Виртуальный мир по мере превращения цифровых технологий в обыденность утратит многое из своей былой привлекательности. И увлеченность виртуальностью в ущерб реальности, и бегство из Интернета порождены не только реалиями социального мира и особыми свойствами мира виртуального, не только рутинизацией бытия

в обоих мирах. Они могут быть вызваны психологическими, идейными, поведенческими установками самого индивида. Собственное понимание свободы, ответственности, меры могут погрузить индивида в виртуальность или возбудить желание избавиться от ее излишнего воздействия. Уже сейчас «эскапистом будет являться...человек,...минимизирующий свое взаимодействие с онлайн-коммуникациями. Вместо «бегства» в Интернет мы начинаем стремиться к «бегству» из Интернета, в мир, где... мы свободны от цифровых технологий» [3, с. 100, 107]. Одной из главных причин бегства из Интернета становится кризис доверия, постоянное пребывание в пространстве глобальной недоверности, проблема получения объективного знания. Господство информационных образов реальности, не имеющих ограничений по созданию и модифицированию, тотально трансформируют характеристики информационной среды в сторону роста объемов, видов искаженной информации, что ведет к информационной интоксикации [4, с. 15, 22]. На индивидуальном уровне решить эту проблему невозможно, но возможно прибегнуть к эскапизму, но уже из Интернета. В силу этого проблемы обеспечения безопасности индивида, его защищенности от чрезмерного, целенаправленного, отрицательного воздействия, способного повлиять на целостность личности, ее установки, поведение, психику, отношение к реальности, приобретают все более актуальный характер. Эффективность мер защиты во многом определяется не столько механизмами внешнего реагирования, сколько внутренними, личностными способностями и возможностями определять и блокировать отрицательные информационно-психологические воздействия, минимизировать их и обеспечивать собственные права и свободы [5, с. 208].

Существование индивида в двух пространствах способствует формированию двух Я: реального и виртуального, Homo Virtualis. Чрезмерно оторванного от реальности виртуального индивида отличает наличие множества выраженных зависимостей, и главная из них - зависимость от пребывания в виртуальном пространстве (Internet addictive disorder). Силу этой зависимости хорошо демонстрирует разнородность терминологии, используемой для ее характеристики - Internet addiction disorder, Internet Dependency, Netaholism, Internet overuse, Internet abuse, Excessive Internet use, Disturbed Internet use [6, с. 101] и т.д. Зависимость от пребывания в виртуальном пространстве усугубляется зависимостью сознания и образа жизни реального человека от его виртуальной личности, от онлайн-бытия, у него формируются особые характеристики, часто именуемые антропными в силу их способности изменить свойства реальной личности, он испытывает потребность в нестандартных формах самовыражения и самоидентификация.

Зависимость от пребывания в виртуальном пространстве (Internet addictive disorder) характеризуется большим количеством проявлений. Все большее распространение получает так называемый синдром FOMO, или FOMO-эффект (Fear Of Missing Out), буквально означающий страх индивида что-то пропустить. Применительно к цифровым сервисам он свидетельствует о настойчивом стремлении оставаться на постоянной связи, в центре инфособытий, о боязни остаться в стороне от происходящего, на обочине мейнстрима, в неведении о чем-то новом, важном, полезном, активно используемом иными лицами, – это страх о чем-то во все не узнать или узнать позже. Жизнь в потоке информации, растущей по содержанию, объемам, источникам, провоцирует распространение синдрома FOMO, который может стать причиной желания «покинуть» реальный мир из-за потребности всегда быть на связи, поддерживать коммуникации и даже корректировать собственную жизнь сообразно получаемой информации. Аддикция любого рода имеет своим следствием, с одной стороны, неспособность к нормальной жизнедеятельности в условиях ограничения доступа к тому, от чего у индивида возникла зависимость, с другой стороны, чувство пресыщения, усталости и стресса, и тогда результатом непрерывного использования цифровых технологий становится цифровое выгорание. Долговременная вовлеченность на грани истощения провоцирует деперсонализацию, дезадаптивные проявления, снижение мотивации, профессиональный регресс, редуцирование личных достижений.

Массовое использование цифровых технологий без обеспечения надлежащего уровня безопасности и технологической продвинутости оборачивается утратой конфиденциальности и приватности. Феномен принятия неизбежности этого факта в процессе виртуальной коммуникации назван цифровой покорностью. В понятии цифровой покорности находит отражение и объективная сложность обеспечения приватности и конфиденциальности в Интернет-пространстве, и осознание индивидом как самого этого факта, так и неизбежности потерь в сфере приватности, и его готовность поступиться своими прежними представлениями о ней в обмен на преимущества технологий. Небрежение рисками, выбор в пользу сохранения и даже расширения коммуникативных возможностей при наличии осведомленности о потенциальной опасности нарушения приватности характеризует явление, получившее название «парадокс приватности». Смешение личного, приватного и публичного, постепенный переход первого во второе формирует новое понимание приватности в целом и собственное понимание приватности, что предполагает установление самим индивидом границ своей автономности, степени раскрытия и сокрытия информации, минимальной и максимальной социальной дистанции. Тем самым инди-

вид самостоятельно определяет уровень информированности иных лиц о себе и создает или исключает возможность сбора информации о себе без собственного на то желания.

Виртуальное пространство небезопасно, что требует от индивида наличия множества компетенций, в том числе не только способности противостоять и противодействовать, но и умения отрешиться от негативного инфопотока, отстраниться, снизить уровень психологической и эмоциональной восприимчивости, установить так называемые внутренние психологические фильтры. Практики «цветных» и «твиттерных» революций, феномен манипуляции, стратегия дискредитации, культура отмены, множество форм девиантного, агрессивного поведения – это далеко не полный перечень реальных угроз виртуального мира. Использование одних и тех же свойств виртуальной коммуникации способно как помочь индивиду самореализоваться, так и воспрепятствовать этому. Свобода, анонимность, обезличивание, возможность создания виртуальной личности, множественность коммуникаций, необязательность достоверности, стирание этических стандартов взаимодействия, своеволие и безответственность, отсутствие страха перед ответной реакцией (так называемый «феномен социального растормаживания»), легкость в совершении действий и в достижении цели провоцируют рост таких форм девиантного поведения, как оскорбление, унижение, издевательства, манипулирование, нападки, преследование и т.п. Наличие более десятка разновидностей только одного кибербуллинга свидетельствует о популярности самоутверждения через стратегию последовательного унижения иного лица. Обращает на себя внимание не только массовость такого рода явлений, но и парадоксальный характер проявлений в них коллективизма как реакции на утверждение лицами своей самобытности, креативности, успешности. Множество различных феноменов публичного агрессивного отношения к инакомыслию, инакодействию, - кибербуллинг, кибермоббинг, хейтинг, шейминг и др., свидетельствует об утверждении коллективных форм противодействия отдельному индивиду, имеющих целью принудить его поступиться своей индивидуальностью. Однако такое организованное, массовое воздействие не имеет ничего общего с коллективизмом в его существенном понимании. Это проявления индивидуализма, ситуативно прибегающего к посредству коллективных форм давления, чтобы получить конкурентные преимущества, завладеть инициативой, расширить сферы влияния или просто выместить обиды. Виртуальности свойственна и иная форма давление коллективного фактора. Утверждение индивидуальности в условиях виртуальной коммуникации находится в большой зависимости от коллективного признания - одобрения, подражания, числа последователей, подписчиков. В погоне за ними она подвергается модификации, под их

запросы подстраивается и интерпретируется. И в некотором смысле можно считать, что массовое довлеет, вынуждая индивида поступаться индивидуальностью, независимостью.

Названные и иные феномены коллективного и индивидуального виртуального нельзя считать продуктом исключительно для использования в условиях виртуального существования. Они могут быть напрямую спроецированы в мир реальный, имея под собой желание индивида обрести вполне определенный реальный личностный, социальный, финансовый статус. Виртуальный мир - не только среда существования, но и средство оказания влияния на реальность. И средство достаточно эффективное в силу отсутствия цензуры, социального контроля, правовых, социокультурных, нравственно-этических механизмов регуляции взаимодействий, обязательных в условиях реальности, что делает виртуальность идеальным опосредованным механизмом воздействия на реальность и достижения цели.

Заключение. Для индивида главная сложность гибридного существования заключается в степени согласованности виртуального Я-бытия и действительности, в степени и характере преобразующего влияния первого на второе. Нельзя отрицать того факта, что перемещение в виртуальную реальность с разными целями – от релаксации до самозащиты, виртуальный опыт самореализации вполне могут содействовать раскрытию потенциала личности. Но очевидно, что сосуществование двух реальностей, переход из одной в другую будут иметь положительный эффект в случае позитивного изменения реального бытия под воздействием возможностей виртуального. В свою очередь успешность в реальной жизни избавит индивида от чрезмерного влияния киберпространства, сохранив при этом потребность пребывания в русле современных технологий. В таком контексте наиболее гармоничной формой сосуществования двух миров считается технология дополненной реальности: она предотвращает полное погружение индивида в виртуальный мир посредством интегрирования виртуальных образов в окружающую среду, что не подменяет, а преобразует пространство реального бытия, тем самым создавая смешанный тип среды реальности [7, с. 151]. Но эффект виртуализации заключается не только в усилении роли социального конструирования, множественности социальных ролей индивидов, образно-зрелищных технологий в реальной жизни, но и в развитии традиционной, архаической культуры в виртуальном пространстве, возрождающейся в качестве ответной реакции на упадок реальности. В этом случае, при возрастании роли реальности в виртуальности вследствие усиления влияния образов реальности на социальную действительность, гибридному пространству резкость и жесткость различий будет менее свойственна. И это облегчит

индивиду пребывание в обоих мирах, сделав переход из одного в другой не столь сложным.

Библиографический список:

1. Пищелко А.В. Проблема негативных последствий жизнедеятельности личности в киберпространстве // Прикладная юридическая психология. 2018. № 3 (44). С. 19-23.
2. Лопатинская Т.Д. Эскапизм в киберпространстве как жизненная стратегия // Вестник ТвГУ. Серия «Философия». 2020. № 3 (23). С. 92-97.
3. Труфанова Е.О. Цифровое бегство или бегство от цифровизации? // Бренное и вечное: мифология цифровой цивилизации. Материалы Международной научной конференции. Великий Новгород. 2021. С. 100-107.
4. Головацкая О.Е. Методологические подходы к изучению искаженной информации // Коммуникология. 2023. Том 11. № 1. С. 15-30.
5. Рерке В.И., Бубнова И.С., Демаков В.И. Информационно-психологическая безопасность как научно-исследовательская дефиниция // Научно-педагогическое обозрение. 2022. Вып. 5 (45). С. 202-211.
6. Интернет-зависимость: психологическая природа и динамика развития/ сост. и ред. А.Е. Войскунский. – М.: 2009. 279 с.
7. Керуак А.В. Технология дополненной реальности как способ преодоления киберэскапизма // Человек и культура. 2022. № 6. С. 151-156.

References

1. Pishchelko A.V. The problem of negative consequences of a person's life in cyberspace // Applied legal psychology. 2018. № 3 (44). P. 19-23.
2. Lopatinskaya T.D. Escapism in cyberspace as a life strategy // Bulletin of Tver State University. Series «Philosophy». 2020. № 3 (23). P. 92-97.
3. Trufanova E.O. Digital flight or flight from digitalization? // Mortal and eternal: the mythology of digital civilization. Materials of the International Scientific Conference. Velikiy Novgorod. 2021. P. 100-107.
4. Golovatskaya O.E. Methodological approaches to the study of distorted information // Communicology. 2023. Volume 11. № 1. P. 15-30.
5. Rerke V.I., Bubnova I.S., Demakov V.I. Information and psychological security as a scientific research definition // Scientific and pedagogical review. 2022. Vol. 5 (45). P. 202-211.
6. Internet addiction: psychological nature and dynamics of development / comp. and ed. A.E. Voyskunsky. – M.: 2009. 279 p.
7. Kerouac A.V. Augmented reality technology as a way to overcome cyber-escapism // Man and culture. 2022. № 6. P. 151-156.

Суслов А.Ю.

Ведущий научный сотрудник, доктор исторических наук, доцент. Институт татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан, г. Казань.

Театры Татарстана в зеркале современной историографии*

Аннотация. Рассматриваются театральное пространство Республики Татарстан в отражении исследований последних десятилетий. Подчеркиваются длительные театральные традиции, существовавшие в Казанской губернии и Татарстане с конца XVIII века. Отмечаются существующие историографические исследования, их вклад в разработку темы. Анализируются основные направления трудов историков, культурологов, театроведов; наиболее значимые публикации. Отмечается значение энциклопедических изданий, как российского, так и республиканского уровня, издававшихся с 1960-х годов. Делается вывод о большой работе коллектива Института татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан. Подчеркивается роль ведущих театроведов, в том числе И.И. Иляловой и Ю.А. Благова, их труды по истории ведущих театров Казани. Обращается внимание на перспективы дальнейшей разработки темы – исследование деятельности частных театров, анализ развития материально-технической базы театров, театральные коллективы в районах республики, гастрольная и фестивальная деятельность.

Ключевые слова: театр, история, историография, энциклопедия, Казань, Татарстан, репертуар, драматургия, сценография.

Suslov A.Y.

Leading Researcher, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor. Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan.

Theaters of Tatarstan in the mirror of modern historiography

Abstract. The theatrical space of the Republic of Tatarstan is considered in the reflection of the research of the last decades. The long-lasting theatrical traditions that

existed in the Kazan province and the Tatar camp since the end of the XVIII century are emphasized. The existing historiographical studies and their contribution to the development of the topic are noted. The main directions of the works of historians, cultural scientists, theater critics are analyzed; the most significant publications. The importance of encyclopedic publications, both Russian and republican, published since the 1960s is noted. The conclusion is made about the great work of the staff of the Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. The role of leading theater critics, including I.I. Ilyalova and Yu.A. Blagova, their works on the history of the leading theaters of Kazan is emphasized. Attention is drawn to the prospects for further development of the topic – a study of the activities of private theaters, an analysis of the development of the material and technical base of theaters, theater groups in the regions of the republic, touring and festival activities.

Key words: theater, history, historiography, encyclopedia, Kazan, Tatarstan, repertoire, drama, scenography.

Театральное искусство в Казанской губернии и Татарстане имеет давние традиции, является ярким феноменом в культурной жизни России. Начало публичных театральных представлений в Казани относится к XVIII в. В 1791 г. в Казани был открыт постоянно действующий публичный театр; с начала XIX в. в городе стали строиться специальные театральные здания. В Казани, имевшей известность в качестве одного из крупнейших российских театральных центров, выступали актёры, чьи имена вошли в историю отечественного театра: К.А. Варламов, В.Н. Давыдов, А.П. Ленский, М.В. Лентовский, В.А. Макшеев, М.Г. Савина, П.А. Стрепетова, М.И. Писарев, М.Т. Иванов-Козельский, В.И. Качалов, А.И. Каширин, В.Ф. Комиссаржевская, Е.О. Любимов-Ланской, М.М. Тарханов.

Театральное пространство постоянно расширяется. Начало XX в. было ознаменовано возникновением татарского профессионального театра. С 1908 г. в Казани и городах Казанской губернии начались регулярные выступления передвижной татарской театральной труппы «Сайяр» во главе с Г. Кариевым. Первые татарские актёры Н. Сакаев, С. Гиззатуллина-Волжская, В. Муртазин-Иманский, Н. Таждарова, З. Султанов, Ш. Шамильский, М. Мутин, Г. Болгарская, К. Шамиль, Б. Тарханов сформировали школу национального театрального искусства. Первый государственный татарский театр был создан в 1920 г. С начала XX века возникают театральные коллективы и вне Казани, в частности в Бугульме. В 1930-е годы формируется сеть межрайонных передвижных колхозно-совхозных театров (Алексеевский, Альметьевский, Атнинский, Буинский, Мамадышский, Мензелинский, Чистопольский) с татарскими и русскими труппами, предназначенными для обслуживания сельского зрителя.

Театральному пространству Татарстана посвящена обширная литература, которая периодически становилась предметом специального историографического анализа. Исследованиям по истории Казанского академического русского драматического театра им. В.И. Качалова посвящены сюжеты в книгах И.А. Крути [22], Ю.А. Благова [9, С.13-19], И. Ингвара [20] и специальная статья Р.С.Копылова [21]. Труды по истории татарского театра так или иначе рассматривались в исследованиях М.Г. Арсланова [1], И. Иляловой [15], [16], [17], И.Г. Ингвара [20], Х.Л. Кумысникова [23], [24] и других [25]. В тоже время отсутствуют обобщающие работы, касающиеся развития историографии татарстанского театра в целом с учетом эволюции драматического искусства, биографий отдельных деятелей сцены, деятельности районных и народных театров, театральных фестивалей, гастрольных поездок, премий и конкурсов. В перспективе необходимо разработать периодизацию истории развития театрального искусства в Татарстане в контексте общероссийских и региональных тенденций.

В целом историографию театрального пространства Татарстана можно разделить на несколько крупных блоков. Во-первых, необходимо выделить труды энциклопедического и справочного характера. Здесь выделяется 5-ти томная «Театральная энциклопедия», выпущенная в СССР в 1960-е годы [33]. Она впервые дает комплексную информацию по всем сферам театрального искусства Татарстана – общий обзор истории развития, сведения о режиссерах и актерах, наиболее значимых постановках, отдельных театрах, драматургии, театральном образовании, библиографии. Традиции энциклопедических изданий были продолжены в 1990-2000-е годы, когда усилиями коллектива Института татарской энциклопедии Академии наук Республики Татарстан было подготовлено первое универсальное научно-справочное издание, посвященное Татарстану и татарскому народу – «Татарский энциклопедический словарь» [31], а затем «Татарская энциклопедия» в 6-ти томах на русском и татарском языках [30]. В этих фундаментальных изданиях на новом уровне дается расширенная информация об истории и современном состоянии театров Татарстана, фестивалях, конкурсах, премиях. Наконец, стоит выделить современный масштабный совместный проект Союза театральных деятелей России, Министерства культуры, Роспечати и Фонда культуры – «Театр России. XXI век: энциклопедия». Предполагается выпуск пяти томов, посвященных, в том числе театральному искусству российских регионов, в 2020 г. опубликован первый том [32]. В эту же группу можно включить обобщающие работы по истории театрального искусства в России и Татарстане. Во второй половине 1960-х – начале 1970-х годов вышла в свет многотомная «История советского драматического театра», изданная Ин-

ституте истории искусств, где появились небольшие главы о татарском театре, написанные литературоведом Б.Н. Гиззатов [11]. В этой работе анализируется история советского театра с 1917 по 1967 гг. Изучению истории национального театра посвящена книга «Татар совет театры» («Татарский советский театр», 1975) [29]. В 2014 г. вышла книга М.Г. Арсланова «Татарский театр: энциклопедический словарь-справочник» – первый обобщающий труд энциклопедического характера, куда наряду с персоналиями, сценическими произведениями, театральными коллективами включены также специальные профессиональные термины [1], [10].

Во-вторых, литература по истории отдельных театров. Безусловно, выделяются исследования по истории крупнейших театральных коллективов, расположенных в Казани – Казанского драматического театра им. Качалова, Татарского академического театра оперы и балета им. М. Джалиля, Татарского государственного академического театра им. Г. Камала, Татарского государственного театра кукол «Экият». Практически о каждом из них, что вполне закономерно, существуют отдельные исследования как монографического плана, рассматривающие историю отдельных театральных коллективов в различные исторические периоды, так и целый ряд статей, освещающих отдельные аспекты функционирования театров. Существенно меньше работ о государственных и муниципальных театрах в районах республики, народных театрах (их более 900). Между тем, театры Альметьевска, Бугульмы, Буинска, Нижнекамска, Мензелинска, Набережных Челнов и других населенных пунктов Татарстана имеют богатые традиции и нуждаются в анализе их творческого пути. Наконец, отдельную группу работ составляют труды по отдельным аспектам театрального искусства [12], биографии выдающихся актеров [18], [19], [26], [27], режиссеров, исследования по истории драматургии [2], [3], [4], [5], [13], [14] и сценографии [28].

Говоря об историографии театрального Татарстана, нельзя обойти вниманием имена выдающихся исследователей театрального искусства республики – Ильтани Исхаковны Иляловой (р.1932) и Юрия Алексеевича Благова (1937-2014). Многолетняя плодотворная деятельность этих театроведов, критиков, педагогов неразрывно связана с театром, они авторы целого ряда книг об актерах, истории отдельных театральных коллективов, альбомов, справочных изданий, рецензий на спектакли. Работы И.И. Иляловой о театре им. Г. Камала [15], [16], К. Тинчурина [14] и целый ряд других [13], [15], [23], [24], исследования Ю.А. Благова о Качаловском театре [6], Казанском театре юного зрителя [6], [8], взаимосвязях Казанского университета и театра [7] отличаются глубоким профессионализмом, принципиальностью, тщательным анализом традиций театрально-

го искусства. История театра показана на фоне общественного развития страны и республики, определившего в значительной мере как организационные формы театра, так и его творческое содержание. И.И. Иляловой и Ю.А. Благову удается удачно совмещать исторические и искусствоведческие аспекты развития театра. В этом плане стоит выделить приложение к монографии Ю.А. Благова «Очерки истории Казанского русского драматического театра XX века», где дана подробная и ценная информация о репертуаре театра с 1901 по 2000 год, а также отдельные рецензии на спектакли [9, С. 202-299].

Исследователями театрального искусства Татарстана за последние десятилетия проделана большая и важная работа по анализу истории и современного состояния театральных коллективов. Рассмотрены различные аспекты драматургии, особенности формирования и развития отдельных творческих коллективов, знаковые спектакли и отклики на них, биографии выдающихся артистов и режиссеров. Во многом удалось показать эволюцию роли театра в культурном и общественно-политическом пространстве Татарстана в различные исторические периоды. В то же время ряд аспектов темы нуждается в дальнейшем исследовании. Вызывает интерес развитие материально-технической базы театров Татарстана в различные периоды, их гастрольно-фестивальная и просветительская деятельность, взаимовлияние русских и татарских театральных традиций, как и традиций иных народов, проживающих в республике. Нуждается в подробном освещении и оценке постсоветский этап развития театров. Практически отсутствует литература о частных театрах – новом феномене на театральной карте Татарстана, уверенно занимающем свою нишу и постоянно расширяющем зрительскую аудиторию. Назрела необходимость создания справочного издания, посвященного театральному пространству Татарстана в целом. Продолжение исследований существенно обогатит наши представления о театрах республики как значимом явлении российской и мировой культуры.

Библиографический список / Reference

1. Арсланов М.Г. Татарский театр: энциклопедический словарь-справочник = Татар театры: энциклопедик сүзлек-белешмә / М.Г. Арсланов. – Казань: Заман, 2014. 584 с.
2. Ахмадуллин А. Горизонты татарской драмы. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1983. 216 с.
3. Ахмадуллин А. Татарская драматургия. Истоки и формирование социалистического реализма. – М.: Наука, 1983. 264 с.
4. Ахмадуллин А. Татарская драматургия: история и проблемы. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2012. 511 с.
5. Батталова А.Д. Татар драматургиясендә йорт образының үсешүзгәреше (1960–2000 еллар). – Казан, 2009. 149 б.
6. Благов Ю.А. Русский ТЮЗ в Казани: материалы для исследования. – Казань: Татарское кн. изд-во, 2010. 143 с.
7. Благов Ю.А. В содружестве с Мельпоменой: Казанский университет и театр: к истории взаимосвязей. – Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2003. 87, [1] с.

8. Благоев Ю.А. Казанский театр юного зрителя: (Очерк истории). – Казань: Татар. кн. изд-во, 1986. 107 с.
9. Благоев Ю.А. Очерки истории Казанского русского драматического театра XX века. – М.: ГЦТМ им. А.А.Бахрушина, 2019. 332 с.
9. Габаши А. Рецензия на книгу М.Г.Арсланова «Татарский театр: энциклопедический словарь-справочник» // Научный Татарстан. 2015. № 4. С. 164-165.
10. Гиззат Б.Н. Татарский театр // История советского драматического театра: в 6 т. М.: Наука, 1966. Т. 1. С. 336-354; 1966. Т. 2. С. 347-355; 1967. Т.3. С. 455-473; 1968. Т. 4. С. 488-505; 1969. Т. 5. С. 513-537; 1971. Т. 6. С. 490-509.
11. Гузельбаева И.А. Развитие театральной культуры Татарской АССР в условиях системных реформ перестройки (1985-1991 гг.) // Новое прошлое. 2021. № 1. С. 172-185.
12. Әхмәдуллин А. Күңелләргә уютыр: хәзерге татар драматургиясе. – Казан: Магариф, 2007. 189 б.
13. Әхмәдуллин А. Офыклар киңәйгәндә: әдәби тәнкыйть мәкаләләре. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2002. 228 б.
14. Илялова И. Вся жизнь с театром: [очерки, воспоминания]. – Казань: Ак Буре, 2021. 303 с.
15. Илялова И. Межнациональные связи татарского театра. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1985. 240 с.
16. Илялова И. Театр имени Гинчурин. – Казань: Идел-Пресс, 2002. 278 с.
17. Илялова И.И. Г. Камал театры артистлары = Артисты театра им. Г. Камала: биографик белешмәлек. Тулыл. 2-нче басма. – Казань: Татарстан китап нәшрияты, 2005. 333, [1] б.
18. Илялова И.И. Театр имени Камала: очерк истории. – Казань: Татарское книжное издательство, 1986. 328 с.
19. Ингвар И.Г. Русский театр в Казани: советский период / И.Г. Ингвар, И.И. Илялова. – Казань, 1991. 287 с.
20. Копылов Р.С. Театральная культура Казани в свете исследований XIX – XX вв. // Вестник Каз.гос.ун-та культуры. 2020. № 1. С. 44-48.
21. Крути И.А. Русский театр в Казани. – М.: Искусство, 1958. 396 с.
22. Кумысников Х.Л. Татарский театр // История театроведения народов СССР. Очерки. 1917-1941. – М.: АН СССР, 1985. С. 91-97.
23. Кумысников Х.Л. Современный татарский драматический театр. 1941-1962: Очерк истории: дис. ... канд. искусствоведения. – М.: 1962. 416 с.
24. Мехсинов З. Татар дәүләт академия театры. – Казан: Татполиграф, 1930. 64 б.
25. Народные артисты: [Очерки. Сборник / Составители И. Илялова, Г. Кантор]. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1980. 592 с.
26. Народные артисты: [очерки] / [авт.-сост.: И. Илялова]. – Казань: Магариф-Вақыт, 2011. 390, [1] с.
27. Султанова Р.Р. Сценография татарского театра: основные этапы и закономерности развития (XX-нач. XXI в.). – Казань: ИД «Казанская недвижимость», 2019. 591 с.
28. Татар совет театры (очерклар) / Ред. Б.Н. Гыйззәт. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1975. 493 б.
29. Татарская энциклопедия: В 6 т. / Гл. ред. М.Х. Хасанов, отв. ред. Г.С. Сабирзянов. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2002-2014.
30. Татарский энциклопедический словарь. Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 1999. 703 с.
31. Театр России. XXI век: энциклопедия / Министерство культуры Российской Федерации, Союз театральных деятелей Российской Федерации, Российский фонд культуры; [науч. ред. совет: Трубочкин Д. В. (пред.) и др.]. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2020. Т. 1: А - И. Т. 1. 2020. 734 с.
32. Театральная энциклопедия. В 5-ти т. – М.: Советская энциклопедия, 1961-1967.

Ширяева-Бакшевникова В.Н.

Кандидат исторических наук, Государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург.

**Развитие морских промыслов
мурманского берега в XI-XVIII веках***

Аннотация. В данной научной статье автор подробно анализирует развитие морских промыслов на Мурманском берегу в период с XI по XVIII века. Исследуется влияние географических, экономических и политических факторов на развитие рыболовства, добычи морского зверя и других видов морских ресурсов в указанный период. Автор подробно описывает различные этапы, начиная с формирования первых поселений до появления монополий и передачи промыслов в частные или государственные руки. Особое внимание уделяется времени Петра I, когда были созданы монопольные компании, стремившиеся к развитию промыслов, но фактически занимавшиеся эксплуатацией и контролем. Автор анализирует негативное влияние монополий на развитие промыслов, указывая на значительное налоговое бремя, которое замедляло процесс. В статье также приводится сравнение развития морских промыслов на Мурманском берегу и соседнем норвежском берегу в районе Финмаркена, где отмена монополий способствовала расцвету промыслов и увеличению торговых операций. В заключение подчеркивается, что постоянные передачи промыслов от монопольных компаний к государству и обратно негативно сказывались на развитии промыслов на Мурманском берегу, не позволяя им значительно продвинуться в техническом и экономическом плане. Сравнение с развитием морских промыслов на норвежском берегу в Финмаркене показывает, что освобождение от монополий и инновационная поддержка правительства привели к процветанию рыбного промысла и обогащению региона. Общий вывод заключается в том, что монополии и недостаточная государственная поддержка промыслов на Мурманском берегу привели к их упадку и отставанию от соседей.

Ключевые слова: Мурманский берег, морские промыслы, рыболовство, добыча морского зверя, XI-XVIII века, покрут, рыбный промысел, Кольский полуостров, Мурман, Норвегия.

Shiryayeva-Bakshevnikova V.N.

Candidate of Historical Sciences. State University of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg.

The development of marine crafts of the Murmansk coast in the XI-XVIII centuries

Abstract. In this scientific article, the author analyzes in detail the development of marine fisheries on the Murmansk coast in the period from the XI to the XVIII centuries. The influence of geographical, economic and political factors on the development of fishing, the extraction of marine animals and other types of marine resources during this period is being investigated. The author describes in detail the various stages, from the formation of the first settlements to the emergence of monopolies and the transfer of crafts to private or public hands. Special attention is paid to the time of Peter the Great, when monopoly companies were created, striving for the development of crafts, but actually engaged in exploitation and control. The author analyzes the negative impact of monopolies on the development of fisheries, pointing to the significant tax burden that slowed down the process. The article also provides a comparison of the development of marine fisheries on the Murmansk coast and the neighboring Norwegian coast in the Finmarken area, where the abolition of monopolies contributed to the flourishing of fisheries and increased trade operations. In conclusion, it is emphasized that the constant transfers of fisheries from monopoly companies to the state and back had a negative impact on the development of fisheries on the Murmansk coast, preventing them from making significant technical and economic progress. A comparison with the development of marine fisheries on the Norwegian coast in Finmarken shows that the liberation from monopolies and the innovative support of the government led to the prosperity of the fishery and the enrichment of the region. The general conclusion is that monopolies and insufficient state support for fisheries on the Murmansk coast have led to their decline and lagging behind their neighbors.

Key words: Murmansk coast, marine fisheries, fishing, extraction of sea animals, XI-XVIII centuries, pokrut, fishing, Kola Peninsula, Murmansk, Norway.

За долгие века истории развития морских промыслов на Мурманском берегу, начиная с XI века и заканчивая XVIII веком, произошло множество изменений, влияющих на экономическое и социальное развитие этого региона. Географическое положение, экономические условия, политические решения – все это оказывало влияние на развитие рыболовства, добычи морского зверя и других видов морских ресурсов. Исторический анализ этого периода поможет понять, каким образом морские промыслы влияли на жизнь мурманцев, какие вызовы они ставили перед государством, и каким образом различные решения влияли на долгосрочное развитие региона. В данной статье мы рассмотрим ключевые моменты этого процесса и проанализируем, как различные факторы влияли на развитие морских промыслов на Мурманском берегу.

Материалы и методы исследований: В работе использовались исторические источники, археологические данные, результаты научных ис-

следований. Проведен анализ различных аспектов развития морских промыслов на Мурманском берегу и их влияния на экономику и общество данного региона.

Результаты и обсуждения: В ходе исследования было установлено, что развитие морских промыслов на Мурманском берегу было тесно связано с климатическими условиями, географическим положением и экономическими потребностями данного региона. Рыболовство и добыча морского зверя играли важную роль в экономике и жизни местного населения.

1. История Мурманского берега Кольского полуострова в XI-XVIII веках

Мурманский берег Кольского полуострова издревле был сферой интересов Русского государства. По свидетельству норвежского исследователя Эрика Берньера уже в XI веке Мурманский берег принадлежал Руси. Между Ярославом Мудрым и норвежский королем Олафом Шетконунгом был подписан договор, разграничивающий территории между Русью и Норвегией. По нему граница проходила через залив Люгенфьорд. Договор был закреплен браком между Ярославом и дочерью Олафа Ингигердой. Конечно, граница была формально-относительной, служила, скорее, для разграничения сфер влияния и ни коим образом не мешала взаимной миграции [71]. После смерти Олафа между странами начались разногласия, сопровождающиеся вооруженными стычками. В 1323 году был подписан новый договор между новгородским князем Юрием Даниловичем и норвежским королем Магнусом, определивший границу по Варангерскому заливу [13].

До XIII века нет достоверных свидетельств о наличии постоянных русских поселений ни на Кольском полуострове в целом, ни Мурманском берегу в частности. И только в летописях, относящихся к 1264 году есть первые сведения о поселении Кола, причем, можно сделать вывод, что к упомянутому году Кола существовала уже определенное время. Кем именно она была основана сказать невозможно, известно только, что выросла она из промыслового пункта [1].

В период независимого существования Новгорода Кольский полуостров, как и Двинская земля, принадлежал боярской республике. Мурманское побережье регулярно посещалось ватагами новгородских промышленников, на нем росли промысловые становища. В XVI веке новгородское правительство ввело откупную систему – правило «десятой рыбы». Сборы отдавались на откуп как частным лицам, так и целым обществам. В 1550 году Кола становится «острогом», в нее был прислан воевода, поскольку Ивану Грозному в условиях войны со Швецией требовался укрепленный пункт на Севере, но на развитии промыслов эта ситуация практически не отразилась, в отличии от событий конца XVI века.

Тогда все кольские промыслы были отданы на откуп иностранным «гостям Петру Морсенесу и Еремею Фельцу», выплатившим за промышленников их пошлину [2]. Такой подход крайне негативно сказался на экономике края и надолго затормозил развитие промыслов, поскольку промышленники были обязаны сдавать иностранцам всю добычу по фиксированной заниженной цене [9]. Откупная система была отменена только в середине XVII века, иностранные гости были вынуждены уступить свое место самостоятельным промышленникам.

В 1665 году в Коле была открыта таможенная застава, на которую из Москвы были присланы стрельцы и целовальники. В числе прочего их задачей был регулярный обход территории для сбора «десятой рыбы». По регулярным жалобам рыбопромышленников стрельцы и целовальники допускали многочисленные поборы и злоупотребления, эти притеснения были настолько серьезными, что правительство было вынуждено отреагировать и в 1691 году передало сбор десятины «гостям с товарищами». Промыслы были окончательно регламентированы, прежде всего, в фискальных целях, а в 1696 году на промышленников была возложена обязанность самим привозить в Архангельск рыбий жир в определенном объеме бочках, надзор за промыслами был значительно усилен, натуральный налог заменен денежным и заметно увеличен [10]. Кроме того, если рыба предназначалась для продажи на внутреннем рынке, то по торговому уставу 1667 года, с промышленников брали десятипроцентную пошлину, а также часть улова отходила в пользу города Архангельск и поморских монастырей. Точный размер этой части не известен, но предполагается, что она не могла быть меньше десятой части улова [8]. Таким образом, можно сделать вывод, что налоговое бремя северных промыслов в XVII веке было значительным, и это тормозило их развитие.

2. Развитие морских промыслов на Мурмане Петровской эпохи

Новый этап в развитии северных морских промыслов, в том числе, и на Мурмане начинается в царствование Петра I в начале XVIII века. Петр обратил особое внимание на техническое развитие промыслов. Это не коснулось способов ловли рыбы, поскольку поморам здесь не было равных. Но они значительно уступали тем же норвежцам в сохранении улова и приготовлении его к продаже, что серьезно снижало ценность продуктов промысла и их конкурентоспособность, сужало возможный рынок сбыта. Петр I поспособствовал созданию в 1704 году отдельной компании, состоявшей из Меншикова, братьев Шафириных, Григорьева и Копьева, и отдал ей все промыслы на содержание [4]. Компания обладала большими средствами и должна была служить цели «большого промыслов размножения и вспоможения торговли». Но надежды Петра на компанию бело-

морских промыслов не оправдались. Компания, являясь монополистом, совершенно не заботилась о «размножении и вспоможении», скупала у бедных промышленников рыбу по заниженным ценам и заботилась только о своей прибыли.

Занятый военными проблемами Петр долгое время не обращал внимание на плачевное положение дел на северных промыслах. Только в 1722 году он отбирает монополию у Меншикова и компании и передает ее купцу «гостиной сотни» Матвею Евреинову на двадцать лет. Опасаясь повторения печального опыта, он ужесточает контроль. Выбор членов новой компании он поручает не ее главе Евреинову, а Коммерц-Коллегии, и обставляет деятельность компании серьезными ограничениями. Так, вводится обязательное условие, что компания или сама ведет промыслы или скупает рыбу у промышленников по договорной цене, деятельность компании ведется под строгим контролем, облагается повышенной пошлиной и т.д. Но и этот опыт был признан неудачным. Уже через год Петр окончательно отменяет монополию и выписывает из-за границы мастера для соленья трески, разрешает иностранцам устраивать на местах промыслов свои заводы по селению рыбы и продавать поморам свою соль [12].

Пользуясь благосклонностью императора, иностранные предприниматели начали хлопотать о даровании им монополии на промыслы, однако Петр ответил отказом. Только в 1726 году Екатерина I разрешила иностранцам создать монопольную кампанию с обязательным русским участием. Свои операции она должна была производить за казенный счет под контролем Коммерц-Коллегии, то есть, по сути была учреждена государственная монополия. В том же году учреждается китобойная компания в Коле, куда для организационных дел приезжает президент Коммерц-Коллегии Шафиров. Члены компании даже получили ряд привилегий, таких как освобождение от постоя и рекрутской повинности. С тресковым промыслом, ставшему собственностью государства, все обстояло сложнее. В 1726 году доход от трескового промысла составил около 37 тысяч рублей, в то время, как ранее, даже при самых неблагоприятных частно-монопольных условиях, он давал несколько сотен годового дохода. Поэтому в 1730 году государственная монополия была снова отменена, промыслы были переданы поморам в вольное пользование [6]. Но уже в 1731 году по протекции влиятельных персон промыслы снова были переданы в монопольное пользование на тридцать лет тому же Матвею Евреинову. В вольном использовании остались только тресковые промыслы [3]. Компания Евреинова просуществовала всего четыре года, затем перешла к Шафинову, от него в 1742 году к барону Шембергу и на этот раз уже с тресковыми промыслами. После Шемберга промыслы опять переходят госу-

дарству, а потом в ведение особой конторы в Архангельске, учрежденной в 1744 году. В период казенного управления продолжается упадок промыслов, и скоро они опять переходят в частные руки к графу Шувалову на двадцать лет «для лучшего тех промыслов произведения и приращения государственного интереса». Эта монополия была субсидированной, Шувалову «в пособие» из казны выдали шесть тысяч рублей. Промыслы передавались на тех же условиях, что и купцу Евреинову. Сначала Шувалов развернул бурную деятельность – в Архангельске открыл особую промысловую контору, приступил к обустройству быта промышленников, доставляя им предметы первой необходимости и помогая в получении паспортов. Но на этом все и ограничилось. В 1750 году Шувалов издал указ о запрете промышленникам продавать топленое сало морского зверя в посторонние руки, а в 1753 году приказ не только промышленникам, но и частным лицам продавать добытую треску только приказчикам Шувалова. Шувалов скупал продукты промысла по самым низким ценам. Так, за пуд сала он платил 35-40 копеек и перепродавал его в Архангельске по 80 копеек. В 1762 году монополия была снова отменена, а промыслы были оставлены в управлении Шувалова только до истечения двадцатилетнего срока. Указом 1768 года все промыслы, кроме торговли салом, находившейся в монополии архангельских купцов на десять лет, были переданы жителям Архангельской губернии «могущим иметь от того пропитание». Формально монополия на салоторговлю не отличалась от Шуваловской, но ее результаты были намного успешнее. Если управление Шувалова ежегодно в течение двадцати лет отправляло от 1800 до 8800 бочек, архангельские купцы продавали за границу от 5680 до 14080 бочек. На этом основании монополия архангельских купцов была продлена еще на 10 лет [5].

Следующий период в развитии морских промыслов вплоть до 1803 года характеризуется их полной свободой от монополии. К сожалению, не сохранилось документов относительно развития промыслов в этот промежуток времени, и судить об успешности нет никакой возможности. Но в 1803 году промыслы были отданы частной «Беломорской компании», что вызвало общее недовольство промышленников и купечества. Компания получила правительственную субсидию в 263 тысячи рублей и Екатерининскую гавань, на побережье которой построила пристань, склады и магазины. В 1809 году компания приходит в упадок из-за разграбления ее имущества и захвата судов англичанами. Компания все же просуществовала до 1813 года, после чего была закрыта. С этого момента промыслы навсегда становятся вольными [14].

Подводя итоги можно сказать, что в рассматриваемые периоды промыслы на Мурмане никогда не были свободными, даже во время Новго-

родской республики, а начиная с правления Петра I их постоянно передают от одной монопольной компании к другой, в руки государства и обратно. Это ясно показывает негативное влияние такой ситуации на развитие промыслов – никакого существенного развития техники, усиления экономического развития и т.д. не произошло. Памятники XIX века показывают, что техническая сторона промыслов ничуть не изменилась по сравнению с XVIII, XVII и XVI веками. Экономическое же значение промыслов уменьшилось в несколько раз: если во времена Ломоносова насчитывалось не менее 10 тысяч человек промышленников, то к концу XIX века их число колебалось всего около 3 тысяч, торговый оборот тоже значительно уменьшился. Из-за упадка промыслов снизилась платежеспособность тяглого населения, выросли недоимки по уплате государственных податей.

3. Сравнение развития морских промыслов на Мурманском и норвежском берегу

Интересно сравнить развитие морских промыслов Мурманского берега с такими же на соседнем норвежском берегу в районе Финмаркена.

Известно, что в XV-XVIII веках поморы посещали, кроме Мурмана, и берег Финмаркена, доходя до мыса Нордкап, занимались там морскими промыслами, зимовали и устраивали склады. Весь этот период русские промышленники доминировали на всем побережье и даже основали города Васин и Варгаев, позже переименованные норвежцами в Вардзе и Вардэ. Такая ситуация объяснялась тем, что был беднейшим регионом, страдавшим от монополии, дарованной норвежским правительством нескольким бергенским купцам. Эти купцы были крайне недовольны меновой торговлей местных жителей с поморами и постоянно засыпали правительственные органы жалобами, ревниво оберегая свои привилегии. Правительство поддержало купцов, обратившись к Екатерине II с просьбой прекратить подобную торговлю. Результатом стал указ императрицы с предписанием «русским в Финмаркене заниматься промыслом не в притеснение и не во вред Его Датского Величества».

Но в середине XVIII – начале XX веков в Норвегии произошли политические и общественные перемены. Норвегия практически сходит с арены активной политической жизни, перестает играть сколько-нибудь заметную внешнеполитическую роль и все внимание начинает уделять внутренней политике. Одной из первых проблем, привлечших внимание норвежского правительства, стал морской промысел в районе Финмаркена. Началось тщательное изучение причин упадка рыбных промыслов в Финмаркене и, его итогам, была отменена губительная монополия, объявлена полная свобода торговли в этой провинции и учреждены три порто-

вых города. Русско-норвежская меновая торговля была официально разрешена, русским поморам даны многие льготы для облегчения меновых и торговых отношений, но, в то же время, был ограничен их промысел у норвежских берегов. Кроме то, были проведены обширные гидрографические исследования, построены маяки, проведены дороги и телеграф, учреждены и субсидированы круглогодичные магистральные и местные пароходные рейсы, построены церкви, открыты школы и метеорологические станции и т.п. [11].

Результаты такой политики сказались быстро. Поморы все активнее занимались выгодной меновой торговлей, забрасывая свой промыслы. Им было выгоднее ввозить вымененную у норвежцев рыбу, обходившуюся им дешевле, чем у себя дома. Поэтому норвежские промыслы все более развивались, быстро росли уловы, росла и численность населения Финмаркена. Норвежская рыба начала продаваться не только в Россию, но и во Францию, Германию, и даже Испанию. В городах Вардэ, Вардзе и Гамерфест появились новые торговые дома, были построены салотопенные заводы и заводы по переработке отходов рыбных и звериных промыслов, появились продовольственные склады, и менее чем за сто лет Финмаркен стал процветающим богатым краем, привлекающим к себе как новые торговые капиталы, так и множество иностранных туристов.

Выводы. Мурманский берег Кольского полуострова долгое время привлекал внимание Русского государства. Уже в XI веке он входил в сферу интересов Руси, что подтверждается договором между Ярославом Мудрым и норвежским королем Олафом Шетконунгом. Однако до XIII века на этом полуострове не было постоянных русских поселений. Появление Колы отмечено лишь в летописях 1264 года, и хотя ее точное основание неизвестно, она стала значимым промысловым пунктом. В период независимости Новгорода Кольский полуостров принадлежал боярской республике, промысловые становища на мурманском побережье регулярно посещались новгородскими промышленниками.

В XVI веке введена откупная система, что существенно замедлило развитие промыслов. В последующие годы налоговое бремя становится значительным, что препятствует расцвету промысла. Однако начало XVIII века приносит новый этап развития благодаря вниманию Петра I. Он обратился к техническому развитию промыслов, хотя поморы сохраняли превосходство в методах ловли. В 1704 году создана компания для управления промыслами, но она не оправдала ожиданий Петра, став монополистом, который заботился лишь о своей прибыли.

Лишь в 1722 году Петр I отбирает монополию у компании и передает ее купцу Матвею Еврейнову, позже опасаясь повторения ошибок в управ-

лении промыслами. Таким образом, история промысла на мурманском берегу Кольского полуострова отражает сложные взаимосвязи политики, экономики и социальных аспектов в разные исторические периоды.

В результате проведенного исследования нами были сделаны следующие выводы:

1. Отсутствие свободного развития промыслов на Мурманском берегу связаны с постоянным влиянием монопольных компаний.

2. Политика монополий влияла на технические и экономические аспекты промыслов.

3. Сравнение с норвежским берегом показывает важность государственной поддержки для развития промыслов.

4. Упадок промыслов на Мурманском берегу в XIX веке произошел в результате отсутствия инноваций и монопольного управления.

Развитие морских промыслов на Мурманском берегу в XI-XVIII веках имело большое значение для экономики и социальной сферы данного региона. Исследование данного периода позволяет лучше понять историю северных промыслов и их влияние на формирование общества и культуры на Мурманском берегу.

Библиографический список:

1. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Ин-т истории АН СССР, Ленингр. отд-ние; подгот. к печати В.Г. Вейман и др.; под ред. С.Н. Валка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 407 с.
2. Громько М.М. Русско-нидерландская торговля на Мурманском берегу в XVI веке // Средние века. – Москва: Издательство Академии Наук СССР, 1960. Вып. XVII. С. 224-258.
3. Гузакова М.В. «Торговые обстоятельства» в переписке купцов Булдаковых // Российская история. 2017. № 4. С. 34-46.
4. Дадькина М.М., Крайковский А.В. «Промысел стараться умножить»: деятельность сальной кампании А.Д. Меншикова и морские промыслы на русском севере. 1704-1721 гг. // Меншиковские чтения – 2014: науч. альм. / гл. науч ред. П.А. Кротов. – СПб.: XVIII век, 2014. Вып. 5 (12). С. 71-77.
5. Ковальчук А.В. Экономическая политика правительства Екатерины II во второй половине XVIII в.: идеи и практика: монография – 2017: Нестор-История, 2017. 424 с.
6. Никонов С.А. Кто в море не ходил, тот Богу не малывался: промысловая колонизация Мурманского берега и Новой Земли крестьянами и монастырями Поморья в XVI-XVIII веках: монография – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2020. 496 с.
7. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / С.А. Никонов – Полное собрание русских летописей. Том 3. – Санкт-Петербург: «Лань» (мировое наследие). 2013. 562 с.
8. Островский Д.Н. Очерк торговой и промысловой деятельности русских на побережье Северного океана // Известия Русского географического общества. – Санкт-Петербург, 1891. Т. XXVII. С. 249-276.
9. Харузин Н.Н. Писцовая книга Кольского острога 1608-1611 гг. // Русские лопари. — Москва: Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете. Труды Этнографического отдела, 1890. С. 279-328.
10. Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI-XVII вв. / под ред. А.И. Андреева – Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, тип. 1-й артели Советский печатник, 1930. 191 с.
11. Сиденснер А.К. Описание Мурманского побережья: монография / Сиденснер А.К. — Санкт-Петербург: издание Главного гидрографического управления Морского министерства, 1909. 272 с.
12. Трофимов П.М. Очерки экономического развития европейского Севера России: монография / П.М. Трофимов – Москва: Соэкзист, 1961. 26 с.
13. Шаскольский И.П. Экономические связи России с Данией и Норвегией в IX-XX веках // Исторические связи Скандинавии и России. IX-XX вв: сборник статей. – Ленинград: Труды Института истории СССР АН СССР, 1973. С. 9-63.
14. Шрадер Т.А. Поморская торговля в документах архивов Санкт-Петербурга (XVIII-начала XX вв.):

монография / отв. ред. А.А. Комаров – Москва: Librocom (Институт всеобщей истории), 2012. С. 80-92.

Reference

1. Certificates of Veliky Novgorod and Pskov / Institute of History of the USSR Academy of Sciences, Leningrad. separation; prepared for publication V.G. Weiman et al.; edited by S.N. Valka. – M.; L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1949. 407 p.
2. Gromyko M.M. Russian-Dutch trade on the Murmansk coast in the 16th century // Middle Ages. – Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1960. Vol. XVII. P. 224-258.
3. Guzakova M.V. “Trade circumstances” in the correspondence of the Buldakov merchants // Russian history. 2017. № 4. P. 34-46.
4. Dadykina M.M., Kraikovskiy A.V. “We are trying to multiply the fishery”: the activities of A.D.’s greasy campaign. Menshikov and marine fisheries in the Russian north. 1704-1721 // Menshikov readings - 2014: scientific. alm. / ch. scientific ed. P.A. Krotov. – St. Petersburg: XVIII century, 2014. Issue. 5 (12). P. 71-77.
5. Kovalchuk A.V. Economic policy of the government of Catherine II in the second half of the 18th century: ideas and practice: monograph – 2017: Nestor-Istoria, 2017. 424 p.
6. Nikonov S.A. Whoever did not go to sea did not pray to God: the commercial colonization of the Murmansk coast and Novaya Zemlya by peasants and monasteries of Pomerania in the 16th-18th centuries: monograph - St. Petersburg: Nestor-Istoria, 2020. 496 p.
7. Novgorod first chronicle of the older and younger editions / S.A. Nikonov - Complete collection of Russian chronicles. Volume 3. – St. Petersburg: “Fallow deer” (world heritage). 2013. 562 p.
8. Ostrovskiy D.N. Essay on the trade and fishing activities of Russians on the coast of the Northern Ocean // News of the Russian Geographical Society. – St. Petersburg, 1891. Vol. XXVII. P. 249-276.
9. Kharuzin N.N. Scribe book of the Kola fort, 1608-1611. // Russian Lapps. — Moscow: News of the Society of Lovers of Natural History, Anthropology and Ethnography, affiliated to Moscow University. Proceedings of the Ethnographic Department, 1890. P. 279-328.
10. Collection of materials on the history of the Kola Peninsula in the 16th-17th centuries. / ed. A.I. Andreeva - Leningrad: Publishing House Acad. Sciences of the USSR, type. 1st artel Soviet printer, 1930. 191 p.
11. Sidensner A.K Description of the Murmansk coast: monograph / Sidensner A.K - St. Petersburg: publication of the Main Hydrographic Directorate of the Maritime Ministry, 1909. 272 p.
12. Trofimov P.M. Essays on the economic development of the European North of Russia: monograph / P.M. Trofimov - Moscow: Setsekgiz, 1961. 26 p.
13. Shaskolsky I.P. Economic relations of Russia with Denmark and Norway in the 9th-20th centuries // Historical relations of Scandinavia and Russia. IX-XX centuries: collection of articles. - Leningrad: Proceedings of the Institute of History of the USSR, USSR Academy of Sciences, 1973. P. 9-63.
14. Shrader T.A. Pomeranian trade in documents from the archives of St. Petersburg (XVIII-early XX centuries): monograph / rep. ed. A.A. Komarov - Moscow: Librocom (Institute of General History), 2012. P. 80-92.

*История международных
отношений и всеобщая история*

*History of international relations
and general history*

Щербаков М.Ю.

Аспирант. Государственный университет просвещения.

Антифинляндские настроения в общественном мнении и политике 1880–1890-х годов*

Аннотация. В центре внимания статьи находятся вопросы антифинляндских настроений в российском общественном мнении и политической практики двух последних десятилетий XIX века. Антифинляндские настроения в российском общественном сознании были детерминированы рядом важных общественно-политических сдвигов в жизни пореформенной Российской империи. В 1880–1890-х годах политика российского правительства в национальном вопросе претерпела существенную трансформацию. Бытование «финляндского вопроса», а следовательно, и «антифинляндских настроений» проявлялось в нескольких формах: 1) практических шагах самодержавия по унификации («русификации») национальных окраин; 2) дискуссии о правовом положении Великого княжества Финляндии в составе Российской империи; 3) формировании негативного общественного мнения по вопросу автономии Финляндии. При этом, основная волна русификации финляндской окраины Российской империи будет связана с царствованием Николая II.

Ключевые слова: финляндский вопрос, политика русификации Финляндии, русско-финские отношения, национальный вопрос, антифинляндские настроения, общественное мнение.

Shcherbakov M.U.

Postgraduate student. Federal State University of Education.

Anti-Finnish sentiments in public opinion and politics of the 1880s–1890s

---

* © Щербаков М.Ю., 2024.

Abstract. The article focuses on the issues of anti-Finnish sentiments in Russian public opinion and the political practice of the last two decades of the XIX century. Anti-Finnish sentiments in the Russian public consciousness were determined by a number of socio-political upheavals in the life of the post-reform Russian Empire. In the 1880s and 1890s, the Russian government's policy on the national issue went through a significant transformation. The existence of the "Finnish question" and, consequently, the "anti-Finnish sentiments" manifested itself in several forms: 1) the practical steps of the autocracy to incorporate the national outskirts ("Russification policies"); 2) discussions on the legal status of the Grand Duchy of Finland as part of the Russian Empire; 3) the formation of negative public opinion on the issue of Finnish autonomy. The main wave of Russification policies will be associated with the reign of Nicholas II.

Key words: Finnish question, policy of Russification of Finland, Russian-Finnish relations, national question, anti-Finnish sentiments, public opinion.

Проблемы антифинских и антифинляндских настроений в российском общественном мнении и политической практики двух последних десятилетий XIX века активно исследуются в отечественной общественно-политической и исторической литературе [1, с. 26-47]. В последнее время этот вопрос приобретает особую актуальность после вступления Финляндии в состав блока НАТО и серии недружественных шагов правительства этой страны в отношении граждан Российской Федерации.

Антифинляндские настроения в системе государственного управления и общественном сознании России были детерминированы рядом важных сдвигов в жизни Российской империи во 2-й половине XIX века. Либеральные реформы императора Александра II не могли не сказаться на жизни отдельных частей империи, имеющих особый статус и самостоятельную систему управления. В Финляндии начали складываться предпосылки к формированию общественного движения, которое отстаивало идеи расширения национальной автономии. Русское правительство в этот период сделало ряд шагов, способствующих политическому и экономическому развитию Финляндии (созыв сейма, автономия Финляндского государственного банка, формирование национальных вооруженных сил). В 1860–1870-х годах Финляндия получила значительные преференции в развитии промышленности и промыслов, а также во внешнеторговой деятельности [2, с. 61-62].

После покушения народовольцев на Александра II («казнь императора» 1 марта 1881 года) происходит резкий поворот во внутренней политике российского государства, который должен был сказаться на положении окраин империи. Причиной этого могли послужить идеи народников и народовольцев о возможности самоопределения национальных окраин. Впервые такая идея была высказана в прокламации П.Г. Заичневского «Молодая

Россия» (1862 г.). В ней провозглашался принцип федерализма в видении будущего государственно-территориального устройства России (Польша и Литва получали независимость, а иные области могли сами определиться с вопросом о вхождении в состав России) [3, с. 330].

Подобные идеи вызывали резкое отторжение российских консерваторов, один из лидеров которых М. Н. Катков на страницах газеты «Московские ведомости» в 1863 году выпустил статью, в которой разоблачал идеи федерализма и критиковал созыв финляндского Сейма, полагая, что федеративное устройство страны, которое рассматривается правоведами как идеальная форма устройства государства, противно здравому политическому смыслу. По его мнению, либеральные реформы русского правительства, затрагивающие положение Финляндии, крайне опасны по своим политическим последствиями для сохранения целостности государства [4, с. 102; 5, с. 55]. Именно эти идеи будут лежать в основе антифинляндской позиции консервативного крыла русской общественной мысли конца XIX века.

В 1860-х годах российское правительство не поощряло выпады консерваторов в адрес национальных окраин, и даже активно воздействовало на консервативную печать, чтобы нивелировать дискуссии по национальным вопросам. Не избежал подобного воздействия и М.Н. Катков, которому на какое-то время пришлось отказаться от антифинляндской риторики [5, с. 56]. На некоторое время «финский вопрос» полностью пропал со страниц русских газет, чтобы с новой силой оказаться в центре общественного дискурса уже в условиях новой политической реальности.

В 1880–1890-х годах политика российского правительства в национальном вопросе претерпела существенную трансформацию, а соответственно, характер обсуждения актуального вопроса в прессе также изменился.

А.П. Петухова отмечает: «Российская монархия обратилась к разработке и осуществлению политики унификации финляндского края. В результате родился финляндский вопрос – общественно-политический феномен, сложившийся вокруг конфликта финской и русских сторон по поводу определения статуса княжества» [1, с. 3].

В целом, бытование «финляндского вопроса», а следовательно, и «антифинляндских настроений» проявлялось в нескольких формах: 1) практические шаги самодержавия по унификации («русификации») национальных окраин; 2) дискуссия о правовом положении Великого княжества Финляндии в границах Российской империи; 3) формирование негативного общественного мнения по вопросу сохранения значительной автономии Финляндии.

Практико-политические меры российского правительства по унификации («русификации») частей империи, обладавших элементами автоно-

мии, в том числе Финляндии, после 1881 года имели разнообразные причины, характер и последствия.

Еще в советской историографии были проанализированы основные шаги русского правительства по нивелированию административной автономии Финляндии: подчинение министерству внутренних дел почтово-телеграфного ведомства Финляндии (1890 г.), замена финских чиновников на лиц, владеющих русским языком (1891 г.), внесение изменений в статьи Уголовного положения, относящиеся к жителям Финляндии (1893 г.), введение в действие новых «Основных положений» для Финляндии (1899 г.) [2, с. 62]. Последнее положение резко ограничивало автономные права жителей княжества: Сейм был лишен права выходить с законодательной инициативой за пределы компетенции княжества, а пределы этой компетенции определялись российским правительством. За рамками компетенции Сейма княжества оказалось, в числе прочего, принятие решений по делам формирования национальных вооруженных сил, регулирование таможенных сборов, вопросы образования и национального языка, а также проведения массовых мероприятий [2, с. 62].

Изменения в «Основных положениях» вызвали широкое общественное сопротивление во всех слоях финского общества: собирались подписи под петицией с требованием отменить новшества, проводились массовые акции, активизировалась финская интеллигенция. Это вызвало ответные меры со стороны властей, принявших шаги по недопущению оппозиционного движения.

Можно выявить значительный комплекс противоречий в развитии Финляндии вследствие антифинляндской политики российского правительства: 1) расширение полномочий генерал-губернатора уменьшало автономные права княжества и усиливало роль российского правительства при наличии Сената (правительства княжества) и Сейма (его влияние постоянно увеличивалось, что привело к периодическими роспускам в начале XX века); 2) в Финляндии была сформирована относительно независимая система местного самоуправления в виде губернских и уездных органов, реформированная в 1860–1870-х годах на основе либеральных принципов, но развитию этой системы мешали внутри финские противоречия и антифинляндские настроения в российском обществе и политических органах; 3) осталась незаконченной судебная реформа; 4) законодательная система княжества во многом оставалась автономной, попытки ее унификации не были системными, российское законодательство действовало избирательно либо затрагивало незначительную часть правоотношений; 5) бюрократический аппарат княжества состоял из финнов и формировался исходя из местных законов, поэтому национальное чиновничество в условиях принципа несменяемости было консолидировано и обладало значительным

влиянием [10]. Складывалась двойственная ситуация, которая вызывала резкое неприятие в русских правительственных кругах и среди мыслителей консервативного лагеря, поскольку значительное уменьшение прав Великого княжества Финляндии не достигало главной цели: ликвидация автономии и полноценное включение в состав Российской империи.

По авторитетному мнению М.Н. Крота, военный фактор сыграл большую роль в активизации мер по наступлению на автономные права княжества [11, с. 95]. Стремление к дальнейшей инкорпорации Финляндии с необходимостью диктовалось сомнением высших чинов российской армии в сохранении вооруженными силами княжества, состоящими из местного населения, верности российской короне. Защита границ империи, угроза нападения на столицу и перспектива неожиданно встретиться со 100-тысячной финской армией, – всё это вызывало беспокойство военного руководства. Часто в обсуждениях «финского вопроса» возникал так называемый «шведский фактор», значение которого чаще всего преувеличивалось.

Однако, военный аспект не может рассматриваться как основной в системе формирования антифинляндского дискурса во внутренней политике Российской империи. Примечательна в этом отношении характеристика военно-стратегического положения Финляндии, которую в 1890 году дал сторонник унификации А.М. Золотарев: имелись исключительно потенциальные внешние угрозы по вторжению на территорию княжества недружественных государств и созданию опасности для российской столицы, что определялось лоялизмом финского населения. Идеи генерал-губернаторов Ф.Л. Гейдена и Н.И. Бобрикова по включению финской армии в состав общеимперских войск не получило одобрения военного министерства в 1890 году [12, с. 98]. А.П. Петухова, анализируя документы военного ведомства, приходит к выводу о том, что в них положение в княжестве рассматривалось как стабильное, антифинляндская кампания в русской печати военных не волновала, в отношении Финляндии не предусматривалось специальных мобилизационных мероприятий [12, с. 98].

Гораздо более заметной в российском обществе 1880-х годов стала дискуссия о государственно-административном и правовом статусе Финляндии по отношению к Российской империи [5, с. 56]. Эта полемика затронула как интеллектуальную элиту России, так и финских мыслителей, при этом, начавшись как научное обсуждение правовых вопросов, она стала заметной частью отечественной публицистики. Поводом для дискуссии стал выход в свет и последующий перевод на русский язык книги Лео Мехелин «Краткий очерк государственного права Великого княжества Финляндского» (1886 г.), которая консервативными мыслителями России была представлена в искаженном виде. В адрес финского автора

последовала критика за то, что он с позиций государственного права попытался оценить статус Финляндии и сделал спорный вывод, что «Финляндия является особым государством, а не провинцией Российской империи» [5, с. 56].

В отечественной юриспруденции и общественно-политической мысли дискуссия о государственно-правовом статусе Великого княжества Финляндии сформировала два основных взгляда на эту проблему. Выдающиеся российские правоведы Б.Н. Чичерин, В.И. Сергеевич, В.В. Ивановский и другие не отказывали Финляндии в государственном статусе, считая, что отношения этой страны с Россией определялись унией, персонифицированной в лице императора Всероссийского и великого князя Финляндского. Представители данного направления, например, Б.Н. Чичерин, не видели правовых оснований для независимости Финляндии путем отделения от России.

Иного взгляда придерживались традиционалистски настроенные юристы А.С. Алексеев, Ф.Ф. Мартенс, Н.М. Коркунов, Н.С. Таганцев, Э. Берендтс и другие, исходившие из понимания неразделимости России как империи, что позволяло рассматривать Финляндию лишь как провинцию единого государственного организма [13, с. 113-115].

Подобные дискуссии не могли не перейти в практическую плоскость в условиях усиления консервативных тенденций. М.Н. Крот отмечает, что финляндский генерал-губернатор Ф.Л. Гейден разработал ряд проектов, нацеленных на пересмотр принципов управления княжеством с точки зрения дальнейшего развития нормативно-правовой базы. Неясность правового статуса Финляндии при наличии законодательно утвержденных или исторически сложившихся общественных правоотношений, строящихся на принципах автономии княжества, вызывала у русских консерваторов желание законодательно отменить автономию и закрепить положение о единстве национальной окраины с империей, а также провозгласить верховенство российского законодательства [11, с. 97]. Практическое воплощение подобных идей началось при генерал-губернаторов Н.И. Бобрिकове, но привело к обратному эффекту – солидаризации финской нации и дальнейшему нагнетанию «финского вопроса».

Противоположные тенденции в отношении к автономии Финляндии не могли не сказаться на формировании негативного общественного мнения по вопросу автономии Финляндии. В диссертации А.П. Петуховой имеется специальный параграф с красноречивым названием «Антифинляндский бум в российском информационном пространстве в конце 1880-х – 1890-е гг.» [1, с. 91-104]. По оценкам автора диссертации, антифинляндская кампания достигла своего пика в 1890 году, и основную роль в этом играли консервативные газеты и журналы. Нельзя не отметить и важное значение

отдельных публицистов, которые в конце XIX века активно поддерживали интерес русской публики к финской тематике на страницах русских печатных изданий (М.Н. Катков, К.И. Якубов, М.М. Бородкин, К.Ф. Ордин и другие).

В заключение отметим то, что и финские, и российские современные исследователи сходятся в мнении о том, что «сравнительно безболезненный процесс адаптации» финского общества к русским порядкам и позитивное влияние русской культуры сменился с 1880-х годов периодом «интеграции» (юридического наступления «на автономное положение Финляндии»), что приводило к взаимному возникновению антироссийских и антифинляндских настроений [6, с. 202-203]. При этом, основная волна русификации финской окраины Российской империи придется на царствование императора Николая II, что вызвало продолжение активных дискуссий вокруг статуса Великого княжества Финляндии в начале XX века, когда на его территории активно действовали русские революционеры, и привело к радикальному неприятию всего русского после Октябрьской революции, что стало причиной длительного противостояния с Советской Россией [7; 8; 9].

Библиографический список:

1. Петухова А.П. Русское национальное движение и финляндский вопрос во второй половине XIX – начале XX века: Дис. ... канд. ист. наук: 5.6.1. / ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова». – М.: 2022. 332 с.
2. Ильинский Я.С. Роль русского рабочего класса в национальном освобождении Финляндии // Вопросы истории. 1953. № 12. С. 60-79.
3. Заичневский П. Г. Молодая Россия // Утопический социализм в России: Хрестоматия. – М.: Политиздат, 1985. С. 329-334.
4. Витухновская М.А. Бунтующая окраина или модель для подражания: Финляндия глазами российских консерваторов и либералов второй половины XIX – начала XX веков // Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России: Сб. ст. / Под ред. А.Н. Цамутали. – Великий Новгород, 2004. С. 89-142.
5. Некрасов Е. В. Вопрос о государственно-правовом статусе Великого княжества финляндского в составе Российской империи в дореволюционной отечественной историко-правовой мысли // Вестник Омского университета. 2010. № 1. С. 53-61.
6. Российско-финский симпозиум в Санкт-Петербурге // Отечественная история. 2000. № 2. С. 201-206.
7. Смолин А.В. Формирование антифинляндских настроений среди русских беженцев в Финляндии в 1918–1920 гг. // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2012. № 9. С. 80-93.
8. Мякинин О.В., Рябова Л.К. Позиция правых сил в отношении «финляндского вопроса» на страницах газеты «Окраины России» (1906–1912 гг.) // Гельсингфорс – Санкт-Петербург: Страницы истории (вторая половина XIX – нач. XX вв.): Сб. ст. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2012. С. 145-166.
9. Бахтурина А. Ю. Дискуссии 1906–1910 гг. об участии депутатов от Великого княжества Финляндского в работе Государственной думы и Государственного совета // Таврические чтения 2018. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 6–7 декабря 2018 г.: Сборник научных статей. В 2 ч. / Под ред. А.Б. Николаева. Ч. 1. – СПб.: Астерион, 2019. С. 55-61.
10. Карнишина Н.Г. Национальные окраины Российской империи в середине XIX – начале XX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. История. 2011. № 2 (18). С. 22-28.
11. Крот М.Н. «Укрепить государственную связь между великим княжеством и империей...»: попытки ин-

- корпорации Финляндии в российское имперское пространство в конце XIX – начале XX вв. // Под скипетром Романовых: к 300-летию провозглашения России империей: Материалы научно-практической конференции [г. Калининград, 4 июня 2021 г., г. Пермь, 14–15 июня 2021 г., г. Казань, 22 июля 2021 г.] – Калининград, Пермь, Казань, 2022. С. 91–106.
12. Петухова А.П. «Отсель грозить мы будем...»: Военный фактор во взаимоотношениях России и Великого княжества Финляндского в конце XIX – начале XX вв. // Человеческий капитал. 2020. № 11 (143). С. 96–108.
13. Новикова И. Н. Особое государство или провинция Империи // Санкт-Петербург и Страны Северной Европы: Материалы ежегодной научной конференции (25–26 апреля 2001 г.) / Под ред. В.Н. Барышникова, С.Ю. Трохачева. – СПб.: РХГИ, 2002. С. 111–116.

Reference

- Petukhova A.P. Russian national movement and the Finnish question in the second half of the 19th – early 20th centuries: Dis. ...cand. ist. Sciences: 5.6.1. / Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow State University named after M.V. Lomonosov. – M.: 2022. 332 p.
- Ilyinsky Ya.S. The role of the Russian working class in the national liberation of Finland // Questions of history. 1953. № 12. P. 60–79.
- Zaichnevsky P. G. Young Russia // Utopian socialism in Russia: Reader. – M.: Politizdat, 1985. P. 329–334.
- Vitukhnovskaya M.A. A rebellious outskirts or a model to follow: Finland through the eyes of Russian conservatives and liberals of the second half of the 19th – early 20th centuries // Many Faces of Finland. The image of Finland and Finns in Russia: Sat. Art. / Ed. A.N. Tsamutali. – Veliky Novgorod, 2004. P. 89–142.
- Nekrasov E.V. The question of the state-legal status of the Grand Duchy of Finland as part of the Russian Empire in pre-revolutionary domestic historical and legal thought // Bulletin of Omsk University. 2010. № 1. P. 53–61.
- Russian-Finnish symposium in St. Petersburg // Domestic history. 2000. № 2. P. 201–206.
- Smolin A.V. The formation of anti-Finnish sentiments among Russian refugees in Finland in 1918–1920. // Proceedings of the Department of History of Modern and Contemporary Times. 2012. № 9. P. 80–93.
- Myakinin O.V., Ryabova L.K. The position of the right forces regarding the “Finnish question” on the pages of the newspaper “Outskirts of Russia” (1906–1912) // Helsingfors - St. Petersburg: Pages of history (second half of the 19th - early 20th centuries): Collection. Art. – St. Petersburg: St. Petersburg University Publishing House, 2012. P. 145–166.
- Bakhturina A. Yu. Discussions of 1906–1910. on the participation of deputies from the Grand Duchy of Finland in the work of the State Duma and the State Council // Tauride Readings 2018. Current problems of parliamentarism: history and modernity: International scientific conference, St. Petersburg, Tauride Palace, December 6–7, 2018: Collection of scientific articles. In 2 hours / Ed. A. B. Nikolaeva. Part 1. – St. Petersburg: Asterion, 2019. P. 55–61.
- Karnishina N.G. National outskirts of the Russian Empire in the mid-19th – early 20th centuries. // News of higher educational institutions. Volga region. Humanitarian sciences. Story. 2011. № 2 (18). P. 22–28.
- Mole M.N. “Strengthen the state connection between the grand duchy and the empire...”: attempts to incorporate Finland into the Russian imperial space at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries. // Under the scepter of the Romanovs: to the 300th anniversary of the proclamation of Russia as an empire: Materials of the scientific and practical conference [city. Kaliningrad, June 4, 2021, Perm, June 14–15, 2021, Kazan, July 22, 2021] - Kaliningrad, Perm, Kazan, 2022. P. 91–106.
- Petukhova A.P. “From here we will threaten...”: The military factor in the relationship between Russia and the Grand Duchy of Finland at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries. // Human capital. 2020. No. 11 (143). P. 96–108.
- Novikova I. N. A special state or province of the Empire // St. Petersburg and the Northern European Countries: Proceedings of the annual scientific conference (April 25–26, 2001) / Ed. V.N. Baryshnikova, S.Yu. Trokhacheva. – St. Petersburg: RKhGI, 2002. P. 111–116.

Ян Шанжун

Институт истории и культуры, Северо-Западный педагогический университет.

**Американская пропаганда времен
Холодной Войны и кризиса с венгерскими
беженцами в 1956 году***

Аннотация. Данная работа отражает исследования содержания американской пропаганды в середине прошлого века. Автор изучает последствия венгерского восстания 1956 года, в ходе которого 200 000 венгров стали беженцами, что привело к самому серьезному кризису беженцев со времен холодной войны. Возникновение проблемы венгерских беженцев имеет множество внутренних и внешних причин и является результатом совокупности внутренних и внешних факторов. Данная конфликтная ситуация напрямую связана с социальными потрясениями, которые были вызваны вводом советских войск на территорию Венгрии для подавления восстания и яростным сопротивлением венгерского народа. Также это обусловлено пропагандой США в Венгрии в начале холодной войны. Нестабильная социальная обстановка во время венгерских событий и пропаганда запада вызвали у некоторых граждан Венгрии сильное беспокойство за будущее, а некоторые участники боялись советского возмездия, и бегство казалось им единственным выходом.

Поэтому в контексте данного исследования основной целью является изучение американской пропаганды времен холодной войны в 1956 г. Объектом исследования выступают события холодной войны и кризис с венгерскими беженцами в данный период. Предмет - американская пропаганда в указанное время.

Ключевые слова: пропаганда времен холодной войны, США, венгерские беженцы 1956 года, американская пропаганда, национальная безопасность, политический курс развития, холодная война, коммунистический режим, Советский Союз.

Yang Shangrong

Institute of History and Culture, Northwestern Pedagogical University.

**American propaganda during the Cold War
and the Hungarian refugee crisis in 1956**

Abstract. This work reflects research on the content of American propaganda in the middle of the last century. The author explores the consequences of the 1956 Hungari-

an uprising, during which 200,000 Hungarians became refugees, which led to the most serious refugee crisis since the Cold War. The emergence of the problem of Hungarian refugees has many internal and external causes and is the result of a combination of internal and external factors. This conflict situation is directly related to the social upheavals that were caused by the entry of Soviet troops into the territory of Hungary to suppress the uprising and the fierce resistance of the Hungarian people. This is also due to the US propaganda in Hungary at the beginning of the Cold War. The unstable social situation during the Hungarian events and the propaganda of the West caused some Hungarian citizens to be very worried about the future, and some participants were afraid of Soviet retaliation, and flight seemed to them the only way out.

Therefore, in the context of this study, the main goal is to study American propaganda during the Cold War in 1956. The object of the study is the events of the Cold War and the crisis with Hungarian refugees during this period. The subject is American propaganda at the specified time.

Key words: Cold War propaganda, USA, Hungarian refugees of 1956, American propaganda, national security, political course of development, cold War, communist regime, Soviet Union.

Данная работа является этапным результатом общего проекта Национального фонда социальных наук Китая «Исследование вмешательства США в кризис с венгерскими беженцами в 1956 году в годы холодной войны» (20BSS059).

Введение.

Актуальность данного исследования отражается в необходимости исследования проблем, возникающих в связи с активной американской пропагандой в Европе в середине 20 века. При этом некоторые исследователи [1] отмечали множество негативных тенденций, связанных с данной политикой в обществе.

Начало холодной войны ознаменовалось сменой курса США по отношению к Восточной Европе, обусловленное угрозами национальной безопасности Америки. Поэтому преобладающим направлением контроля СССР над государствами-союзниками в Восточной Европе (Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Болгария, Албания и Восточная Германия) явилось нарушение баланса сил в Европе [2, с. 34]. В целях смены данной ситуации, в США в 1952 г. была сформулирована «Политика освобождения», чтобы направить и убедить народы Восточной Европы против коммунистических режимов с помощью пропаганды в годы холодной войны. В качестве основных методов реализации «Политики освобождения» можно назвать политическую, психологическую и пропагандистскую войну, то есть достижение своих целей невоенными средствами. Венгрия, находив-

шаяся в центре событий, была главной мишенью американской пропаганды времен холодной войны.

Л.Г. Дадян отмечает смену политики «сдерживания» Трумена в отношении стран коммунистического мира, которая активно критикуется республиканской партией на более активное воздействие в отношении стран-потенциальных союзников. Именно в данный период зародилась политика «Освобождения Европы» [1, с. 84], которая стала основным направлением политики США в Восточной Европе в середине прошлого века.

В контексте этого нами была определена основная цель исследования - изучение американской пропаганды времен холодной войны в 1956 г. Объектом исследования выступают события холодной войны и кризис с венгерскими беженцами в данный период. Предмет - американская пропаганда в указанное время.

В ходе работы нам представляется важным определить основные направления пропагандистской деятельности США, а также реакцию на них венгерского народа.

Для достижения данной цели необходимо решить ряд научных задач:

1. Выявить содержание американской пропаганды в отношении венгерского населения в 1956 г.
2. Определить значимость американских СМИ в формировании жизненной позиции венгерского населения.

Методы и методология. В качестве основного метода нами использовались теоретический и сравнительный анализ различных точек зрения на события, происходящие в Венгрии в 1956 г. и влияние американской пропаганды на настроение венгерского населения.

Для большей объективности мы проанализировали публикации современных авторов из различных стран. Статьи российских исследователей (Л.Г. Дадян, Е.Г. Сакович, В.П. Румянцев) анализируют американскую пропаганду не только с точки зрения приверженности Америке, но и как инструмент антисоветской политики.

Западные исследования (Csaba Bekes, Janos M. Rainer, Malcolm) посвящены активизации потенциала американских СМИ для привлечения максимального количества венгерской молодежи на сторону Америки и предоставления возможности жизни в США, тем самым, косвенно отдаляясь от политики, близкой Советскому Союзу.

Основная часть.

Содержание американской пропаганды в отношении венгерского населения в 1956 г.

В течение истории развития человечества для эффективного ведения войны использовались не только вооруженные, но и идеологические сред-

ства воздействия на население. В каждом случае они имели определенные цели (паника, страх, агитация, побуждение).

Говоря об агитации, проводимой США, важно отметить, что она имела две цели: привлечение США большей части венгерского населения на свою сторону и антисоветские тенденции, которые должны были отвернуть потенциального союзника от СССР [1].

Пропаганда в западном контексте в годы холодной войны оказала большое влияние на венгерское население. В 1955 году посольство США в Австрии в телеграмме, направленной в Госдепартамент США, сообщало о воздействии на мышление венгров через распространение листовок с помощью воздушных шаров. Там написано: «Такая пропаганда позволила венграм поверить, что они не забыты (США) и не брошены на произвол судьбы» [3]. А эскалация конфликта в Венгрии в 1956 году была напрямую связана с продолжающейся пропагандой через радио «Свободная Европа», «Радио Свобода», «Голоса Америки». «Американские радиопередачи вводили венгерский народ в заблуждение, заставляя его верить, что Соединенные Штаты окажут ему надежную помощь в случае конфликта с Советским Союзом» [2].

Перед венгерскими событиями 1956 г. часть венгров бежала на Запад, поддавшись пропаганде американских радиопередач. Прославление западного общества американской радиопропагандой, особенно описание американского общества как «золотого общества» (Gold Society), было очень привлекательным для ее слушателей, особенно для молодых венгров, и стало одним из основных мотивов оттока молодых венгров во время венгерского восстания. «По их мнению, американское общество – это экономическое общество, открытое для всех, где индивидуальные способности, творчество и упорный труд могут привести каждого на вершину радуги».

Также некоторые программы «Голоса Америки» говорили о том, что жизнь венгров в Соединенных Штатах обустроена замечательно. Венгры рассказывали о том, как смогли построить жизнь, открыть бизнес и добиться успеха. Они показывали на примерах преимущества жизни в Америке, возможностях покупок автомобилей, домов и заработка больших денег [4]. Подчеркивалось, что данный образ жизни доступен для простых рабочих, крестьян, которые становились фермерами, а также в данном плане была привлекательна стабильность будущего, возможность не только получения финансовых льгот, но и дополнительных заработков, что позволяет семье жить безбедно.

Кроме того, венгерское население привлекалось ассортиментом товаров и продуктов, которых, по сравнению с Советским Союзом, было изобилие и разнообразие, что было немаловажно для обеспечения жизнедеятельности.

тельности и повышения уровня жизни.

Американская радиопропаганда способствовала принятию венгерской молодежью американских ценностей и желанию построить новую жизнь в новой стране. Слушая передачи о свободной новой жизни, жители Венгрии, в особенности молодежь, мечтали о свободе, возможности делать, что пожелаешь в рамках закона, карьере и финансовом благополучии [5].

Помимо увлечения американским обществом, некоторые венгры бежали из-за того, что американские радиостанции подстрекали молодежь к борьбе против Советской армии во время венгерского восстания, а позже преувеличивали репрессии советской армии против участников событий, что подталкивало их к побегу. Радио «Свободная Европа» в начале венгерского восстания передавало венграм, что «если вы продержитесь три дня, то придет помощь с Запада. Добровольцы из Канады, Италии и Испании заверили венгров в эфире радио «Свободная Европа», что они готовятся к действиям» [2].

Во время венгерского восстания радио «Свободная Европа» создало для венгерских слушателей специальную программу «Полковник Белл» (Colonel Bell), склоняя тем самым венгров к насильственному сопротивлению. В этой программе Белл говорил: «Мировое общественное мнение полно уважения к венгерскому народу! Ключевым словом в британских СМИ стало «понимание» венгерского народа, а еще спокойными и простыми словами выражали похвалу венгерскому народу. Эти горячие похвалы через океаны придали мужества молодым венгерским борцам за свободу» [2, с. 105].

В качестве главной цели, данной этой программой исследователи называют агитацию венгров за военные действия против Советского Союза и провести обучение сопротивляющихся по организации организованной борьбы и военизированных конфликтов. Это сыграло немалую роль в увеличении масштабов и серьезности всего венгерского восстания. Радиопередачи, говорили о том, что подобные действия приведут венгерское население к счастливой жизни, обеспеченному будущему и даже факт борьбы с противником, который превосходил венгров по численности, не пугал их, а наоборот- поднимал их боевой дух. Например, в передаче от 28 октября 1956 года, полковник Белл обучал молодых венгров делать самодельные бомбы. «Из всех способов изготовления самодельного оружия первым в очереди стоит колба, известная как «коктейль Молотова» (Molotov cocktail). Все, что вам нужно для изготовления этого оружия, - только винная бутылка и литр бензина, который вы наполняете бензином, добавляете в него немного желтого люминофора и закупориваете бутылку. С этим простым оружием мы прятались на улице и ждали, пока

мимо проедут советские танки. Затем мы выпрыгивали и бросали их в узкий воздухозаборник, расположенный в двух-трех метрах над двигателем танка [2, с. 288].

Значимость американских СМИ в формировании жизненной позиции венгерского населения в период кризиса 1956 г.

Безусловно, у США не было желания вступать в открытый конфликт с Советским Союзом, и пропаганда холодной войны против Венгрии была частью их политики в отношении стран Восточной Европы, которую они хотели использовать только как возможность ослабить контроль Советского Союза над восточноевропейскими странами. После второго ввода советских войск такие радиостанции как «Голос Америки» и «Свободная Европа» предоставили дезинформацию о советских ответных действиях, главной целью которой было стремление вызвать новые волнения в Венгрии и побудить жителей к бегству. Большинство венгерских беженцев объяснили свой побег из страны именно тем, что услышали подобную информацию и испугались за свою жизнь и будущее своей семьи [4, с. 16]. Американские СМИ широко использовали в своей агитации общечеловеческие приоритеты и ценности, которые не всегда были доступны венгерскому населению, разговоры о материальном благополучии и стабильности были основной идеей подобных радиопередач.

Несомненно, американская пропаганда в Венгрии была успешной, и подавляющее большинство молодых беженцев заинтересованно слушали западные передачи. Подобная политика вызвала у части венгерской молодежи желание жить в США, а в контексте совершения Венгерского восстания, нестабильной внутренней политической и экономической ситуации были созданы условия для их бегства на Запад. В этот период, во время венгерского восстания западные радио, особенно радио «Свободная Европа», непосредственно несло ответственность за эскалацию конфликта в Венгрии. Обучая венгерскую молодежь активным действиям против Советского Союза, руководство Америки углубило конфликт, в ходе которого число жертв увеличилось. Это обусловило бегство венгерской молодежи после подавления восстания Советскими войсками, и это привело к потере человеческих ресурсов Венгрии, наиболее ценных, в свете того, что это были молодые, здоровые, грамотные люди. Гораздо позже правительство Соединенных Штатов это признало [2, с. 105]. Данные потери были констатированы, однако, конечно же невозможны, поэтому население Венгрии отмечало о возрастающем негативном влиянии американской пропаганды и принятии взглядов, близких Советскому Союзу. Подобный факт оказал неизгладимое впечатление на мнение венгров более старшего поколения, среди которых были отмечены антиамериканские позиции и желание противостоять

молодежи. Этому также способствовало отсутствие реальных действий со стороны Америки [6]. Все сводилось к радио и телепередачам, различным статьям и буклетам, которые массово раздавались среди молодежи, изготовленные теми, кто мечтал о счастливой жизни.

Е.Г. Сакович [7] также отмечает, что в данной пропаганде содержалось не только американское, но и антисоветское содержание, т.к. целью США было не только привлечение внимания к своей стране, но и настраивание венгерского населения против СССР. Операция «Американское убежище», которая была начата в отношении беженцев из Венгрии в Европу [8], привела к массовому оттоку венгров в США, которые в последствии стали также эффективным инструментом американской пропаганды.

По мнению В.П. Румянцева [9], самое точное определение американской пропаганды в отношении восстания в Будапеште дал специалист по аналитике ЦРУ США Б. Макколи, который охарактеризовал ее как «активное невмешательство», которое сводится к пропаганде американского образа жизни, информированию о том, какая более интересная и перспективная жизнь реализуется в образе жизни, близком США.

Boyle P. [10] подтверждает, что данная пропагандистская политика стала настолько активной и навязчивой, что ее усиление начинало постепенно вызывать отторжение и поиск альтернативного поля влияния. В контексте понимания того, что американское руководство использовало венгерский кризис в своих целях, для получения нового союзника и возможность усилить свои позиции в Европе, Будапешт активизировал самостоятельную активность и сотрудничество с другой мощной державой - Советским Союзом.

Заключение.

В качестве основного вывода по данному исследованию необходимо отметить, что американская пропаганда имела достаточно сильное влияние на европейское общество в период венгерского кризиса 1956 г. Нестабильная социально-политическая обстановка, волнения в обществе, особенно среди молодежи, являлись основой для расширения сферы влияния Вашингтона путем продвижения американской пропаганды.

Однако, важно отметить, что данная политика не имела должного эффекта из-за того, что влияние СССР также было достаточно сильным и конечно же, в контексте единства политического строя, являлось более близким к венгерскому. Кроме того, со стороны США не было оказано реальной помощи ни официальному правительству Венгрии, ни мятежникам, что, безусловно, имело негативный эффект и снижало авторитет пропагандистских методов Америки в Венгрии.

Библиографический список:

1. Дадян Л.Г. Конгресс США и концепция «Освобождения Европы»: 1950-е гг. // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 83-90.
2. Csaba Bekes, Janos M.Rainer, Malcolm Byrne, eds., The 1956 Hungarian Revolution: A History in Document. Central European University Press , 2000. 34 p.
3. <http://digital.library.wisc.edu/1711.dl/FRUS.FRUS195557v25,2015-10-25>.
4. Media of Communication and Free World as Seen by Hungarian Refugees, Division of Radio Evaluation Department of State, International Public Opinion Research, Inc. Empire State Building, New York City. 1956. 32 p.
5. CURPH Interview 14-F with a 1956 Hungarian Refugee: 21 Years Old, Female, Chemical laboratory technician", 1957. HU OSA 414-0-2-7, Open Society Archives at Central European University, Budapest, 43 p.
6. Каори Кимура, Стыкалин А.С. Югославский социализм: взгляд из Венгрии (1956 г.) // Славяне и Россия. 2020. № 1. С. 390-409.
7. Сакович Е.Г. Современная российская и англо-американская историография венгерских событий 1956 г. // Вестник БДУ. Сер. 3. 2021. № 2. С. 33-37.
8. <https://www.uscis.gov/about-us/our-history/stories-from-the-archives/operation-safe-haven-the-hungarian-refugee-crisis-of-1956>. (Дата обращения: 24.03.2024)
9. Румянцев В.П. Венгерский мятеж и Суэцкий кризис 1956 г.: пределы и возможности американской дипломатии // Известия АлтГУ. 2019. № 5 (109). С. 69-76.
10. Boyle P. The Hungarian Revolution and the Suez Crisis // History. 2005. Vol. 90. № 4. P. 33-38.

Reference

1. Dadyan L.G. US Congress and the concept of "European Liberation": 1950s. // Bulletin of the State University of Education. Series: History and political sciences. 2020. № 1. P. 83-90.
2. Csaba Bekes, Janos M.Rainer, Malcolm Byrne, eds., The 1956 Hungarian Revolution: A History in Document. Central European University Press, 2000. 34 p.
3. <http://digital.library.wisc.edu/1711.dl/FRUS.FRUS195557v25,2015-10-25>.
4. Media of Communication and Free World as Seen by Hungarian Refugees, Division of Radio Evaluation Department of State, International Public Opinion Research, Inc. Empire State Building, New York City. 1956. 32 p.
5. CURPH Interview 14-F with a 1956 Hungarian Refugee: 21 Years Old, Female, Chemical laboratory technician", 1957. HU OSA 414-0-2-7, Open Society Archives at Central European University, Budapest, 43 p.
6. Kaori Kimura, Stykalin A.S. Yugoslav socialism: a view from Hungary (1956) // Slavs and Russia. 2020. № 1. P. 390-409.
7. Sakovich E.G. Modern Russian and Anglo-American historiography of the Hungarian events of 1956 // Vesnik BDU. Ser. 3. 2021. № 2. P. 33-37.
8. <https://www.uscis.gov/about-us/our-history/stories-from-the-archives/operation-safe-haven-the-hungarian-refugee-crisis-of-1956>. (03.24.2024)
9. Rumyantsev V.P. The Hungarian rebellion and the Suez crisis of 1956: the limits and possibilities of American diplomacy // News of Altai State University. 2019. № 5 (109). P. 69-76.
10. Boyle P. The Hungarian Revolution and the Suez Crisis // History. 2005. Vol. 90. № 4. P. 33-38.

Захарьев Я.О.

Аспирант. Дипломатическая академия МИД РФ.

**Китайская община Юго-Восточной Азии
в начале XXI века:
вопросы сохранения власти и влияния***

Аннотация. В статье изложена специфика власти и влияния китайской общины Юго-Восточной Азии в 2000-2020х гг. Отражены особенности продвижения китайцев в странах АСЕАН. Объясняется, почему хуацяо организованы именно в общину, а не диаспору с т.з. целей и задач. На основе авторитетных источников дан прогноз развития роли китайской общины Юго-Восточной Азии в регионе. Сделаны выводы о проблемах сохранения ниш хуацяо в условиях активной конкуренции с корпорациями из Китайской Народной Республики, с описанием разнообразных решений, определяющих стратегию хуацяо в странах АСЕАН и иных регионах их интересов.

Ключевые слова: китайская община Юго-Восточной Азии, хуацяо Юго-Восточной Азии, Юго-Восточная Азия, АСЕАН, ЮВА, китайское национальное меньшинство, общины и диаспоры, хуацяо, китайская община, китайский фактор, китайский вопрос, власть и национальные меньшинства, национальное меньшинство, мультикультурализм.

Zakharyev Y.O.

Graduate student. Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry.

**Chinese community of Southeast Asia
at the beginning of the 21st century:
issues of maintaining power and influence**

Abstract. The article outlines the specifics of the power and influence of the Chinese community of Southeast Asia in the 2000-2020s. The features of the promotion of the Chinese in ASEAN countries are reflected. It is explained why the Huaqiao are organized specifically into a community, and not a diaspora with t.z. goals and objectives. Based on authoritative sources, a forecast is given for the development of the role of the Chinese community of Southeast Asia in the region. Conclusions are drawn about the problems of preserving the niches of huaqiao in conditions of active competition with

---

* © Захарьев Я.О., 2024.

corporations from the People's Republic of China, with a description of the various solutions that determine the strategy of huaqiao in the ASEAN countries and other regions of their interests.

Key words: Chinese community of Southeast Asia, huaqiao of Southeast Asia, Southeast Asia, ASEAN, Chinese national minority, communities and diasporas, huaqiao, Chinese community, Chinese factor, Chinese question, power and national minorities, national minority, multiculturalism.

Введение.

Китайская община Юго-Восточной Азии (далее ЮВА) - одно из наиболее влиятельных национальных меньшинств стран АСЕАН. Хуацяо представляют собой именно общину, поскольку объединение заинтересовано не просто в сохранении культурных традиций и подкрепление коллективной идентичности, как диаспоры других народов, а именно в контексте сохранения, приумножения и развития своих власти и влияния в регионе и за его пределами в сопряженных Южном Тихоокеанском регионе и Юго-Восточной Африке.

Цель исследования: показать специфику влияния хуацяо в Юго-Восточной Азии в начале XXI века.

Задачи исследования:

1. На основе авторитетной источниковой базы показать собенности реализации власти и влияния китайской общины в странах АСЕАН.
2. Показать специфику продвижения и конкуренции бизнеса хуацяо Юго-Восточной Азии с китайским бизнесом КНР
3. Дать прогноз перспектив роста и развития влияния хуацяо в регионе в 2030-2040е гг.

Основная часть. Какие способы власти и влияния реализуют китайцы в Юго-Восточной Азии? Традиционно они начинаются с экономики государства-резидента. Китайцы приезжали волнами в регион с XIII по XX вв. не с пустыми руками: открывали свои деловые предприятия разного толка сначала в портовых городах ЮВА, далее, лоббируя свои ниши или доли капитала в континентальных проектах всех стран блока АСЕАН [1-41].

Хуацяо смогли достаточно быстро организовать институты и институции организованного управления общим ресурсом [12, 14], что на фоне титульного большинства во всех странах Юго-Восточной Азии дало китайцам огромные преимущества. Те были лучше организованы и оперативно реагировали на возможности экспансии в ключевые экономические ниши с учетом национальной специфика в каждом конкретном государстве региона.

Общинное руководство формировалось по принципам достоинства и

национального гендерного равенства в вопросах владения имуществом и его управления. Другими словами, и мужчины, и женщины могли занимать должности в руководстве ячеек китайской общины, проходить объективные ротации и участвовать в жизни национального меньшинства не только с т.з. сохранения традиций и идентичности (как это делается в диаспорах) но и в вопросах сохранения, защиты, продвижения власти и влияния в субрегионах и государствах, что куда шире [1-11, 13, 15-41].

На рубеже XIX и XX веков встал вопрос проблемы диалектов китайского языка и необходимости неких общих форм делового общения между деловыми элитами хуацяо в Юго-Восточной Азии, а также с регионами Китая, откуда те были выходцами, либо с которыми имели деловые или родственные контакты.

К началу XXI века такими вариантами служат путунхуа версии полных иероглифов (тайваньский вариант), диалекты наньминьхуа и кантонский (гуандунский) и английский язык для международных ТНК, таких как ОСВС [6, 10, 11, 13, 32-41].

Несмотря на то, что экономическое влияние предполагает неоткрытое участие жизни государства, уже к 1960-м гг. китайцы-граждане стран ЮВА активно пошли в политику и к второй четверти XX- началу XXI века мы можем проследить прямые политические династии, напрямую участвующие исторически в политической жизни государств АСЕАН: на Филиппинах-президенты клана Корасон-Кохуанго-Акино (мать и сын, скорее подходит к властным полномочиям и внук), Таиланд (Таксин и Йинглак Чинават), в Индонезии клан Пангесту (ярчайший представитель государственный деятель с тридцатилетним опытом медиации Элка-бывший министр торговли) и др. [1-13, 15-41].

Власть в регионе хуацяо сохраняют благодаря тому, что в их руках находится серьезная составляющая ключевых финансовых организаций, промышленности, объектов индустрии развлечений (казино, гостиницы, курорты, парки аттракционов, рестораны, питейные заведения и др.) стран АСЕАН. Помимо этого, на примере династических браков внутри китайской элиты хуацяо Филиппин (к 1970м гг. кланы Корасон, Кохуанго и Акино стали одной семьей, давшей стране двух президентов и сосредоточившей в руках значительный кластер промышленности страны), начался идентичных процесс слияния и поглощений корпораций в Таиланде, Малайзии, Индонезии, Сингапуре, благодаря которому к 2030-2040-м гг. ожидается укрупнение сложных холдингов хуацяо в странах АСЕАН если не под управлением если не 15 семей из 60 действующих сейчас (2024г) то, близкое к данному состоянию владение предприятиями через новое и старое родство данных кланов бизнесменов-хуацяо [1-13, 15-41].

В Малайзии и Индонезии они представлены группами: Robert Kuok

Group (Kuok), Lippo Group (Riady), Salim Group (Salim), Genting Group (Lim), Berjaya Group (Tan), Hong Leong Group (Chan), IGB GROUP (Tan Boon Seng), Astra Group (Rachmat), Ciputa Group (Ciputa), Widjaja, Dharmala Group (Gondokusumo), Barito Pasific (Pangetsu) [1, 3-11, 13, 15-39, 41].

В Таиланде: Saha Pathana (Boosithi Chokwattana), Shinawatra Group (Таксин Чинават и его сестра), Thai Farmer Bank (СХ Банк Таиланда Lam-sam), Bangkok Bank (Sophompanich), Bangkok Land (Laohothai), Saha-Union (Panyarachun), Charoen Pokhand (Cearavonot) (они же: CP GROUP, CP All), Charoen Pokphand Foods, True Corporation Thailand, Lotus Supermarket Chain, Concordian International School, Magnolias Development., Siam Motors (производство и экспорт мотоциклов и мопедов по всей ЮВА) (Narongdej), Sukri Group (Sukri Bodhiratanangkura) [1, 3-5, 7-9, 15-37].

В Сингапуре: OCBC (Overseas Chinese Banking Group) (Lee Seng Wee), Hong Leong Group (Kwek), Far East Organisation Group (Ngu Teng Fong) United Overseas Banking Group (Wee), Overseas Union Bank Group (Lien), Goodwood Park Hotel Group (Khoo) [3-10, 13, 15-39].

На Филиппинах: SM Prime Holdings (Sy), Yuchengco Group (Yuchengco, Yangyinglin), Philippines Long-Distance Telephone (Cojuangco, фамилия клана на китайском языке звучит как Hsu, полностью — Kho hoan-ko), Tan Yu Group (Tan Yu) J.G. Summit Holdings (Gongkongwei), Fortune Tobacco (Tan), George Ty Group (Ty) [6, 10, 13, 18-39].

Развитию регионального экономического сотрудничества китайского бизнеса способствует создание странами АСЕАН совместно с КНР «точек роста» — свободных экономических зон. По экономическому проекту они объединены в единую конструкцию, названную «одна ось, два крыла». Ось — «экономический коридор» «Нанкин — Сингапур», а «крылья» — проект «Большой Меконг» и «Кольца» в заливе Бакбо (Бэйбу).

При этом, опыт Азиатского кризиса 1997-1998 гг., вылившийся в тотальные убытки для хуацяо и погромами китайцев в Индонезии с массовыми жертвами в среде хуацяо, не забыт. Бизнесмены предпочитают нанимать теперь компетентных управленцев разных уровней менеджмента вместо некомпетентных родственников. Анализ полученных проблем был оперативно принят к сведению, что способствовало быстрому процветанию хуацяо даже после серьезного ущерба от указанных ранее событий [12].

Несмотря на достаточно оперативное и эффективное преодаление кризиса 1998 года. Хуацяо столкнулись с новыми вызовами своим благополучию и стабильности в занимаемых нишах. Бизнес КНР стал активно при государственной поддержке Пекина на высшем уровне и с немалыми средствами проникать сначала в наименее развитые Лаос (ЛНДР) и Камбоджу, затем в активно развивающиеся Мьянму, Таиланд, Индонезию, Малайзию и Бруней, а также в незначительных долях за отсутствием ниш на законо-

дательном уровне в Сингапур и в Социалистическую Республику Вьетнам (СРВ). Чтобы спасти часть проектов в зоне риска от краха бизнес хуацяо попытался перенести активы в соседний Южный Тихоокеанский регион (ЮТР). Там местами малайзийскому бизнесу удалось получить ниши в защищенной от канибалов зоне в Папуа-Новой Гвинее (ПНГ), однако массив инвестиций хуацяо столкнулся с активной экспансией бизнеса КНР и в данном регионе. Таким образом чудо транзита китайских капиталов из АСЕАН и ЮТР не произошло по сценарию, ожидаемому в деловых кругах хуацяо [1-41].

Понимая, что и в Африке КНР проводит активную внешнюю политику, хуацяо пытаются получить определенные ниши подрядного толка.

В итоге, путем переговоров между хуацяо и бизнесом КНР в каждом конкретном случае конкуренции в странах АСЕАН, ЮТР и Юго-Восточной Африки, были достигнуты определенные договоренности паритетов [1-13, 15-41], сотрудничества или очень редко ухода из ниш компаний китайской общины ЮВА. Существуют и субподрядные отношения в вопросах логистики и транзита, где китайский бизнес хуацяо и КНР дополняет друг друга, как в заявленных выше регионах, так и вне: Латинская Америка, Европа, Восточная Азия, Россия и др.

Исходя из всего ранее изложенного материала, можно сделать выводы:

1. Китайская община Юго-Восточной Азии, благодаря обширному бизнесу и прямому или косвенному политическому влиянию в странах АСЕАН остается влиятельным национальным меньшинством.

2. Хуацяо будут продолжать развивать и продвигать свое влияние в комплексных проектах как внутри ЮВА, так и ЮТР и Юго-Восточной Африке.

3. Китайская община АСЕАН-самостоятельный игрок регионального значения, а вовсе не инструмент давления Китайской Народной Республики.

4. Конкуренция между бизнесом хуацяо ЮВА и корпорациями КНР в АСЕАН идет активными темпами с тенденциями того, что бизнес Китая теснит первых из ряда ниш. Однако большинство разногласий стороны успешно разрешают путем мирных переговоров и поиском компромиссов.

5. Ряд детерминированных ниш хуацяо успешно сохраняют методами слияния и поглощения, формирования новых сложных холдингов с взаимобменом долями бизнеса с перспективами формирования суперкланов в ЮВА по модели филиппинской семьи бизнесменов-хуацяо Корасон-Коуанго-Акино.

Библиографический список / Reference

1. Дейч Т.Л. Политика Китая в Африке. – М.: Институт Африки РАН, 2008. С. 30-115.
2. Малетин Н.П. АСЕАН: четыре десятилетия развития. – М.: МГИМО-Университет, 2007. 310 с.
3. Малявин В.В. История Китая. – М.: Муравей, 2005. 340 с.
4. Мясников В.С. Кастальский ключ китаеведа. – М.: Наука, 2014. 562 с.
5. Мясников В.С. Квадратура китайского круга. – М.: ИДВ РАН, 2006. С. 1-105.
6. Райков Ю.А. Лаос в системе международных отношений Азиатско-Тихоокеанского региона в начале XXI века. – М.: Восток-Запад, 2010. 263 с.
7. Тюрин В.А. История Индонезии. – М.: ИВРАН, 2012. 360 с.
8. Тюрин В.А. История Юго-Восточной Азии. – М.: ИВРАН, 2006. 456 с.
9. Шейко А.В. Правовой обычай и правовая традиция, как ключ к разгадке «китайской идентичности» // Россия в глобальном мире: новые вызовы и возможности - 2017: сборник работ V Всероссийской студенческой конференции. – СПб.: Скифия-принт. С. 229-238.
10. Bemg P.K. Overseas Chinese. How powerful are they? // Asia Times online. 10.12.2009 // URL: <http://www.atimes.com/ atimes/China/DL10Ad04.html>
11. China Overseas. 28.06.2011 // URL: www.Chinaqw.com.cn
12. Chua A. World on fire. – New York: Doubleday, 2003. P. 10-70.
13. Freeman N. Laos: sedately seguing into the twenty-first century // Southeast Asian Affairs. 2002. Vol. 2002. № 1. P. 145-156.
14. Ostrom E. Governing the commons. – New York: Cambridge University press, 1990. P. 76-200.
15. Singh B. Southeast Asian Affairs. – Singapore: ISEAS, 2000. P. 1-250.
16. Singh B. Southeast Asian Affairs. – Singapore: ISEAS, 2001. P. 20-179.
17. Singh B. Southeast Asian Affairs. – Singapore: ISEAS, 2002. P. 10-212.
18. Singh B. Southeast Asian Affairs. – Singapore: ISEAS, 2003. P. 20-179.
19. Singh B. Southeast Asian Affairs. – Singapore: ISEAS, 2004. P. 3-220.
20. Singh B. Southeast Asian Affairs. – Singapore: ISEAS, 2005. P. 1-25.
21. Singh B. Southeast Asian Affairs. – Singapore: ISEAS, 2006. P. 2-180.
22. Singh B. Southeast Asian Affairs. – Singapore: ISEAS, 2007. P. 20-179.
23. Singh B. Southeast Asian Affairs. – Singapore: ISEAS, 2008. P. 1-89.
24. Singh B. Southeast Asian Affairs. – Singapore: ISEAS, 2009. P. 32-215.
25. Singh B. Southeast Asian Affairs. – Singapore: ISEAS, 2010. P. 3-200.
26. Singh B. Southeast Asian Affairs. – Singapore: ISEAS, 2011. P. 20-179.
27. Singh B. Southeast Asian Affairs. – Singapore: ISEAS, 2012. P. 4-210.
28. Singh B. Southeast Asian Affairs. – Singapore: ISEAS, 2013. P. 8-196.
29. Singh B. Southeast Asian Affairs. – Singapore: ISEAS, 2014. P. 4-207.
30. Singh B. Southeast Asian Affairs. – Singapore: ISEAS, 2015. P. 3-145.
32. Singh B. Southeast Asian Affairs. – Singapore: ISEAS, 2016. P. 15-179.
32. Singh B. Southeast Asian Affairs. – Singapore: ISEAS, 2017. P. 5-220.
33. Singh B. Southeast Asian Affairs. – Singapore: ISEAS, 2018. P. 10-199.
34. Singh B. Southeast Asian Affairs. – Singapore: ISEAS, 2019. P. 4-215.
35. Singh B. Southeast Asian Affairs. – Singapore: ISEAS, 2020. P. 25-142.
36. Singh B. Southeast Asian Affairs. – Singapore: ISEAS, 2021. P. 4-215.
37. Singh B. Southeast Asian Affairs. – Singapore: ISEAS, 2022. P. 4-175.
38. The Sino-Thai Special Relationship // China Brief. 2007. Vol. 6. № 19.
39. The Wall Street Journal. 05.06.1997. P. 18.
40. Wei L. Southeast Asia. – ISEAS, 2005. P. 10-60.
41. Zhang X. Southeast Asia and energy: gateway to stability // China security. World Security Institute. 2007. Vol. 3. № 2. P. 18-25.

Хуан Ясинь

Магистр. Национальный исследовательский университет, Высшая школа экономики.

Место и роль «глобальных» СМИ в системе масс-медийной коммуникации*

Аннотация. Бурное развитие цифровых и информационных технологий привело к тому, что население земного шара в большей степени начало потреблять информацию не через традиционные средства массовой информации (телевидение, газеты), как это было в XX веке, а преимущественно посредством сети Интернет. В связи с этим граждане всех стран оказались вовлеченными в новую систему медиакommunikации, носящей глобальный характер. Медиа-коммуникация нового типа отразилась и на средствах массовой информации, которые также стали «глобальными». Цель статьи – на примере «глобальных» СМИ западных стран выявить особенности освещения ими политических событий международного уровня. Методы исследования: метод политического анализа, проблемный метод, сравнительный метод. Результаты исследования показали, что в «глобальных» СМИ прослеживается субъективный взгляд на события мировой политики. Автор статьи делает вывод, что подобный факт связан с принадлежностью «глобальных» СМИ к разным национальным сообществам, имеющих политическую и идеологическую специфику.

Ключевые слова: медиа-коммуникация, глобализация, «глобальные» СМИ, цифровая эпоха, медиа-империализм.

Huang Yaxin

Master. Higher School of Economics.

The place and role of “global” media in the system of mass-media communication

Abstract. The rapid development of digital and information technologies has led to the fact that the world’s population began to consume information to a greater extent not through traditional media (television, newspapers), as it was in the twentieth century, but mainly through the Internet. In this regard, citizens of all countries have become involved in a new system of media communication, which is global in nature. Media communication of a new type has also affected the mass media becoming also a

“global” one. The purpose of the article is to identify the peculiarities of their coverage of political events of international level on the example of “global” media of Western countries. Research methods: method of political analysis, problem method, comparative method. The results of the study showed that the “global” media have a subjective view of world political events. The author of the article concludes that such a fact is related to the belonging of “global” media to different national communities with political and ideological specifics.

Key words: media communication, globalization, “global” media, digital age, media imperialism.

Введение.

Глобализация, которая стремительно ворвалась в нашу жизнь в конце XX века, привела не только к интеграции региональных экономик, расширению торговых связей и культурных контактов, стиранию географических барьеров и т.д., но и к трансформации медиапространства. С появлением информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и началом цифровой эпохи произошло колоссальное расширение массовой коммуникации.

В прошлом столетии процесс коммуникации понимался как обмен информацией различного характера между двумя и более лицами, передаваемой при помощи вербальных и невербальных средств с целью достижения взаимопонимания [3, с. 79]. В эпоху глобализации коммуникация есть «совокупность различных средств, методов и алгоритмов передачи информации» [5, с. 136]. В XXI веке система массовых коммуникаций стала представлять собой синтез цифровых технологий и средства массовой информации, которые, интегрировавшись в глобальное Интернет-пространство, создают «новые СМИ», или «новые медиа», – информационные издания или программы, заменившие традиционные СМИ (газеты, журналы, радио, телевидение), но способные, объединив в единое целое текст, аудио, видео, различного рода иллюстративный материал, передавать большие объемы информации, причем в неограниченных объемах и практически мгновенно [5, с. 138]. Если в XX столетии СМИ носили преимущественно региональный характер, то новые медиа могут выходить за пределы государства, становясь «глобальными».

Результаты.

По определению А.Ю. Рогозина-Каминского, «глобальное» СМИ – это новостная организация, стремящаяся к развитию международной составляющей своей информационной деятельности» [2, с. 382]. «Глобальные» СМИ, на постоянной основе распространяющие информацию по много-

сторонним каналам на разных языках, ориентированы на аудиторию, разбросанную по всему миру. Этот факт привел к тому, что «глобальные» СМИ стали называться международными. Но, по мнению О.В. Зегонова, использование определения «международные» по отношению к данным СМИ следует ограничить, поскольку в таком случае они должны интерпретироваться в контексте международной, межгосударственной коммуникации. Однако, по мысли исследователя, не все СМИ, действующие в глобальном масштабе, встроены в государственные информационно-пропагандистские структуры, хотя и взаимодействуют с ними на идеологическом уровне [11, с. 18]. Таким образом, мы в рамках данной статьи будем называть эти СМИ «глобальными».

Нельзя сказать, что «глобальные» СМИ появились только в цифровую эпоху. Еще во второй половине XX века государства, которые добились определенных экономических успехов и стали претендовать на более значимую политическую роль в международной сфере, стали создавать газеты, журналы, телевизионные каналы, с помощью которых стремились донести до мирового сообщества свою версию событий и предложить альтернативную повестку дня. Примером «глобальных» СМИ можно назвать российскую газету «Московские новости», выходящую на разных языках в 1970-80-х годах, британскую телерадиокомпанию BBC, американский телеканал CNN и др. Но только в условиях активного развития цифровых технологий потенциал «глобальных» СМИ, перешедших под «протекторат» Интернета, начал усиливаться, расширились их технические и информационные возможности подачи материала, что повлияло на расширение аудитории, которая, как и сами СМИ, стала «глобальной». Аудитория цифровых СМИ, как констатирует Е.Л. Сайко, «является не просто пассивным наблюдателем, но и активным соучастником событий, которые разворачиваются в режиме реального времени» [4, с. 45]. Изменение режимов коммуникации (прямое обсуждение пользователями контента, комментарии под текстовым или видео-материалом, советы по улучшению качества онлайн-СМИ и т.п.) дают аудитории ощущение принадлежности к некоей глобальной общности.

Обсуждение.

Несмотря на то, что «глобальные» СМИ снабжают информацией мировую аудиторию, в связи с чем, как считается, носят универсальный характер, каждое «глобальное» СМИ в более или менее явной форме, как отмечает Т. Тюкаева, имеет признаки своей «национальности» и «не только выражает официальную точку зрения государства, но и распространяет определённый набор социокультурных установок, понятий и стереотипов,

за счёт которых и реализует своё влияние» [6, с. 257]. Рассматривая «международные события сквозь призму ценностных установок и представлений и трактуя их в рамках характерного их обществу тематического контекста» [6, с. 258], «глобальные» СМИ часто неосознанно являются проводниками идеологии «своего» государства, в связи с чем могут встретить «сопротивление» со стороны стран другого культурного ареала, создавших, в противовес, «свои» глобальные СМИ.

Большинство европейских и американских «глобальных» СМИ, как правило, ориентированы на пользователей западных стран и, если рассматривать их в политическом контексте, то они являются сторонниками неолиберальных взглядов. Так, CNN в своих репортажах в преобладающем большинстве случаев рассматривают события мировой политики сквозь призму традиционной американской культуры демократических ценностей и либерализма. Однако, большая часть арабского мира и многие государства Востока и Азии избегают этого неолиберального режима СМИ в пользу более жестко контролируемых национальных медиа, что привело к созданию «своих» «глобальных» медиасистем, представляющих политические события в совершенно ином свете [8, с. 129]. К примеру, арабская «глобальная» медиа-компания Аль-Джазира (Al-Jazeera) редко обходится без того, чтобы так или иначе обвинить в региональных проблемах Иран или Израиль.

Некоторые страны (такие как Китай), в принципе, принимают информационные продукты западного мира, но вводят некоторые ограничения на функционирование «глобальных» западных СМИ в своем регионе [8, с. 129].

В контексте проблемы «возвышения» «глобальных» западных СМИ следует напомнить о таком явлении, как медиа-империализм. Медиа-империализмом называют информационную политику средств массовой информации определенных стран, которые доминируют в глобальном пространстве, навязывая свою точку зрения и свое видение мира остальному мировому сообществу. Самым ярким примером медиа-империализма на международной арене являются США, которые используют медиа как инструмент влияния на другие страны и регионы, в связи с чем некоторые исследователи считают медиа-империализм одной из форм американизации [7, с. 1].

Медиа-империалистическим «глобальным» СМИ можно назвать международное информационное агентство CNN. С того самого дня, как агентство стало в режиме реального времени освещать театр военных действий в Персидском Заливе (1991), заговорили о потенциальном влиянии CNN на принятие политических решений (даже появился термин «эффект CNN»). Репортажи данной компании, которая в конце прошлого

века транслировала новости по всему миру через кабельное телевидение и получила высокую оценку за прогрессивное для того времени использование новейшей технологии сбора новостей – спутниковую связь, стали отражением внешней политики США. Но спустя десять лет у CNN появился конкурент – базирующаяся в Катаре телекомпания «Аль-Джазира» (Al Jazeera), предоставившая миру альтернативную сеть новостей. Эта компания не только укрепила свои позиции в арабском мире, но и пыталась противостоять гегемонии США, навязывавшей свои политические взгляды мировому сообществу.

«Глобальные» СМИ оказывают существенное влияние на формирование общественного сознания, хотя представленные ими видео-сюжеты или текстовая информация зачастую не соотносятся с реальностью, а являются «мифами», через которые «населению регулярно доводят политические установки, которые в большинстве случаев нельзя проверить на предмет их объективности» [2, с. 382].

Но, каким бы образом ни освещали события «глобальные» СМИ, они являются полноправными участниками мирового политического процесса. Как показало данное исследование, для «глобальных» СМИ характерны следующие особенности:

- информация, передаваемая СМИ, как правило, носит субъективный характер, поскольку они являются не простыми «посредниками» при осуществлении политической коммуникации, но и «исполнителями» политической воли своих «заказчиков», в роли которых выступает как государство, так и медиакорпорации;
- «глобальные» СМИ имеют разную степень влияния на мировое общество т.к. принадлежат к разным национальным средам со своей политической и культурной спецификой.

Заключение.

В XXI веке, когда современный мир вступил в эпоху новой системы взаимоотношений, когда люди независимо от места жительства являются участниками единого информационного миропорядка, наступил новый этап процесса коммуникации, именуемый медиа-коммуникацией. «Глобальные» СМИ, играющие одну из ключевых ролей в системе международных отношений, должны быть не только источником информации, но служить инструментом для построения мнений и настроений. Однако, важно, чтобы информация, передаваемая медиа, была точной и объективной, что не всегда соблюдается со стороны данных СМИ, «дух» которых пропитан идеологией своих «заказчиков».

Библиографический список:

1. Зегонов О.В. Роль глобальных СМИ в мировой политике. – М: МГИМО – Университет, 2009. 30 с.
2. Рогозин-Каминский А.Ю., Бондарик Е.В. Роль «глобальных» СМИ в условиях информационно-коммуникационной глобализации // Сборник работ 70-й научной конференции студентов и аспирантов Белорусского государственного университета: В 3 ч. Ч. 2. – Минск: БГУ, 2013. С. 381-383
3. Садохин А.П. Межкультурная коммуникация. – М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2004. 288 с.
4. Сайко Е.Л. Массмедиа в эпоху глобализации: основные характеристики и тенденции // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 4. С. 44-49.
5. Стычинский М.С. Феномен новых медиа в контексте процессов глобализации культуры // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Т. 10. № 6А. С. 135-143.
6. Тюкаева Т.И. Мирополитическое влияние глобальных СМИ в современном мире: конструктивистский подход // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 4 (55). С. 242-271.
7. Kaul V. Globalization and Media // Journal of Mass Communication & Journalism. 2011. Vol. 1. Issue 1. P. 1-6.
8. Lance Bennett W. Global Media and Politics: Transnational Communication Regimes and Civic Cultures // Annual Review of Political Science. 2004. № 7. P. 125-148.

Reference

1. Zegonov O.V. The role of global media in world politics. – M: MGI-MO – University, 2009. 30 p.
2. Rogozin-Kaminsky A.Yu., Bondarik E.V. The role of “global” media in the conditions of information and communication globalization // Collection of works of the 70th scientific conference of students and graduate students of the Belarusian State University: In 3 hours. Part 2. – Minsk: BSU, 2013. P. 381- 383
3. Sadokhin A.P. Intercultural communication. – M.: Alfa-M; IN-FRA-M, 2004. 288 p.
4. Saiko E.L. Mass media in the era of globalization: main characteristics and trends // Bulletin of Tomsk State University. 2011. № 4. P. 44-49.
5. Stychinsky M.S. The phenomenon of new media in the context of the processes of globalization of culture // Context and reflection: philosophy about the world and man. 2021. Vol. 10. № 6A. P. 135-143.
6. Tyukaeva T.I. World political influence of global media in the modern world: a constructivist approach // Bulletin of MGIMO University. 2017. № 4 (55). P. 242-271.
7. Kaul V. Globalization and Media // Journal of Mass Communication & Journalism. 2011. Vol. 1. Issue 1. P. 1-6.
8. Lance Bennett W. Global Media and Politics: Transnational Communication Regimes and Civic Cultures // Annual Review of Political Science. 2004. № 7. P. 125-148.

Филологические науки, лингвистика

Philological sciences, linguistics

Долгенко А.Н.

Заведующий кафедрой русского и иностранных языков, доктор филологических наук, доцент. Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева.

Касатикова А.А.

Старший преподаватель кафедры русского и иностранных языков. Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева.

Косырева М.С.

Доктор филологических наук, доцент кафедры иностранных языков. Новосибирский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии.

**Категоризация языкового пуризма
в филологическом наследии немецкого гуманизма
(опыт Ю.Г. Шоттеля)***

Аннотация. Статья посвящена анализу категоризации понятия языкового пуризма в филологическом наследии немецкого гуманизма XVII–XVIII вв. Особое место уделяется соотношению представлений о чистоте и очищении языка в трудах создателя первой регулярной грамматики немецкого языка Ю.Г. Шоттеля. Авторы приходят к выводу о том, что немецкий гуманизм не борется с иноязычным давлением, а концентрирует внимание на процессе очищения языка и создании национального языкового стандарта.

Ключевые слова: языковой пуризм, история немецкого языка, немецкий гуманизм.

Dolgenko A.N.

Doctor of Philological Sciences, Associate Professor. Head of the Department of Russian and Foreign Languages, A.Y. Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Kasatkova A.A.

Senior Lecturer of the Department of Russian and Foreign Languages. A.Ya. Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Kosyreva M.S.

Doctor of Philological Sciences, Associate Professor. Associate Professor of the Department of Foreign Languages. Order of Zhukov Novosibirsk Military National Guard Troops Institute.

Categorization of linguistic purism in the philological heritage of German humanism (experience of Yu.G. Schottel)

Abstract. The article is devoted to the analysis of the categorization of the concept of linguistic purism in the philological heritage of German humanism of the XVII-XVIII centuries. A particular attention is given to the correlation of the concepts of purity and purification of language in the works of the author of the first regular grammar of the German language Yu.G. Schottel. The authors come to the conclusion that German humanism does not fight against foreign-language pressure, but focuses on the process of purifying the language and creating a national language standard.

Key words: language purism, history of the German language, German humanism.

В условиях переосмысления особенностей диалога культур в ситуации нарастающей деглобализации особый интерес представляет опыт формирования и реализации доктрины языкового пуризма как политики принципиальной закрытости по отношению к внешнему воздействию, как основной меры борьбы за чистоту национального, исконного начала в языке. Один из наиболее сложных и весьма показательных примеров пуризма мы находим в истории немецкого языка. Отдельные аспекты данного явления уже были предметом анализа в ряде работ [1; 2; 3]. В данной статье в центре нашего внимания оказывается проблема дефиниции понятия пуризма – категоризация его содержания в лингвистическом наследии немецких гуманистов XVII–XVIII вв.

На одну из важнейших особенностей пуризма в истории немецкого языка справедливо указывает современный исследователь Алан Киркнес: руководствуясь дифференцированным подходом к изучению пуризма, он предлагает различать *языковой пуризм* (Sprachpurismus) и *иноязычный пуризм* (Fremdwortpurismus) [4]. Это указание на два разнонаправленных

вектора языковой политики – за чистоту своего и *против* влияния чужого – находит подтверждение в процессе категоризации содержания риторического понятия *puritas* в лингвистическом наследии немецкого гуманизма XVII–XVIII вв. Языковой пуризм здесь не ограничен лишь сферой межъязыкового взаимодействия: стремление к чистоте как результату соположено понятию очищения как процессу. Стремление к минимизации использования иноязычных лексем в сознании представителей немецкого гуманизма неразрывно связано с недопустимостью отступления от норм исконного языка, очищением его от такого сора, как нецензурные, двусмысленные, устаревшие и региональные слова и выражения, фонетические, грамматические и орфографических формы. Целью такой широкомасштабной «очистки» немецкого языка являлось общественное признание его как языка литературы и науки.

Такому амбивалентному пониманию языкового пуризма не свойственно тотальное неприятие всего чужого – иноязычного. Поэтому в процессе реализации данной пуристической доктрины, как правило, не возникало неразрешимых противоречий: с одной стороны, копировались и перенимались иностранные образцы в науке, искусстве, риторике и поэзии, с другой стороны, деятели немецкого гуманизма избегали использования иноязычных лексем или предпринимали попытки их онемечивания. Иноязычный пуризм, таким образом, представлял собой лишь один из аспектов языкового пуризма, который в XVII–XVIII вв. не сводился противодействию внешнему языковому давлению, а был частью более широкого процесса – языкового строительства.

Наиболее показательным для немецкого гуманизма в обозначенном контексте следует считать наследие Юстуса Георга Шоттеля (Justus Georg Schottelius), создавшего теорию чистоты языка (“*Theorie der Sprachreinheit*”). При создании своей теории Ю. Г. Шоттель руководствовался трудами Публия Корнелия Тацита о «неразношерстности» германцев, Карла Велико-го в сфере грамматики, Мартина Лютера в сфере практической риторике. Она нашла выражение в работе «Детальное исследование немецкого языка» (“*Ausführliche Arbeit von der Teutschen Hauptsprache*”), изданной в 1663 году. Это была фактически первая фундаментальная грамматика немецкого языка, которая оказала большое влияние на развитие теории немецкого языка, немецкой терминологии, лексикографии и почти целый век (до появления в 1748 году грамматики И.К. Готшеда) оставалась основным источником грамматических норм немецкого языка.

По мнению Ю.Г. Шоттеля, «язык с точки зрения происхождения – это организм, созданный природой, с крепкими, здоровыми корнями, которые питают всё «языковое древо», побеги которого, полные жизни, простираются, находясь в непостижимой чистоте и многообразии. В своей структу-

ре этот организм сочетает «природу языка» с «искусством языка», основное направление развития с направлением искусственным»¹. При этом немецкий гуманист не признавал язык народа, а уделял особое внимание языку «мастеров» и «ученых мужей», которые не только владеют, но и применяют основные принципы грамматики латинского языка и при помощи исследований первоначальных форм и использования аналогии как принципа языкового построения устанавливают языковую «правильность».

Термин «чистота языка» (Sprachreinheit) следует, таким образом, понимать как борьбу против смешения элементов иных языков в рамках «иноязычного пуризма», а термин «очистка языка» (Sprachreinigung) – как деятельность, направленную как на достижение искусственно созданной правильности, так и на вытеснение различных неточностей из языковой практики. В данном отношении онемечивание иноязычных лексем как основной инструмент реализации доктрины языкового пуризма служило не столько искоренению иноязычной лексики, сколько более благо разумному использованию и применению языковых возможностей немецкого словообразования.

Следует особо отметить, что данному направлению в области культивирования немецкого языка XVII–XVIII вв. характерна ориентация на упорядочение письменной речи. Она особенно явственно обнаруживается в деятельности немецких языковых обществ XVII века [1]. Тем не менее, пуристические взгляды Ю.Г. Шоттеля и его последователей были восприняты современниками как следование абстрактному филологическому принципу, как стремление образованной интеллигенции к искусственному созданию языка для своих, пусть и возвышенных, нужд.

Деятельность немецких гуманистов в плане формирования грамматического канона немецкого языка носила переходный характер, поскольку в качестве образца использовалась модель латинского языка. Подобная ситуация не является уникальной для формирования национального языкового канона. Например, в России взгляды на латынь, подобные Ю.Г. Шоттелю, в начале XVIII века высказывал В.К. Тредиаковский, считавший свободный латинский порядок слов идеальным для высокой поэзии и пытавшийся внедрить его в русскую грамматику. И как развитие немецкого национального языка пошло не по пути Шоттеля, так и развитие русского пошло не по пути Тредиаковского. Однако, в отличие от Ю.Г. Шоттеля, В.К. Тредиаковский не был пуристом, следует полагать, потому что русский язык исторически отличало так называемое языковое гостеприимство, исключающее пуристические проявления, и такой тонкий филолог и поэт, как Тредиаковский, это прекрасно понимал. Попытки искусственной ру-

1 Здесь и далее цитаты даются в переводе с немецкого языка А.А. Касатиковой.

сификации заимствований в русском языке, предпринимавшиеся славянофилами уже в XIX веке, в определенной степени тождественные практике онемечивания Ю.Г. Шоттеля, успехом, как известно, не увенчались.

Подводя итог, отметим, что категоризация понятия языкового пуризма в системе филологических представлений немецкого гуманизма происходит по двум смысловым линиям: защита чистоты языка от внешнего сора и очищение языка от внутреннего сора. При этом проблемы внутреннего развития немецкого языка превалировали над проблемой защиты от внешнего воздействия. В конце концов, любое иноязычное слово, которое не соответствовало требованиям чистоты формирующегося национального языка, можно было «онемечить», ведь все необходимые словообразовательные возможности для этого имелись. Создание немецкого языкового стандарта пошло именно по этому пути.

Библиографический список:

1. Долгенко А.Н. Касатикова А.А., Косырева М.С. Пуристические тенденции в деятельности немецких языковых обществ XVII века // *Власть истории – История власти*. 2024. Том 10. Часть 2. (№ 52). С. 12-17.
2. Касатикова (Коровкина) А.А. Немецкоязычный пуризм как филологическая проблема // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2014. № 6 (72). С. 173-177.
3. Касатикова А.А., Мурашко С.Ф., Долгенко А.Н. Языковое строительство и пуризм: опыт немецкого Барокко // *Власть истории – История власти*. 2023. Том 9. Часть 1. (№ 43). С. 28-34.
4. Kirkness, Alan. Lexicography. In the *Handbook of Applied Linguistics* ed. by A. Davies & C. Elder, Oxford, Blackwell, 2004. 27 p.

Reference

1. Dolgenko A.N. Kasatikova A.A., Kosyрева M.S. Purist tendencies in the activities of German language societies of the 17th century // *The power of history - History of power*. 2024. Volume 10. Part 2. (№ 52). P. 12-17.
2. Kasatikova (Korovkina) A.A. German-speaking purism as a philological problem // *Ethnosocium and interethnic culture*. 2014. № 6 (72). P. 173-177.
3. Kasatikova A.A., Murashko S.F., Dolgenko A.N. Language construction and purism: the experience of the German Baroque // *The power of history - History of power*. 2023. Volume 9. Part 1. (№ 43). P. 28-34.
4. Kirkness, Alan. Lexicography. In the *Handbook of Applied Linguistics* ed. by A. Davies & C. Elder, Oxford, Blackwell, 2004. 27 p.

Баталов А.А.

Кандидат филологических наук, старший преподаватель, кафедра теории и практики иностранных языков. ИИЯ (Институт иностранных языков), Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Серегина М.К.

Студентка магистратуры. ИИЯ (Институт иностранных языков), Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Взаимосвязь речевого портрета и способов реализации критической оценки оратора в TED Talks*

Аннотация. Статья посвящена исследованию корреляции социальных характеристик спикеров научно-популярных конференций в формате TED Talks с особенностями реализации их критической точки зрения в речи. Анализируется экспрессивный языковой потенциал на лексическом и грамматическом уровнях в контексте связи с профессиональной сферой деятельности оратора. Основная цель работы заключается в выявлении прямого влияния речевого портрета личности на способы вербализации его точки зрения в монологическом высказывании.

Ключевые слова: коммуникация, публичное выступление, стилистические приёмы, языковой потенциал, экстралингвистические факторы.

Batalov A.A.

PhD, Assistant Professor, Department of Foreign Languages in Theory and Practice, Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia.

Seregina M.K.

Master's Degree Student. Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia.

Relation of speech portrait and ways of implementating of the speaker's critical opinion in TED Talks

---

* © Баталов А.А., Серегина М.К., 2024.

Abstract. The article is devoted to the study of the correlation between the social characteristics of speakers of popular science conferences in the TED Talks format and the peculiarities of their critical point of view realisation in speech. The expressive linguistic potential at the lexical and grammatical levels and the connection with the professional sphere are analysed. The main aim of the work is to reveal the direct influence of the speech portrait of a personality on the ways of verbalising the point of view in a monological speech.

Key words: communication, public speech, stylistic devices, linguistic potential, extralinguistic factors.

Введение

В настоящее время общество находится на пороге нового этапа коммуникационной революции. Доступ в глобальную сеть Интернет и современные технические средства коммуникации позволяют каждому члену современного общества быть перманентным участником процесса общения. СМИ являются неотъемлемым звеном любого вида коммуникации, выходящего за пределы частных мессенджеров для общения.

Медиатизированная и опосредованная коммуникация становится основополагающим элементом существования социума в XXI веке. Ведущую роль играет массовая коммуникация в сети Интернет посредством использования специальных платформ.

Самоизоляция в период мировой пандемии Covid-19 повлияла на популяризацию и развитие виртуальной образовательной среды, одним из компонентов которой являются научно-популярные конференции фонда TED.

Специфика TED Talks как отдельного жанра представляет интерес для исследователей в виду своей новизны. Авторские выступления в этом случае являются объектом исследования, а языковые особенности воплощения категории оценки в речи ораторов TED Talks – его предметом. В ходе работы анализируются монологические высказывания спикеров разных профессиональных сфер с целью выявления взаимосвязи речевого портрета с манерой вербализации авторского мнения.

Цель исследования

Целью исследования является анализ взаимосвязи речевого портрета оратора в рамках авторских выступлений со способами реализации его мнения в речи, выявление специфики манеры речи спикеров из разных областей научного знания и ненаучной сферы деятельности.

Методология

В ходе работы применяются *методы* логического сопоставления теоретических данных с их практическим воплощением, перцептивный при отборе, описании лингвистических феноменов и способов реализации ка-

тегории оценки, анализа языковых компонентов в речи ораторов научно-популярных конференций.

Теоретическая база исследования

На современном этапе развития общества коммуникация сопровождается использованием цифровых средств обеспечения успешного взаимодействия индивидов на расстоянии. СМИ и сеть Интернет предоставляют пользователям неограниченный доступ к источникам информации, новостным и развлекательным платформам, архивам и сайтам.

Феномен медиатизированности коммуникации является актуальной дискуссионной темой современного общества. Меняется парадигма восприятия межличностных отношений, которые теперь носят всё более виртуальный и опосредованный характер [Примаков, 2020].

Существование общества XXI века связано с цифровой средой, люди вынуждены адаптироваться к усложнению технологий общения, каналов связи и обработке больших объемов когнитивной информации. Коммуникативно-цифровая революция [Пищальникова, 2019] модифицирует привычное понимание процесса общения, подчеркивает решающую роль СМИ как инструмента поддержания массовой коммуникации.

Средства массовой информации нацелены на удовлетворение запросов и ожиданий пользователей. Адаптация общества к новой картине мира и сосуществованию с развивающимся цифровым пространством является приоритетом многих стран в XXI веке [Богомолова, 2012].

Моделирование общественного мнения осуществляется посредством влияния доступного развлекательного и познавательного материала в сети Интернет. Отмечается популярность научно-популярных программ, которые не только удовлетворяют запросы пользователей в области досуга, но и в области образования [Siapera, 2010].

Видеоконференции в формате TED Talks – жанр публичных выступлений, основными преимуществами которых выступают лаконичный формат и доступность видео в сети Интернет, легкость восприятия сложного научного материала, освещение актуальных проблемных вопросов современности [Volkova, 2023].

Целью данного дискурсивного жанра, набирающего популярность с 2010-ых, является популяризация научного знания. Материал платформы TED представляет интерес не только в образовательных целях, например, в практике английского языка посредством прослушивания речи носителей, но также является источником значимых когнитивных данных для научных исследований, так как записанные монологические высказывания отражают синхроническое состояние языка. Изучение способов реализации категории оценки в речи на примере научно-популярных конференций TED является актуальным направлением лингвистического исследования.

Коммуникативный акт предполагает обмен вербальными и невербальными данными между коммуникантами, в основе такого взаимодействия лежат когнитивные и аффективные цели. Адресант сообщения стремится передать адресату свою точку зрения, узнать необходимую информацию.

Языковые и неязыковые факторы, сопровождающие каждый акт общения, формируют процесс коммуникации. Экстралингвистические характеристики, такие как социальный статус, профессия, морально-психологическое состояние участников коммуникации, оказывают прямое влияние на выбор способов достижения коммуникативных задач [Гуревич, 2007].

Профессиональная сфера деятельности формирует особое восприятие мира человеком, заставляет оперировать узкопрофильными терминологическими единицами, бессознательно отражать в речи специфические языковые модели, свойственные той или иной сфере научного знания.

Полученные данные

Лингвистическая категория оценки – центральный элемент в реализации авторского субъективного мнения в речи. Оценочность определяет настрой говорящего к предмету речи и коррелирует с социальными установками общества, в котором вырос человек и которое оказало влияние на формирование его личности [Rimscaia, 2011].

Экстралингвистические факторы – профессия, уровень образования и социальный статус – тесно взаимосвязаны с категорией оценки и выбором способов реализации критической точки зрения спикера.

Анализ речи ораторов различных сфер научного знания и ненаучных областей деятельности позволяют проследить тенденции в приёмах вербализации авторского мнения. В качестве иллюстрации можно привести выступления ораторов, карьера которых связана с гуманитарными [6], социальными [5], естественно-научными [7] областями и ненаучной деятельностью [10].

So, what had happened? Curiosity had triumphed over suspicion, and delight had banished anxiety [6].

Диалогизм реализуется посредством употребления наречия *so*, удерживающего внимание слушателей на последующей фразе, а именно, риторическом вопросе и вопросно-ответной форме изложения материала.

Лексические единицы *curiosity*, *suspicion*, *delight*, *anxiety*, принадлежащие к лексико-семантическому полю эмоций, актуализируют главную тему TED Talk о воображении и границах человеческого сознания. Абстрактные понятия *curiosity*, *suspicion*, *delight*, *anxiety* персонифицируются с целью воплощения в речи аффективной функции коммуникации. Гиперболизация значимости феноменов *curiosity* и *delight* транслируется посредством употребления глаголов *to triumph* и *to banish*, коннотация которых эмоционально окрашивает высказывание, удерживает интерес зала на предмете речи.

But once you know what you want, understand why you want it. And even though it feels good, revenge is not a good reason [5].

На грамматическом уровне лексический повтор личного местоимения *you* в составе параллельных конструкций *what you want, why you want* подчёркивает ориентированность речи на слушателей, имитируется диалог с аудиторией.

Лексический повтор синтагмы *you want* актуализирует идею личного опыта, приоритета выбора истинного благополучия. Повтор прилагательного *good* в фрагментах реплики *it feels good* и *is not a good reason* транслирует полисемичность данной языковой единицы. Восходящая градация *you know what you want, understand why you want it* реализуется при помощи глаголов *to know* и *to understand*, где последний элемент является наиболее семантически значимым для спикера в контексте темы TED Talk о самоанализе.

But to understand all that, we actually have to back up and talk about why we get mad in the first place. A lot of this goes back to the work of an anger researcher named Dr. Jerry Deffenbacher, who wrote about this back in 1996 in a book chapter on how to deal with problematic anger [7].

Употребление личного местоимения *we* генерализирует точку зрения спикера и его команды в медицинском учреждении, *научное мы* актуализирует достоверность информации как итога научной деятельности.

Фактологическая информация *in 1996, 1996 in a book chapter on, researcher named Dr. Jerry Deffenbacher* акцентируют внимание слушателей на предмете речи, положительно настраивает по отношению к спикеру, таким образом, реализуя фатическую функцию. Употребления профессиональных психологических терминов *problematic anger, an anger researcher* аффективно выделяются в потоке речи и подчеркивают медицинский контекст выступления TED.

Now, if you were to speak to my parents about what I was like growing up, they would tell you that I was mischievous, precocious, the kid devouring all the information and never, ever taking a no for an answer [10].

Внимание аудитории удерживается посредством использования наречия *now*, акцентирующего внимание на актуальности предлагаемой информации, а также цикличного повтора личного местоимения *you*. Обращение к зрителям через условный оборот *if you were to speak* демонстрирует заинтересованность оратора в поддержание контакта при диалоге со слушателями.

Актуализация идеи личного опыта спикера воплощается в речи посредством местоимения *my* и существительного *parents* и конкретизирующей детский образ синтагмы *I was mischievous, precocious, the kid*. Метафора *devouring all the information* реализуется при помощи употребления глагола *to devour*, семантически обладающего аффективной кон-

нотацией в сочетании с существительным *the information*. Восходящая градация *I was mischievous, precocious, the kid devouring all the information* эмоционально окрашивает описываемый образ, заостряет внимание слушателей на наиболее существенной для говорящего характеристике *the kid devouring all the information*.

Заключение

В XXI веке процесс публичного вербального взаимодействия тесно связан с цифровой средой. Массовая коммуникация в наши дни носит опосредованный характер, предусматривает участие СМИ и технических устройств в виртуальном общении.

Популяризация научного знания посредством научно-популярных конференций TED Talks – новый этап развития публичного общения. Конференции фонда TED могут послужить основой лингвистических исследований, поскольку отражают актуальные лингвистические данные.

Исследование раскрывает прямую связь между речевым портретом оратора (профессиональной деятельности) с его манерой представления материала в рамках авторских выступлений в TED Talks. Особенности вербализации критического мнения спикеров разных направлений научной и ненаучной деятельности являются следующие тенденции:

- экспрессивный языковой потенциал на лексическом уровне реализуется посредством образных стилистических приемов в TED Talks представителей гуманитарного научного знания;

- аффективные грамматические приемы являются основополагающими элементами выражения авторского мнения в речи спикеров, профессиональная деятельность которых связана с социальными науками;

- чёткость изложения материала, фактологическая актуальность, наполненность профильными терминами – отличительные черты, находящие свое воплощение в выступлениях ораторов естественно-научного знания;

- комбинирование приемов реализации лексического и грамматического потенциала языка, ориентированность речи на личностный опыт вербализуются у TED Talks спикеров, профессия которых не связана с наукой.

Таким образом, представляется возможным говорить об отражении специфики профессионального языка в монологических высказываниях спикеров научно-популярных конференций TED Talks. Речевой портрет является одним из ключевых экстралингвистических факторов, влияющих на выбор способов выражения категории оценки в речи.

Библиографический список:

1. Гуревич Л.С. Коммуникативный акт vs речевой акт: проблемы соотношения понятий // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 1. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/>

- kommunikativnyy-akt-vs-rechevoy-akt-problemy-sootnosheniya-ponyatiy (Дата обращения: 30.09.2023).
2. Примаков В.Л. Медиазация и ее социальные последствия // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2020. № 1 (838). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediatizatsiya-i-ee-sotsialnye-posledstviya> (Дата обращения: 29.09.2023).
  3. Роль коммуникации в современном гражданском обществе / М. Н. Богомолова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. № 10. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-kommunikatsii-v-sovremennom-grazhdanskom-obschestve> (Дата обращения: 24.03.2024).
  4. Пищальникова В.А. СМИ как деструктивное информационно-коммуникативное пространство // Русский язык в школе. 2019. Т. 80. № 6. С. 36-45.
  5. Abrams S. Stacey Abrams: 3 questions to ask yourself about everything you do // URL: https://www.ted.com/talks/stacey_abrams_3_questions_to_ask_yourself_about_everything_you_do (дата обращения: 29.03.2024).
  6. Marriage H. Helen Marriage: Public art that turns cities into playgrounds of the imagination // URL: https://www.ted.com/talks/helen_marriage_public_art_that_turns_cities_into_playgrounds_of_the_imagination (Дата обращения: 29.03.2024).
  7. Martin R. Ryan Martin: Why we get mad – and why it's healthy // URL: https://www.ted.com/talks/ryan_martin_why_we_get_mad_and_why_it_s_healthy (Дата обращения: 29.03.2024).
  8. Rimscaia, I. Parameters of evaluation as a linguistic category in the English language // Studia Universitatis Moldaviae (Seria Ştiinţe Umanistice). 2011. № 4 (44). P. 111-114.
  9. Siapera E. Cultural Diversity and Global Media: The Mediation of Difference. – Wiley, 2010. 230 p.
  - Strachan, T. Tavares Strachan: The Encyclopedia of Invisibility – a home for lost stories // URL: https://www.ted.com/talks/tavares_strachan_the_encyclopedia_of_invisibility_a_home_for_lost_stories (Дата обращения: 29.03.2024).
  10. Volkova T.B. Public speaking characteristics at TED Talks / T.B. Volkova, A.A. Rodicheva // Dialogue of Generations: Learn. Teach. Study: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. В 2-х частях, Санкт-Петербург, 20–21 апреля 2023 года / Под общей редакцией В.В. Кирилловой / Высшая школа технологии и энергетики Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна». 2023. Часть I. P. 38-42.

Reference

1. Gurevich L.S. Communicative act vs speech act: problems of correlation of concepts // Bulletin of NSU. Series: Linguistics and intercultural communication. 2007. № 1. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnyy-akt-vs-rechevoy-akt-problemy-sootnosheniya-ponyatiy> (09.30.2023).
2. Primakov V.L. Mediatization and its social consequences // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences. 2020. № 1 (838). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediatizatsiya-i-ee-sotsialnye-posledstviya> (09.29.2023).
3. The role of communication in modern civil society / M. N. Bogomolova // Current problems of the humanities and natural sciences. 2012. № 10. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-kommunikatsii-v-sovremennom-grazhdanskom-obschestve> (03.24.2024).
4. Pishchalnikova V.A. Media as a destructive information and communication space // Russian language at school. 2019. Vol. 80. № 6. P. 36-45.
5. Abrams S. Stacey Abrams: 3 questions to ask yourself about everything you do // URL: https://www.ted.com/talks/stacey_abrams_3_questions_to_ask_yourself_about_everything_you_do (03.29.2024).
6. Marriage H. Helen Marriage: Public art that turns cities into playgrounds of the imagination // URL: https://www.ted.com/talks/helen_marriage_public_art_that_turns_cities_into_playgrounds_of_the_imagination (03.29.2024).
7. Martin R. Ryan Martin: Why we get mad – and why it's healthy // URL: https://www.ted.com/talks/ryan_martin_why_we_get_mad_and_why_it_s_healthy (03.29.2024).
8. Rimscaia, I. Parameters of evaluation as a linguistic category in the English language // Studia Universitatis Moldaviae (Seria Ştiinţe Umanistice). 2011. № 4 (44). P. 111-114.
9. Siapera E. Cultural Diversity and Global Media: The Mediation of Difference. – Wiley, 2010. 230 p.
- Strachan, T. Tavares Strachan: The Encyclopedia of Invisibility – a home for lost stories // URL: https://www.ted.com/talks/tavares_strachan_the_encyclopedia_of_invisibility_a_home_for_lost_stories (03.29.2024).
10. Volkova T.B. Public speaking characteristics at TED Talks / T.B. Volkova, A.A. Rodicheva // Dialogue of Generations: Learn. Teach. Study: Materials of the IV All-Russian scientific and practical conference with international participation. In 2 parts, St. Petersburg, April 20–21, 2023 / Under the general editorship of V.V. Kirillova / Higher School of Technology and Energy of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design". 2023. Part I. P. 38-42.

Басова О.В.

Старший преподаватель кафедры теории и методики обучения иностранным языкам, ФГАОУ ВО «Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского», г. Омск.

Современные технологии при преподавании английского языка

Аннотация. В настоящей научной работе автор анализирует современные технологии при преподавании английского языка. Для этого автор исследует реальные практические инструменты, используемые в настоящее время для обучения, приводит конкретные примеры, рассматривает их недостатки и преимущества. Отдельно автор акцентирует внимание на том, что для более широкого внедрения ИКТ в образовательный процесс требуется существенная перестройка различных механизмов внутри образовательной организации, работа по повышению цифровой грамотности педагогов английского языка и т.д. В заключении автор делает общий вывод о необходимости более широкого распространения ИКТ на преподавание иностранных языков. **Объектом данного научного исследования** являются современные технологии в преподавании английского языка. **Целью данного научного исследования** является комплексный, последовательный анализ применения современных технологий в образовательном процессе по обучению английскому. **Методы данного научного исследования:** сравнительный анализ, формально-юридический, моделирование, обобщение, конкретизация, систематизация, дедукция, иные методы теоретического и практического уровней научного познания. **Научная новизна данного научного исследования** заключается в подготовке комплексного исследования, формировании авторских выводов относительно статуса современных технологий в преподавании английского языка. Данная научная статья будет полезна теоретикам, практикам, обучающимся и преподавательскому составу, а также широкому кругу читателей, интересующихся особенностями организации и функционирования современной отечественной системы преподавания иностранных языков и английского языка, в частности.

Ключевые слова: дистанционные технологии, интерактивные технологии, иностранный язык, английский язык, преподавание, педагогические технологии.

Basova O.V.

Senior Lecturer, Department of Theory and Methodology of Foreign Language Teaching, FGAOU HE "Omsk State University named after F.M. Dostoevsky", Omsk.

Modern technologies in teaching English

Abstract. In this scientific work, the author analyzes modern technologies in teaching English. To do this, the author examines real practical tools currently used for training, provides specific examples, and considers their disadvantages and advantages. Separately, the author focuses on the fact that for the wider introduction of ICT in the educational process, a significant restructuring of various mechanisms within the educational organization is required, work to improve the digital literacy of English language teachers, etc. In conclusion, the author makes a general conclusion about the need for wider distribution of ICT in the teaching of foreign languages. The object of this scientific research is modern technologies in teaching English. The purpose of this scientific research is a comprehensive, consistent analysis of the use of modern technologies in the educational process of teaching English. Methods of this scientific research: comparative analysis, formal legal, modeling, generalization, specification, systematization, deduction, other methods of theoretical and practical levels of scientific knowledge. The scientific novelty of this scientific research lies in the preparation of a comprehensive study, the formation of the author's conclusions regarding the status of modern technologies in teaching English. This scientific article will be useful to theorists, practitioners, students and teaching staff, as well as a wide range of readers interested in the features of the organization and functioning of the modern domestic system of teaching foreign languages and English in particular.

Key words: distance technologies, interactive technologies, foreign language, English, teaching, pedagogical technologies.

Сегодня преподавание иностранных языков и английского языка, в частности, не может, безусловно, оставаться в стороне от повсеместной цифровизации образовательного процесса. К этому буквально вынуждают внешние и внутренние условия, среди которых, например, можно обозначить следующие:

- изменение характеристик современных обучающихся, что, опять же, связано с широким применением ИКТ – клиповое мышление, привязанность к гаджетам, высокий уровень цифровой грамотности и т.д.;
- новые требования законодательства и ФГОС, где, в числе других обязательных условий, важным элементом остается цифровизация образовательного процесса;
- снижение уровня эффективности применения традиционных методов и инструментов обучения;
- иные [2; 4].

Кроме прочего, следует очевидным вывод о том, что цифровые образовательные технологии в своем большинстве дают значительные преимущества образовательному процессу как таковому. В частности, ИКТ позволяют существенно ускорить, упростить, сделать более доступным процесс обучения, распространить его на более широкие категории обучающихся

(например, через онлайн-образование), перестроить обучение на более интерактивный формат, т.е., увеличить уровень коммуникации с обучающимися. В конечном итоге, даже если бы законодатель не требовал от современного педагога использования ИКТ, это было бы необходимо сделать именно с позиции совершенствования и поступательного развития образовательного процесса.

Тем не менее, практическое внедрение ИКТ в образовательный процесс требует серьезной перестройки как образовательной деятельности конкретной организации, так и ее педагогического, административного состава. Например, это сложная для многих возрастных педагогов цифровая грамотность, которую все же необходимо освоить хотя бы в минимальном ее выражении. Важен и психологический аспект: воспитанные в цифровых условиях дети и подростки иначе воспринимают образовательный процесс и роль педагогов в нем, что также необходимо учитывать преподавателям в ходе выполнения своих профессиональных функций. Иными словами, при всех своих позитивных характеристиках, тем не менее, цифровизация обучения и конкретно преподавания иностранных языков несут в себе определенные риски, необходимость перестраиваться и обновляться, поэтому на практике далеко не всегда современные технологии в преподавании иностранных языков активно используются или имеют ожидаемую от них эффективность процесса [5].

Итак, предметом настоящего исследования выступает использование ИКТ в преподавании английского языка.

Прежде всего, стоит отметить, что впервые цифровизация образовательного процесса в контексте преподавания английского языка появилась в американской практике и датируется периодом, когда компьютеры начали активно внедряться в процесс обучения. Тогда появились такие актуальные и сегодня термины, как «компьютерная лингводидактика», «компьютерное обучение иностранным языкам» и другие. Сначала, собственно, применение ИКТ и ограничивалось лишь осторожным внедрением компьютерной техники, впоследствии с появлением и распространением веб-сайтов, мобильных приложений уже приобрели актуальность известные сегодня e-learning и другие инструменты, применяемые и в российской практике тоже [1].

Итак, говоря о современных технологиях в обучении английскому языку, необходимо отметить повсеместное применение мультимедийных и интерактивных аутентичных ресурсов. Например, это «LearningApps.org», в рамках которого предполагается использование в образовательном процессе различных интерактивных модулей. Так, преподавателю предоставляются уникальные шаблоны, с помощью которых возможно создавать практические упражнения (в т.ч. в формате аудио- или видео-файлов), которые впоследствии можно легко интегрировать в традици-

онный образовательный процесс, тем более что программа сама «подскажет», как наиболее эффективно это сделать. Программа позитивна тем, что имеет универсальный формат, адаптирована для любых обучающихся вне зависимости от уровня владения ими иностранным языком. Это позволяет преподавателю не тратить время на перестройку занятий, переработку материала и его адаптацию под различные категории обучающихся, а сосредоточиться именно на решении задач образовательного процесса. Кроме того, программа позволяет качественно организовать и сопровождать самостоятельную работу обучающихся в группах.

Эксперты выделяют данную программу как один из уникальных педагогических инструментов, способных в полной мере заменить преподавателя английского языка, однако делать это не рекомендуется. В большинстве образовательных организаций сегодня применяется так называемый «смешанный» формат обучения, который, в частности, подразумевает удачное сочетание традиционных и интерактивных методов обучения. Предполагается, что именно грамотный симбиоз аудиторных занятий и дистанционного обучения способны достичь максимального эффекта от образовательного процесса [3; 7].

Здесь необходимо говорить о смене роли педагога, что, на первый взгляд, может быть не так очевидно. Оставляя за преподавателем традиционные функции коммуникации и контроля, тем не менее, новое понимание роли педагога предъясвляет к нему требование быть своеобразным координатором образовательного процесса, наставником и консультантом одновременно. В конечном итоге, все это способствует тому, что обучение становится более оптимизированным, эффективным, повышается самостоятельность в работе обучающихся с помощью ИКТ и других электронных инструментов.

Еще одно важное направление использования ИКТ в преподавании английского языка – это так называемые ОКП, или обучающие компьютерные программы, которые включают совокупность различных обучающих элементов, представленных системно, комплексно, постоянно обновляющихся и актуализирующихся. Среди примеров можно привести электронные учебно-методические комплексы, электронные пособия, словари и другие варианты. Данный перечень не является исчерпывающим и постоянно пополняется новыми элементами. По сути, при наличии ряда технических навыков любой преподаватель английского языка может создать собственный авторский электронный УМК и активно внедрять его в обучающий процесс [7].

Отдельно стоит упомянуть профильные программы, позволяющие полноценно осваивать английский язык, не прибегая к очным занятиям или дорогим образовательным программам. Широкую известность и во-

стребованность, например, получили такие программы как «Rosetta Stone», «Lingualo», «Duolingo» и другие. Эксперты отмечают преимущественный характер таких программ за счет уникальной методики погружения, с помощью которой происходит изучение английского языка. Еще один существенный плюс – это индивидуальный подход, т.к., во-первых, программа обучения формируется в каждом конкретном случае персонально, во-вторых, для этого используются сведения входного тестирования на уровень владения иностранным языком. Очевидным бонусом подобных дистанционных форматов выступает возможность обучаться через общение напрямую с носителем языка, изучение различных социокультурных особенностей и т.д., как в индивидуальном формате, так и через обучение в паре или даже группах [1].

Кроме обозначенных выше, отдельно также стоит рассмотреть мобильные интерактивные сервисы, которые сегодня приобретают все большую популярность у пользователей благодаря их удобству, доступности и эффективности. Специалисты даже выделяют отдельное направление в обучении, которое называется «изучение иностранных языков с помощью мобильных технологий». Такие приложения, пожалуй, обладают едва ли не максимальной эффективностью, поскольку обучающийся может их использовать практически в любой момент: когда едет в общественном транспорте, ждет очереди в государственном учреждении, проводит время между занятиями в университете и т.д. Причем и здесь характерен индивидуальный подход, что позволяет каждому пользователю настроить электронного преподавателя под свои персональные запросы и требования. Это повышает степень доверия обучающегося к такому приложению, делает его более уверенным в эффективности образовательного процесса. Еще один плюс – это возможность оперативно реагировать на ошибки в обучении, качественно прорабатывать их. Приведем некоторые примеры подобных приложений с их градацией по профильным направлениям деятельности [7; 10]:

– многопрофильные, т.е., универсальные – уже упомянутые выше «Lingualo», «Duolingo»;

– для изучения лексики: «Easy ten», «Quizlet»;

– для изучения грамматики: «Filp and Learn», «Color Verbs»;

– для визуалов, через обучение по видеороликам: «YouTube», «TED»;

– для более профессиональных пользователей – новостные приложения: «BBC», «CNN»;

– для развития коммуникационных навыков: «Genius», «Smigin Travel»;

– онлайн-переводчики и мобильные словари «World Lens», «iTranslate» и другие [10].

Важно отметить, что все или большинство из перечисленных электронных инструментов характеризуются общими для подобных программ и

приложений свойствами – такими, как удобство в использовании, доступность, персонифицированный характер, комплексность, системность. Для педагогов подобные инструменты вполне могут служить вспомогательными средствами к основному образовательному процессу, что при умелом сочетании способно в значительной степени повысить эффективность обучения.

Нельзя оставить в стороне также ставшие крайне популярными в период пандемии по COVID-19 системы ВКС – Skype, Zoom. Изначально данные программы применялись как единственно возможный вариант продолжения образовательного процесса в условиях введенных ограничений, однако впоследствии, после завершения пандемии, большинство образовательных организаций все же сохранили в своем инструментарии данные элементы дистанционного обучения. Прежде всего, это связано с доступностью, удобством и многофункциональностью исследуемых инструментов, которые не требуют серьезных технических средств или особых навыков управления, а еще являются доступными с финансовой точки зрения. Это позволяет в ряде случаев даже проводить занятия в смешанном формате, одновременно обучаясь в аудитории и реализуя трансляцию в Интернет. Для изучения английского языка такие программы позитивны, поскольку дают возможность эффективно тренировать языковой опыт общения, коммуникативные навыки, аудирование и т.д. [6] В зависимости от конкретной задачи Zoom, Skype можно эффективно использовать даже для конструирования иностранной онлайн-среды с носителями языка.

Кратко перечислим также некоторые иные актуальные ИКТ-инструменты, активно применяемые сегодня:

- онлайн-школы и образовательные платформы («Skyeng»);
- подкасты для изучающих английский язык («Learn English Elementary»);
- интерактивные игры и квезты («WORDSHAKE»);
- онлайн-тестирования и проверка знаний («Johnny grammar's quizmaster»);
- специальные программы для запоминания слов («Linqualeo») и другие [2; 9].

В конечном итоге, характеризуя представленные выше дистанционные инструменты, можно говорить о том, что в настоящее время рынок образовательных услуг предлагает самые разные практические инструменты для изучения английского языка. Выбор настолько широк, что позволяет любому пользователю подобрать средство, подходящее именно ему, под те задачи, которые требуется решить, под те запросы, которые необходимо реализовать. Положительным выступает одновременно и наличие ряда универсальных программ и приложений, которые будут актуальны практически для любого обучающегося, и возможность подбора какой-либо узкопрофильной истории – например, для совершенствования лексиче-

ских или грамматических навыков, пополнения словарного запаса и т.д. Еще один существенный плюс – это персонифицированный подход с точки зрения учета уровня владения английским языком потенциального пользователя [9]. Здесь же необходимо упомянуть, что приложения и программы позволяют рассмотреть разный возраст обучения – так, существуют интерактивные игры и квесты, рассчитанные на младший школьный возраст и даже детей дошкольного возраста, что, в конечном итоге, способствует более раннему изучению английского языка.

Все это в результате говорит в сторону необходимости реального внедрения современных технологий в образовательный процесс каждым преподавателем английского языка. Даже при наличии некоторых негативных характеристик, тем не менее, в довольно общем плане следует говорить о явно позитивном смысле внедрения ИКТ в обучение английскому языку детей и взрослых самых разных категорий. В настоящей статье данные тезисы были неоднократно подтверждены.

Таким образом, подводя итог рассматриваемому в настоящей статье вопросу, кратко обозначим ключевые выводы по теме.

Сегодня обучение английскому языку с помощью современных технологий стало уже привычным и распространенным, причем это касается самых разных уровней образовательного процесса. Чаще интерактивные форматы применяются в обучении младших школьников, однако и в вузах, и в сфере ДПО внедрение ИКТ в настоящее время уже можно назвать повсеместным [9].

Специалисты отмечают наибольшую эффективность использования так называемого «смешанного» формата, в котором преподаватель умело сочетает традиционные методики с современными инструментами. В статье также приведены примеры, когда и как можно грамотно сочетать различные приемы обучения.

Также необходимо отметить, что сегодня ИКТ в контексте использования их возможностей для преподавания английского языка развиваются крайне быстро, постоянно обновляются и актуализируются, а потому примеров различных профильных программ и приложений можно привести множество. Как отмечается в данной работе, их даже можно сгруппировать по определенным основаниям, отдельно выделив универсальные электронные инструменты, обладающие многопрофильным функционалом [7].

В целом, необходимо говорить об очевидных преимуществах использования ИКТ в преподавании английского языка, поскольку это существенным образом упрощает, ускоряет образовательный процесс, повышает его эффективность, снижает загруженность преподавателя и позволяет максимально персонализировать обучение. Однако нельзя говорить об абсолютно позитивном характере внедрения ИКТ в преподавание английского

языка, поскольку это требует и перестройки работы педагога, и переработки образовательных программ, и даже в ряде случаев влияет и на работу самой образовательной организации (например, когда для широкого внедрения ИКТ в образовательный процесс требуется обновить компьютерное оборудование).

Тем не менее, если делать выбор, использовать или нет ИКТ в преподавании английского (да и любого другого иностранного) языка, то следует однозначно ответить на данный вопрос позитивно, поскольку это существенным образом усовершенствует и положительно изменить все обучение в целом.

Библиографический список:

1. Алламуратов Г.А., Жумаева Г.А. Современные педагогические технологии в обучении английскому языку // Вестник науки. 2020. № 13. С. 150-154.
2. Еловская С.В. Использование интерактивных образовательных технологий при обучении иностранному языку в вузе // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 11. С. 136-141.
3. Жамолиддинова М. Обучение английскому языку посредством современных технологий // URL: https://gospodarkainnowacje-pl.openconference.us/index.php/issue_view_32/article/view/964
4. Жоллыбекова М. Использование современных информационных технологий на уроках английского языка // Евразийский Союз Ученых. 2019. № 11. С. 154-160.
5. Захарова М.В. Цифровые инструменты преподавания английского языка // Мир педагогики и психологии. 2020. № 6 (47). С. 106-116.
6. Исмаилова Р., Кулижанов У., Хабибрахманова Д. Современные подходы в преподавании английского языка // Scientific progress. 2022. № 15. С. 363-368.
7. Камардина, Ю.С. Smart-технологии в обучении английскому языку: Инновации и рискологическая компетентность педагога: сб. науч. тр. 16 междунар. заоч. науч.-метод. конф. – В 2-х ч. – Ч. 1. – Саратов, Изд-во «Саратовский источник», 2020. С. 262-264.
8. Кодирова Г.О.К.К., Худоёрова Ф. Роль образовательных технологий в преподавании языка // Scientific progress. 2021. № 13. С. 202-208.
9. Храмова Ю.Н., Хайруллин, Р.Д. Использование инновационных технологий в преподавании делового английского языка // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. № 10. С. 111-115.
10. Шербанева А.В. Особенности преподавания английского языка с использованием возможностей современных технологий // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 13. С. 401-404.

Reference

1. Allamuratov G.A., Zhumaeva G.A. Modern pedagogical technologies in teaching English // Bulletin of Science. 2020. № 13. P. 150-154.
2. Elovskaya S.V. The use of interactive educational technologies in teaching a foreign language at a university // Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. 2018. № 11. P. 136-141.
3. Zhamoliddinova M. Teaching English through modern technologies // URL: https://gospodarkainnowacje-pl.openconference.us/index.php/issue_view_32/article/view/964
4. Zhollybekova M. The use of modern information technologies in English lessons // Eurasian Union of Scientists. 2019. № 11. P. 154-160.
5. Zakharova M.V. Digital tools for teaching English // World of Pedagogy and Psychology. 2020. № 6 (47). P. 106-116.
6. Ismailova R., Kulizhanov U., Khabibrakhmanova D. Modern approaches in teaching English // Scientific progress. 2022. № 15. P. 363-368.
7. Kamardina, Yu.S. Smart technologies in teaching English: Innovations and risk-based competence of a teacher: collection of articles. scientific tr. 16th int. in absentia scientific method. conf. – In 2 parts – Part 1. – Saratov, Saratov Source Publishing House, 2020. P. 262-264.
8. Kodirova G.O.K.K., Khudoyorova F. The role of educational technologies in language teaching // Scientific progress. 2021. № 13. P. 202-208.
9. Khranova Yu.N., Khairullin, R.D. The use of innovative technologies in teaching business English // Baltic Humanitarian Journal. 2018. № 10. P. 111-115.
10. Shcherbaneva A.V. Features of teaching English using the capabilities of modern technologies // World of science, culture, education. 2022. № 13. P. 401-404.

Яшунькина А.С.

Аспирант, учитель, государственное бюджетное общеобразовательное учреждение, гимназия №402 г. Санкт-Петербурга.

Текст как продукт письменной речи*

Аннотация. В данной статье рассматривается отношение к тексту, как к форме представления письменной речи. Письменная речь на протяжении долгого времени вызывает определенный интерес среди научного сообщества. Разнообразные пути исследования письменной речи представляют её не только, как способ сохранения информации на долгое время, но и как психическую функцию человека, которая неразрывно связана с устной речью, и возможна лишь при условии высокого уровня развития устной коммуникации. Объектами исследования письменного общения становятся не только тексты, но и отношение к тексту через мысли автора, а также материалы, ресурсы и приемы, используемые в письме. Также, письменная речь является ключевой фигурой в разных науках и до сих пор является предметом дискуссий в ряде дисциплин. Помимо этого, письменная коммуникация занимает центральное место в жизни каждого человека и социальной идентификации, что в свою очередь, становится предметом оценивания, связанного с контролем письменной речи. **Целью** данной статьи является представление текста, как базового продукта письменной речи и подходов к его определению. Автор изучает специфику определения текста через его формальные элементы организации или через его дискурсивную структуру, а также проводит анализ отношения к тексту с разных точек его восприятия и взаимодействия между автором текста и читателем.

Ключевые слова: текст, письменная речь, письменная коммуникация, дискурс, когнитивный процесс, продукт письменной коммуникации, социальное взаимодействие.

Iashunkina A.S.

Postgraduate Student, Teacher, State budgetary general education institution, gymnasium №402, St. Petersburg.

Text as a product of the writing process

Abstract. This article examines the attitude to the text as a form of presentation of the writing process. The written speech has attracted the interest among the scientific community for a long time. Various ways of studying the written speech present it not only as a way of long-term memory storage, but also as a mental function of a person, which is

---

* © Яшунькина А.С., 2024.

inextricably linked with oral speech, and it is possible only if the level of oral communication is highly developed. The objects of a research in the written communication are not only the texts, but also the attitude to the text through the thoughts of the author, as well as materials, resources and techniques which are used in writing. Also, the written language is a key figure in various sciences and is still the subject of debates in some disciplines. In addition, the written communication occupies a central place in every person's life and social identification, which becomes the subject of assessment related to the control of the written speech. The purpose of this article is to present a text as a basic product of the written speech and approaches to its definition. The author studies the specifics of defining a text through its formal organizational elements or discursive structure and also analyzes the attitude towards the text from different points of its perception.

Key words: text, written speech, written communication, discourse, cognitive process, product of written communication, social interaction.

Текст, как результат письменной речи, рассматривается на разных уровнях анализа текста и интерпретируется с разных подходов к его восприятию [2]. Первый подход заключается в том, что текст – это продукт письма, который содержит в себе формальные элементы организации либо дискурсивную структуру. В этом подходе фокус читателя смещается на поддающихся анализу аспектах письма. Второй подход отражает экспрессивность, когнитивность и сюжетную линию текста, описывает процесс письменной речи в терминах, связанных с процессом создания текста. Третий подход подчеркивает роль тех, кто читает письменные тексты, добавляя социальный аспект в процесс исследований письменной коммуникации, с помощью детальной проработки взаимодействия писателей и читателей. На протяжении долгого времени доминирующая модель отношения к тексту рассматривала письменную коммуникацию как текстовый продукт, в котором элементы имеют связанное расположение и структурированы в соответствии с системой правил, без учета специфики авторского стиля и читательских способностей анализировать прочитанное [3]. На сегодняшний день отношение к тексту видоизменилось, и он теперь рассматривается как многогранный продукт письменной речи.

Текст как объект.

Опираясь на идеи, унаследованных от структурализма и имплицитного подхода в грамматике Н. Хомского, основной предпосылкой данного подхода считается то, что тексты – это автономные объекты, которые могут быть проанализированы и описаны вне контекста, вне влияния тех, кто пишет или читает тексты. Идея о том, что тексты могут функционировать вне контекста, несет в себе важную идеологию, и, что еще более важно, механистический взгляд на то, что человеческая коммуникация создается путем

передачи идей от одного разума другому через язык [7]. Достаточно часто навыки письменного общения представляются только в рамках деконтекстуализированных фактах. В таких ситуациях критерием хорошего делового языка письменной коммуникации будут считаться грамматическая точность написанного и его понятная экспозиция. Ориентир на формальные особенности текстов ложатся в основу проводимых исследований такой коммуникации. Главным критерием непосредственно выступает язык, который демонстрируется через знание форм и системы данного языка.

Предъявляемый текст такого общения эксплицитен не потому, что он раскрывает полную информацию сам по себе, а больше потому, что он достигает своеобразного баланса между тем, что содержится в нем фактически, и тем, что можно предположить [8]. Проблема того, кто пишет не столько в том, чтобы написанный текст был эксплицитным; проблема в том, чтобы знать, что нужно явно, как факт, описывать в тексте. Даже академические статьи, которые в большей степени эксплицитны в жанрах, не исключают появление недопониманий у читающих их людей. Ни один текст не может быть одновременно и связным и контекстуально свободным [5]. В связи с этим необходимо учитывать соответствующую цель написания текста, аудиторию, читающую предложенный текст, обстановку работы с текстом, определенные характеристики, требования и запрос общества на создание такого текста и тогда текст воспринимается как объект коммуникации.

Текст как дискурс.

В отличие от восприятия текста в качестве формы письменной коммуникации, другой способ изучения текста как продукта письменной речи фокусируется на более гибком его рассмотрении. Данный способ выходит за рамки обычного анализа текста и рассматривает текст как дискурс – способ, при котором язык используется для общения, достижения целей коммуникации в определенных ситуациях. При этом автор текста имеет определенные цели и намерения, а методы и способы письма – это ресурсы для достижения поставленных целей. Таким образом, вместо того, чтобы рассматривать тексты как форму без оболочки и вне контекста, дискурсивный подход рассматривает тексты как часть социального взаимодействия. Данный подход дает понимание, что текст является частью коммуникации, с помощью переплетения языковых форм и контекста. Многие подходы анализа определяют текст как дискурс, но все они пытаются определить, как авторы письменных текстов, используют язык для представления последовательной и целенаправленной прозы. Пражская школа внесла реальный вклад в решение данного вопроса, с помощью описания того, как конструируется текст, чтобы высказать предположения о том, что читатель

уже знает или что для читателя будет новым, назвав это «функциональный аспект предложения» выбрал и разобрал в своей работе концепцию структуры темы – ремы [11]. По его мнению, тема – это то, о чем говорит автор, а рема – то, что лично автор считает относительно данной темы: та часть повествования, которую он считает наиболее важной. Тема и рема помогают авторам преобразовать предложения в информационные блоки, которые, в свою очередь, проводят информацию сквозь текст и делают его легким для чтения. Это происходит потому, что сначала читатель ожидает получить информацию, которую он уже знает, как контекст к новой информации, но данный подход вносит противоречие к восприятию привычного шаблона понимания текста. Другая группа исследователей попыталась определить риторические функции определенных разделов дискурса, рассмотрев то, как части текста вписываются в рамки большего объема структуры. Для этого выделяются следующие модели: проблема – решение, гипотетическое – реальное, общее – частное. Эти модели доказывают, что даже без прямого сигнала читатели способны применить свои знания о частях текста, в которых содержится знакомая информация, чтобы установить взаимосвязь между частями предложений, самими предложениями и группами предложений. Например, читатель будет иметь представление о том, как развивается модель: проблема – решение в тексте, если найдет хотя бы одну оценку позитивного и правильного решения с целью того, чтобы закончить модель. Подобные варианты описания модели наводят на мысль о том, что необходимо принимать возможные предположения, что именно воспринимает как целостный текст. Иными словами, слаженность и грамотность письменной речи зависит от начитанности и способностей к интерпретации, а не от самого текста. Одним из примеров, как это работает на практике, является модель, при которой читатель интерпретирует текст по аналогии со своим предыдущим опытом, который сохранен в сознании посредством определенных схем и сценариев [7]. Таким образом, будет использоваться стереотипное (шаблонное) понимание, словно конструктор, чтобы интерпретировать тексты.

Второй подход, более прагматичный, чем когнитивная модель, и показывает, что авторы текстов пытаются создавать их настолько понятными для тех, кто читает, насколько это возможно. Данный подход зародился на базе исследований П. Грайс [10], который пытается объяснить успешность письменной коммуникации, делая акцент на возможность взаимных предположений оппонентов, внося в такую коммуникацию рациональность и сотрудничество. В последующем исследовании текста в направлении дискурса выявили необходимость проведения сравнения между известной информацией, данной в тексте и тем, что было известно до прочтения текста. Иными словами, для того, чтобы понять читателю текст, пишущий данный

текст должен понимать знаниевый материал читателя, который интерпретирует этот текст для его понимания. В представленных теориях способность к интерпретации зависит от возможности и умения читателя воспроизводить предположения, опираясь на память. К. Крамш утверждает, что конструирование смысла из текста является не только когнитивным процессом, но и риторическим [12]. Она предлагает принципы интерпретации текста, которые опираются на современные теории дискурсивного анализа, а именно:

1. Тексты имеют одинаковое отношение и к реальности и к отношениям с читателем.

2. Суть текста неотъемлемо связана с его окружением, то есть дополнительной информацией, а именно пояснения, сноски, определенные схемы, диаграммы. В такой связке возникает интертекстуальность, так как сам текст тесно перекликается с иными нелинейными текстами и информационными потоками.

3. Тексты пытаются расположить читателей определенным образом, пробуждая определенное пересечение общих схем при восприятии текста.

4. Схемы создаются путем приобщения к тексту логических связей, возникающих при коллаборации одного текста или факта с другими текстами или фактами.

5. Через призму схем можно проследить отражение способов мышления определенных сообществ или культур.

6. Построение схем напрямую зависит от совместного диалога писателя с другими писателями, или же писателя и читателя.

7. Схемы воспринимаются как риторические конструкции, позволяющие сделать выбор в пользу какого-либо текста.

Мнение, что формы текста в большинстве своем отображают функции текста и что они меняются в зависимости от контекста, является основным понятием дискурсивного анализа и лежит в основе понятия «жанр». Разные жанры побуждают пишущего к поиску организационных моделей или способов риторической организации текстов, которые необходимы для достижения целей общения.

Текст как социальное взаимодействие

Восприятие текста как способ взаимодействия между пишущим и читающим, дает письменной коммуникации определенную коммуникативную особенность. При таком подходе может исчезнуть представление, что автор текста изолирован от читателя, так как в этом случае он понимает потребность той аудитории, для кого данный текст создается. Данная точка зрения находит отражение во мнении, что успешный текст это тот текст, который способен удовлетворить риторические потребности читателя: за-

дача построения текста заключается в выстраивании этого текста в нелокальный дискурсивный мир [13].

В модели социального взаимодействия текста и читателя, смысл отражается через уникальную конфигурацию и взаимодействие того, что и читатель и писатель вкладывают в текст. Писатель будет пытаться найти баланс между своими целями создания текста и ожиданиями читателей, вовлекая их во взаимодействие с помощью обсуждения. В этом отношении к тексту, он обладает смысловым потенциалом или разнообразием всевозможных значений, которые могут скрываться за определенными, контекстуальными целями автора текста и процессом восприятия текста, через его объективные свойства. Значение в этом случае не передается от писателя к читателю как модель автономных текстов. Вместо этого, значение текста создается между самими участниками письменной коммуникации. По сути, процесс написания включает в себя создание текста, который читатель должен узнать и ожидать, а процесс чтения основывается на предположении о том, что автор пытается передать через текст. И пишущий текст и читающий этот текст могут взаимодействовать друг с другом, предполагая какой шаг в смысле текста будет следующим. В этом случае будет создаваться взаимная система отсчета и предвидение, когда цель текста будет достигнута аудиторией, при условии обеспечения тщательной проработки тех моментов, которые могут быть непонятны аудитории.

Рекурсивность составления текста, таким образом, становится способом реагирования на внутренний диалог с читателем и частью того, как писатель отслеживает формирующийся текст на предмет проблемных или сложных для восприятия мест. В таком случае, процесс создания текста – это не индивидуальное действие только лишь пишущего, а совместное стремление читателя и автора сотрудничать через активное восприятие философских проблем и вероятных реакций читающего на созданный текст.

Заключение

Отношение к тексту как к продукту письменной речи охватывает современные концепции, которые рассматривают письменную коммуникацию как социальное общение, включенное в культурные и институциональные контексты, в которых оно создается и применяется. Умение создать письменный текст совместно с умением грамотного его прочитать, является базовым умением проявления грамотности. В связи с этим, современные концепции грамотности раскрывают отношения к тексту не только как к итогу коммуникации, но также к рамкам социального взаимодействия между пишущим и читающим. Умение интерпретировать текст и пользоваться контекстом для достижения определенных целей, понимание за-

мысла автора и возможность учитывать предыдущий опыт при работе с текстом позволяет сделать текст мощным инструментом объектного, дискурсивного и социального взаимодействия.

Библиографический список:

1. Баранов А.Н. Лингвистика в лингвистической экспертизе: метод и истина // Вестник Волгоградского государственного университета. Языкознание. 2017. Т. 16. № 2. С. 18-27. – DOI.org/10.15688/jvolsu2.2017.2.2
2. Беляева Л.Н., Чернявская В.Е. Доказательная лингвистика: метод в когнитивной парадигме // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 3. С. 77-84.
3. Дорофеев Ю.В. О функциональных основаниях восприятия и понимания текста // Педагогический имидж. 2019. Т. 13. № 3. С. 321-332.
4. Нечаева Н.В., Хельмле К.С., Каирова Э.М. Перевод на ясный и/или простой язык как интралингвальный вид перевода и подготовка переводчиков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2021. Т. 20. № 3. С. 99-108. – DOI: 10.15688/jvolsu2.2021.3.9.
5. Николина Н.А. Филологический анализ текста. – М.: Академия, 2003. 256 с
6. Пранцова Г.В., Романичева Е.С. Современные стратегии чтения. Теория и практика. Смысловое чтение и работа с текстом. – М.: Форум, 2015. 368 с.
7. Чернявская В.Е. Текст в медиальном пространстве. – М.: УРСС, 2014. 232 с.
8. Широва И.А. Текст сквозь призму сложного. – СПб.: Политехникасервис, 2013. 217 с.
9. Яковлева 2017 – Яковлева Е.Л. Современное видение интерпретационной модели текста // Litera. 2017. № 1. С. 57-66. – DOI: <https://doi.org/10.7256/2409-8698.2017.1.21657>.
10. Grice H. P. Gardner, Howard “Multiple Intelligences: New Horizons in Theory and Practice.” Basic Books, 2006. 320 p. // URL: https://www.goodreads.com/book/show/294029.Multiple_Intelligences
11. Halliday M., Matthiessen C. An Introduction to Functional Grammar, 2019. 480 p. // URL: <https://www.taylorfrancis.com/books/mono/10.4324/9780203783771/introduction-functional-grammar-christian-matthiessen-michael-halliday-halliday-christian-matthiessen>
12. Kramsh, K. Context and culture in language teaching / K Kramsh. - Hong Kong: Oxford University Press, 1996. 295 p.
13. Martin Nystrand Research in the Teaching of English, 2006. // URL: <https://www.jstor.org/stable/40171709>

Reference

1. Baranov A.N. Linguistics in linguistic expertise: method and truth // Bulletin of Volgograd State University. Linguistics. 2017. Vol. 16. № 2. P. 18-27. – DOI.org/10.15688/jvolsu2.2017.2.2
2. Belyaeva L.N., Chernyavskaya V.E. Evidence-based linguistics: a method in the cognitive paradigm // Issues of cognitive linguistics. 2016. № 3. P. 77-84.
3. Dorofeev Yu.V. On the functional foundations of perception and understanding of text // Pedagogical image. 2019. Vol. 13. № 3. P. 321-332.
4. Nechaeva N.V., Helmle K.S., Kairova E.M. Translation into clear and/or simple languages as an intralingual type of translation and training of translators // Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics. 2021. Vol. 20. № 3. P. 99-108. – DOI: 10.15688/jvolsu2.2021.3.9.
5. Nikolina N.A. Philological analysis of the text. – M.: Academy, 2003. 256 p.
6. Prantsova G.V., Romanicheva E.S. Modern reading strategies. Theory and practice. Semantic reading and working with text. – M.: Forum, 2015. 368 p.
7. Chernyavskaya V.E. Text in medial space. – M.: URSS, 2014. 232 p.
8. Shchirova I.A. Text through the prism of complexity. – St. Petersburg: Politekhnikaservis, 2013. 217 p.
9. Yakovleva 2017 – Yakovleva E.L. Modern vision of the interpretative model of the text // Litera. 2017. № 1. P. 57-66. – DOI: <https://doi.org/10.7256/2409-8698.2017.1.21657>.
10. Grice H. P. Gardner, Howard “Multiple Intelligences: New Horizons in Theory and Practice.” Basic Books, 2006. 320 p. // URL: https://www.goodreads.com/book/show/294029.Multiple_Intelligences
11. Halliday M., Matthiessen C. An Introduction to Functional Grammar, 2019. 480 p. // URL: <https://www.taylorfrancis.com/books/mono/10.4324/9780203783771/introduction-functional-grammar-christian-matthiessen-michael-halliday-halliday-christian-matthiessen>
12. Kramsh, K. Context and culture in language teaching / K Kramsh. - Hong Kong: Oxford University Press, 1996. 295 p.
13. Martin Nystrand Research in the Teaching of English, 2006. // URL: <https://www.jstor.org/stable/40171709>

Синявский А.А.

Доцент, кандидат филологических наук. Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации.

**Применение зооморфных метафор
в деловом русском и испанском языках***

Аннотация. Метафоры постоянно используются в нашей повседневной разговорной речи, а также в различных художественных и даже научных языках. Метафора - это выражение, при котором значение одного слова или понятия переносится на другое слово или понятие с помощью образного сравнения, она может использоваться для придания красоты тексту или изображению, расширения значения или помощи в понимании сложных идей. В экономической сфере в испанском и русском языках часто используются образы животных. Использование образных выражений помогает создать более яркие и запоминающиеся фразы, которые легче понять и запомнить аудитории. Язык экономистов и менеджеров черпает вдохновение из различных аспектов жизни животных, таких как их поведение, способности и взаимодействия в группах или стаях, что позволяет описывать различные аспекты бизнеса, включая поведение, стратегии и характеристики компаний и рынков. Этот прием помогает студентам экономических специальностей выразительнее строить свою речь и лучше запоминать новые термины, так как ассоциации с животными более яркие и интересные.

Ключевые слова: метафора, зоометафора, аналогия, сравнение, образ, описание, термин, фразеология.

Sinyavsky A.A.

Associate Professor, Candidate of Philology. All-Russian Foreign Trade Academy under the Ministry of Economic Development of Russia.

**Applying zoomorphic metaphors in Spanish
and Russian business discourse**

Abstract. Metaphors are regularly used in daily communication as well as in various fictional and even academic texts. Metaphors are expressions where the meaning of a word or a notion is transferred to another word or notion by means of imagery; metaphors can be used to embellish the text or the image, to enlarge its meaning or to facilitate in comprehending complex ideas. In both Spanish and Russian animal images are of-

ten employed in the economic discourse. The use of metaphors allows to create more vivid and catchy phrases that are easier to understand and to remember for the audience. The language of economists and managers draws its inspiration from different aspects of animal life, i.e. behavior, abilities and group interaction, which leads to such expressions being used to describe different aspects of business, including company and market behaviors, strategies and characteristics. This method allows the students of economics to make their speech more expressive and to better memorize new terms as the animalistic associations tend to be vivid and interesting.

Key words: metaphor, zoomorphic metaphor, analogy, comparison, image, description, term, phraseology.

Метафоры окружают нас повсюду, даже если мы не осознаем их использование или не изучали их формально. Они присутствуют в нашей повседневной разговорной речи, которую мы используем для общения, а также в различных художественных и даже математических языках.

Метафора – троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т.п., для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении. Термин «метафора» применяется к любым видам употребления слов в непрямом значении [1, с. 627-707].

Метафора - это способ передачи значения от одного понятия или элемента к другому с помощью образного переноса, устанавливая между ними аналогию. Она может использоваться для украшения текста или изображения, придания нового или более глубокого значения, а также для помощи в понимании более сложных концепций.

В науке метафора играет второстепенную роль, в отличие от поэзии, где она часто является главным элементом [2]. Ученые применяют метафоры как инструмент, предполагая, что между конкретными объектами существует полное совпадение, чтобы затем выделить только то, что является существенным. Когда мы думаем об объекте, с которым мы не знакомы, мы стремимся использовать уже известные нам знаки и, соединяя их, приближаемся к общему представлению о новом объекте [3]:

«El mercado es una selva» (Рынок - это джунгли) - метафорическое выражение используется в деловой сфере для описания жесткой и беспощадной конкуренции, существующей на рынке. В этом случае рынок сравнивают с джунглями, где выживают только самые сильные и приспособленные.

«La economía es un juego de ajedrez» (Экономика - это игра в шахматы) - используется для описания сложности и стратегии, связанных с экономикой. Сравнивая ее с шахматной партией, подчеркивается важность принятия

стратегических решений и предвидения ходов других игроков (соперников).

«*La inflación es un monstruo que devora los ahorros*» (Инфляция - это монстр, который пожирает сбережения) - описание негативного влияния инфляции на покупательную способность людей. Сравнивая инфляцию с монстром, можно прийти к выводу, что это угрожающая и ненасытная сила, которая снижает реальную ценность сбережений.

Животный мир служит основой для множества метафорических аналогий, поскольку они устанавливают сходства между объектами и животными. Особенно важные в этой области языка зооморфизмы - выражения, включающие слова, обозначающие животных. Примеры таких выражений включают «*cola de caballo*», «*nariz aguilera*», «*piel de gallina*» (конский хвост, орлиный нос, гусиная кожа) и т.п.

Еще одна большая группа зоометафор переносится на человеческую сферу, где они часто приобретают комический, иронический или уничижительный оттенок. Таким образом, человека можно сравнить с различными животными, такими как собака, кошка, свинья, крыса, змея и так далее:

«*Varios años bastaron para que Aureliano Buendía llegara a ser el hombre más reputado en Macondo. Era un perro fiel y paciente que estaba aguardando el paso de la comitiva*» [4].

В литературе существует значительный объем исследований, посвященных зооморфным метафорам на разных языках. Это указывает на то, что подобные метафоры присутствуют во всех языках. Также, согласно [5, с. 21-41], в поведении людей метафорически используется множество аналогий с животными, то есть мы часто описываем себя с помощью животных образов.

Очень важную роль во фразеологическом коде играют существительные, обозначающие животных [6]. Эти слова часто используются во фразеологических выражениях или идиомах - фиксированных или лексикализованных структурах, которые приобретают новый смысл, несвойственный семантике их компонентов [7, с. 13-37]. В испанском языке мы можем обнаружить ряд таких идиом: *trabajar como burro*; *aburrirse como una ostra*; *a paso de tortuga*; *estar como perros y gatos* (работать как ишак; умирать от скуки; черепашьим шагом; как кошка с собакой).

Использование образов животных в испанском и русском языке в сфере экономики, финансов и менеджмента является распространенной практикой. Эти образы используются для описания различных аспектов бизнеса, включая поведение, стратегии и характеристики компаний и рынков.

В испанском языке, как и в русском часто используется образ животных для описания компаний. Например, «*tiburón*» (акула) используется для обозначения жесткости и агрессивности компании или предпринимателя в бизнесе: «*Arturo Elías Ayub es un tiburón de los negocios. Desde hace décadas el empresario mexicano que funge como director de alianzas estratégicas y contenidos*

de America Móvil ha sido el ejemplo a seguir de miles de personas dentro y fuera del mundo empresarial» [8].

«Elefante» (слон) часто используется для описания крупных и мощных компаний, которые имеют большую позицию на рынке: «*Empresas elefante son grandes, con muchos departamentos, con un organigrama complejo, que cotizan en Bolsa y presentan unos números en los que influyen muchos factores. Pueden ser de reciente creación, como los gigantes tecnológicos Google o Amazon, o tener una larga historia empresarial por detrás, con adquisiciones y cambios de propiedad en el accionariado. Lo que las hace perfectamente distinguibles es su tamaño*» [9].

Компании-газели — фирмы, которые в течение нескольких лет показывают серьёзный устойчивый рост: «*Популяция российских «газелей» была исследована с помощью системы СПАРК-Интерфакс, в которой собрана информация обо всех действующих в России юридических лицах*» [10].

Зоометафора использует образы, характеристики и поведение животных для создания ассоциаций и передачи значения. Наиболее часто используемые зоометафоры в языке экономистов и менеджеров связаны с хищниками, стадными животными и птицами.

«*Un halcón monetario*» (денежный ястреб) - опытный и агрессивный трейдер, который ищет лучшие возможности на рынке, выступает за такие меры, как повышение процентных ставок и сокращение денежной массы: «*La visión de un halcón monetario: Con dolarización, en la Argentina habría un boom y los responsables se convertirían en héroes nacionales*» [11].

Для обозначения человека, который обладает способностью возглавлять и управлять группой часто употребляется выражение «*líder de manada*» (лидер стада): «*De manera más realista, el liderazgo de la manada se convierte en una combinación de efectividad de equipo y efectividad política*» [12].

Образность помогает создать более яркие и запоминающиеся выражения, которые легче воспринимаются и усваиваются аудиторией.

Источниками зоометафор в языке экономистов и менеджеров могут стать различные аспекты жизни животных - их поведение, способности, характеристики и взаимодействия в стае или группах.

Зоометафоры в испанском и русском языках зачастую очень похожи, особенно в деловой сфере, несмотря на то, что принадлежат к разным языковым семействам (испанский - романский, русский - славянский). Похожесть зоометафор в испанском и русском языках в деловой сфере может иметь несколько объяснений:

- Исторические связи. Оба языка имеют свои корни в латинском языке. Отчасти подобие может объясняться их общей лингвистической основой.
- Культурные сходства. Многие зоометафоры могут иметь сходные значения и образы в разных культурах. Например, обозначения «волк» и «ястреб»

в обоих языках могут ассоциироваться с силой, властью и геройством.

- Влияние английского языка. С развитием глобализации и распространением английского языка, многие зоометафоры могут быть заимствованы из английского языка и адаптированы под испанский и русский языки [13, с. 159-168]. Английский язык становится все более влиятельным и используется в международной деловой сфере, и это может отразиться на использовании зоометафор.

Например, если говорить о фондовом рынке, то там особенно характерно использование зоометафор для описания определенных характеристик инвесторов или рыночных явлений. В зависимости от того, как инвесторы ведут себя на рынке, их условно классифицируют как различные животные. Наиболее распространенными метафорами являются «бык» и «медведь»:

«На просторах крипторынка грядут глобальные изменения, скоро трейдеры и инвесторы столкнутся с тем, что быки и медведи исчезнут, и на их место придут другие. Так считает аналитик Вилли Ву. По мнению Ву, которое он выразил в интервью на канале Натали Брунелл существующие сейчас бычьи и медвежьи циклы, характерные для Биткойна и других валют исчезнут в скором времени» [14].

«En el ambiente financiero se siente mucha incertidumbre respecto al rumbo que tomarán los mercados financieros en 2022, lo que ha llevado a una verdadera “guerra” entre los alcistas o “toros”, y los bajistas u “osos”» Y no es para menos [15].

Надо отметить, что, так называемый, «биржевой зоопарк» представлен довольно широко и понятен абсолютно всем игрокам независимо от языка и культуры:

«Недавний анализ поведения первых китов Base показал, что крупные инвесторы, которые активно взаимодействовали с блокчейном от Coinbase до запуска мейннета, проявляли интерес к активам ROLLBIT, UNIBOT и мемкоинам» [16].

«Las ballenas y tiburones de Cardano que poseen entre 100.000 y 10 millones de tokens de ADA están acumulando la altcoin. La acumulación de ballenas ha alcanzado el nivel más alto desde septiembre de 2022» [17].

«Черепашки торговали фьючерсами на самых крупных площадках того времени (CME, COMEX, NYMEX) и практически на всех наиболее ликвидных рынках, за исключением мясного» [18].

«El sistema de trading de las tortugas debe ser operado en mercados muy líquidos» [19].

Таким образом, повторение или похожесть зоометафор в испанском и русском языках в деловой сфере обычно объясняется историческими и культурными контактами, а также необходимостью эффективного общения в международных деловых отношениях.

Использование зоометафор в преподавании испанского языка студен-

там экономических специальностей помогает создавать более яркие и выразительные выражения и делать сопоставления между свойствами животных и экономическими понятиями. Этот подход также помогает студентам лучше запоминать новые экономические термины, поскольку ассоциации с животными более запоминающиеся и вызывают больший интерес. Например, термин «*inflación galopante*» (галопирующая инфляция) будет легче запомнить, если студентам будет объяснено, что он ассоциируется с образом быстро бегущей лошади.

Кроме того, использование зоометафоры в преподавании испанского экономического языка позволяет студентам более эффективно освоить язык, запомнить новые термины, а также получить глубокое культурное понимание испаноязычных стран и их экономической сферы.

Библиографический список / Reference

1. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – Москва: Большая Российская энциклопедия, 2002. 709 с.: табл. – Указ. С. 627-707. – ISBN 5-85270-239-0.
2. Ортега-и-Гассет Хосе. Две великие метафоры // Теория метафоры. – М.: 1990. С. 74
3. Лакофф, Джордж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон; пер. с англ. А.Н. Баранова и А.В. Морозовой; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – Москва: Едиториал УРСС, 2004. 254 с. – (Мировой научный бестселлер). – Лит. с. 254. – ISBN 5-354-00222-2.
4. Gabriel García Márquez. «Cien Años De Soledad». Editorial: [Vintage Espanol; Spanish edición (22 Septiembre 2009); Idioma: Espanol; Tapa blanda: 496 páginas; ISBN-10: 0307474720 ISBN-13: 978-0307474728
5. Кёвечеш З. Создание метафоры в контексте. KÖVECSÉS Z. Creating metaphor in context // Intern.j of lang.a.culture. 2014. № 1 (1). P. 21-41
6. Pérez Paredes M.R. & Sanz Martin B.E. Los animales y el cuerpo en el refranero: un análisis semántico. Lexis, 2013. XXXVII (1). P. 71-94.
7. Ruiz Gurillo L. Una clasificación no discreta de las unidades fraseológicas del español. En Wotjak, G. (ed.). Estudios de fraseología y fraseografía del español actual. 1998. P. 13-37.
8. MIT Sloan. // URL: <https://mitsloanreview.mx/liderazgo/arturo-elias-ayub-8-lecciones-para-negociar-como-un-tiburon/> (Дата обращения: 10.04.2024).
9. Inversion Dinamica // URL: <https://inversiondinamica.es/noticias-bolsa/empresas-con-categorias-de-animales-gacela-ronon-y-efefante/> (Дата обращения: 02.04.2024).
10. Интерфакс // URL: <https://www.interfax.ru/business/598670> (Дата обращения: 11.04.2024).
11. Cato // URL: <https://www.elcato.org/la-vision-de-un-halcon-monetario-con-dolarizacion-en-la-argentina-habria-un-boom-y-los-responsables> (Дата обращения: 10.03.2024).
12. <https://business.gobotech.com/1546/como-convertirse-en-el-lider-de-la-manada.html>. (Дата обращения: 08.04.2024).
13. Birch D., Medoff J. Gazelles. In: «Labor Markets, Employment Policy, and Job Creation» Solomon, L.C., A.R. Levenson (Eds.). Westview: Boulder, Co. 1994. P. 159-168.
14. Freedman Club // URL: <https://freedmanclub.com/byki-i-medvedi-skoro-ischeznut-s-cryptorynka-ih-mesto-zaymut-pyanicy/> (Дата обращения: 15.03.2024).
15. <https://mx.investing.com/analysis/hay-una-guerra-entre-toros-y-osos-en-los-mercados-200453013> (Дата обращения: 10.04.2024).
16. News Crypto Coin. // URL: <https://newscryptocoin.com/news/kity-base-investirovali-eshe-v-unibot-i-memkoiny/> (Дата обращения: 03.04.2024).
17. FXstreet. // URL: <https://www.fxstreet.es/cryptocurrencies/news/las-ballas-de-cardano-anticipan-la-recuperacion-del-precio-de-la-ada-y-consiguen-el-mayor-volumen-de-tokens-desde-septiembre-de-2022-2023080815-11> (Дата обращения: 02.04.2024).
18. Forex Info Trade. // URL: <https://www.fxstreet.es/cryptocurrencies/news/las-ballas-de-cardano-anticipan-la-recuperacion-del-precio-de-la-ada-y-consiguen-el-mayor-volumen-de-tokens-desde-septiembre-de-2022-202308081511> (Дата обращения: 18.04.2024).
19. Economipedia. // URL: <https://economipedia.com/definiciones/sistema-de-trading-de-las-tortugas.html> (Дата обращения: 28.03.2024).

Сизинцева А.С.

Кандидат технических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Комсомольский-на-Амуре государственный университет».

Бажеряну В.В.

Аспирант, ФГБОУ ВО «Комсомольский-на-Амуре государственный университет».

Использование невербальных средств общения в процессе коммуникации в англоязычных и русскоязычных производственных коллективах*

Аннотация. Данная статья посвящена вопросу изучения роли использования невербальных средств общения в процессе коммуникативного взаимодействия работников англоязычных и русскоязычных производственных коллективов. Эффективная деловая коммуникация характеризуется не только пониманием слов собеседника, но и способностью корректно интерпретировать визуальную информацию – мимику или жесты собеседника. Владение невербальными средствами общения помогает работниками различных трудовых коллективов выстраивать успешную коммуникацию, что способствует организации эффективного производственного процесса. Результаты анкетирования сотрудников англоязычных и русскоязычных промышленных предприятий, приведенные в данной статье, показали, что более 80% опрошенных работников высоко оценивают роль невербальных средств общения в процессе производственной коммуникации. Также испытуемые оценили роль молчания в процессе коммуникации в русской и английской производственной среде.

Ключевые слова: коммуникативное взаимодействие, невербальные средства общения, англоязычный производственный коллектив, русскоязычный производственный коллектив, роль молчания в общении.

Sizintseva A.S.

Candidate of Technical Sciences, Associate Professor. Komsomolsk-on-Amur State University.

Bazheryanu V.V.

Graduate student, Komsomolsk-on-Amur State University.

---

* © Сизинцева А.С., Бажеряну В.В., 2024.

Application of non-verbal language in the communication process in English-speaking and Russian-speaking production teams

Abstract. This article is devoted to the issue of studying the role of the use of non-verbal means of communication in the process of communicative interaction between employees of English-speaking and Russian-speaking production teams. Effective business communication is characterized not only by understanding the words of the interlocutor, but also by the ability to correctly interpret visual information - facial expressions or gestures of the interlocutor. Mastery of nonverbal means of communication helps employees of various work groups build successful communication, which contributes to the organization of an effective production process. The results of a survey of employees of English-speaking and Russian-speaking industrial enterprises presented in this article showed that more than 80% of the surveyed workers highly appreciate the role of non-verbal means of communication in the process of industrial communication. The respondents also assessed the role of silence in the communication process in the Russian and English production environment.

Key words: communicative interaction, non-verbal means of communication, English-speaking production team, Russian-speaking production team, the role of silence in communication.

На протяжении всей жизни каждый из нас ежедневно вступает в коммуникативное взаимодействие с другими людьми. В процессе общения человек решает свои определенные задачи, и успешность их осуществления во многом зависит от того, насколько эффективно протекает это взаимодействие. Профессиональное и личностное развитие любого человека неравномерно связано с общением на разных уровнях. Взаимодействуя друг с другом, люди воспринимают друг друга посредством зрительных и слуховых каналов. Таким образом, в процессе коммуникации человек задействует как вербальные, так и невербальные компоненты. Экспериментальные исследования показали, что на использование вербальных компонентов взаимодействия приходится только 35%, в то время как невербальная часть (позы, жесты, мимика) составляет 65%, что подтверждает важную роль невербальных сигналов в общении [1-3]. Среднестатистический человек использует невербальные сигналы бессознательно, спонтанно, поэтому они в большинстве случаев искренни и могут многое сказать о реальном отношении человека к предмету разговора.

Невербальные средства общения также известны как язык жестов и поз. Другими словами, это любая форма самовыражения человека, которая не включает в себя слова. Всем уже хорошо известно, что способность воспринимать и интерпретировать невербальные сигналы собеседника явля-

ется ключевым условием эффективного общения. Особенно это актуально для делового общения, ведения бизнес-переговоров, и в целом, для любого профессионального коммуникативного взаимодействия [4-7].

Современным профессионалам, бизнесменам, и в целом всем работникам различных организаций и предприятий необходимо уметь пользоваться невербальными средствами общения, а также уметь их считывать у собеседника. Своевременно и верно выбранные невербальные сигналы в поддержку речи, могут помочь убедить партнера в своей правоте, вызвать доверие, или подтолкнуть к принятию решения в вашу пользу. Также как и неверно выбранные жесты или мимика в процессе переговоров могут только навредить. В некоторых случаях невербальные сигналы даже могут заменить речевое сообщение.

Успех подкрепления словесного сообщения невербальными сигналами состоит в том, что они должны использоваться незаметно, неочевидно для собеседника. Если человек заметит показательно использованные позы или жесты, возможен обратный эффект, так как оппонент поймет, что им хотят манипулировать [8-11].

Говоря о способах общения, стоит упомянуть молчание, которое в определенных ситуациях может быть сильнее слов. Молчание – это такая же коммуникативная единица, как и речь, мимика, жесты, позы. Усиление коммуникативной функции молчания возможно при определенном построении особых контекстов. Если рассматривать молчание в ответ на просьбу, то с большой вероятностью это будет означать отказ или нежелание выполнять эту просьбу. Молчание человека в некоторых случаях может быть знаком неумения или нежелания поддерживать разговор, или даже отношения с собеседником.

Молчание может быть весьма действенным элементом в моменты кризиса, когда одинаково ценится как слово, так и молчание. Однако психологи подчеркивают, что в кризисных ситуациях стоит избегать такого понятия, как «Без комментариев» [12-15].

Способность выдерживать паузу в большинстве случаев, не только придадут значимости разговору, но и добавят уважения говорящему. Молчание формирует сильного и думающего собеседника, так как слабому собеседнику необходимо много говорить, чтобы добиться внимания сильного. Таким образом, во процессе коммуникации собеседники используют не только вербальные и невербальные способы передачи информации, но и молчание, как весомый инструмент успешного взаимодействия.

В последнее время, многие современные компании и различные производственные предприятия проводят тренинги, обучающие сотрудников и руководителей риторике и способам эффективного делового общения, в том числе умению считывать и применять невербальные сигналы собеседника [16-19].

В данной статье мы обсудим результаты опроса, проведенного на производственных предприятиях с русскоязычной и англоязычной коммуникативной средой. Опрос проводился среди инженерно-технического персонала, а также среди руководителей различного уровня. Целью проведенного анкетирования было определить как, по мнению сотрудников предприятий, использование невербальных средств общения влияет на качество коммуникации в коллективе и на эффективность производственного процесса в целом.

Сначала работникам предприятий было предложено оценить влияние невербальных средств коммуникации на процесс общения по шкале от 1 (совсем не влияют) до 5 (очень сильно влияют) (Рис. 1).

В англоязычных производственных коллективах 84% респондентов высоко оценили значение невербальных сигналов в ходе переговоров и профессионального общения – 4 и 5 по шкале. В русскоязычных коллективах практически равное количество работников (по ~30%) выбрали варианты 3, 4 и 5 по шкале, что означает также осознание важности невербальных средств коммуникации в ежедневном общении.

Таким образом, как в русскоязычной, так и в англоязычной производственной среде большинство вариантов ответа наблюдается по шкале от 3 до 5, что указывает на высокий уровень осознанности работников предприятий и способность считывать и применять невербальные сигналы в процессе профессиональной коммуникации.

Также испытуемым было предложено определить значение молчания в процессе производственной коммуникации (Рис. 2).

В русскоязычной производственной среде большинство работников расценивают молчание как выражение неопределённости (41,8%), 30,9% опрошенных считают, что молчание вызвано нежеланием продолжать диалог, и 23,6% работников считают молчание способом уйти от конфликта. В англоязычной производственной среде большинство опрошенных считают молчание нежеланием продолжать диалог (37,2%), меньшее количе-

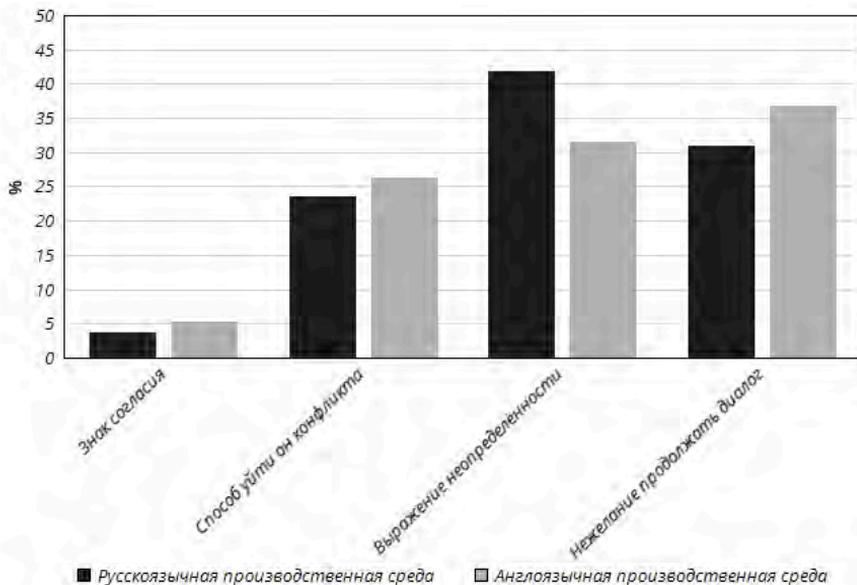

Рисунок 1. Влияние невербальных средств общения на процесс коммуникации в русскоязычной и англоязычной производственной среде.

ство работников расценивают молчание как выражение неопределённости (31,7%) и способ уйти от конфликта (26,0%). Следует обратить внимание, что больше 40% русскоязычных работников расценивают молчание как выражение неопределённости собеседника, в то время как большая часть англоязычных респондентов считают, что молчание означает нежелание собеседника продолжать разговор, что связано различиями в культуре общения в разных странах.

Как в русской, так и в английской производственной среде незначительное количество работников считают, что молчание – это знак согласия (3,6% и 5,2%, соответственно).

Таким образом, полученные в результате опроса данные показали, что работники и англоязычных и русскоязычных производственных предприятий высоко оценивают роль использования невербальных средств общения в ежедневной коммуникации внутри рабочих коллективов. Также опрошенные работники дали оценку роли молчания в процессе общения. Выяснилось, что большая часть русскоязычных респондентов расценивают молчание как выражение собеседником неопределённости, а англоязычных респондентов – как нежелание продолжать диалог.

Рисунок 2. Роль молчания в процессе коммуникации в русскоязычной и англоязычной производственной среде.

Библиографический список:

1. Шушарина Г.А. Реализация коммуникативной стратегии самопрезентации в деловом общении // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2021. Т. 8. № 56. С. 73-78.
2. Шушарина Г.А. Полипарадигмальность и трансдисциплинарность современной науки о культуре // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2024. Т. 2. № 74. С. 52-56.
3. Гусева Ж.И. Особенности планирования производства на авиационном предприятии // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2021. Т. 4. № 52. С. 99-104.
4. Платонова Н.М. «Настроение рабочих нервное...»: Социально-трудовые конфликты на промышленных предприятиях советского дальнего востока (вторая половина - конец 1920-х гг.) // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2023. Т. 4. № 68. С. 68-75.
5. Кириченко Л.П., Мотырева А.С. Экономическая эффективность системы организации труда на предприятии // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2021. Т. 8. № 56. С. 112-118.
6. Крючко Е.А., Кузнецова О.Р. Определение направлений развития производства в условиях преференциального режима территории опережающего социально-экономического развития // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2021. Т. 2. № 50. С. 98-102.
7. Ларченко Ю.Г. Шушарина Г.А. Интернет-технологии в современной туриндустрии // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2021. Т. 2. № 50. С. 109-113.
8. Шушарина Г.А. Культурные основания конструирования идентичности // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2023. Т. 6. № 70. С. 32-35.
9. Прокофьева В.Ю., Уткина П.И. Коммуникативные стратегии средств массовой информации в социальных сетях: новостное сообщество «Лентач» // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2022. Т. 4. № 60. С. 68-73.
10. Вериков В.В., Ярославцева Т.А. Правовой механизм регулирования прав и обязанностей участников общественных отношений в России. исторический аспект // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2022. Т. 4. № 60. С. 96-101.
11. Усанов Г.И., Финогеев М.А. Методологические основы развития организационной культуры бизнеса // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2023. Т. 4. № 68. С. 31-37.
12. Усанов И.Г., Усанов Г.И. Управленческие решения в современных условиях хозяйствования // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2023. Т. 2. № 66. С. 104-109.
13. Ларченко Ю.Г., Чеховской С.В. Оценка эффективности деятельности промышленного предприятия на основе концепции капиталов и международного стандарта интегрированной отчетности // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2024. Т. 2. № 74. С. 89-95.
14. Савелова Е.В., Богомазова Д.В. Мифологические основания современной корпоративной культуры // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2020. Т. 6. № 46. С. 14-20.
15. Семёнов А.Б. Отражение расовых конфликтов в современной массовой культуре: культурно-исторический анализ явления // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2020. Т. 8. № 48. С. 28-32.
16. Тимофеева И.Ю. Феномен партиципации в современной культуре // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2021. Т. 8. № 56. С. 49-53.
17. Наливайко Т.Е., Шинкорук М.В. Педагогические аспекты профилактики девиантного поведения подростков // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2023. Т. 4. № 68. С. 53-59.
18. Гусева Ж.И., Шинкорук М.В. Тайм-менеджмент как инструмент управления персоналом // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2022. Т. 6. № 62. С. 114-118.
19. Ларченко Ю.Г. Оценка репутационного риска промышленного предприятия // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2022. Т. 8. № 64. С. 108-116.

Reference

1. Shusharina G.A. Implementation of a communicative strategy of self-presentation in business communication // Scientific notes of the Komsomolsk-on-Amur State Technical University. 2021. Vol. 8. № 56. P. 73-78.
2. Shusharina G.A. Polyparadigmality and transdisciplinarity of modern cultural science // Scientific notes of the

- Komsomolsk-on-Amur State Technical University. 2024. Vol. 2. № 74. P. 52-56.
3. Guseva Zh.I. Features of production planning at an aviation enterprise // Scientific notes of the Komsomolsk-on-Amur State Technical University. 2021. Vol. 4. № 52. P. 99-104.
  4. Platonova N.M. "The mood of the workers is nervous...": Social and labor conflicts at industrial enterprises of the Soviet Far East (second half - late 1920s) // Scientific notes of the Komsomolsk-on-Amur State Technical University. 2023. Vol. 4. № 68. P. 68-75.
  5. Kirichenko L.P., Motyeva A.S. Economic efficiency of the labor organization system at the enterprise // Scientific notes of the Komsomolsk-on-Amur State Technical University. 2021. Vol. 8. № 56. P. 112-118.
  6. Kryuchko E.A., Kuznetsova O.R. Determining the directions of production development in the conditions of the preferential regime of the territory of advanced socio-economic development // Scientific notes of the Komsomolsk-on-Amur State Technical University. 2021. Vol. 2. № 50. P. 98-102.
  7. Larchenko Yu.G., Shusharina G.A. Internet technologies in the modern tourism industry // Scientific notes of the Komsomolsk-on-Amur State Technical University. 2021. Vol. 2. № 50. P. 109-113.
  8. Shusharina G.A. Cultural foundations for constructing identity // Scientific notes of the Komsomolsk-on-Amur State Technical University. 2023. Vol. 6. № 70. P. 32-35.
  9. Prokofieva V.Yu., Utkina P.I. Communication strategies of the media in social networks: the news community "Lentach" // Scientific notes of the Komsomolsk-on-Amur State Technical University. 2022. Vol. 4. № 60. P. 68-73.
  10. Verikov V.V., Yaroslavtseva T.A. Legal mechanism for regulating the rights and obligations of participants in public relations in Russia. historical aspect // Scientific notes of Komsomolsk-on-Amur State Technical University. 2022. Vol. 4. № 60. P. 96-101.
  11. Usanov G.I., Finogeev M.A. Methodological foundations for the development of organizational culture of business // Scientific notes of the Komsomolsk-on-Amur State Technical University. 2023. Vol. 4. № 68. P. 31-37.
  12. Usanov I.G., Usanov G.I. Management decisions in modern economic conditions // Scientific notes of the Komsomolsk-on-Amur State Technical University. 2023. Vol. 2. № 66. P. 104-109.
  13. Larchenko Yu.G., Chekhovskoy S.V. Assessing the efficiency of an industrial enterprise based on the concept of capital and the international standard of integrated reporting // Scientific notes of the Komsomolsk-on-Amur State Technical University. 2024. Vol. 2. № 74. P. 89-95.
  14. Savelova E.V., Bogomazova D.V. Mythological foundations of modern corporate culture // Scientific notes of the Komsomolsk-on-Amur State Technical University. 2020. Vol. 6. № 46. P. 14-20.
  15. Semenov A.B. Reflection of racial conflicts in modern mass culture: cultural and historical analysis of the phenomenon // Scientific notes of the Komsomolsk-on-Amur State Technical University. 2020. Vol. 8. № 48. P. 28-32.
  16. Timofeeva I.Yu. The phenomenon of participation in modern culture // Scientific notes of the Komsomolsk-on-Amur State Technical University. 2021. Vol. 8. № 56. P. 49-53.
  17. Nalivaiko T.E., Shinkoruk M.V. Pedagogical aspects of the prevention of deviant behavior in adolescents // Scientific notes of the Komsomolsk-on-Amur State Technical University. 2023. Vol. 4. № 68. P. 53-59.
  18. Guseva Zh.I., Shinkoruk M.V. Time management as a tool for personnel management // Scientific notes of the Komsomolsk-on-Amur State Technical University. 2022. Vol. 6. № 62. P. 114-118.
  19. Larchenko Yu.G. Assessing the reputational risk of an industrial enterprise // Scientific notes of the Komsomolsk-on-Amur State Technical University. 2022. Vol. 8. № 64. P. 108-116.

Жун Синь

Магистрант. Институт иностранных языков, Цицикарский университет, Китай.

Го Лихун

Доцент института иностранных языков, Цицикарский университет, Китай. Аспирант кафедры стилистики и риторики, Кемеровский государственный университет.

Концепт «мать» в языковой картине мира русского языка (на материале фразеологии)*

Аннотация. Концепт «мать» является одним из ключевых элементов русской концептосферы, обладая значительным количеством когнитивных признаков и широкой коммуникативной релевантностью. Статья посвящена исследованию репрезентации концепта «мать» во фразеологической картине мира русского языка. Анализируемые фразеологические единицы были распределены на десять фразеосемантических групп, отражающих когнитивные характеристики, воплощенные в тех или иных значениях исследуемого концепта; проведен количественный анализ продуктивности выделенных групп. Разнообразие когнитивных признаков и широкий спектр фразеосемантических групп изучаемого концепта, подтверждающие его важность для понимания культурной идентичности русского народа.

Ключевые слова: языковая картина мира, фразеологическая картина мира, концепт, мать, фразеосемантическая группа.

Rong Xin

Master's degree candidate. School of Foreign Languages, Qiqihar University.

Guo Li Hong

Associate Professor, School of Foreign Languages, Qiqihar University. Postgraduate student of the Department of Stylistics and Rhetoric, Kemerovo State University.

The concept “mother” in the language picture of the world (based on phraseology the Russian language)

---

* © Жун Синь, Го Лихун, 2024.

Abstract. The concept “mother” is one of the key elements of the Russian concept sphere, possessing a significant number of cognitive characteristics and broad communicative relevance. The article is devoted to the study of the representation of the concept “mother” in the phraseological picture of the world of the Russian language. The analyzed phraseological units were divided into ten phraseological semantic groups, reflecting the cognitive characteristics embodied in certain meanings of the concept under study; a quantitative analysis of the productivity of the selected groups was carried out. The variety of cognitive features and a wide range of phraseosemantic groups of the concept confirm its importance for understanding the cultural identity of the Russian people.

Key words: linguistic picture of the world, phraseological picture of the world, concept, mother, phraseosemantic group.

Язык неразрывно связан с культурой и является одним из ключевых показателей национального самосознания. Как отмечает Ю.Д. Апресян, языковая картина мира – это отражение наивных, бытовых и обывательских взглядов человека, пронизывающих повседневную речь и мышление [цит по: 3]. В.И. Постовалова [10] и Б.А. Серебренников [12] утверждают, что языковая картина мира является результатом идеализации реального мира при помощи языка и системой наиболее общих представлений о мире.

П.А. Абдулкаримова описывает языковую картину мира как целостный глобальный образ, сформированный человеческой активностью [1]. Н.Н. Оломская и Р.В. Патюкова уточняют, что языковая картина мира – это отражение в языке представлений об окружающем мире [11].

Р.Р. Замалетдинов углубляет понимание языковой картины мира, освещая ее роль в структурировании знаний о действительности, отношении к ней, влиянии на поведение, формировании ценностей, социально обусловленных норм и жизненных стратегий.

В своей работе А.Б. Михалев анализирует различные слои языковой картины мира, включая лексический, фонетический, фразеологический, грамматический и дискурсивный, что позволяет глубже понять механизмы языкового отражения реальности [7].

Каждый язык создает уникальную «семантическую вселенную», обусловленную экстралингвистическими факторами и культурной спецификой [18]. Национальная языковая картина мира определяется как отображение внешнего и внутреннего мира, отраженное в языке и сознании на основе национальных особенностей [17]. Р.Х. Хайруллина подчеркивает, что фразеологическая картина мира – это часть национальной языковой картины мира, описываемая средствами фразеологии [15].

Фразеологизмы являются носителями культурных концептов, через которые культура входит в ментальный мир человека и влияет на его восприятие мира, позволяя реконструировать фрагмент языковой картины мира

и описать мир достаточно полно и достоверно [13].

В свете вышеизложенного, можно сделать вывод, что языковая картина мира – это многогранное явление, которое включает в себя и наивные представления, и идеализированные образы, и сложные категориальные системы и пронизано культурными, историческими и социальными параметрами, определяющими уникальность каждого языка и нации.

Дифференциация языковых картин мира отдельных этносов частично определяется уникальностью и различиями их концептуальных картин мира. Это явление коренится в многообразии экстралингвистических факторов, которые включают в себя географическое положение, климат, исторические обстоятельства, социально-политическое устройство, религиозные убеждения, культурные традиции и образ жизни. Все эти факторы в совокупности оказывают влияние на способы, которыми различные нации категоризируют и интерпретируют окружающую действительность, что впоследствии находит свое отражение в языковой системе через лексику, фразеологию и грамматику.

Концепты, являющиеся неотъемлемой частью культурной парадигмы, претерпевают вариации в зависимости от контекста своего функционирования и интерпретации, что находит отражение в том, как концепты воспринимаются, обсуждаются и используются внутри определенной культуры [3]. Изучение концептов предоставляет важные данные для понимания как лингвистических, так и культурных особенностей нации или общности.

Статья посвящена описанию концепта «мать» во фразеологической картине мира русского языка. Материалом исследования послужили фразеологические единицы (ФЕ), репрезентирующие концепт «мать», извлеченные методом сплошной выборки из фразеологических словарей русского языка [4]; [6]; [11].

Отобранные ФЕ были проанализированы методом когнитивной интерпретации, которая подразумевает анализ значений языковых элементов, наделяющих концепт определенными качествами, с последующей их вербализацией. В ходе этого процесса определяются когнитивные характеристики, воплощенные в тех или иных значениях или семантических составляющих данных языковых элементов. Основная цель такой деятельности заключается в создании модели содержания концепта. Эта методика подробно описана в монографии З.Д. Поповой и И.А. Стернина «Семантико-когнитивный анализ языка» [9]. В исследовании были использованы также методы семантического, компонентного, классификационного и количественного анализа.

В дискурсе современной лингвистической науки продолжают дискуссии относительно объема фразеологии. В частности, некоторые исследователи поддерживают классификацию, предложенную В.В. Виноградовым, который основываясь на критерии семантической слитности, выделяет

три основных типа таких единиц [2]. Другие специалисты разделяют взгляды Н.М. Шанского, который предложил более широкое определение фразеологии, включая в ее рамки фразеологические выражения, основываясь на характерной для них воспроизводимости [16]. В рамках данного исследования, вслед за Н.М. Шанским, придерживаемся более широкого толкования термина «фразеологическая единица» и включаем в его спектр также пословицы и поговорки, рассматривая их как составную часть фразеологического поля.

Концепт «мать» занимает основополагающую позицию в системе базовых концептов любой культуры. Фигура матери обладает особым статусом, поскольку она лежит в основе семьи как главного социального института общества.

В языковом контексте концепт «мать» олицетворяется лексемой «мать», принадлежащей к полю материнства, и его толкование в русском языке варьируется в зависимости от контекста. В рамках лексических комбинаций слово «мать» вступает в связь с другими лексемами, формируя разнообразные словосочетания: генетическая мать, социальная мать, приёмная мать, крёстная мать и др.

Корневая морфема «мат-» является основой для деривации множества слов русского языка, имеющих семантическую связь с концептом «мать». Среди производных лексем можно выделить «матушка», «матерь», «матка», «матрица», «материнство», «материнский», «матриархат», «материк» и прочие. Тем не менее, следует отметить, что словообразовательные модели на основе корня «мать» представлены в русском языке не в столь обширном количестве.

Для характеристики представления концепта «мать» во фразеологическом фонде русского языка отобранный материал был классифицирован в следующие фразеосемантические группы:

1. «Мать как центр семьи»: *материнское право; мать семейства; без матки рой не держится; пускай будет по-старому, как мать поставила. Мать всякому делу голова. В семье мать и стена, и опора. Дом без матери – как колодец без воды. Семья без матери – как сад без цветов.*

ФЕ выделенной фразеосемантической группы отражают глубоко укоренившиеся представления в русской культуре о матери как о неотъемлемом и центральном элементе семейной жизни, признание её основополагающей роли в формировании и поддержании семейного уклада.

2. «Мать как источник жизни»: *в чём мать родила; ещё во чреве матери. Один раз мать родила, один раз и умирать. Уродила мать, что и земля не примет. После родов мать десять дней в гробу стоит. Деточек родить – не веточек ломить: тяжелехонько!*

ФЕ выделенной фразеосемантической группы отражают значимость матери в биологическом и социальном смыслах – они показывают роль матери в

процессе рождения и влияние материнства на дальнейшую жизнь человека.

3. «Мать как символ защиты»: *днём денна моя мать – печальница, в ночь ночная богомольница; мать-квочка; под крылом матери; материнская молитва. Около матки хорошо дитянке. Мать ляжет на мокром, а детям постелет сухое. Что материнской рукой дано, то впрок пойдёт. Слепой щенок и тот к матери ползет. Для родной дочки мать кольцо вместе с пальцем отдаст. Ради деток мать готова себя продать. У кого есть matka, у того голова гладка. Мать приветная – ограда каменная.*

ФЕ выделенной фразеосемантической группы содержат образы, связанные с заботой, опекой и обереганием, которое мать предоставляет своим детям.

4. «Мать как источник мудрости»: *материнское слово; материнская школа; впитать с материнским молоком. Щенок у матери лаять учится. Кто матери не послушает – в беду попадет. Мать художнику не научит. Материнским словом Бог правит. Мать сказала – Бог сказал. Оттого парень с лошади свалился, что мать криво посадила.*

ФЕ выделенной фразеосемантической группы содержат образ матери как источника мудрости и жизненных уроков: мать часто является первым и самым важным источником знаний для ребенка.

5. «Мать как непреходящая любовь»: *мать любит без памяти; за детей и на край света; Материнская ласка конца не знает. В материнском сердце про всех детей ласки хватит. Материнская любовь до гроба. Сердце матери лучше солнца греет. Материны глаза слепы. Для матери плохих детей не бывает. При солнце тепло, а при матери добро. Материнская любовь крепка навеки.*

ФЕ выделенной фразеосемантической группы отражают глубоко укоренившееся в русской культуре понимание того, что любовь матери неустанна и не подлежит изменениям со временем.

6. «Недооцененная детьми мать»: *привык на мать дуться; наш Антон не тужит о том: мать умирает, а он со смеху помирает! Сердце матери к детям из воска, сердце детей к матери из камня. Материно сердце в детях, а детское – в камне. Матка по дочке плачет, а дочка по доске скачет.*

ФЕ выделенной фразеосемантической группы показывают, что матери часто приходится сталкиваться с недостатком понимания и признания ее усилий со стороны детей.

7. «Мать как олицетворение бесконечной доброты и прощения»: *Родная мать и высоко замахивается, да не больно бьет. Лихорадка – не matka: треплет, не жалеет. Мать гладит по шерсти, мачеха – насупротив. Мать и бьет, так гладит, а чужая и гладит, так бьет. Мать и побьет, не прибьет, а чужая погладит, да проглядит. Материны побои не больны.*

ФЕ выделенной фразеосемантической группы отражают гуманный подход в воспитательных мерах матери.

8. «Мать как первоисточник»: *Родина-мать; Волга-матушка; земля-ма-*

тушка; мать-природа. Лень (праздность ума) – мать всех пороков. Лень-матушка вперед тебя родилась. Повторенье – мать ученья. Родная земля – матушка, чужая сторона – мачеха. Родина – мать, умеи за неё постоять.

ФЕ выделенной фразеосемантической группы выражают идею первоисточника и происхождения, связанного с образом матери.

9. «Мать как зеркало наследственности и семейных черт»: *выйти в мать; уродиться в мать; пойти в мать. Какова матка, таковы и детки. Какая мать, такая и дочь. Куда матушка, туда и дитяtko. Какова мать, таковы и дочери. Кто похож на мать – того люди будут знать, а кто в отца – тот дикая овца. Ни в мать, ни в отца, а в проезжего молодца. От одной матки и сивый и пегий родится.*

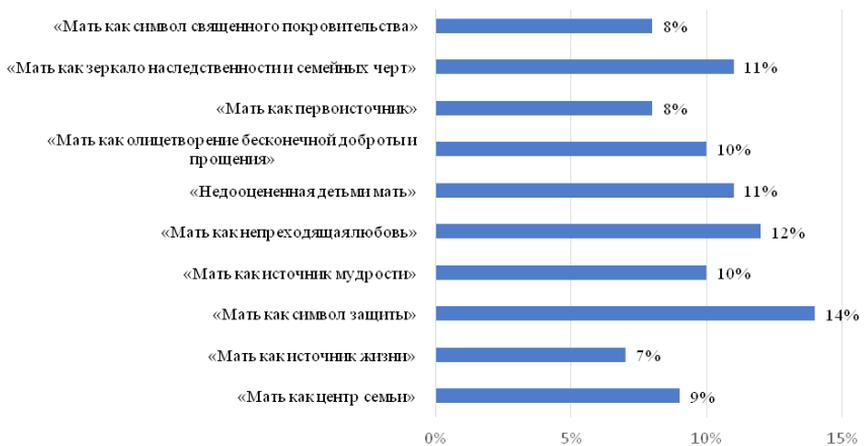
Приведенные выше выражения подчеркивают связь между поколениями и передачу черт от матери к детям, как внешних, так и внутренних.

10. «Мать как символ священного покровительства»: *матеръ Божия; пресвятая дева-мать; пречистая дева-мать. Пресвятая дева / мать / матеръ / богородица!; Мать пречистая!*

Многие ФЕ приведенной выше фразеосемантической группы могут быть адаптированы или поняты в широком контексте религиозного дискурса.

Представим количественные данные по продуктивности выделенных фразеосемантических групп (Рисунок 1).

Проведенный анализ исследуемых фразеологических единиц русского языка позволяет сделать вывод, что самая большая доля фразеологических единиц относится к группе «Мать как символ защиты» (14%), что отражает восприятие матери как защитницы и опоры в русской культуре. Это под-

Рисунок 1. Количественный анализ продуктивности выделенных фразеосемантических групп, репрезентирующих концепт «мать» в русском языке.

тверждается историческими представлениями о роли матери в семье и обществе, а также народными преданиями и литературными произведениями.

Группы «Мать как непреходящая любовь» и «Недооцененная детьми мать» имеют сравнительно высокие показатели (12% и 11% соответственно), что указывает на сложность и глубину отношений между матерями и детьми, а также на значимость эмоционального взаимодействия внутри семьи в русской культуре.

Группы «Мать как центр семьи», «Мать как источник мудрости», «Мать как олицетворение бесконечной доброты и прощения» и «Мать как зеркало наследственности и семейных черт» с долями от 9% до 11% подчеркивают традиционные ценности, связанные с материнскими функциями и влиянием на формирование личности ребенка.

В то же время более низкие показатели в группах «Мать как источник жизни», «Мать как первоисточник» и «Мать как символ священного покровительства» (7%, 8%, 8%) могут свидетельствовать о более абстрактном и метафорическом восприятии данных аспектов концепта.

Таким образом, можно заключить, что концепт «мать» в русской языковой картине мира представляет собой сложный и многоуровневый сегмент, который включает в себя как передачу традиционных семейных ценностей, так и более глубокое метафорическое содержание. Продуктивность определенных тематических групп фразеологизмов отражает не только лингвистическую, но и культурологическую значимость матери в русском обществе. Эта значимость подтверждается как через языковые единицы, так и через широкий диапазон когнитивных характеристик, ассоциируемых с образом матери.

Библиографический список:

1. Абдулкаримова П.А. Фразеологическая картина мира как фрагмент национальной языковой картины мира // Заметки ученого. 2022. № 3-2. С. 48-52.
2. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Лексикология и лексикография: избранные труды. – М.: Наука, 1986. 161 с.
3. Гилязова Э.Н. Лингвокультурологические особенности ФЕ с компонентом «предмет быта» в татарском и немецком языках: автореф...канд. филол. наук / Э.Н. Гилязова. – Казань, 2006. 27 с.
4. Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа. – М.: 2001. 991 с.
5. Замалетдинов Р.Р. Роль паремиологического фонда языка в формировании картины мира // Языковые контакты народов Поволжья и Урала: Сборник статей XI Международного симпозиума / Ответственные редакторы А.М. Иванова, Э.В. Фомин. – Чебоксары: Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, 2018. С. 65-68.
6. Зимин В.И., Спиринов А.С. Пословицы и поговорки русского народа: большой объяснительный словарь. – Изд. 3-е, стер. – Ростов-на-Дону: Феникс; Москва: Цитадель, 2006. 542 с.
7. Михалев А.Б. Слои языковой картины мира // Язык и культура: Тезисы докладов международной научной конференции, Москва, 14–17 сентября 2001 года. – Москва: Институт иностранных языков, 2001. С. 108-109.
8. Оломская Н.Н. Соотношение культурной (концептуальной) картины мира и языковой картины мира сквозь призму эмоциональной компетентности языковой личности / Н.Н. Оломская, Р.В. Патюкова // Язык. Текст. Дискурс. 2016. № 14. С. 117-124.
9. Попова З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка: монография / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2006. 226 с.

10. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Человеческий фактор в языке: Язык и картина мира / Отв. ред.: Б.А. Серебrenников. – М.: Наука, 1988. С. 8-69.
11. Розенталь Д.Э. Фразеологический словарь русского языка: справочник / Д.Э. Розенталь, В.В. Краснянский. – Москва: Мир и Образование, 2022. 416 с.
12. Серебrenников Б.А. Как происходит отражение картины мира в языке? // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. 216 с.
13. Соронкулов Г.У. Русская народная сказка как хранитель базовых национальных ценностей // Начала Русского мира. 2024. № 1. С. 81-88.
14. Степанов Ю.С. «Понятие», «Концепт», «Антиконцепт». Векторные явления в семантике // Когнитивные исследования языка. 2009. № 1. С. 22-28.
15. Хайруллина Р. Х. Фразеологическая картина мира: от мировидения к миропониманию / Р.Х. Хайруллина. – Уфа: Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, 2008. 300 с.
16. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка: учебное пособие для студентов филологических факультетов / Н.М. Шанский; Н.М. Шанский; предисл. Т.А. Бобровой. – Изд. 5-е, испр. и доп. – Москва: URSS, 2010. 272 с.
17. Bilyalova A. Phraseological units as a mirror of national mentality / A. Bilyalova, E. Gilyazeva, A. Nurullina // Journal of Research in Applied Linguistics. 2019. Vol. 10. No. 5. P. 1-9.
18. Wierzbicka A. “Semantic Primitives”, fifty years later // Russian Journal of Linguistics. 2021. Vol. 25. №. 2. P. 317-342.

Reference

1. Abdulkarimova P.A. Phraseological picture of the world as a fragment of the national linguistic picture of the world // Notes of a scientist. 2022. № 3-2. P. 48-52.
2. Vinogradov V.V. On the main types of phraseological units in the Russian language // Lexicology and lexicography: selected works. – М.: Nauka, 1986. 161 p.
3. Gilyazeva E.N. Linguistic and cultural features of phraseological units with the component “everyday object” in the Tatar and German languages: abstract of Ph.D. Philol. Sciences / E.N. Gilyazeva. – Kazan, 2006. 27 p.
4. Dal V.I. Proverbs and sayings of the Russian people. – М.: 2001. 991 p.
5. Zamaletdinov R.R. The role of the paremiological fund of language in the formation of the picture of the world // Language contacts of the peoples of the Volga region and the Urals: Collection of articles of the XI International Symposium / Responsible editors A.M. Ivanova, E.V. Fomin. – Cheboksary: Chuvash State University named after I.N. Ulyanova, 2018. P. 65-68.
6. Zimin V.I., Spirin A.S. Proverbs and sayings of the Russian people: a large explanatory dictionary. – Ed. 3rd, erased – Rostov-on-Don: Phoenix; Moscow: Citadel, 2006. 542 p.
7. Mikhalev A.B. Layers of the linguistic picture of the world // Language and culture: Abstracts of the international scientific conference, Moscow, September 14–17, 2001. – Moscow: Institute of Foreign Languages, 2001. P. 108-109.
8. Olomskaya N.N. The relationship between the cultural (conceptual) picture of the world and the linguistic picture of the world through the prism of the emotional competence of a linguistic personality / N.N. Olomskaya, R.V. Patyukova // Language. Text. Discourse. 2016. № 14. P. 117-124.
9. Popova Z.D. Semantic-cognitive analysis of language: monograph / Z.D. Popova, I.A. Sternin. – Voronezh: Origins, 2006. 226 p.
10. Postovалова V.I. The picture of the world in human life // Human factor in language: Language and the picture of the world / Rep. ed.: B.A. Serebrennikov. – М.: Nauka, 1988. P. 8-69.
11. Rosenthal D.E. Phraseological dictionary of the Russian language: reference book / D.E. Rosenthal, V.V. Krasnyansky. – Moscow: World and Education, 2022. 416 p.
12. Serebrennikov B.A. How is the picture of the world reflected in language? // The role of the human factor in language: Language and the picture of the world. – М.: Nauka, 1988. 216 p.
13. Soronkulov G.U. Russian folk tale as a keeper of basic national values // Beginnings of the Russian World. 2024. № 1. P. 81-88.
14. Stepanov Yu.S. “Concept”, “Concept”, “Anti-concept”. Vector phenomena in semantics // Cognitive studies of language. 2009. № 1. P. 22-28.
15. Khairullina R. Kh. Phraseological picture of the world: from worldview to worldview / R.Kh. Khairullina. – Ufa: Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmully, 2008. 300 p.
16. Shansky N.M. Phraseology of the modern Russian language: a textbook for students of philological faculties / N.M. Shansky; N.M. Shansky; preface T.A. Bobrova. – Ed. 5th, rev. and additional – Moscow: URSS, 2010. 272 p.
17. Bilyalova A. Phraseological units as a mirror of national mentality / A. Bilyalova, E. Gilyazeva, A. Nurullina // Journal of Research in Applied Linguistics. 2019. Vol. 10. No. 5. P. 1-9.
18. Wierzbicka A. “Semantic Primitives”, fifty years later // Russian Journal of Linguistics. 2021. Vol. 25. №. 2. P. 317-342.

Ишуткина Д.А.

Магистрант. ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», г. Хабаровск.

Шаламова О.О.

Доцент с ученой степенью кандидат наук и ученым званием доцент, кандидат педагогических наук, доцент. ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», г. Хабаровск.

Ли Н.Б.

Старший преподаватель. ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», г. Хабаровск.

Аутентичность текста как феномен современного российского образования в обучении корейскому языку*

Аннотация. Актуальность исследуемого вопроса обусловлена необходимостью выбора эффективных способов формирования коммуникативной компетенции при обучении иностранному языку. В связи с этим, цель заключается в рассмотрении аутентичности текста как способа создания естественной коммуникативной ситуации и тем самым организации более эффективного учебного процесса. В статье дано определение понятию «аутентичность» и «аутентичные тексты», приведена классификация аутентичности и аутентичных текстов, рассмотрены достоинства и недостатки использования аутентичных текстовых материалов в обучении иностранному языку и раскрыта истинная цель работы с ними – активизация мыслительной деятельности обучающихся. Материалы статьи вносят теоретический вклад в изучение проблемы аутентичности и представляют практическую ценность для первичной организации работы с аутентичными материалами на занятиях по иностранному языку.

Ключевые слова: аутентичность, аутентичный текст, иностранный язык, корейский язык, коммуникативная компетенция.

Ishutkina D.A.

Graduate student (Master's student). Pacific National University, Khabarovsk.

Shalamova O.O.

PhD of Pedagogic Sciences, Assistant professor. Pacific National University, Khabarovsk.

---

* © Ишуткина Д.А., Шаламова О.О., Ли Н.Б., 2024.

Lee N.B.

Senior lecturer. Pacific National University, Khabarovsk.

The phenomenon of text authenticity in modern education when teaching Korean language

Abstract. The relevance of the topic arises from the need to determine effective ways of developing communicative competence while teaching a foreign language. Therefore, the aim of the article is to consider the authenticity of the text as a way to create a natural communicative situation for providing effective teaching and learning. The article defines the concepts of “authenticity” and “authentic texts”, provides a classification of authenticity and authentic texts, analyzes the advantages and disadvantages of using authentic texts while teaching a foreign language for increasing the students’ intellectual activity. The findings are of theoretical relevance for studying the problem of authenticity and of direct practical value for the primary organization of work with authentic texts in foreign language classes.

Key words: authenticity, authentic text, foreign language, korean language, communicative competence.

Одной из характерных особенностей современного отечественного образования является акцентирование понятия *компетенции*. В случае изучения иностранного языка оно отражает системный характер овладения языком как аккумулятором культурных ценностей, сложным и богатым по смысловым и выразительным возможностям [1, с. 3]. Основной целью становится развитие необходимого для межкультурного общения уровня *коммуникативной компетенции* при одновременном развитии толерантной стороны личности человека, способной к использованию полученных знаний для мирного сосуществования народов. То есть преподавание, соответственно и изучение, иностранного языка не может быть полноценным и всеобъемлющим без обращения к культуре страны изучаемого языка. Здесь коммуникативная компетенция сосредотачивается на одной из своих ключевых составляющих – *социокультурной компетенции*, благодаря которой изучение языка в комплексе со страноведением создает бесценную мотивацию к обучению.

Кроме того, как указано в Федеральном государственном образовательном стандарте, формирование положительного отношения обучающихся к культуре людей, говорящих на языке, и к самому языку становится одной из целей обучения иностранным языкам основного общего образования. В обязательный минимум содержания образовательных программ сейчас

включены социокультурные знания и умения – сведения о стране изучаемого языка, духовных ценностях и культурных традициях, особенностях национального менталитета [2]. Такие знания и умения приобретаются с использованием определенного набора языковых средств в процессе коммуникации на уроках, в том числе *аутентичных текстов*, значимая роль которых подтверждается примерными рабочими программами на каждой ступени образования по иностранному языку [3].

Несмотря на долгое обсуждение данного вопроса в современной лингводидактике, термин еще не приобрел своего четкого определения. В таком случае нам необходимо отталкиваться от понятия *аутентичности* в целом. Однако и с ним приходится быть аккуратным во избежание путаницы с такими смежными понятиями, как «оригинальность» и «подлинность».

В переводе с греческого языка аутентичный (от греч. *authentikos*) означает «подлинный», существуют и другие факты возникающей неувязки, подтверждаемые словарными статьями. Согласно толковому словарю Ожегова С.И., «аутентичный» есть «действительный, подлинный, соответствующий подлинному», а «подлинный» – «настоящий, оригинальный, не скопированный». «Оригинальный» имеет три различных дефиниции: 1) не заимствованный, непереводаемый, подлинный; 2) вполне самостоятельный, чуждый подражательности; 3) своеобразный, необычный [4]. При обращении к Новому словарю русского языка можно наблюдать, что Ефремова Т.Ф. определяет понятие «аутентичный» как «исходящий из первоисточника, соответствующий подлиннику; подлинный». При этом «подлинный» означает «являющийся оригиналом; не скопированный», а «оригинальный» представлен как «свойственный оригиналу, характерный для него» или «не заимствованный, не подражательный, не переводный, подлинный» [5]. Абсолютно идентичную картину мы можем наблюдать в толковом словаре Ушакова Д.Н. [6].

Очевидно, что согласно выше представленным словарным статьям данные понятия в широком смысле принадлежат ряду синонимов. Однако, исходя из проведенного анализа понятие аутентичности в рамках лингводидактики приобрело собственно-уникальный оттенок значения. В менталитете русскоговорящих термин «аутентичный» обозначает «свойственный данной культуре или народу, тем самым уникальный и отличающийся от привычных норм». В свою очередь, «оригинальный» и «подлинный» действительно можно считать синонимами в первом по частоте употребления значении «настоящий, являющийся первоисточником».

Отечественным методистам Носонович Е.В. и Мильруд Р.П. в совместном исследовании удалось классифицировать данный феномен, выделив ряд аспектов аутентичности, характерных для учебного текста:

1. Культурологическая аутентичность – использование текстов, формирующих представления об основных особенностях жизни носителей изучаемого языка во всех сферах функционирования данного языка;

2. Информативная аутентичность – использование текстов, содержащих актуальную, значимую информацию, соответствующую возрастным характеристикам обучающихся;

3. Ситуативная аутентичность – создание естественной ситуации коммуникации, обладание интересом для носителей языка и естественность обсуждения в рамках заявленной темы;

4. Аутентичность национальной ментальности – разъяснение уместности или неуместности использования той или иной фразы иностранного языка;

5. Реактивная аутентичность – способность текста вызывать у обучаемых эмоциональный, мыслительный и речевой отклик;

6. Аутентичность оформления – соответствие оформления текста в учебном пособии и его оформления в оригинале, имеющее следствием привлечение внимания учащихся, облегчение понимания коммуникативной задачи текста;

7. Аутентичность учебных заданий к текстам – способность заданий стимулировать взаимодействие обучающихся с текстом, в частности, они должны быть основаны на операциях, совершаемых во внеучебное время при работе с различными источниками информации [7, с. 10-14].

Таким образом, аутентичность в рамках лингводидактики можно определить как *соответствие содержательных, организационных и индивидуальных аспектов естественного способа функционирования иностранного языка в иноязычном социуме.*

В качестве аутентичных материалов в методике преподавания иностранных языков, как уже было отмечено, чаще всего выступают *аутентичные тексты*. Здесь появляется смежная с предыдущей проблема, заключающаяся в трудности определения аутентичного текста от неаутентичного. Под аутентичным текстом в таком случае большинство методистов понимают «тексты, заимствованные из коммуникативной практики носителей языка» [8, с. 23-25]. Сюда можно отнести не только фольклор, музыкальные и литературные произведения, но и уличные объявления, рекламные проспекты, вывески, этикетки на продукции. В том числе приличная доля приходится и на тексты, транслируемые через теле- или радиопрограммы, или по-другому «аудиовизуальные материалы» – например, прогноз погоды, объявления в аэропорту или на вокзале.

В этом вопросе подавляющее число исследователей приходит к общим выводам, выделяя основные отличия аутентичных текстов (зеленым) от неаутентичных (желтым), которые мы представили ниже (см. рисунок 1):

То есть, аутентичный текст – это пример живого языка. А именно живой язык помогает качественно развивать коммуникативную компетенцию обучающихся.

С одной стороны, данное утверждение правдиво, так как использование аутентичных текстовых материалов позволяет обучающимся приобретать лингвокультурные знания, совершенствовать языковые навыки в рамках естественной ситуации коммуникации. Благодаря их жанровому и стилевому разнообразию закладывается столь ценная в наше время вариативность видов учебной деятельности (аудирование, чтение, говорение).

Однако педагогам все еще приходится учитывать и присущие аутентичным текстам недостатки. Краеугольным камнем становится сложность для понимания, связанная с различием культур, несоответствием уровня владения языком и используемых аутентичных языковых единиц. Сверх того, стремительное устаревание информации, и как результат, необходимость тщательного отбора материала и постоянной ее актуализации. В дополнение, организация работы осложняется за счет существования такого

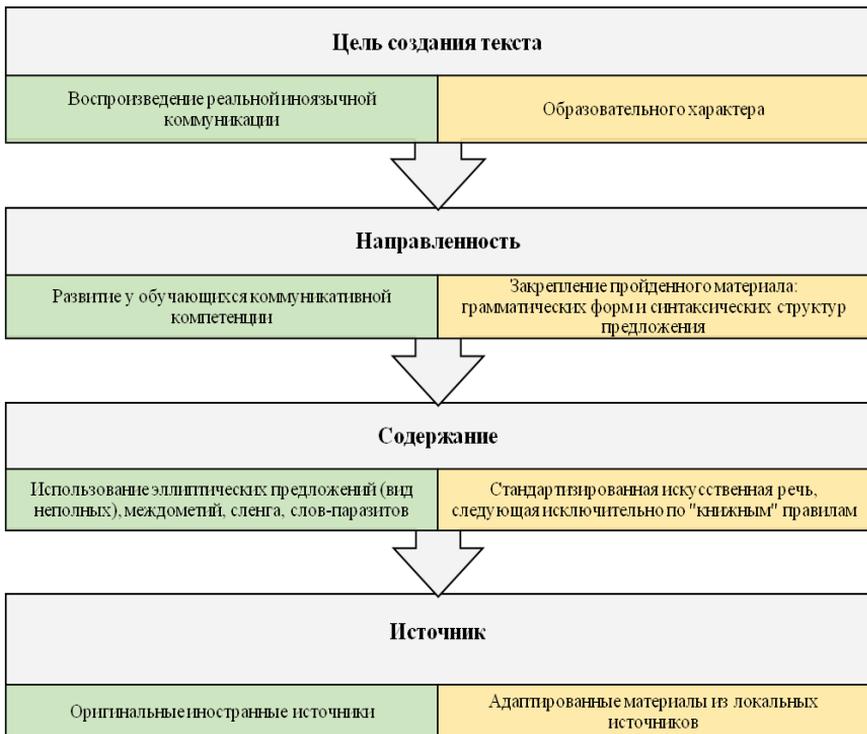

Рис. 1. Основные различия аутентичных и неаутентичных тестов.

направления аутентичности, как обилие диалектов в рамках одного языка.

В нашем видении, несмотря на двоякость данного феномена при использовании в образовательных целях, стоит прежде всего понимать, что для аутентичных текстов характерно изучающее чтение, целью которого является не просто восприятие лексического, грамматического и синтаксического наполнения текста для отработки поставленных модулем задач, а полное понимание содержания для его последующего критического осмысления. Данный тип чтения неоспоримо требует больше времени (паузы, перечитывание отдельных фрагментов), но аутентичные тексты способствуют реализации нового социокультурного фона в рамках сформированного, дают обучающимся представление о реальной картине мира и способах коммуникации, типичных для конкретного языка и его этноса-носителя.

Приведем пример анализа фрагмента корейского аутентичного текста, который был взят с южнокорейского сайта распространения корейской культуры [9]:

«사랑의김장나눔

...찬바람이 불고 날씨가 쌀쌀해지는 늦가을이 되면 김장을 할 생각에 어머니들의 마음이 바빠진다. 한번에 많은 김치를 담그는 것을 김장이라고 하는데, 과거에는 겨울철에 신선한 채소를 먹을 수 없었기 때문에 겨울이 되기 전에 김치를 한꺼번에 많이 담가 놓고 먹었다. 김장을 하는 시기는 지역마다 조금씩 다르다. 맛있는 김치를 만들기 위해서는 적절한 온도가 중요하기 때문에 각 지역의 날씨에 따라 김장하는 날짜가 다른 것이다. 그리고 지역마다 김치를 담그는 재료의 방법도 다른데 김장의 재료와 방법은 가족이나 이웃을 통해 전해진다.

한국인에게 김장은 단순히 ‘겨울에 먹음 김치를 담그는 일’이 아니라 하나의 문화이다. 김장을 하는 과정이 복잡하고 힘들기 때문에 혼자 하지 않고 가족이나 이웃들이 돌아가면서 서로의 집에 가서 김장을 돕는다. 한국사람들은 모두가 힘을 모아서 김장을 하고 함께 담근 김치를 나누면서 정을 느낀다. 이러한 김장문화에는 한국인의 공동체의식과 사교방식이 담겨 있다. 한국인의 ‘김치를 담그고 나누는 김장문화’는 오래 보존해야 할 문화로 인정받아 2013년에 유네스코 무형문화유산으로 등재되었다.

요즘 바쁘고 힘들다는 이유로 김치를 담그는 사람들이 줄고 있지만 가족과 이웃이 함께 정을 나누는 김장문화가 사라지지 않도록 지켜나가야 할 것이다.»

««Раздели кимчи, поделись любовью»»

Поздней осенью, когда начинают дуть холодные ветра, хозяйки начинают думать о заготовке кимчи на грядущий год. В давние времена из-за того, что свежих овощей зимой было не сыскать, накануне зимы заготавливали сразу много кимчи, а после питались им в холодное время года, такая традиция называется «кимджан». Период заготовки кимчи немного варьируется от провинции к провинции. Поскольку для приготовления вкусного

кимчи важна соответствующая температура, начало сезона заготовки зависит от погоды в каждом регионе страны. Кроме того, ингредиенты и способ приготовления кимчи различны для каждой провинции, так как рецепт передается от одного поколения другим в кругу семьи и среди соседей.

«Кимджан» для корейцев – это целая культура, а не просто «заготовка солений на зиму». Процесс приготовления кимчи достаточно трудоемкий, поэтому собираются все члены семьи и даже соседи и помогают друг другу. Во время совместной заготовки кимчи корейцы испытывают духовную близость. Такая культура «кимджан» воплощает в себе чувство общности и образ мышления корейцев. Корейская «культура «кимджан» – совместного приготовления кимчи» была признана культурой, которую следует надежно хранить сквозь года, и в 2013 году она была зарегистрирована в качестве нематериального культурного наследия ЮНЕСКО.

В наши дни из-за напряженного ритма жизни число людей, которые занимаются заготовкой кимчи, уменьшается, но мы должны сохранить культуру «кимджан», которая дает чувство близости с семьей и соседями.»

Как можно заметить, данный аутентичный текстовый материал отвечает всем вышеназванным характеристикам. Текст взят из оригинального иностранного источника и направлен на развитие социокультурной части коммуникативной компетенции. Данный текст соответствует культурологической аутентичности, формируя представления об основных особенностях жизни корейского народа; информативной и ситуативной аутентичности в связи с таким корейским феноменом, как культ еды, тематика заготовления кимчи актуальна для любой возрастной группы изучающих корейский язык, так как к данной культуре приучают с ранних лет жизни. Реактивная аутентичность несомненно раскрывается в рамках лакуны «김장» [кимджанъ] – «мероприятие по заготовке большого количества солений на зиму», которая бессознательно обращает на себя внимание и заставляет задуматься о ее значении и происхождении. Однако не менее важной стоит считать неприметную на первый взгляд исключительно южнокорейскую реалию «정» [чёнъ], точного перевода которой не существует и по сей день в связи с широкой ситуативностью использования. Данную лакуну можно нивелировать в рамки трех основных значений: 1) описание кого-то как дружелюбного, щедрого, заботливого или любящего человека; 2) описание чувства любви и нежности к кому-то; 3) описание тесной душевной связи, установленной с кем-то. В рамках анализируемого нами аутентичного текста стоит рассматривать третье значение, что в нашем переводе получилось «духовная близость» и «чувство близости». Стоит отметить крайне высокую популярность данной реалии даже при наличии более конкретизирующих свои чувства и эмоции слов

사랑하다 [саранъхада] – «любить» и 좋아하다 [чоахада] – «нравиться, испытывать симпатию». Подобное явление можно объяснить тем, что «정» отображает не только отношение к объекту, но и причину подобного отношения, создавая собой более глубокую и многогранную картину передаваемых речью ощущений. Переходя к пункту аутентичности национальной ментальности текста, примечательно обилие часто употребляемой лексики бытового характера, а не диктуемой книжными постулатами. Самым ярким примером здесь может служить ряд использованных в речи глаголов: 놓다 [нотха], 넣다 [нӧтха] вместо 수납하다 [сунапхада] – «класть», или 나누다 [нануда] вместо 분할하다 [пунхарада] – «делить, разделять». Кроме того, нами наблюдаются типичные для корейского образа общения многочисленные повторы одной и той же информации, например, 김장을하는시기는지역마다조금씩다르다≈각지역의날씨에따라김장하는날짜가다른것이다 [кимджанъыль ханын сигины чийӧкмада чогымссик тарыда / как чийӧги нальсси ттара кимджанъханын нальччага тарын косида] – «период заготовки кимчи немного варьируется от провинции к провинции» ≈ «начало сезона заготовки зависит от погоды в каждом регионе страны». Оформление заявленного фрагмента, как и всего аутентичного текста в целом, позволяет свободно включить его в учебное пособие по корейскому языку, кроме того, «культура «кимджан» входит в разряд нематериального культурного наследия ЮНЕСКО», что несомненно продлевает актуальность данного аутентичного текста.

Таким образом, аутентичный «текст выступает, с одной стороны, как продукт говорения и является способом речевого воздействия на читающего, с другой стороны – как объект смысловой обработки и создает необходимое содержание и коммуникативную базу для развития говорения. Он обладает коммуникативной целостностью, благодаря которой отвечает познавательным и эмоциональным запросам учащихся, активизирует их мыслительную деятельность» [10].

В заключении отметим, чем более человек способен признавать ценность взглядов других людей, своих собственных и общества в целом, тем он более гармоничен в своей речевой деятельности (как устной, так и письменной). При обучении иностранному языку необходимо использовать аутентичные тексты, несмотря на описанные нами ранее недостатки. Главной задачей становится подбор таких аутентичных текстов, которые содержат не только учебный материал, но и знакомят обучающихся с невербальными средствами коммуникации, дают возможность прикоснуться к реальной коммуникативной ситуации.

Библиографический список:

1. Примерная рабочая программа основного общего образования «Иностранный язык» (английский). Мо-

- сква, 2021.
2. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный. Москва: Русский язык, 2000.
  3. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка. Москва: Славянский Дом Книги, 2014.
  4. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. Москва: Мир и образование, 2020.
  5. Бондаренко И.П. Роль языковой среды при овладении русским языком (лексический аспект). Диссертация ... кандидата филологических наук. Одесса, 1987.
  6. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования. Москва, 2020.
  7. Носонович Е.В., Мильруд Г.П. Критерии содержательной аутентичности учебного текста. Иностранные языки в школе. 2008. № 2. С. 10-14.
  8. Воронина Г.И. Организация работы с аутентичными текстами молодежной прессы в старших классах школ с углубленным изучением иностранного. Иностранные языки в школе. 1999. № 2. С. 23-25.
  9. Сайт распространения корейской культуры и проведения мероприятий в рамках Республик Кореи. // URL: <https://www.kculture.or.kr/brd/board/399/L/menu/498>
  10. Киян О.Н. Аутентичность как методическая категория в обучении иностранному языку. // URL: <https://main.isuct.ru/files/konf/antropos/SECTION/4/KIYAN.htm>

Reference

1. Sample work program for basic general education "Foreign language" (English). Moscow, 2021.
2. Efremova T.F. New dictionary of the Russian language: explanatory and word-formative. Moscow: Russian language, 2000.
3. Ushakov D.N. Great Dictionary of Russian language. Moscow: Slavic House of Books, 2014.
4. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow: Peace and Education, 2020.
5. Bondarenko I.P. The role of the language environment in mastering the Russian language (lexical aspect). Dissertation... candidate of philological sciences. Odessa, 1987.
6. Federal state educational standard of higher education. Moscow, 2020.
7. Nosonovich E.V., Milrud G.P. Criteria for the content authenticity of an educational text. Foreign languages at school. 2008. № 2. P. 10-14.
8. Voronina G.I. Organization of work with authentic texts of the youth press in high schools with in-depth study of foreign languages. Foreign languages at school. 1999. No. 2. P. 23-25.
9. Site for disseminating Korean culture and holding events within the Republic of Korea. // URL: <https://www.kculture.or.kr/brd/board/399/L/menu/498>
10. Kiyon O.N. Authenticity as a methodological category in teaching a foreign language. // URL: <https://main.isuct.ru/files/konf/anthropos/SECTION/4/KIYAN.htm>

Лю Ляньчжи

М-р перевода института иностранных языков, Северо-восточный университет лесного хозяйства, г. Харби.

Лю Ижуй

М-р перевода института иностранных языков, Северо-восточный университет лесного хозяйства, г. Харбин.

Гао Хуэйминь

Аспирант, старший преподаватель института иностранных языков, Северо-восточный университет лесного хозяйства, г. Харбин.

Способы и навыки перевода четырехсимвольного слова в «Докладе на XX съезде КПК»*

Аннотация. Китайское четырехсимвольное слово представляет важную часть китайской традиционной культуры, его основными характеристиками являются лаконичность, простота и краткость языка, яркие выраженные национальные особенности и культурные черты. Большинство китайских четырехсимвольных слов исходят из классических произведений, а некоторые основаны на исторических событиях. В «Докладе на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая» широко используется четырехсимвольное слово для интерпретации способа управления страной и партией и передачи философского управления в новую эпоху с помощью традиционной культуры. Таким образом, при переводе уделено внимание передаче образности, контекста и идеологического подтекста, заложенных в китайских четырехсимвольных словах. В данной статье выяснены особенности русского перевода китайских четырехсимвольных слов в «Докладе на XX съезде КПК», обобщены стратегии перевода различных типов четырехсимвольных слов. Целью статьи является содействие исследованию русского перевода китайских четырехсимвольных слов.

Ключевые слова: «Доклад на XX съезде КПК», четырехсимвольное слово, способы перевода.

Liu Lianzhi

Postgraduate of Interpreting and Translation, Institute of Foreign Languages, Northeast Forestry University (Harbin, China).

---

* © Лю Ляньчжи, Лю Ижуй, Гао Хуэйминь, 2024.

Liu Yirui

Postgraduate of Interpreting and Translation, Institute of Foreign Languages, Northeast Forestry University (Harbin, China).

Gao Huimin

Senior teacher, postgraduate, Institute of Foreign Languages, Northeast Forestry University (Harbin, China).

Translation methods and techniques of four-character words in the report of the 20th National Congress

Abstract. Chinese four-character words are an important component of traditional Chinese culture, their main features are concise language, simple and concise, with strong national and cultural characteristics. In the report of the 20th National Congress of the Communist Party of China, the utilization of four-character words extensively elucidates the governance approach for both the country and Party through traditional culture, while transmitting the concept of governance in the new era. Therefore, when translating the four-character words in the Report, it is necessary to pay attention to conveying their imagery, artistic conception and ideological connotation. The article analyzes the characteristics of russian translation of four-character words in the Report of the 20th National Congress of the Communist Party of China, and summarizes the translation strategies of different types of four-character words, with a view to providing reference for the study of russian translation of Chinese four-character words.

Key words: Report of the 20th National Congress of the Communist Party, four-character words, translation methods.

Работа выполнена при поддержке проектов «Молодежная программа по гуманитарным и социальным наукам Министерства просвещения» (20YJC740054), «Реформа образования провинции Хэйлуцзян» (SJGZ20200014), «Проект подготовки аспирантов Северо-восточного университета лесного хозяйства» (2023CX12).

Обзор четырехсимвольного слова

Четырехсимвольное слово, известное также как четырехсимвольная структура, – уникальное лексическое явление в китайском языке. Ее понятие широко и включает в себя четырехсимвольные фразеологизмы и поговорки, а также четырехсложные простые слова, синтетические слова, устойчивые фразы и свободные фразы. Четырехсимвольное слово характеризуется простым и лаконичным содержанием, аккуратной формой,

приятным языком, ярким и образным выражением. Аккуратные звуковые сегменты и пропорциональный ритм четырехсимвольного слова соответствуют психологическим особенностям китайцев, предпочитающих симметрию, и отвечают эстетическим требованиям китайской культуры, согласно которым «четное число – это хорошо», а «четыре слова – это аккуратно» [1].

Классификация четырехсимвольного слова

С точки зрения структуры четырехсимвольные слова можно разделить на совместные (*изо всех сил 竭全力*), изъявительные (отмена устаревшего и установление нового *革故鼎新*), доминантные (*думать о потенциальных опасностях в условиях спокойной жизни 居安思危*), компактные (*задачи сложны и путь далек 任重道远*), партитивные (*развитие партнерских отношений с соседями 以伴*), непрерывные предикатные (*отказ от своих знамен 改旗易帜*) и перекрывающиеся (*каждый несет ответственность 人人有责*), которые являются стабильными в структурном отношении, краткими и выразительными в языковом отношении. С точки зрения грамматики структуры четырехсимвольного слова могут быть субъектно-предикатными (*корни глубоки и листья густы 根深叶茂*), глагольно-объектными (*стремиться к истине и заниматься практическими делами 求知*), подчинительными (*неизменно стремится 矢志不渝*) и параллельными (*концепция близости, искренности, взаимовыгодности и инклюзивности 惠*). С точки зрения способа составления, их можно разделить на свободные и устойчивые; свободные четырехсимвольные слова составляют временно, и четыре морфемы можно свободно разбивать и собирать заново, например: *оставаться верными нашей изначальной цели ‘不忘初心’*; а устойчивые представляют собой единое целое, которое нельзя разбить или заменить по желанию, например: *корнями уходит в далекое прошлое, почитание добродетели ‘厚德’*.

Функция четырехсимвольного слова

Синтаксические функции китайского четырехсимвольного слова включают в себя функции референции, комментирования, повествования и описания, а также эстетическую функцию [2, с. 69]. Функция референции заключается в том, что китайское четырехсимвольное слово может сжато и ясно излагать события и обобщать основную мысль. Комментирующая функция означает, что можно резко выражать оценку и мнение о людях или вещах с помощью простых четырехсложных слов. Повествовательная функция имеется в виду, что китайское четырехсимвольное слово играют роль продолжения и начала, объединяя глаголы и выстраивая образы, способствуя развитию сюжета статьи. Функция описания заключается в том, что китайское четырехсимвольное слово использует лаконичный и богатый язык для яркого изображения персонажей, событий, пейзажей и т.д. Кроме того, китайское четырехсимвольное слово само по себе обладает

красотой звука, формы и образа, поэтому выполняют эстетическую функцию, которая делает выражение текста более беглым, аккуратным и опрятным, усиливает чувство ритма и рифмы текста.

В «Докладе на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая» (далее – «Доклад на XX съезде КПК») использовано большое количество китайских четырехсимвольных слов, демонстрирующих неповторимое очарование китайского языка, делающих язык доклада лаконичным, насыщенным и выразительным, что позволяет лучше распространять китайскую культуру, а также воодушевлять народ и объединять сердца людей.

Методы перевода четырехсимвольного слова

Под методом перевода понимаются конкретные способы, шаги и средства, используемые в переводческой деятельности на основе определенной переводческой стратегии для достижения конкретной переводческой цели [3, с. 83]. В процессе перевода переводчик должен не только полно, правильно и достоверно извлечь информацию, содержащуюся в оригинальном тексте, но и выбрать наиболее подходящие способы перевода в соответствии с целью перевода и аудиторией переводного текста и т.д. Задача состоит в том, чтобы перевод полностью и точно передавал идейное содержание оригинала, чтобы читатели могли понять перевод и в то же время лучше разбирались в культуре и обычаях стран исходного языка. При китайско-русском переводе китайский язык подчеркивает содержание и часто использует строгий порядок слов, чтобы отразить логические особенности мышления; а русский язык обращает внимание на форму и структуру и обычно использует компактную структуру, чтобы отразить логические особенности мышления. Поэтому при китайско-русском переводе необходимо использовать соответствующие способы перевода, чтобы содержание переведенного текста соответствовало оригиналу, и в то же время структура и форма соответствовали особенностям и привычкам выражения русского языка. При переводе четырехсимвольных слов, содержащихся в «Докладе на XX съезде КПК», используется в основном два способа перевода: буквальный перевод и вольный перевод, причем буквальный перевод является наиболее главным.

Буквальный перевод

Четырехсимвольное слово – это квинтэссенция мудрости китайского народа, имеющее яркие выраженные национальные характеристики, отражающие обычай и культуру определенного периода истории, и даже носители китайского языка испытывают некоторые трудности в ее понимании. Поэтому для сохранения образности и метафоричности китайского языка, а также для точного и четкого перевода четырехсимвольных слов следует как возможно использовать буквальный перевод.

Буквальный перевод – вид перевода с одного языка на другой, при ко-

тором в тексте на переводящем языке максимально точно сохраняется синтаксическая структура и порядок слов [4].

Параллельное четырехсимвольное слово

Некоторые китайские четырехсимвольные слова сами не содержат метафорического, деривационного или описательного значений, их значения являются буквальными и не требуют глубокого понимания, поэтому буквальный перевод может точно передать смысл этих китайских четырехсимвольных слов. Такие четырехсимвольные слова представляют собой параллельные четырехсимвольные слова. Например:

[1] 大 的主 是 : 自信自强...

Перевод: *Основная тема данного съезда: укреплять уверенность в себе и стремиться к самосовершенствованию...*

Анализ: 自信自强 представляет собой параллельное четырехсимвольное слово с двумя частями, не отличающимися иерархией или последовательностей. При переводе на русский язык достаточно перевести две части и соединить их союзом «и».

Четырехсимвольное слово с метафорами

Некоторые четырехсимвольные слова с простыми и понятными метафорами восприняты читателями при буквальном переводе, а иногда читатели могут понять их значение и с помощью контекста. При переводе добавлены слова «похожий на...», «подобный, как...» перед четырехсимвольным словом. Такой способ буквального перевода четырехсимвольных слов не только ярко восстанавливает смысл четырехсимвольных слов, но и подчеркивает очарование китайской культуры. Например:

[2] 我 要以海 百川的 胸襟借 吸收人 一切 秀文明成果。

Перевод: *Мы должны с широкой душой, подобной необъятному морю, принимающему в себя тысячи рек, заимствовать и усваивать все выдающиеся достижения человеческой цивилизации.*

Анализ: «海 百川» относится к тому, что море может вместить в себя сотни рек, означает, что оно может вместить в себя самые разные вещи, причем в большом количестве. Поэтому добавлено слово «подобный», которое служит ролей «вносить решающий штрих».

Четырехсимвольное слово, отражающее социальный фон

При переводе четырехсимвольных слов, отражающих социальную систему и внутренние дела страны, для обеспечения точности перевода, чтобы читатель воспринял политический фон страны, а также избежал недоразумения, лучше использовать способ буквального перевода, при необходимости дополнять примечанием. Например:

[3] 在社 基 持和 展新 代“ ”。

Перевод: *Следует распространять и развивать на низовом уровне общества «опыт поселка Фэнцяо» новой эпохи.*

Анализ: Под « $\Gamma\Gamma\Gamma\Gamma$ » понимается «опыт», созданный кадрами и массами города Фэнцяо в уезде Чжуцзи (ныне город Чжуцзи) провинции Чжэцзян в начале 1960-х годов. В дальнейшем «опыт Фэнцяо» постоянно развивается, формируя новый опыт Фэнцяо с отличительными характеристиками времени: «партия и правительство действуют, опираются на массы, предотвращают споры, разрешают противоречия, поддерживают стабильность и способствуют развитию».

Четырехсимвольное слово из классических произведений

Многие четырехсимвольные слова взяты из древнекитайских стихов и классических произведений, как «Луньюй» и «Шицзин», в которых содержатся философские размышления наших мудрецов и лучшая традиционная культура. При переводе таких четырехсимвольных слов в целях развития китайской культуры, распространения гуманистического духа, необходимо использовать буквальный перевод. Например:

[4] 全社 $\Gamma\Gamma\Gamma\Gamma$ 思 Γ 、崇 Γ 英雄。

Перевод: *Все члены общества брали пример с высокоморальных людей, преклонялись перед героями.*

Анализ: Выражение « $\Gamma\Gamma\Gamma\Gamma$ » исходит из «Лунь юй». Это означает: когда видишь человека, обладающего талантом и добродетелью, хочется учиться у него и равняться на него. В этом предложении прямо переводят «брать пример с высокоморальных людей» – это живое восстановление смысла китайского четырехсимвольного слова.

Вольный перевод

Вольный перевод – это вид перевода, воспроизводящий ключевую информацию оригинала с возможными отклонениями: добавлениями, пропусками и т. п., не совпадающий буквально с подлинником[4]. Главная особенность вольного перевода заключается в том, что перевод не чрезмерно привязывается к оригинальному тексту, отказывается от форм выражения и риторических приемов исходного языка, максимально сокращает различия в фоне культуры и восприятии двух стран, чтобы читатели переводного текста и читатели оригинального текста получили одинаковые впечатления от чтения.

Четырехсимвольное слово со скрытым значением

В китайском языке существует большое количество четырехсимвольных слов с метафорическими, описательными и деривационными значениями. Для того, чтобы понять смысл этих четырехсимвольных слов, необходимо глубже вникнуть в их скрытое содержание. Такие четырехсимвольные слова также представляют большую трудность при переводе, и переводчик должен точно выяснить их глубокий смысл до перевода и передать его простым и понятным языком. Например:

[5] 我 Γ 必 Γ 做到居安思危、未雨 $\Gamma\Gamma$ 。

Перевод: Мы обязательно должны думать о потенциальных опасностях

в условиях спокойной жизни и заблаговременно принимать меры предосторожности.

Анализ: «未雨 未雨 未雨», его первоначальное значение – надежно завязать двери и окна перед дождем. В переводе раскрыт метафорический смысл «принять меры предосторожности заранее», что делает перевод более ясным и понятным для читателей.

Четырехсимвольное слово из басенных историй

Некоторые китайские четырехсимвольные слова заимствованы из древних китайских басен, которые характеризуются тем, что в простых историях воплощены значимые темы и глубокие истины, которые носят яркий философский характер. В процессе перевода переводчику необходимо раскрыть истины басен, заложенные в четырехсимвольных словах, чтобы компенсировать культурный шок между двумя странами. Например:

[6] 不能刻舟求 封 僵化...

Перевод: Мы ни в коем случае не должны действовать по мертвому шаблону и изолировать себя от внешнего мира.

Анализ: фразеология «刻舟求 封» взят из «Люй ши чунь цю»: «В царстве Чу был человек, который переплывал реку на лодке. Когда лодка достигла середины реки, меч выскользнул в реку. Он сразу же достал нож, вырезал на борту метку и сказал всем: «Вот то место, где меч упал в воду, и здесь я вырежу метку. « После того, как корабль причалил, он вошел в воду в том месте, где была выгравирована метка, чтобы достать упавший меч. Как найти свой меч, если корабль все время движется, а меч утонул под водой и не движется вместе с кораблем?» Эта басня раскрывает то, что неумения решать проблемы в соответствии с реальной ситуацией.

Четырехсимвольное слово с возвышенным смыслом

Хотя значения некоторых четырехсимвольных слов просты и понятны, но в историческом и политическом контексте Китая им придали более высокий смысл. При переводе этих четырехсимвольных слов переводчики должны отбросить первоначальное поверхностное значение и сочетать слово с конкретными реалиями Китая, чтобы раскрыть благородный смысл и отразить китайскую специфику. Например:

[7] 弘 中 共 党 人 精 神 系 用 好 色 源。

Перевод: Необходимо развивать систему духовных ценностей китайских коммунистов, надлежащим образом использовать ресурсы революционной и патриотической славы.

Анализ: В Китае «красные ресурсы» – это революционные ресурсы, - это свидетели тяжелой и славной истории борьбы нашей партии, духовное богатство революции и патриотизма. Поэтому при переводе дополнено его значение.

Навыки перевода четырехсимвольного слова

Перевод – это способ общения и взаимопонимания людей, овладевающих

разными языками, это процесс преобразования двух языков. Русский язык относится к индоевропейской языковой семье, а китайский – к ханьско-тибетской, причем системы этих двух языков сильно различаются, поэтому в процессе взаимного перевода возникает множество проблем. Для того чтобы избежать «механического» перевода, нужно использовать соответствующие навыки перевода. В статье в основном анализируется русский перевод китайских четырехсимвольных слов в «Докладе на XX съезде КПК» с таких точек зрения, как добавление, опущение и антономический перевод.

Прием добавления

Прием добавления – это переводческая трансформация, при которой при передаче текста на ИЯ добавляются слова для соблюдения правил и норм ИЯ, а также для передачи причинно-следственных связей в тексте. Необходимость использования добавления кроется в различиях синтаксиса, грамматики, отсутствии четких лексико-семантических эквивалентов в языке перевода, а иногда и для соблюдения стилистических особенностей текста [4].

При переводе четырехсимвольных слов в «Докладе на XX съезде КПК», если не добавляют значение некоторых четырехсимвольных слов, это приведет к прагматическим ошибкам, и читатели не смогут хорошо понять подтекст. Кроме того, содержание дополнительного перевода разумно и обоснованно, переводчик, стремясь точно передать смысл оригинала, использует прием добавления, чтобы в полной мере передать содержание исходного текста.

В процессе перевода переводчик должен владеть контекстом. Контекст – основа эффективного перевода, на основе которого переводчик может выбрать правильный и подходящий язык перевода для выражения мышления и намерений автора оригинала[5]. В результате прием добавления разделяется на два вида: добавление из внутритекстового контекста и добавление из внетекстового контекста.

Добавление из внутритекстового контекстов

Изучение контекста и перевода началось с Малиновского, основателя функциональной школы, который предложил разделить контекст на внутритекстовый, ситуативный, культурный, когнитивный и т.д.[6, с. 76]. В процессе перевода китайских четырехсимвольных слов на русский язык переводчику надо разъяснить читателям оригинальный текст, но при этом остаются некоторые труднодоступные для понимания, поэтому четырехсимвольные слова необходимо поместить в оригинальный контекст и перевести в соответствии с их существенной коннотацией. Например:

[8] 建 2 人人有 1、 人人享有的社 1 治理共同体。

Перевод: Создавать сообщество единого социального управления, где каждый несет ответственность, выполняет свой долг и пользуется плодами управления.

Анализ: Это четырехсимвольное слово означает, что плоды управления будут разделены между всеми. Поэтому переводчик добавляет “плод”, чтобы передать настоящий смысл оригинала.

Добавление из внетекстового контекста

Внетекстовые контексты, в отличие от внутритекстовых, имеют более широкую сферу применения, включая ситуативные, культурные, когнитивные и т.д. Иногда правильное понимание четырехсимвольных слов будет нарушено, если в процессе перевода не будут дополнены ситуативные информации или культурный контекст. Дополняя лексику, подразумеваемую внетекстовым контекстом, можно сделать выражение более конкретным и ясным, приближенным к смыслу в оригинальном тексте. Например:

[9] 明确“五位一体” Ҁ体布局和“四 Ҁ全面” Ҁ略布局。

Перевод: *Мы четко определили общую схему пятиединого строительства и четырёхаспектную всестороннюю стратегическую концепцию.*

Анализ: «五位一体» – это общая схема экономического, политического, культурного, социального и экологического строительства; «四 Ҁ全面» – это стратегическая схема всестороннего построения среднезажиточного общества, всестороннего углубления реформы, всестороннего управления государством на правовой основе и всестороннего придерживания строгой партийной дисциплины. Таким образом, эти две четырехсимвольные слова переводятся как «схема пятиединого строительства» и «четырёхаспектная всесторонняя стратегическая концепция», а слова «схема» и «концепция» добавлены для того, чтобы дать читателям представление о политике Китая.

Прием опущения

Прием опущения – это отказ от передачи в переводе семантически избыточных слов оригинала, значения, которых, оказываются нерелевантными или легко восстанавливаются в контексте [4]. Традиционная теория перевода гласит, что к оригиналу нельзя произвольно добавлять или вычитать содержание, однако практика показывает, что чрезмерный акцент на форме и пренебрежение содержанием приводят к неясным и трудным для понимания, не соответствующего способу выражения и языковым привычкам переведенного языка. Поэтому, в условиях точной передачи смысла оригинала, переводчик должен следовать стандарту перевода «опущение слов и предложений, но не смысла». Стратегии удаления, используемые в процессе русского перевода китайских четырехсимвольных слов, в основном сводятся к избеганию повторов, которые делятся на внутреннее избегание повтора четырехсимвольных слов и промежуточное избегание повтора двойных четырехсимвольных слов.

Внутреннее избегание повтора четырехсимвольных слов

Среди китайских четырехсимвольных слов, для того чтобы сделать язы-

ковую форму аккуратной и опрятной, семантику простой, лаконичной и насыщенной, синонимические или близкие по значению слова часто появляются вместе. Внутреннее избегание повтора относится к процессу перевода, в котором переводчик удаляет семантически пересекающиеся или сходные выражения в целях оптимизации перевода [7]. Например:

[10] 不走封疆化的老路, 也不走改旗易帜的邪路。

Перевод: Мы не вступаем ни на старый путь замкнутости и косности, ни на ложный путь отказа от своих знамен.

Анализ: Слова «改旗» и «易帜» представляют синонимы, могут быть замены друг другом. Так что это четырехсимвольное слово переводится «отказа от своих знамен», избегает избыточного перевода.

Промежуточное избегание повтора двойных четырехсимвольных слов

Среди китайских четырехсимвольных слов чаще всего два четырехсимвольных слова со сходным значением образуют единое целое. Такие двойные четырехсимвольные слова тесно связаны друг с другом и часто не используются по отдельности в тексте. Промежуточное избегание повтора означает, что часть смыслового повтора двойных четырехсимвольных слов будет соответствующим образом удалена в процессе перевода, благодаря чему перевод будет кратким и ясным, а то длинным и сложным. Например:

[11] 不信邪、不怕鬼、不怕, 知难而进、迎难而上。

Перевод: Не поддаваться злым умыслам и силам, не бояться внешнего давления, не отступать ни на шаг перед любыми трудностями.

Анализ: 知难而进 и 迎难而上 представляют собой синонимы, поэтому переведено общее значение двух слов, и перевод становится простым и ясным.

Антонимический перевод

Антонимический перевод представляет собой замену какого-либо понятия, выраженного в подлиннике, противоположным понятием в переводе с соответствующей перестройкой всего высказывания для сохранения неизменного плана содержания [4], антонимический перевод применяется тогда, когда прямой путь невозможен или нежелателен. Например:

[12] 全党同志, 必不忘初心、牢记使命。

Перевод: Все партийные товарищи обязательно должны оставаться верными нашей изначальной цели, ни на минуту не забывать о своей миссии.

Анализ: 牢记使命, то есть «запомнить в памяти свою миссию». Но здесь используется антонимический перевод, «не забыть» как «запомнить», и «ни на минуту не забывать», отрицание усиливает утвердительный эффект, и содержание является более убедительным.

Заключение

Таким образом, китайское четырехсимвольное слово имеет яркие выраженные национальные особенности, включая политический, экономический, культурный, периодический фоны Китая и т.д. При переводе

буквальный перевод является основным, а вольный перевод – вспомогательным. С помощью буквального перевода можно полностью и точно передать смысл китайских четырехсимвольных слов, сохранить стиль китайского языка, культурные особенности, политический и экономический фон. Вольный перевод передает скрытые смыслы китайских четырехсимвольных слов, раскрывает исторические аллюзии и события. При этом необходимо учитывать культурные различия разных стран, понимание и когнитивные различия читателей, гибко принимать навыки перевода, используя приемы добавления и опущения, добавлять скрытую информацию и существенные коннотации, удалять смысловые повторы, чтобы перевод был более заразительным, убедительным и влиятельным и достигал лучшего коммуникативного эффекта, чтобы лучше отобразить содержание «Доклада на XX съезде КПК» и представить миру почтенный, достойный доверия и любимый Китай, надежный и прекрасный Китай. К сожалению, перевод четырехсимвольных слов на русский язык, хотя и точно передает смысл оригинала по содержанию, но не обладает симметричной красотой китайского языка по форме.

Библиографический список:

1. Чжан Б. Китайская грамматика. Шанхай: Шанхайское образовательное издательство, 1998.
2. Хоу Ю., Чжао И., Ван Р. Исследование синтаксических и эстетических функций четырехсимвольных слов в «Сон в красном корпусе». Вестник Яньшаньского университета. 2021. № 4. С. 67-73.
3. Сюн Б. Концептуальная путаница в переводоведении: «Стратегии перевода», «методы перевода» и «техники перевода». Китайский перевод, 2014. № 3. С. 82-88.
4. Илюшкина М. Ю. Теория перевода: основные понятия и проблемы. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2015.
5. Чэнь Х. Новый практический курс китайско-английского перевод. Хубэй: Издательство образования Хубэя, 1999.
6. Вэй Я., Тянь Ц. Повторный анализ контекстуального взгляда Малиновского. Вестник Сианьского университета архитектуры и технологии. 2012. № 2. С. 74-80.
7. Чжао С. Исследование русского перевода китайских четырехсимвольных слов в «Си Цзиньпин об управлении страной». Хэйлунцзянский университет. 2020.

Reference

1. Zhang B. Chinese grammar. Shanghai: Shanghai Educational Publishing House, 1998.
2. Hou Y., Zhao Y., Wang R. Research on the syntactic and aesthetic functions of four-character words in "Dream in the Red Case." Bulletin of Yanshan University. 2021. № 4. P. 67-73.
3. Xiong B. Conceptual confusion in translation studies: "Translation strategies", "translation methods" and "translation techniques". Chinese translation, 2014. № 3. P. 82-88.
4. Ilyushkina M. Yu. Translation theory: basic concepts and problems. Ekaterinburg: Ural University Publishing House, 2015.
5. Chen H. New practical course of Chinese-English translation. Hubei: Hubei Education Publishing House, 1999.
6. Wei Y., Tian Q. Re-analysis of Malinowski's contextual view. Bulletin of Xi'an University of Architecture and Technology. 2012. № 2. P. 74-80.
7. Zhao S. Study of the Russian translation of Chinese four-character words in "Xi Jinping on Governance of the Country." Heilongjiang University. 2020.

Лю Наньин

Аспирант. Московский педагогический государственный университет.

**Освоение заимствований
в русском языке на рубеже XX-XXI веков***

Аннотация. Статья посвящена анализу процесса освоения заимствованных элементов в современном русском языке на рубеже XX-XXI веков. С развитием глобализации и международных связей в язык-реципиенте в течение XX-XXI веков расширяется число заимствованных слов, у которых часто меняются значения и условия употребления. Кроме этих внешних причин, появление иноязычных лексики также связано с необходимостью выражения дополнительных смыслов слов в специальных сферах или в особых условиях употребления. Особое внимание в статье уделяется словообразовательному аспекту освоения заимствований. Заимствованные элементы в современном русском языке часто обновляются; большинство дериватов, созданных на их основе, образовано аффиксацией. В статье выделяются также основные этапы адаптации заимствований. Активность употребления заимствованных слов вместо исконных в современном русском языке отражает развитие культурных контактов и продуктивность ряда словообразовательных моделей современного русского языка.

Ключевые слова: заимствование, иноязычные слова, словообразование, дериваты, словообразовательные гнезда, способ словообразования, освоение заимствований, иноязычные словари.

Liu Nanying

PhD student. Moscow Pedagogical State University.

**Mastering borrowings in the Russian language
at the turn of the XX-XXI centuries**

Abstract. The article is devoted to the analysis of the process of assimilation of borrowed elements in the modern Russian language at the turn of XX-XXI centuries. With the development of globalisation and international relations in the recipient language during the XX-XXI centuries, the number of borrowed words, which often change their meanings and conditions of use, is expanding. Besides these external reasons, the emergence of foreign-language vocabulary is also connected with the need to express additional meanings of words in special spheres or in special conditions of use. Special attention in the article is paid to the word-formation aspect of borrowings acquisition. Borrowed

---

* © Лю Наньин, 2024.

elements in the modern Russian language are often updated; most derivatives created on their basis are formed by affixation. The article also identifies the main stages of borrowings adaptation. The active use of borrowed words instead of native words in modern Russian reflects the development of cultural contacts and the productivity of a number of word-formation models of modern Russian.

Key words: borrowing, foreign-language words, word formation, derivatives, word nests, method of word formation, acquisition of borrowings, foreign-language dictionaries.

Введение. В настоящее время заимствованные элементы служат самым наглядным отражением культурных, экономических, политических связей между разными странами. Количество иноязычных слов в активном обращении и широта сферы их употребления являются важными признаками открытости нации для внешнего мира.

Цель нашей статьи – выявление причин и этапов заимствования, а также анализ процесса словообразовательной адаптации иноязычных элементов на русской почве. Материалы исследования служат медийные тексты и новейшие словари. В процессе анализа используются сопоставительный, описательный и семантико-структурный методы.

Анализ. Заимствование — это «процесс, в результате которого происходит переход лингвистической единицы из одного языка в другой» [1, с. 75]. Лингвисты также понимают под заимствованием «перенесенные в другой язык элементы, т.е. следствия взаимодействия языков, которые могут существовать в этом языке после того, как взаимодействие прекратилось» [2]. Существуют и другие определения термина «заимствование», в частности, заимствования определяются как иноязычные слова, полностью освоенные чужим языком. Ю.С. Сорокин отметил, что «процесс заимствования... не только простая передача готовых элементов одним языком во владение другого языка. Это вместе с тем процесс их освоения системой данного языка, их приспособления к его собственным нуждам, их преобразования – формального и семантического – в условиях иной системы» [3].

Процесс проникновения иноязычных слов в русский язык длится уже несколько веков и с годами только усиливается в связи с укреплением глобальной связи интернета, с развитием межкультурных и международных отношений, с расширением мировой торговли, экономики, технологий и т. д.

Причин появления в языке заимствованной лексики и других заимствованных элементов много. По мнению ученых-лексикологов, эти причины могут быть как внешними, так и внутренними. Ж. Багана и Е.В. Бондаренко считают, что заимствованные элементы появляются для конкретного объяснения когнитивной структуры [4]. С точки зрения Э. Рихтера, важной

причиной появления в языке заимствованных лексем является необходимость в наименовании вещей и понятий [5].

Основная внешняя причина заимствований – углубление связей между разными странами и носителями языка. В наше время «дистанция» между представителями разных культур заметно сократилась, при этом культурные, политические, экономические связи во всем мире стали теснее. В этих условиях активизация процесса заимствования становится неизбежной. Данный объективный фактор оказывает большое влияние на эволюцию языков.

По мнению А.К. Казкеновой, заимствование является «закономерным явлением, сопровождающим общественно-политические преобразования, экономические и культурные контакты» [6], таким образом, процесс заимствования актуален для современного русского языка. В настоящее время в связи с глобализацией в русском языке появилось множество новых слов с иноязычными основами, при этом их значения нередко меняются. Сопоставим толкования значений нескольких иноязычных слов в двух словарях иностранных слов 1981 и 2013 года издания: (см. таблицу 1)

Приведенные в таблице данные отражают обновление значений иноязычных слов с течением времени. Сравнивая заимствованные слова из разных словарей иностранных слов, которые вышли из печати на рубеже XX-XXI веков, отметим, что в новейшем словаре выделены разившиеся у этих слов новые значения и отмечены условия их употребления (см. слова «спектр», «робот»). Кроме этого, сопоставление словарных дефиниций свидетельствует о междисциплинарном применении многих терминов в сфере языка. Например, с течением времени у заимствованного слова «робот» появилось новое метафорическое значение: «о человеке, действующем неосознанно, машинально, как бы подчиняясь чужой воле» [8, с. 568]. Подобное обновление лексических значений слов нередко наблюдается в процессе заимствования, см. например, следующие неологизмы, которые часто используются в «коронавирусную» эпоху: зум (платформа видеоконференции), дистант (режим работы во время пандемии) и т. п.

Другой внешней причиной заимствования является обязательность употребления заимствованных слов при обращении к новейшим терминам, у которых в русском языке есть иные значения по сравнению с семантикой близких им исконных слов. Чаще всего такие иноязычные слова относятся к терминам в сфере технологии, медицины и в других специальных областях. Такие узкоспециальные заимствованные слова со временем начинают характеризоваться более широким применением в непрофессиональных сферах. Например, термин «компьютер», на первый взгляд, можно заменить словом «ЭВМ» (электронно-вычислительная машина). В

середине XX века появились первые ЭВМ, и это слово употреблялось во второй половине XX веков, как специальный термин. К концу XX века (с 1960 года) слово «ЭВМ» уже стало использоваться как общеизвестный термин в бытовой жизни [9, с. 17-19]. Примечательно, что в указанный период термин «ЭВМ» был включен в «Словарь русского языка» С.И. Ожегова [10]. Однако после того, как русским языком было заимствовано слово «компьютер», аббревиатура «ЭВМ» стала употребляться все реже. Сейчас слово «компьютер» активно используется не только в технологии и науке, но и в непрофессиональных сферах. Ср., например: *Голова работала, как компьютер...* (Алексей Иванов, 2011).

Таблица 1. Иноязычные слова и их толкования в разных словарях.

Новые слова	Словарь иностранных слов (1981г.)	Словарь иностранных слов под ред. Алабугиной (2013г.)
Спектр (из лат. spectrum)	Совокупность всех значений какой-л. величины, характеризующей систему или процесс; в физике рассматривают спектры колебаний, имеющие разные частоты [7, с. 477].	Многоцветная полоса, возникающая при прохождении светового луча через преломляющую среду; Многообразие чего-л. (спектр мнений, идей, вариантов) [8, с. 574].
Комфорт (из англ. comfort)	Совокупность бытовых удобств: благоустроенность и уют жилищ, общественных учреждений, средств сообщения и др [7, с. 248].	Совокупность бытовых удобств; уют. Состояние внутреннего спокойствия, душевного равновесия, покоя [8, с. 518].
Робот (из чешского robot)	Термин, которым обозначают машины (устройства) с т. наз. антропоморфным действием, которые частично или полностью заменяют человека при выполнении работ в условиях, опасных для жизни, а также для относительной недоступности объекта [7, с. 446].	Особое автоматическое устройство программного дистанционного управления, напоминающее человека внешним видом и производимыми движениями, предназначенное для замены человека при выполнении сложных технических операций. О человеке, действующем неосознанно, машинально, как бы подчиняясь чужой воле [8, с. 568].

Кроме внешних, ученые выделяют и внутренние причины заимствований. Внутренние причины, по сравнению с внешними, связаны с изменением и обновлением в самом языке. Одна из таких причин – необходимость выражения дополнительного смысла слов, используемых в специальных

сферах или характеризующихся особыми условиями употребления. В современном русском языке наблюдается тенденция к большей дифференциации языковых средств по значению, так что у многих русских слов есть иноязычные синонимы. См. следующие примеры: *РИА Новости завершает онлайн-репортаж (рассказ) о заседании по делу Алексея Навального.* (РИА НОВОСТИ, 2021.02.02) *Смертельная паника (страх) охватила посетителей одного гонконгского ресторана...* (Ползущая месть // «Криминальная хроника», 2003.07.08) [11].

Другая причина заимствований – тенденция к сокращению сложных по структуре словосочетаний и замене их однословными заимствованными словами. Данная тенденция в последнее время все ярче проявляется в речи молодежи и в современных СМИ. Ср.: *В последний раз, когда самый выдающийся снайпер (меткий стрелок) сборной Чехии выступил на чемпионате мира в 1994 году...* (Алексей Самура, 2002) *Инфляция (рост цен на товары) в России превысила 5% впервые за 1,5 года* (РБК, 2021.02.05).

В то же время следует подчеркнуть, что заимствование, как наиболее заметное проявление языковых контактов, вызывает бурное развитие лексических дериватов в современном русском языке. При этом освоение иноязычных элементов оказывает влияние на бытовую жизнь современного общества, так что, анализируя этот процесс, нужно также учитывать социальные причины. Некоторые заимствованные слова имеют преимущества по сравнению с существующими в русском языке словами. Например, есть лексические единицы, которые после того, как они переходят в другой язык, постепенно становятся более употребительными и частотными, в том числе и в языке-реципиенте. Ср. пары слов: *обслуживание – сервис, ограничение – лимит, творческий – креативный.*

Исследование освоения заимствований предполагает рассмотрение процесса адаптации иноязычных элементов в русском языке. В конце XX века Л.П. Крысин выделил пять этапов освоения иноязычного слова:

Начальный этап — своеобразное вкрапление. Это «употребление иноязычного слова в тексте, в его исконной орфографической (в устной речи фонетической) и грамматической форме, без транслитерации и транскрипции» [12]. Например: 3D, HD, hello. Несмотря на существование эквивалентов этих единиц в русском языке, все эти слова и словосочетание активно используются в бытовой речи и СМИ.

Второй этап освоения заимствования — транслитерация и транскрипция, фонетическая, морфологическая и семантическая адаптация. Следует отметить, что большинство безэквивалентных элементов заимствовано путем транслитерации и транскрипции, т. е. воспроизведения буквенного состава и звучания. Ср. новые иноязычные элементы и способы их перевода (см. таблицу 2).

Таблица 2. Новые иноязычные элементы и способы их перевода.

Элементы в русском языке	Элементы в исходном языке	Способы перевода
бан	ban (англ.)	транслитерация
коронавирус	coronavirus (англ.)	транслитерация
дедлайн	deadline (англ.)	транскрипция
онлайн	online (англ.)	транскрипция
вебинар	webinar (англ.)	транскрипция

По нашим наблюдениям, транскрипция сравнительно чаще встречается на рубеже XX-XXI веков. Это свидетельствует о более строгом требовании к переводу под влиянием появления новых заимствованных элементов в современном русском языке.

Третий этап заключается в том, что утрачивается чувство непривычности заимствованных слов у носителей языка (в нашем случае у русских), иноязычные слова широко употребляются в русском языке и ощущаются как исконные слова. При этом сохраняются их стилистические особенности и социальные функции в определенных условиях.

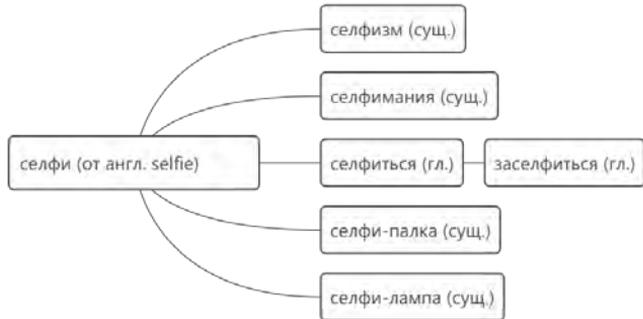
Рассмотрим ряд примеров. Новое заимствованное слово «хэштег» происходит из английского слова hash tag (hash символ «решетка» # + tag ярлык, бирка), сейчас оно чаще употребляется в социальных сетях в значении: «метка (фраза или слово) при сообщении, фотографии или видео, которая помещается после символа # для группировки близких по теме сообщений.» [13]. Слово «хэштег» часто встречается в блогах, комментариях и других приложениях в Интернете: *Буквально за несколько часов французский Twitter переполнился комментариями с хэштегом #depardieu (Депарье)...* (Известия 05.01.13).

Что касается других широкоупотребляемых заимствованных слов, следует отметить слово «хайп», которое восходит к англ. *hype* (нарочито раздуваемый ажиотаж). С развитием современной рекламы слово «хайп» используется при привлечении внимания в Интернете с целью приобретения реальной прибыли. От данного слова образуется ряд производных слов: *хайпер, хайповый, хайпить, похайпить*. Отметим, что эти заимствованные дериваты образованы суффиксальными и приставочными способами.

При анализе заимствований лингвист Л.Н. Крысин отметил, что иноязычное влияние «требует углубленного и детального изучения, учитывающего как сравнительно легко обнаруживаемые лексические заимствования, так и разные формы скрытого влияния других языков на русский - не только в лексике, но и, например, в словообразовании,...» [14]. Важную роль в

освоении заимствований играет словообразовательная адаптация. Словообразовательная адаптация – это образование производных слов на базе иноязычных единиц на русской почве. Анализируя заимствованные слова, мы наблюдаем ряд словообразовательных моделей, по которым строятся производные, дериваты входят в словообразовательные пары, цепочки и гнезда. При этом способы образования дериватов на базе заимствованных слов разнообразны, ср. следующие словообразовательные гнезда (см. рисунки 1, 2, 3):

Рис. 1. Словообразовательное гнездо с вершиной “селфи”.

Рис. 2. Словообразовательное гнездо с вершиной “коннект”.

Рис. 3. Словообразовательное гнездо с вершиной “пиар”.

По нашим наблюдениям, дериваты, созданные на основе заимствований, активно употребляются в современном русском языке. В каждое гнездо входят единицы разных частей речи: имена существительные, глаголы, имена прилагательные. Отметим, что имена существительные на базе заимствований часто образуются суффиксальным способом, см. *гламурный, кейтеринговый, влогерский*, сложные слова создаются с помощью сложения: *инста-девочка, смузи-байк, QR-эра*, глаголы и имена прилагательные часто образуются приставочным и суффиксальным способами: *забанить, рестримить*. Суффиксальный способ, с нашей точки зрения, наиболее активен при образовании слов на базе заимствованных слов на рубеже XX-XXI веков.

Далее с развитием заимствования в русском языке наблюдается четвертый этап его освоения — «утрата жанрово-стилистических, ситуативных и социальных особенностей» [15]. По-видимому, большинство иноязычных элементов, переходящих в русский язык, служит терминами в специальных сферах и сохраняет определенные ограничения в своем употреблении, так что данная ситуация относительно редко встречается. Кроме того, в процессе заимствования также формируется значение иноязычных слов, Л.П. Крысин отметил стабилизацию их семантики: «стабилизация семантики происходит как в словах, ситуативно, стилистически или социально ограниченных по своему употреблению, так и в общеупотребительных» [15]. Следует подчеркнуть, что при исследовании стабилизации семантики мы больше внимания уделяем дифференциации иноязычных и исконных компонентов, близких по значению. Рассмотрим синонимы-прилагательные «включающий» и «инклюзивный (из лат. *inclusivus*)», их различие ярко проявляется в словосочетаниях, образованных от этих синонимов: *включающая катушка* и *инклюзивное образование*, при этом невозможно: **инклюзивная катушка, *включающее образование*.

Завершающий этап освоения заимствования — это включение их в толковые словари. Это подтверждение их принадлежности к лексико-семантической системе нового языка. В новую эпоху исследование новых заимствованных слов становится приоритетом в истории лексикографии, при этом Л.Б. Гацалова в своей работе подчеркивает, что «самый первый и естественный путь — внесение прижившихся в языке новообразований и заимствований в создающийся толковый словарь» [16].

Рассмотрим «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.В. Дмитриева, который вышел в 2003 году. В него входят около 2 тысяч словарных статей и более 12 тысяч значений. Несмотря на большой объем словаря, в нем отсутствуют в виде словарных статей неологизмы, давно существующие в толковых словарях, например, *интернет, робот, инфляция*. Отметим, что неологизмы с низкой частотностью, напротив, были зафиксированы: *клик, интерфейс, байт*. Тем не менее ряд «модных» словосоче-

таний и выражений в словарных статьях наблюдается. См., например: *архитектура компьютерных микропроцессоров, вторичный рынок* и др [17]. Указание частотности слова в данном словаре отражает адаптацию заимствованных элементов и свидетельствует об освоении иноязычной лексики в современном русском языке.

Конечно, кроме толковых словарей, в наше время также появляется немало специальных иноязычных словарей, например, «Словарь новейших иностранных слов» Е.Н. Шагаловой (2020). Данный словарь содержит около 3500 слов, при этом большинство из них вошло в русский язык в последние 10 лет, в результате в нем отсутствуют зафиксированные ранее в справочниках иноязычные слова. Рассмотрим фрагмент словарной статьи:

НЬЮ-ЛУК, а, м. Элегантный, женственный, романтический стиль одежды, предложенный Кристианом Диором в 1947 г.; одежда в этом стиле. *Выдержана новая одежда в духе 50-х, и если на подиуме стиль казался близким к шаржированному пин-апу, то в магазинах мы видим удобный нью-лук. Это всевозможные вариации на тему легких тренчей костюмов-тайлеров, платьев-рубашек и платьев-бюстье.* (Ъ-WE 27.04.12). · В знач. прил. *Юноша в парчовом платье «нью-лук» с развязным бантом на ягодицах всех фотографировал и демонстрировал очень жилистые ноженищи на шпильках.* (Изв. 14.11.05). (–) Беби-долл, бохо, винтаж, кантри, милитари, от кутюр, прет-а-порте, стритстайл, трендсеттер, трэш, унисекс.

⊙ Англ. *New look* < *new* 'новый' + *look* 'взгляд' > [13, с. 272].

По нашим наблюдениям, в конце словарных статей указаны группы слов для конкретного понимания сферы употребления заимствованных элементов. Данная классификация новых заимствованных слов демонстрирует популярность употребления иноязычных слов на русском почве.

Кроме этих словарей, в последние годы вышел новый словарь, связанный с таким событием, как пандемия, — «Словарь русского языка коронавирусной эпохи» (2021). Данный словарь содержит около 3500 слов, появившихся или актуализированных в 2020–2021 гг.; ср. неологизмы *самоизоляция, коронавирус, зум, санитайзер* [18]. Отметим, что для наиболее употребительных слов дано их значение, у остальных отсутствует словарная обработка. Особенность данного словаря заключается в том, что кроме слов, в него входят также ковидные антипословицы и частотные аффиксоиды во время пандемия. См. например, ковидные антипословицы: *Глаза боются — руки без перчаток, лицо без маски, впереди патруль* (Глаза боится, а руки делают); *Друг познается на социальной дистанции* (Друг познается в беде), частотные аффиксоиды: *-вирус: барановирус, фейковирус, карантинивирус; -фил: вакцинофил, маскофил, коронафил.*

Выводы. С середины XX века наблюдается активизация заимствованных элементов в русской речи, в настоящее время заимствованные лекси-

ческие единицы продолжают регулярно адаптироваться и часто обновляются. Сделаем следующие выводы:

1. Причины перехода иноязычных элементов в русский могут быть внешними и внутренними: при описании новых предметов или явлений чаще употребляются заимствованные существительные и их дериваты: *смужи, хэштег, пиар-проект*; наблюдаются и семантические изменения: *паркинг, зумиться, селфизм*.

2. На рубеже XX-XXI веков чаще встречается транскрипция: *зум, QR-код, гуд*.

3. В процессе освоения заимствований появляются словообразовательные гнезда, в которые входят иноязычные слова, например: *юз: юзать, заюзать, юзаться, юзер, юзерский*.

4. Продуктивными способами при образовании слов на базе заимствований становятся суффиксация и сложение. С помощью суффиксации созданы, например, имена прилагательные: *гламурный, маркетинговый*, имена существительные: *пиарщик, рофлер* и глаголы: *хайпить, кринжевать*; сложение чаще встречается при образовании существительных: *зум-бомбинг, смужимайкер, QR-эра*. Образование дериватов на базе заимствований отражает их адаптацию в русском языке.

5. Свидетельством адаптации заимствования в русском языке в последнее двадцатилетие является выход новых словарей, это, например, «Словарь новейших иностранных слов» Е.Н. Шагаловой (2020), «Словарь русского языка коронавирусной эпохи» (2021).

Таким образом, заимствованная лексика и ее производные пополняют лексическую базу русского языка, исследование особенностей заимствованных слов позволяет получить представление о влиянии процессов глобализации на языковую систему русского языка.

Библиографический список:

1. Phelizon J.H. Vocabulaire de la linguistique / J.H. Phelizon. – Paris: Eds Roudel, 1976. 280 p.
2. Жлуктенко Ю.А. Лингвистические аспекты двуязычия / Ю.А. Жлуктенко. – Киев: Вища шк. Изд-во при Киев. ун-те, 1974. 174 с.
3. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского языка. 30-90-е гг. XIX в. М.-Л.: Наука, 1965. 568с.
4. Багана Ж., Бондаренко Е.В. Ассимиляция заимствований из французского языка в среднеанглийских диалектах: Монография. – М.: Инфра-М, 2012.
5. Richter E. Fremdwortkunde. Leipzig, 1919.
6. Казкенова А.К. Онтология заимствованного слова: монография / А.К. Казкенова. – Москва: Флинта: Наука, 2013. 247 с
7. Словарь иностранных слов. - 8-е изд., стереотип. – Москва: Рус. яз., 1981. 622 с.
8. Алабугина Ю.В. Орфографический словарь: 4 книги в одной / О.А. Михайлова. Фразеологический словарь. Словарь иностранных слов / Л.А. Субботина. – Москва: АСТ, 2013. 606 с.
9. Гольдберг В.Б. Заимствованные термины в профессиональной и непрофессиональной коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. 2012. № 24 (239). Искусствоведение. Вып. 57. С. 17-19.
10. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1981.
11. Национальный корпус русского языка. // URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (Дата обращения: 25.04.2022)

12. Крысин Л.П. Этапы освоения иноязычного слова // Русский язык в школе. 1991. № 2. С. 74-78.
13. Шагалова Е.Н. Словарь новейших иностранных слов. – М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. 576 с.
14. Крысин Л.П. Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX - XXI веков: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. – Москва: Языки славянских культур, 2008. 712 с.
15. Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое : Исследование по современному русскому языку и социолингвистике. Языки славянской культуры: – М.: 2004. 883 с.
16. Гацалова Л.Б. Неология в современной лингвистике: [монография]. - Владикавказ: Изд-во Сев.-Осетин. гос. ун-та им. К.Л. Хетагурова, 2005 (Полигр. центр СОГУ). 363 с.
17. Дмитриев Д.В. Толковый словарь русского языка : Ок. 2000 словар. ст., свыше 12000 значений - Москва: Астрель [и др.], 2003 (ГУП ИПК Ульян. Дом печати). 989 с.
18. Словарь русского языка коронавирусной эпохи. Сост. Е.С. Громенко, А.Ю. Кожевников, Н.В. Козловская, Н.А. Козулина, С.Д. Левина, В.М. Мокиенко, А.С. Павлова, М.Н. Приемышева, Ю.С. Ридецкая / Ред. коллегия Е.С. Громенко, А.С. Павлова, М.Н. Приемышева (отв. ред.), Ю.С. Ридецкая / Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. 550 с.

Reference

1. Phelizon J.H. Vocabulaire de la linguistique / J.H. Phelizon. – Paris: Eds Roudel, 1976. 280 p.
2. Zhluktenko Yu.A. Linguistic aspects of bilingualism / Yu.A. Zhluktenko. – Kyiv: Vishcha school. Publishing house at Kyiv. Univ., 1974. 174 p.
3. Sorokin Yu.S. Development of the vocabulary of the Russian language. 30-90s XIX century M.-L.: Nauka, 1965. 568 p.
4. Bagana Zh., Bondarenko E.V. Assimilation of borrowings from the French language in Middle English dialects: Monograph. – М.: Infra-M, 2012.
5. Richter E. Fremdwortkunde. Leipzig, 1919.
6. Kazkenova A.K. Ontology of a borrowed word: monograph / A.K. Kazkenova. – Moscow: Flinta: Nauka, 2013. 247 p.
7. Dictionary of foreign words. - 8th ed., stereotype. – Moscow: Rus. lang., 1981. 622 p.
8. Alabugina Yu.V. Spelling dictionary: 4 books in one / O.A. Mikhailova. Phrasebook. Dictionary of foreign words / L.A. Subbotina. – Moscow: AST, 2013. 606 p.
9. Goldberg V.B. Borrowed terms in professional and non-professional communication // Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. 2012. No. 24 (239). Art history. Vol. 57. P. 17-19.
10. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language / ed. N.Yu. Shvedova. – М.: Rus. lang., 1981.
11. National Corpus of the Russian Language. // URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (04.25.2022)
12. Krysin L.P. Stages of mastering a foreign language word // Russian language at school. 1991. № 2. P. 74-78.
13. Shagalova E.N. Dictionary of the latest foreign words. – М.: AST-PRESS SCHOOL, 2020.576 p.
14. Krysin L.P. Modern Russian language. Active processes at the turn of the 20th - 21st centuries: Institute of Russian language them. V.V. Vinogradov RAS. – Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2008. 712 p.
15. Krysin L.P. Russian word, one's own and someone else's: Research on modern Russian language and sociolinguistics. Languages of Slavic culture: – М.: 2004. 883 p.
16. Gatsalova L.B. Neology in modern linguistics: [monograph]. - Vladikavkaz: North Ossetian Publishing House. state University named after K.L. Khetagurova, 2005 (Political center SOGU). 363 p.
17. Dmitriev D.V. Explanatory dictionary of the Russian language: Ok. 2000 dictionary. Art., over 12,000 values - Moscow: Astrel [et al.], 2003 (GUP IPK Ulyan. Printing House). 989 p.
18. Dictionary of the Russian language of the coronavirus era. Comp. E.S. Gromenko, A.Yu. Kozhevnikov, N.V. Kozlovskaya, N.A. Kozulina, S.D. Levina, V.M. Mokienko, A.S. Pavlova, M.N. Priemyшева, Yu.S. Ridetskaya / Ed. Collegium E.S. Gromenko, A.S. Pavlova, M.N. Priemyшева (ed.), Yu.S. Ridetskaya / St. Petersburg: Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences, 2021. 550 p.

Макарова О.Г.

Кандидат педагогических наук, доцент, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г. Улан-Удэ.

Красикова О.М.

Старший преподаватель, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г. Улан-Удэ.

Бадмаева А.А.

Преподаватель, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г. Улан-Удэ.

Категория падежа в русском и бурятском языках (сопоставительный анализ)*

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному анализу падежей в русском и бурятском языках. Падеж, являясь словоизменительной категорией имени выражается его флексиями; дополнительными средствами и способами различения падежных форм могут служить чередования в основах существительных и специальные акцентные характеристики. Выявлены основные грамматические особенности падежей, их функционирования в предложении, их основных сходствах и различиях выражения синтаксических отношений в рассматриваемых языках.

Ключевые слова: падежная система, русский язык, бурятский язык, сопоставительный анализ, склонение, имена существительные, предлоги, послелоги, грамматические особенности.

Makarova O.G.

PhD, Associate Professor, East Siberian State University of Technology and Management, Ulan-Ude.

Krasikova O.M.

Senior Lecturer, East Siberian State University of Technology and Management, Ulan-Ude.

Badmaeva A.A.

Teacher, East Siberian State University of Technology and Management, Ulan-Ude.

Case category in Russian and Buryat languages (comparative analysis)

Abstract. The article is devoted to a comparative analysis of cases in the Russian and Buryat languages. Case, being an inflectional category of a name, is expressed by its inflections; additional means and ways of distinguishing case forms can be alternations in the stems of nouns and special accent characteristics. The main grammatical features of cases, their functioning in a sentence, their main similarities and differences in the expression of syntactic relations in the languages under consideration are revealed.

Key words: case system, Russian language, Buryat, comparative analysis, declension, nouns, prepositions, postpositions, grammatical features.

Именные части речи при синтаксическом употреблении изменяются по падежам, т. е. склоняются. Среди склоняемых слов ведущее место по значению и частотности занимают имена существительные.

Падеж как в русском, так и в бурятском языке обозначает синтаксическое отношение существительного к другому слову в словосочетании или в предложении. Следовательно, с изменением падежей существительных изменяются по значению и их отношения к другим словам [1], [7].

Наряду с основным способом выражения синтаксических отношений посредством падежных окончаний, интенсивно развивается способ выражения отношений с помощью предлогов в русском языке, послелогов - в бурятском языке.

Основные значения падежных форм в беспредложном употреблении в именах существительных в русском и в бурятском языках совпадают:

Именительный (нэрын) - *кто? что?* «хэн? юун?»

Родительный (хамаанай) - *кого? чего?* «хэнэй? юунэй?»

Дательный (зүгэй) - *кому? чему?* «хэндэ? юундэ?»

Винительный (үйлын) - *кого? что?* «хэниие? юуе? юу?»

Творительный (зэбсэгэй) - *кем? чем?* «хэнээр? юугээр?»

Предложный - *о ком? о чем?* (соответствующего падежа в бурятском языке нет).

Кроме того, в бурятском языке имеются падежи:

Хамтын (совместный) — *хэнтэй? юунтэй?* «с кем? с чем?»

Гаралай (исходный) — *хэнкээ? юунһээ?* «с кого? с чего?»

I. *Именительный падеж (нэрын падеж).*

Именительный падеж как в русском, так и в бурятском языке является исходной формой, в которой имя существительное употребляется как наименование предмета, выступая в предложении в роли подлежащего, именной части сказуемого или обращения, [1] напр.: *Над лесом пролетели жу-*

равли «Ой дээгуур тохорюунууд ниидэн гараба; Кит - не рыба «Кит болбол загаһан бэшэ юм»; Петр Николаевич, прощайте «Петр Николаевич, баяртай.

В отличие от русского, в бурятском языке форма именительного падежа может употребляться с некоторыми послелогами, например: *уһан дээрэ* (юун дээрэ?) «на воде»; *уһан дээгүүр* (юун дээгүүр?) «над водой»; *уһан доро* (юун доро?) «под водой»; *уһан соо* (юун соо?) «в воде»; *уһан тээшэ* (юун тээшэ?) «к воде»; *уһан тухай* (юун тухай?) «о воде».

В бурятском языке существительное в форме именительного падежа, употребленное в качестве определения, примыкает к другому существительному и по значению соответствует относительным прилагательным в русском языке, например: *модон гэр* «деревянный дом», *модон гэрэй* «деревянного дома», *модон гэртэ* «деревянному дому» и т. д.

В бурятском языке форма именительного падежа может употребляться для указания меры вещества, названного именительным другого существительного [8]. Такой конструкции в русском языке соответствует синтаксически неразложимое сочетание именительного с родительным меры, например: *аяга сай* «чашка чая», *табаг мяхан* «блюдо мяса», *шарга убкэн* «воз сена», *хурэг хонин* «стадо овец».

В современном русском языке форма именительного падежа употребляется в функции обращения вместо древней звательной формы: *Отпусти ты, старче, меня в море...* (А. Пушкин). В старых грамматиках бурятского и монгольского языков так же находим указания на звательный падеж. А. Бобровников писал: «...падеж звательный (дагуудаху) ...при нем бывают междометия «ай», предшествующие слову, «аа», следующие за словом». То же самое утверждает Г.Ц. Цыбиков. В современном бурятском языке такая форма обращения является обычной для разговорной речи, напр., *Бадма аа, аа Бадма! Газааһаа түлэз асарал даа* «Бадма, а Бадма! Принесн-ка со двора дров». Современные авторы такие формы восклицания считают падежом основы.

Таким образом, в бурятском языке именительный более употребителен, чем в русском языке.

II. Родительный падеж (хамаанай падеж).

Значение и употребление родительного падежа как в русском, так бурятском языке отличается большим разнообразием. Если в русском языке существительное в родительном падеже может относиться как к именным словам, так и к глаголу, то в бурятском языке – только к имени существительному. Родительный приименной в русском языке употребляется обычно без предлогов.

Значения родительного приименного падежа без предлогов (без послелогов) в сопоставляемых языках совпадают в следующих случаях:

1) предмет, которому что-либо принадлежит {чей? хэнэй), например; *песня соловья* «шубуунай дуун»; *рассказ учителя* «багшын хөөрөөн»;

2) предмет, к которому относится то, что названо другим существительным, например: *председатель кооператива* «кооперативай түрүүдэгшэ»; *здание завода* «заводой байшан»; *ножка стола* «столой хүл»;

3) предмет, который является субъектом действия, состояния или признака, названного другим существительным, например: *вой волка* «шонын уулан»; *звон колокола* «хонхын абяан»; *запах дыма* «утааий үнэр»; *темнота ночи* «һүнийн харанхы»;

4) предмет, который определяет другой предмет со стороны качества, свойства, признака, например: *годы войны* «дайнай жэлнүүд»; *лошадь крупной породы* «томо үүлтэрэй морин» *старик лет семидесяти* «далаад наһатай үбгэн». Но; *человек веселого нрава* «хүхюу зантай хүн»; *мальчик лет десяти* «арбаад наһатай хүбүүн»;

5) в обоих языках форма родительного падежа употребляется при обозначении времени или даты, например; *Первое мая* «Майн нэгэн»; *в восемь утра* «үглөөнэй найманда».

В ряде случаев русский родительный приименной в своих значениях не совпадает с бурятским родительным, например:

1) родительный при отглагольных существительных соответствует в бурятском языке винительному падежу, например: *сбор урожая* (чего?) «таряа (юу?) хуряалга»; *заготовка леса* (чего?) «модо (юу?) бэлэдхэл»; *решение задачи* (чего?) «тоо (юу?) бодолго»;

2) в русском языке слова, обозначающие меру или количество, управляют родительным падежом существительного, а в бурятском языке при таких словах употребляется форма именительного падежа, например; *пять часов* «табан саг»; *два друга* «хоёр нүхэд»; *килограмм масла* «килограмм тоһон»; *ведро ягод* «хүнэг жэмэс»; *много домов* «олон гэр»;

3) в бурятском языке родительный падеж существительного может употребляться для характеристики другого предмета со стороны времени или места его нахождения.[2] В соответствующих этому падежу значениях в русском языке употребляются слова в форме прилагательного (относительного), например: *углөөнэй наран* «утреннее солнце» (букв, солнце утра); *үбэлэй хүйтэн* «зимние холода» (букв, холод зимы); *уһанай шубууд* «водяные птицы» (букв, птицы воды);

4) бурятский родительный назначения и цели на русский язык передается сочетанием родительного падежа с предложением, например; *тоһоной хайрсаг* «коробка для (из-под) масла»; *нюдэнэй шэлэй бүрээһэн* «футляр для очков»; *ханыаданай эм* «лекарство от кашля»; *дэгэлэй тобио* «пуговица для (от) шубы»;

5) бурятский родительный количества или размера на русский язык передается обычно описательно или прилагательным, например: *хоёр үдэрэй ажал* «работа на два дня» (досл, двухдневная работа); *дүйшэн килограммай хонин* «овца весом в 40 килограммов» (досл, сорокакิโลграммовая овца).

Поскольку в бурятском языке при глаголах родительный падеж не употребляется, то русский приглагольный родительный на бурятский язык передается формами других падежей, обычно - винительным или исходным.

1) В русском языке после глаголов с отрицанием родительный падеж обозначает предмет, переход действия на который отрицается. В бурятском языке отрицание не влияет на значение переходности глагола, следовательно, здесь употребляется винительный прямого объекта и при отрицании, например; Я читаю газету «Би сонин уншанаб», но: *Этой газеты еще я не читал* «Энэ сонин уншаагүйб».

2) В русском языке родительный падеж употребляется и после переходных глаголов, если действие распространяется только на часть предмета, а в бурятском языке такое явление не имеет места:

Выпил < (все) молоко (вин. п.) >
< (стакан) молока (род. п.) > һу уугааб.

3) В русском языке после глаголов со значением цели, желания или достижения имя существительное (обычно с отвлеченным значением) употребляется в родительном падеже.[3] В бурятском языке сочетание глаголов с соответствующими значениями с именами существительными употребляется обычно редко, да и то, главным образом, в переводных произведениях, а существительные (чаще причастия) встречаются в форме винительного падежа: например: *хочет* (получить) *свободы* «сулөө (абакые) хүсэнэ»; *спрашивает совета* «зүбшөөл хурана»; *требует разъяснения* «тайлбари эринэ».

4) В русском языке после глаголов со значением удаления, лишения, опасения употребляется также родительный падеж, а в бурятском в соответствующих значениях употребляется исходный падеж, например; *боится отца* «эсэгэһээ айна»; *стыдится посторонних* «хүнһөө эшэнэ». **3. Дательный падеж (зүгэй падеж – дательно-местный).**

Дательный падеж в современном русском языке обычно употребляется при глаголе или отглагольном существительном и в русском и в бурятском языках обозначает:

1. Лицо или предмет, к которому направлено или для которого совершается действие, например:

Купил < кому? — сестре — эгэшэлээ > абааб
принес < кому? — сестре — эгэшэлээ > асарааб
подарил < кому? — сестре — эгэшэлээ > бэлэглээб

обучают (чему?) < пенню «дуунда» > < письму «бэшэгтэ» > һургана
< спорту «спортдо» >

2. Русскому дательному субъекта при предикативном наречии может соответствовать бурятский дательно-местный падеж. Например: **Мне** здесь удобно «**намда** эндэ зохид»; **Зайцу** в зароде тепло «**Шандаганда** һүри соо дулаан».

Что касается дательного субъекта при русском безличном глаголе, то в бурятском языке ему соответствует именительный падеж, например: **Нашему деду** сегодня нездоровится «Манай үбгэн мунөөдэр хамшагланги байна».

3. В русском языке приименной дательный падеж обозначает лицо или предмет, к которому направлено то, что названо существительными в именительном падеже. Под влиянием русского языка такие безглагольные конструкции с дательным приименным употребляются в публицистическом стиле современного бурятского языка, например; **Эрдэм ухаанай туйлалтые - үйлэдбэридэ** «Успехи науки - **производству**». **Хурьга тулжүүлгэдэ - хамагай анхарал** «**Выращиванию** ягнят - всеобщее внимание». (Из газеты «Буряад унэн»),

В бурятском языке дательный падеж имеет ряд других значений, не свойственных русскому дательному.

1. Форма бурятского дательно-местного падежа служит наиболее продуктивным способом выражения значения места, где находится или куда направляется другой предмет, названный существительным.[8] Дательный места обычно по смыслу соответствует русским предложному и винительному падежам с предлогами *в, на*, а также творительному цели с предлогом *за*, например: **Москвада** *һурадаг* «учится **в Москве**»; **талада** *бэлиздэг* «пасется **в степи**»; **газарта** *зообо* «зарыл **в землю**»; **амаралтада** *ошообо* «уехал **на отдых**»; **алирһанда** *ошообо* «пошел **за брусничкой**».

2. Дательно-местный падеж в бурятском языке обозначает время действия, например: **Москва** *жэлдээ нэгэ ошодогби* «в Москву езжу **раз в год**»; **залуудаа** сэнгэе «повеселимся **в молодые годы**»; **Бадмаев январьда** *ерэхэ* «Бадмаев приедет **в январе**».

3. Дательно-местный падеж в бурятском языке может обозначать причину действия и соответствует в этом значении русскому родительному падежу с предлогом *от*, например; **хүйтэндэ** *хосорхо* «погибнет **от заморозков**»; **ябадалдаа** *эсэбэ* «утомился **от ходьбы**».

III. Винительный падеж (үйлын падеж).

1. Основное значение винительного падежа в русском и в бурятском языках сводится к выражению прямого объекта при переходном глаголе, например: *читаю книгу* «**ном** уншанаб»; *тебя* *узнаю* «**шамайе** танинаб».

2. Винительный падеж в обоих языках употребляется в объектно-протранстивном значении, например; *я обошел* **озеро** «би **нуур** тойрожо гарааб»; *переехал* **мост** «**хүүргэ** гарааб»; *объездил* *весь улус* «**айлаа** ото зайгааб».

3. Винительный падеж в русском языке обозначает время действия. В бурятском для этого употребляется также форма винительного или име-

нительного падежа обычно с послелогом *соо*, например: *отдохнул месяц* «*һара* амарааб» или «*һара* соо амарааб»; *гостил неделю* «*недели* айлшалааб» или «*недели* соо айлшалааб»; *просидел весь день* «бухэли *үдэр соо һуугааб*».

Существительные в винительном падеже без предлогов или послелогов не сочетаются с другим существительным ни в русском, ни в бурятском языке.

4. Творительный падеж (зэбсэгэй падеж - орудный).

Творительный падеж в русском и бурятском языках совпадает в значениях:

1. Орудия или средства действия, например: Что написано пером - не вырубить топором «*Гуурһаар бэшэһэн юумые һүхөөр сабшажа һалгаахагүйш*».

2. Пространства или места действия, например; шел дорогой «*харгыгаар ябаба*»; проехал лесом «*ойгоор ябажа гаталба*»; лес сплавляют рекой «*уһаар модо урадхуудда*».

3. Способ и образ действия, например: ехал шагом «*алхамаар гэшхулбэ*»; поехали поездом «*поездоор ябаабди*; говорил хриплым голосом «*һөөлдэнгээр дуугарба*»; скот пасется стадами «*мал бурэг һурэгөөрөө бэлшэнэ*».

4. Время действия, например: уехал ранней весной «*хабарай эхеэр ябаа һэн*», дети играли целыми днями «*үхибүүд бухэли удэрөөрөө наадаба*».

5. Субъекта в безличных предложениях, например: пахнет сеном над лугами «*сабшалан дээрэ үбһөөр анхилна*; с моря веет прохладой «*далай тээһэнэ һэрюүгээр һэбшээлнэ*».

6. В значении предикативном или ограничения признака, названного прилагательным, например: работаю учителем «*багшаар хүдэлнэб*»; избран председателем «*түрүүлгшээр һунгагдаба*; колхоз богат землей «*колхоз газараар баян*»; слаб здоровьем «*бэе тамираар муу*».

В ряде случаев в русском языке творительный падеж не совпадает со значением того же падежа в бурятском языке.

IV. Творительный падеж (*хамтын падеж*)

1. Творительный субъекта в безличных оборотах на бурятский язык передается формой дательного-местного падежа; например:

Дерево разбило

разбито молнией «*Модон сахилгаанда сохюулба*».

смыло

Краску (а) смыта дождем «*Шэрэ бороондо угаагдаба*».

2. Творительный субъекта в страдательных оборотах на бурятский язык передается формой именительного или дательного падежа, например: Город Петербург основан Петром Первым «*Петербург хото Нэгэдэхи Петр байгуулһан юм*»; Армия Наполеона была разбита русскими войсками «*Наполеонной сэрэг ород сэрэгүүдтэ бута сохигдоһон юм*».

В бурятском языке творительный орудный падеж употребляется в значениях, не совпадающих со значением русского творительного: а) материал, из которого сделан предмет, например: модоор хэгдэһэн «сделано из дерева» (букв. *деревом сделанный*), бетоноор баригдаһан «построено из бетона» (букв. *бетоном построенный*); б) средства передвижения, например: машинаар асарба «привезли на машине» (букв. *машиной привезли*), морёор ерэхэ «приехал на лошади» (букв. *лошадью приехал*); в) места, где совершается действие, например: талаар мал бэлшэнэ «по степи стадо пасется» (букв. *степью пасется стадо*), уйлсөөр зайна «бродит по улице» (букв. *улицей бродит*); г) времени или срока действия, например: жэлээр ошоо «уехал на год» (букв. *годом уехал*); д) предмета обмена или торговли, например: мунгөөр абааб «купил на деньги» (букв. *деньгами купил*); утаһаар һэлгээб «обменил на телефон» (букв. *телефоном обменил*).[1]

Употребление творительного падежа при именах существительных как в русском языке, так и в бурятском непродуктивно.

V. Предложный падеж.

Предложный падеж в русском языке, о чем свидетельствует самый термин «предложный», употребляется только с предлогами: о (обо, об), в (во), при, на, по.

При глаголах предложный падеж выражает прежде всего: а) объект речи, мысли, чувства, состояния (заботиться об урожае «ургасын тухай оролдохо»); б) место и время действия (жить на селе «хүдөөдэ ажаһууха», уехать в сентябре «сентябрь соо ошохо»); в) орудие и средство действия (пахать на тракторе «трактораар хахалха», играть на хуре «хуур дээрэ (хуураар) наадаха»; г) образ, способ и условие действия (передать на словах «аман угөөрөө захиха», сидеть в темноте «харанхыда һууха») и т. п.

Присубстантивное употребление предложного падежа обычно служит для обозначения признака предмета по отношению к другому предмету, что хорошо выявляется при передаче на бурятский язык, например: жизнь на ферме «фермэ дээрэхи байдал», интернат при школе «һургуулиин дэргэдэхи интернат», стол на трех ножках «гурбан хүлтэй стол» и т. п.

Особенности склонения имен существительных в бурятском языке.

Двойные падежи.

В бурятском языке родительный, дательный и совместный падежи могут принимать окончания других падежей.

1. Так, если к форме родительного падежа имен существительных, обозначающих людей, присоединить окончание дательного-местного падежа - да (-дэ, -до), то это будет обозначать в доме, в квартире у кого-нибудь, например: Дугарайда - у Дугара (на квартире), манайда - у нас (в доме), ахында - у брата (в доме) и т. п.[2]

2. Присоединением к форме совместного падежа аффикса творитель-

ного падежа *-aar*, можно получить значение, соотносительное русскому творительному падежу с предлогом, например: *һонирхолтой +goor* «с интересом, увлекательно», *зохидтой+goor* «с удобством, с соблюдением такта», *бодолготой+ goor* «с умом, со знанием (дела); *оролдосотой + goor* «со старанием» и т. п.

3. Присоединением к форме совместного падежа аффикса винительного+личное притяжанье можно получить значение, соотносительное русскому творительному падежу в сочетании с составным предлогом - вместе с, например: *малтайень* «вместе со стадом» (утнали): *ашаатай-ень* «вместе с грузом»; *нухэртэйнь* вместе с другом».

4. Присоединив к форме совместного падежа аффикс дательного-местного падежа, можно получить значение, во время или при условии которого совершается действие, например: *бороотой+до* «при дожде, и дождь»; *сулөөтэй+дэ* «в свободное время»; *үбһэтэй + дэ* «при сене» (т. е. пока есть возможность кормить сеном).

Падежные значения в сопоставляемых языках выражаются различными средствами. В отличие от русского языка в бурятском существуют двойные падежи, при котором имена существительные могут выражать значения двух падежей.

Библиографический список:

1. Амоголонов Д.Д. Современный бурятский язык. Улан-Удэ, 1958.
2. Доржиев Д.Д. Мунөөнэй буряад хэлэнэй морфетикэ (Современный бур. яз. Морфемика). – Улан-Удэ, 2002.
3. Карпов А.К. Морфология современного русского языка. – Нижневартовск, 2019.
4. Колесникова С.М. Современный русский язык. Морфология: учебное пособие для вузов / С.М. Колесникова. – М.: Издательство Юрайт, 2024. 297 с. – ISBN 978-5-534-00535-6. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт // URL: <https://urait.ru/bcode/536424> (Дата обращения: 04.05.2024).
5. Морфология современного русского языка. – Санкт-Петербург, 2009.
6. Никольская Т.Е., Ткаченко О.Ю., Шиткова М.М. Морфология современного русского языка. Основы теории, упражнения, задания. – М.: Мир науки, 2023.
7. Русская грамматика, – М.: 1980.
8. Цыдыпов Ц.Ц. Аналитические конструкции в бурятском языке, – Улан-Удэ, 1972.

Reference

1. Amogolonov D.D. Modern Buryat language. Ulan-Ude, 1958.
2. Dorzhiev D.D. Munөөney Buryaad Heleney Morfetikе (Modern Bur. language. Morphemics). – Ulan-Ude, 2002.
3. Karpov A.K. Morphology of the modern Russian language. – Nizhnevartovsk, 2019.
4. Kolesnikova S.M. Modern Russian language. Morphology: textbook for universities / S.M. Kolesnikova. – M.: Yurayt Publishing House, 2024. 297 p. – ISBN 978-5-534-00535-6. – Text: electronic // Educational platform Urayt // URL: <https://urait.ru/bcode/536424> (05.04.2024).
5. Morphology of the modern Russian language. – St. Petersburg, 2009.
6. Nikolskaya T.E., Tkachenko O.Yu., Shitkova M.M. Morphology of the modern Russian language. Basic theory, exercises, assignments. – M.: World of Science, 2023.
7. Russian grammar, – M.: 1980.
8. Tsydyпов Ts.Ts. Analytical constructions in the Buryat language, – Ulan-Ude, 1972.

Мирзоева Ф.Р.

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка Дипломатической Академии МИД России, Москва.

**Особенности функционирования эвфемизмов
в маркетинге***

Аннотация. В мире маркетинга эвфемизмы широко используются за способность завуалировать и раскрасить действительность, с целью создания положительного образа товара или услуг. В статье исследуются особенности использования эвфемизмов в маркетинге. Выделяются функции эвфемизмов и Предметом анализа является лексика, отобранная из различных сфер маркетинговой коммуникации, включая рекламные тексты. Материалом для исследования послужили эвфемизмы, отобранные из британских и американских источников.

Ключевые слова: эвфемизм, маскировка значения, манипулирование, маркетинг, реклама.

Mirzoeva F.R.

PhD in Pedogogy, Associate Professor of the Department of English Language, Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs.

Peculiarities of euphemisms functioning in marketing

Abstract. In the world of marketing euphemisms are widely used for their ability to veil reality in order to create a positive image of goods or services. The article explores the peculiarities of using euphemisms in marketing. The functions of euphemisms and the subject of the analysis is the lexicon selected from various spheres of marketing communication, including advertising texts. The material for the study is selected from British and American sources.

Key words: euphemism, masking of meaning, manipulation, marketing, advertising.

Суть маркетинга, по одному из точных определений Марджори Клеймена (Marjorie Clayman), директора отдела по поддержке развития клиентов Clayman Advertisign, «заключается в создании образа бренда, убе-

---

* © Мирзоева Ф.Р., 2024.

ждении людей в превосходстве продукта/компании над конкурентами и сохранении отношений с клиентами» [14]. Соответственно, язык, который маркетологи используют для привлечения целевой аудитории насыщен почти всеми видами словесных троп - от простейших, таких, как сравнение и эпитет до сложных, включающих в себя метафору, метонимию, гиперболу, иронию, эвфемизм и другие.

Использование эвфемизмов является общепринятой языковой стратегией бизнеса. Более того, эвфемизмы-эффективный способ координации межличностных отношений в бизнес-коммуникации. Правильное использование эвфемизмов может ослабить напряжение и повысить шансы на успех в переговорах, помогает избежать конфликтов в коллективе,

Объектом исследования является использование эвфемизмов в качестве языкового средства для достижения целей в области маркетинга.

Предметом исследования являются преимущественные функции эвфемизмов, используемых в сфере маркетинга.

Теоретической основой данного исследования послужили труды С. Видлака, Дж. Лоуренса, Дж.С. Нимэн, К.Дж. Сильвер, И. Гальперина, Л. Крысина, В. Москвина, О. Реуновой, В. Телиа, Ю. Вильяма и других исследователей лингвистов, изучавших разные аспекты эвфемии.

Методы исследования использованные в данном небольшом исследовании это анализ и обобщение изученных источников информации.

Термин «эвфемизм» происходит от греческого «еу», что означает «хорошо», и «рhемe», что означает «речь» или «высказывание», и, таким образом, буквально означает «говорить хорошими словами». Обобщенно, во многих словарях трактуется как нейтральное по смыслу и эмоциональной нагрузке слово или описательное выражение обычно используемое в текстах и публичных высказываниях для замены других, считающимися неприличными или неуместными, слов и выражений [6].

Упоминание об эвфемизмах можно обнаружить в трудах греческих философов Демокрита, Цицерона, Платона. В частности, Демокрит считал, что употребление эвфемизмов в речи, это внутренняя потребность говорящего, которая зависит от образовательного уровня, внутренней культуры, норм и правил поведения, свойственных конкретному социуму Древние философы упоминают эвфемизм в связи с искусством оратора заменить правду правдоподобием, приукрасить действительность «...либо во избежании непристойности, либо для возвеличивания предмета., либо для украшения» [1, с. 42].

Немецкий лингвист Г. Пауль, наряду с метафорой и метонимией, выделил эвфемизмы, положив начало теоретическому изучению эвфемистической субституции. В качестве основной причины эвфемистических замен он называл «чувство стыда», которое заставляет говорящего избегать точ-

ных обозначений и пользоваться «косвенными обозначениями» [8].

Проблемы эвфемистической субституции приобрели наибольшую популярность в среде ученых лингвистов в 60-80-х годах 19 века. Именно в этот период появились труды С. Видлака, Дж. Лоуренса, Ч. Кейни, Дж.С. Нимэн, К.Дж. Сильвер и других. Теоретическими основами эвфемии в разное время занимались известные отечественные лингвисты Б.А. Ларин, Л.А. Булаховский, А.А. Реформатский, А.М. Кацев, Л.П. Крысин, В.П. Москвин и др.

Современные исследователи выделяют в определениях эвфемизмов разные, с их точки зрения, ключевые особенности этого тропа. Так, Москвин В.П. трактует эвфемизмы, как «словесные зашифровки, используемые с целью смягчить, завуалировать, изящно «упаковать» предмет сообщения, оставив все-таки возможность любому носителю языка догадаться, о чем идет речь» [7]. В словаре эвфемизмов русского языка Е.П. Сеничкиной, эвфемизм рассматривается как нейтральное по смыслу и эмоциональной «оценке» слово или выражение, которое обычно используют в текстах и фразах для замены тех выражений и слов, которые считаются оскорбительными, или неуместными. По определению Е.П. Сеничкиной, «в качестве эвфемизмов способны выступать научные термины, иноязычная лексика, книжная лексика, а также слова «детского языка». [10, с. 9-10].

Н.С. Арапова определяет эвфемизмы как «смягчающее выражение того, что представляется говорящему нетактичным, неприличным, грубым по отношению к слушающему» [2]. Реформатский выделяет эвфемизмы как «заменные, разрешённые слова, которые употребляются вместо запрещённых (табуированных)» [9, с. 105].

В словаре Webster's Third New International Dictionary эвфемизм определяется как «the substitution of an agreeable or inoffensive expression for one that may offend or suggest something unpleasant» (замена приятным или безобидным выражением выражения, которое может оскорбить или намекнуть на что-то неприятное) [11].

Предпосылкой для эвфемистических замен на ранних этапах развития общества явились различного рода табу: боязнь вызвать гнев духов и богов, религиозный запрет на употребление сакральных слов, страх перед болезнями, употреблением определенных названий частей тела и т.п. [5].

С развитием общества появлялись новые табу и запреты, спровоцированные социальными, религиозными и психологическими запретами. Таким образом, явление эвфемистической замены затрагивает различные сферы жизни человека: связанные с физиологией, смертью, страхами, религией, сексуальными отношениями, связанные с взаимоотношениями человека в обществе, его статусом и, по своей сути, может быть отнесено к социальным. В последние десятилетия значимым стимулом увеличения количества эвфемизмов послужила идеология политкорректности, что

подтверждает идею социальности происхождения эвфемизмов и эвфемии, в целом. Эвфемизмы, связанные с так называемой расовой, культурной, возрастной, религиозной, сексуальной « дискриминацией », недостатков внешности в геометрической прогрессии пополняют словари разных языков. Буквально несколько примеров:

short – vertically challenged;
blind-sight impaired;
anti-abortion - pro-life;
illegal immigrants-undocumented.

При классификации эвфемизмов по понятийным сферам, среди множества выделенных, таких как у В.П. Москвина, Л.П. Крысина, Е.П. Сеничкиной и других, представляется наиболее всеобъемлющей классификация М. Кацева, выделяющая наименования тем:

- наименования сверхъестественных сил;
- наименования понятий смерти и болезней;
- наименования, относящиеся к сфере пороков;
- наименования, относящиеся к половой сфере;
- наименования, обозначающие понятия бедности;
- наименования, обозначающие некоторые профессии;
- наименования умственных и физических недостатков;
- наименования, относящиеся к сфере физиологии;
- наименования предметов одежды [3].

Что касается целей эвфемистических замен, Л.П. Крысин отмечает, что «...эвфемизация преследует следующие цели:

- стремление избежать конфликтов, непонимания со стороны адресата, «конфузности» ситуации;
- с помощью эвфемизмов можно «вуалировать существо дела», тем самым маскируется основной посыл за более благоприятной формой изложения или наоборот» [4].

Способность эвфемизмов завлечь покупателя, замаскировать негативные стороны товара, вуалировать те или иные проблемы качества использовалась древними торговцами, а ныне –маркетологами, всегда.

Представляется, что с целью завышения значимости, приобретаемого покупателем товара или услуги, а также оказания положительного психологического воздействия на партнеров, сотрудников и потребителей, маркетологи используют следующие функции эвфемизмов:

- манипулирования при помощи языковых средств.

Например, маркетологи стараются не использовать выражение - cheap price (дешевая цена), заменив его на выражение с более статусной коннотацией - at affordable price (по доступной цене). В немецком постепенно слово «billig» (дешевый) вытесняется эвфемизмами «preiswert» (стоящий

своей цены), günstig (благоприятный), erschwinglich (доступный); - смягчения неприятного факта действительности ("soft language"). Говорящий с помощью смягчения значения нейтрализует отрицательные компоненты значения и тем самым способствует успешной коммуникации. В 2018 году компания McDonald's вынуждена была провести сокращения. Глава сети ресторанов быстрого питания Крис Кемпчинский (Chris Kempczinski) обратился к помощи эвфемизмов: «Я понимаю, что изменения даются нелегко. Упразднение некоторых уровней в компании означает, что часть сотрудников в итоге выйдет из нашей системы» ('Some employees will ultimately exit our system') [13];

- стремление не создавать ощущения коммуникативного дискомфорта у собеседника, тем самым избежать конфликтов

Afro-American вместо black;

Indians- native American;

low-income people вместо poor;

building up of labour reserves⁴- unemployment;

- стремление маскировки.

Amazon, заменяет слово «реклама» на ненавязчивое «специальное предложение», то есть заимствует семантику супермаркета, где желание, навязать покупателю товар от которого хотят избавиться при помощи эвфемизмов заворачивают в обертку «special offer»;

- желание выглядеть политкорректным.

Например, в Сингапуре большинство жителей буддисты, мусульмане и даосы, и лишь немногие - христиане и католики. При создании рекламной компании Dove с надписью «Merry Christmas» можно было обидеть чувства многих, поэтому компания заменила на «Happy Holidays» или «Season`s Greetings», что выглядело политкорректным и более уместным.

Или, например, желая выглядеть «более озабоченными» эко средой клиентов, компании замещают слова advert на «organic stories» (Facebook) или «organic tweets» (Twitter).

Таким образом, исходя из речевых стратегий в направлении смягчения, негативные референты подвергаются осознанной корректировке, которая, изначально, имеет целью маскировку отрицательного характера.

Однако, если с одной стороны, использование эвфемизмов – это общепринятая языковая стратегия в маркетинге, которая позволяет успешно осваивать новые рынки, и продвигать продукцию, то, к сожалению, с другой стороны, в мире маркетинга и рекламы эвфемизмы широко используются для придания маркетинговым заявлениям необоснованную значимость, а зачастую, и для откровенной фальсификации.

Так, стараясь изменить или «освежить» восприятие товара маркетологи ищут речевые приемы для придания привлекательной оболочки. Испол-

зование слов с затемненной семантической структурой позволяет замаскировать некачественный товар.

Например, «genuine imitation leather» заменила «artificial leather», а по сути это «натуральная искусственная кожа», которая представляет собой низкосортный винил. Вследствие подобных манипуляций на рынке появляются:

- 'Adult beverages' вместо 'Beer' or 'liquor' (доминирует обобщенное позитивное представление о принадлежности к взрослой, серьезной категории потребителей)

- 'Running shoes' вместо 'Sneakers'

- 'Unmentionables' вместо 'Underwear'

- 'Character lines' вместо 'Wrinkles'

- 'Pre-owned vehicles' вместо 'Used cars'

Язык маркетинга полон эвфемизмов, обещающих самые чудесные результаты: *freshness protection, security, whiter whites, sex appeal, adventure, nature is calling, excitement, a whole new you, have it your way, the real thing*. Объединяет все эти лексические единицы сочетание положительной эмоционально-оценочной квалификации с широкой денотативной отнесенностью. Но, ни новая стиральная машина, ни iPhone не могут действительно изменить жизнь покупателя. Однако, при умелом лингвистическом использовании, эвфемизмы, под видом лозунгов или крылатых фраз, на короткое время заставляют потребителя думать, что могут.

По мере утраты эвфемизмом его позитивной коннотации или потери яркости, он заменяется следующим. Для этого существует специальный термин - «euphemism treadmill»- «беговая дорожка эвфемизмов». Например, по мере неактуальности одно определение сменяет другое - fat – horizontally challenged - differently weighted - horizontally gifted - gravitationally challenged. Маркетинговая индустрия переполнена набором эвфемизмов собственного изобретения. Компании продолжают изобретать новые, пытаясь придать инновационность предложениям, чтобы отличаться от конкурентов. Так, Google, избегая употребления приевшегося термина «advert» заменило его «sponsored posts» в блогосфере, а Facebook заменило на «suggested post». На самом деле, это реклама, вставленная прямо в ленту, но сеть намеренно оставляет неопределенным то, кто на самом деле «предложил» ее. Очевидно, что Facebook надеется, что, по крайней мере подсознательно, пользователи свяжут это «предложение» с рассылкой друзей, а не с рекламными ботами.

Майк Фромовиц, долгое время работавший в рекламе, в статье под названием «Euphemia» «The art of not saying what you mean» иронизирует: «Thanks to the marketing industry... Politicians don't commit crimes, they make mistakes.... Married people don't cheat, they commit adultery. A product

like Pepto-Bismol, which used to market itself as a general cure-all for “nausea, indigestion, and diarrhea”, now markets these afflictions as “stomach trouble” (Благодаря маркетингу политики не совершают преступлений, они совершают ошибки... Женатые люди не изменяют, они совершают адюльтер... Pepto-Bismol позиционировавший ранее себя на рынке как средство от «тошноты, несварения и диареи», теперь представляет эти недуги как «проблемы с желудком» [12].

Таким образом, в результате проведенного анализа использования эвфемизмов в сфере маркетинга, становится очевидным, что использование речевых стратегий и тактик - базовая политика любого маркетинга, которая позволяет влиять на поведение потребителей.

Маркетинговая лингвистика это наука, которая рассматривает не только тексты рекламы, но и коммуникацию между брендом и клиентом в целом. Чтобы апеллировать к желаниям, потребностям и эмоциям потребителей, эффективный маркетинговый язык использует позитивные ассоциации, конкретные сообщения и яркие визуальные эффекты - все выразительные средства языка. Эвфемизмы занимают одно из ведущих мест в палитре языковых средств, позволяющих маркетологам достигать своих целей, а именно – умения удовлетворять нужды и потребности потребителей товаров и услуг, получая в результате прибыль.

Библиографический список / Reference

1. Античные теории языка и стиля (ред. Фрейденберг О.М., 1936) ... Под редакцией: Фрейденберг О.М. – М.: Л.: ОГИЗ, Соцэкгиз, 1936. 344 с.
2. Арапова Н.С. Эвфемизмы // Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. – М.: 1997. 636 с.
3. Кацев А.М. Языковое табу и эвфемия : учеб. пособие к спецкурсу / А.М. Кацев. – Л.: ЛГПИ, 1988. 79 с.
4. Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – М.: 2000. С. 384-408.
5. Кудряшова А.П. Процессы образования и функционирования эвфемизмов в семантических полях «смерть», «болезнь», «возраст». Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Саратов/ 2002. 236 с.
6. Никололупина А.Н. // Литературная энциклопедия терминов и понятий // Интелвак, 2001.
7. Москвин В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. Изд. 2-е. – М.: ЛЕНАНД, 2007. 26 с.
8. Пауль Г. Принципы истории языка: Пер. с нем. / Г. Пауль; Под ред. А.А. Холодовича; Вступ. статья С.Д. Кацнельсона. – Москва: Иностран. лит., 1960.
9. Реформатский А.А. Введение в языковедение. – М.: Аспект Пресс, 1999. 536 с.
10. Сеничкина Е.П. – Москва: Флинта. Наука, 2004. 464 с. – ISBN 978-5-9765-0219-2.
11. Webster’s Third New International Dictionary. // URL: <https://www.merriam-webster.com/>
12. <https://www.campaignasia.com/article/euphemania-the-art-of-not-saying-what-you-mean/430005>
13. The Wall Street Journal. McDonald’s Plans Corporate Job Cuts, ‘Eliminating Layers’ McDonald’s USA President in memo: ‘Some employees will ultimately exit our system’ By Julie Jargon Follow Updated June 7, 2018 8:56 pm ET.
14. <https://lpgenerator.ru/blog/2014/09/03/chtotakoe-marketing-72-opredeleniya/?ysclid=lv0x8rg66566537505>

Поспелова Н.В.

Доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, кандидат филологических наук. Елабужский институт (филиал) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Елабуга.

Башарова Р.Ф.

Студент. Елабужский институт (филиал) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Елабуга.

Лингвокультурологическое чтение текста художественного произведения «How to be good» Ника Хорнби

Аннотация. Данная статья описывает значимость лингвокультурологического чтения на уроках иностранного языка. Через анализ художественных текстов на иностранном языке учащиеся развивают критическое мышление, погружаются в культурный контекст и повышают уровень владения языком. Изучение англоязычной литературы способствует формированию понимания иноязычной культуры, расширению своего кругозора.

Ключевые слова: чтение, англоязычное произведение, текст, лингвокультурологическое чтение, иностранный язык, упражнения.

Pospelova N. V.

Associate Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication, Candidate of Philological Sciences. Yelabuga Institute (branch) of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Kazan (Volga Region) Federal University", Yelabuga.

Basharova R. F.

Student. Yelabuga Institute (branch) of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Kazan (Volga Region) Federal University", Yelabuga.

Linguistic and cultural reading of the text of the work of art “How to be good” by Nick Hornby

Abstract. This article describes the importance of linguistic and cultural reading in foreign language lessons. Through the analysis of literary texts in a foreign language, students develop critical thinking, immerse themselves in the cultural context and improve their language proficiency. The study of English-language literature contributes to the formation of an understanding of foreign language culture, expanding one's horizons.

Key words: reading, English-language work, text, linguistic and cultural reading, foreign language, exercises.

Изучение культуры народа, так же как и другие аспекты изучения иностранного языка, тесно взаимосвязано с методикой преподавания иностранного языка и является неотъемлемой его частью. В текстах сказок отражается менталитет народа, его быт, исторические реалии, обычаи и традиции, духовные, религиозные и этические ценности. В большей степени это отражается в постоянных эпитетах, сказочных «формулах», фразеологизмах и устойчивых сочетаниях, бытующих в русских сказках [9, с. 1795].

В основу развития лингвокультурологического подхода легла идея о правильном представлении языка и его носителей. Важным моментом в данном случае является умение адекватно транслировать культурную информацию с одного языка на другой. Последняя четверть XX в. считается началом возникновения лингвокультурологии. Появление данного подхода предполагает преподавание иностранных языков не просто путем освоения знаний, умений, навыков, но и освоения языка как проводника в новую культуру [11, с. 4]. Это помогает не только лучше понимать язык, но и взаимодействовать с носителями языка, так как изучая язык с учетом культурных аспектов, учащиеся развивают свою межкультурную компетенцию, что помогает им успешно общаться и вести деловые отношения с представителями других культур.

При изучении иностранного языка художественный текст представляет собой совершенно уникальный материал, работа с которым помогает сформировать необходимые коммуникативные и языковые навыки и умения [8, с. 384]. Лингвокультурологическое чтение на уроках иностранного языка – это приобщение к языковому сознанию народа, то есть носителя языка. Все это содействует воспитанию учеников в контексте «диалога культуры», знакомит с общечеловеческими ценностями, повышает

их познавательную мотивацию и формирует их способность к общению на иностранном языке.

А.Н. Шукин уточняет, что лингвострановедение первоначально трактовалось как область методики, связанная с исследованием путей и способов ознакомления иностранных учащихся с действительностью страны изучаемого языка в процессе овладения иностранным языком и через посредство этого языка [4, с. 21].

Особенностью чтения на неродном языке является то, что зачастую субъект малознаком с языковыми реалиями другого народа, со специфическими чертами менталитета; следовательно, главными целями чтения в данном случае становятся как осмысление прочитанного материала, так и преобразование системы аксиологических представлений читающего, который должен постепенно научиться вести мыслительную деятельность на изучаемом иностранном языке, в результате чего повышается результативность восприятия и усвоения информации в ходе процесса чтения иностранной литературы [10, с. 215]. Понимание культурных особенностей помогает студентам лучше интерпретировать высказывания на иностранном языке, учитывая контекст и нюансы.

Обучая учащихся лингвокультуроведческому чтению на опыте анализа художественного текста на иностранном языке, они не только развивают критическое мышление, улучшают навыки анализа и интерпретации информации, но и начинают проявлять большой интерес к культуре англоязычных стран и повышают уровень владения иностранным языком. Учащиеся начинают понимать не только языковые особенности текстов, но и их культурный контекст, что способствует более глубокому восприятию англоязычной литературы. Кроме того, изучение художественных текстов на иностранном языке может стимулировать учащихся к изучению других аспектов культуры страны, таких как искусство, музыка, история и обычаи.

Целью данной статьи является изучение обучения лингвокультурологическому чтению учащихся на основе англоязычного текста «Как быть хорошим» Ника Хорнби.

Материалом исследования является англоязычный роман “How To Be Good” Ника Хорнби, написанный в 2001 году.

Методы исследования: анализ, текстовый поиск, метод сплошной выборки, метод лингвострановедческого «изъяснения».

В настоящее время текст, особенно художественный, занимает видное место в научных исследованиях, поскольку становится очевидной его социальная роль. В тексте воплощается культура народа, получают реализацию знания, накопленные многими предшествующими поколениями людей [2, С. 2]. В методике преподавания иностранного языка большое значение имеет чтение, которое как рецептивный вид речевой деятельнос-

ти имеет своей целью извлекать информацию из письменного текста. По мнению многих ученых, на сегодняшний день «всего насчитываются около 50 видов и подвидов чтения, различающихся по результату деятельности (характеру понимания), и соответственно, по процессам ее протекания» [3, с. 268]. Основными его видами являются учебное чтение, информативное чтение, чтение вслух, чтение про себя, домашнее чтение и индивидуальное чтение.

Рассмотрим лингвокультурологические особенности одного из видов информативного чтения – изучающее чтение. По мнению Э.Г. Азимова и А.Н. Шукина, этот вид требует «тщательного прочтения текста и его анализа с установкой на полное понимание и сохранение в долговременной памяти» [5, с. 76], т.е. анализ, включающих всех лингвистических средств иноязычного текста, что впоследствии способствует проявлению интереса к жизни в зарубежных странах изучаемого языка, их культуре и традициям. Такой процесс обучения также является мощным мотивационным фактором в изучении иностранного языка. Без определенной мотивации учащиеся не проявляют интерес к культуре и жизни в англоязычной стране. Поэтому очень важно уметь замотивировать учащихся, использовать тексты на иностранном языке, на базе которых можно организовать целенаправленное обучение чтению с установкой на знакомство со страной изучаемого языка. Так, учащиеся начинают с любопытством относиться к истории, искусству, обычаям и традициям, взглядам на жизнь, убеждениям и формам проведения досуга другой страны.

Наличие лингвокультуроведческого и лингвострановедческого содержания в отобранных текстах для учебника по чтению мотивирует учащихся и помогает внимательно и вдумчиво их читать. Языки – это не просто слова, служащие символами, а разные способы смотреть на мир. Они используются для формирования мировоззрения и выражения характеристик наций. На основании сказанного следует еще раз подчеркнуть тот факт, что нужно освоить не только сам язык, но и «образ мира» говорящих на нем, так как представители иной культуры не должны быть для нас психологически «чужими». Другим бесспорным вопросом считается «семантика в языке». В традиции изучения семантику можно разделить на три основные ветви и выделить три ее типа: философская семантика, логическая семантика и лингвистическая семантика. В данной статье рассматривается лингвистическая семантика [6, с. 58].

Лингвокультурологическая семантизация или комментарий лингвокультурологических объектов, имеющих в тексте, позволяет учащимся глубже проникнуть в содержание читаемого, обогащает их сведениями страноведческого и лингвокультуроведческого характера. Приведем пример из англоязычной литературы, где можно увидеть лингвокультурологиче-

скую особенность англичан в отрывке из романа Н. Хорнби «Как быть хорошим»: «There is, I am pleased to note, less vinegar in my voice. I'm learning. I'm still not a very good white wine, but I'm drinkable – you could put me in a punch, anyway» [7, с. 22].

Здесь мы обратим внимание на стиль автора, одним из основных требований изучающего чтения в процесс анализа иноязычного текста, т.е. какими языковыми средствами он воспользовался. Образное средство «to be a good white wine» дословно переводится как «быть хорошим белым вином», но здесь нельзя использовать дословный перевод, поскольку, это средство имеет образное значение «быть хорошим» (о человеке). Именно здесь лексическое значение становится значимым и важным при обучении иностранным языкам, и появляется термин «фоновое значение». В итоге образное средство оригинала «вино» теряется в передаче на другие языки. Следовательно, изучающее чтение учит чтеца воспринимать стиль автора, т.е. значение отдельных слов или словосочетаний и выражать их средствами родного языка. В этом и проявляется трудность в языковом отношении изучающего чтения. Лингвокультуроведческое «изъяснение» способствует снятию многих трудностей, с которыми сталкивается учащийся, повышению его познавательной мотивации, формированию способности учащихся к общению на иностранном языке.

Таким образом, проанализировав текст из романа английского писателя Н. Хорнби “How to Be Good” мы произвели семантизацию культурно-значимой единицы, данной в тексте. Анализ текстов может иметь смысловые, семантические, эстетические, лексические, грамматические и стилистические информации, что способствует постепенному созданию в сознании школьников относительно целостной картины той действительности, с которой они соприкасаются впервые, внедрить в жизненную практику учащихся новый предмет деятельности – несколько другую, инородную культуру [1, с. 89].

Библиографический список:

1. Ариян М.А. Лингвострановедение в преподавании иностранных языков в старших классах средней школы: учебное пособие / М.А. Ариян. – Москва: Академия, 2000. 145 с.
2. Ананьина М.А. Художественный текст как средство выражения лингвокультурной идентичности (на материале романа Ника Хорнби «Долгое падение») // Текст научной статьи по специальности «Языкознание и литературоведение». Russian Linguistic Bulletin, 2022. № 8 (36). С. 1-4.
3. Гез Н.И., Ляховицкий М.В., Миролубов А.А., Фоломкина С.К., Шатилов С.Ф. Методика обучения иностранному языку в средней школе. – М.: Высшая школа, 1982. 373 с.
4. Азимов А.Г. Методика организации дистанционного обучения русскому языку как иностранному. – Москва: Русский язык. Курсы, 2005. 148 с.
5. Азимов Э.Г., Шукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий. – М.: Издательство ИКАР, 2009. 448 с.
6. Седиге Х., Мирейла А., Мохаммад Р.З. Роль лингвострановедческого аспекта при составлении содержания учебника по чтению // Мир науки, культуры, образования, 2022. № 5 (96). С. 56-59.
7. Nick Hornby. How to be Good. – New York: Penguin, 2021. 265 с.

8. Степанова С.Ю. Художественный текст как источник лингвокультурологической информации в межкультурной коммуникации // Преподаватель XXI века, 2021. № 3. С. 383-388.
9. Авдеев А.Е., Дмитриева Н.М. Использование лингвокультурологического комментария этических концептов на уроках РКИ при обучении чтению на материале русских сказок // Оренбургский государственный университет: Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры: материалы Всероссийской научно-методической конференции (с международным участием), 2020. С. 1795-1800.
10. Колпакова Е.В. Чтение художественного текста с точки зрения культурологии // Актуальные проблемы филологии, 2020. 2014-219.
11. Рыбак М.В. Развитие культуроведческих подходов к преподаванию иностранных языков в отечественном образовании в 80-е гг. XX – начале XXI в. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета, 2022. С. 1-8.

Reference

1. Ariyan M.A. Linguistic and regional studies in teaching foreign languages in high school: textbook / M.A. Ariyan. – Moscow: Academy, 2000. 145 p.
2. Ananyina M.A. Literary text as a means of expressing linguistic and cultural identity (based on Nick Hornby's novel "The Long Fall") // Text of a scientific article in the specialty "Linguistics and Literary Studies". Russian Linguistic Bulletin, 2022. № 8 (36). P. 1-4.
3. Gez N.I., Lyakhovitsky M.V., Mirolyubov A.A., Folomkina S.K., Shatilov S.F. Methods of teaching foreign languages in secondary school. – M.: Higher School, 1982. 373 p.
4. Azimov A.G. Methodology for organizing distance learning of Russian as a foreign language. – Moscow: Russian language. Courses, 2005. 148 p.
5. Azimov E.G., Shchukin A.N. New dictionary of methodological terms and concepts. – M.: IKAR Publishing House, 2009. 448 p.
6. Sedige H., Mireila A., Mohammad R.Z. The role of the linguistic and cultural aspect in compiling the content of a reading textbook // World of Science, Culture, Education, 2022. № 5 (96). P. 56-59.
7. Nick Hornby. How to be Good. – New York: Penguin, 2021. 265 pp.
8. Stepanova S.Yu. Literary text as a source of linguistic and cultural information in intercultural communication // Teacher of the XXI century, 2021. № 3. P. 383-388.
9. Avdeev A.E., Dmitrieva N.M. The use of linguocultural commentary of ethical concepts in RFL lessons when teaching reading based on Russian fairy tales // Orenburg State University: University complex as a regional center of education, science and culture: materials of the All-Russian scientific and methodological conference (with international participation), 2020. P. 1795-1800.
10. Kolpakova E.V. Reading a literary text from the point of view of cultural studies // Current problems of philology, 2020. 2014-219.
11. Rybak M.V. Development of cultural approaches to teaching foreign languages in domestic education in the 80s. XX - early XXI centuries. // Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University, 2022. P. 1-8.

Россинская Е.А.

Кандидат филологических наук. Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Московский педагогический государственный университет.

Камех Хош Неда

Кандидат филологических наук. Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Васильева Ю.А.

Кандидат педагогических наук. Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Особенности русского варианта английского языка в области употребления прилагательных и глаголов*

Аннотация. Цель исследования – привести основания для разграничения варианта иностранного языка, используемого для общения с носителями языка и трансляции общих культурных ценностей, и языка, предназначенного для общения с носителем иной культуры. В статье поднимается вопрос об интерференции родного и иностранного языка, что порождает особый вариант иностранного языка. Особое внимание уделяется различиям английского и русского языков в области периферийных прилагательных и глаголов, что и составляет отличительные признаки русского варианта английского языка. **Научная новизна работы** заключается в том, что в ней впервые на основании категориального и когнитивного подходов выделена специфика русского варианта английского языка в области прилагательных и глаголов. **В результате исследования** выявлено, что родной язык во многом определяет способ выражения понятий на иностранном языке, что обусловлено, по мнению авторов статьи, различными языковыми тенденциями в области глаголов и прилагательных, а именно, предпочтением английского языка к именному способу выражения, а русского – к глагольному. Данное заключение позволяет говорить о том, что изучающие английский язык в силу собственной языковой картины мира модифицируют язык, что позволяет говорить о нескольких вариантах английского языка.

Ключевые слова: русский вариант английского языка, ядерные и периферийные языковые единицы, языковая картина мира.

Rossinskaya E.A.

Candidate of Philology. Peoples' Friendship University of Russia. Moscow Pedagogical State University.

Kameh Khosh Neda

Candidate of Philology. Peoples' Friendship University of Russia Named after Patrice Lumumba.

Vasilyeva Y.A.

Candidate of Pedagogy. Peoples' Friendship University of Russia Named after Patrice Lumumba.

Features of the Russian variety of the English language in the use of adjectives and verbs

Abstract. The purpose of the study is to provide grounds for distinguishing between a variety of a foreign language used to communicate with native speakers and broadcast common cultural values and a language intended for communication with speakers of a different culture. **The article raises** the issue of interference between native and foreign languages, which gives rise to a special variety of a foreign language. Particular attention is paid to the differences between the English and Russian languages in the field of peripheral adjectives and verbs, which constitute the distinctive features of the Russian version of the English language. **The scientific novelty of the work** lies in the fact that the article for the first time, on the basis of categorical and cognitive approaches, highlights the specifics of the Russian variety of the English language in the field of adjectives and verbs. **As a result of the study**, it was revealed that the native language largely determines the way of expressing concepts in a foreign language, which is due, according to the authors of the article, to various linguistic trends in the field of verbs and adjectives, namely, the preference of English for the nominal method of expression, and Russian for verbal. This conclusion allows us to say that students of English, due to their own linguistic picture of the world, modify the language, which lets us distinguish several varieties of the English language.

Key words: Russian variety of English, central and peripheral language units, linguistic picture of the world.

Introduction

The development of society at the present stage is driven by a complex of completely different reasons. The global economic, environmental and resource crisis, the unstable political situation, terrorism, the development of computer technology and internet security are only a small part of the issues that require the unification of efforts of all countries. Therefore, the most topical question is

how to conduct such a dialogue, in particular, what language of communication to choose. To master the language for international communication is also necessary due to expanding opportunities for establishing cultural contacts.

Although the use of English as a *Lingua Franca*, significantly, helped to solve the problem of international communication, but as a result of its widespread use, the so-called loosening of the ecological balance of the language occurred that according to Melnikov [1], "it is a consequence of "linguophagy" ("devouring languages") and cultural-linguistic totalitarianism of the American version of the English language" [2, p. 107].

The problem of the impact of globalization on language can be considered in two ways. Firstly, this is undoubtedly the promotion of the English lifestyle, cultural and educational values, and economic standards. Secondly, this is the development of the language itself in the new conditions, its changes and variability. All these factors determine **the relevance of this study**.

The aim of the research is manifested through solving the following **tasks**:

1) to consider the changes in the English language that result from its use as *Lingua Franca*;

2) to argue for the division of English into local varieties; all these factors determine the relevance of this study;

3) to distinguish between the core and the peripherals areas in the language and define their specificity;

4) to illustrate the discrepancies between English and Russian in the sphere of adjectives and verbs.

The choice of **research methods** is determined by the purpose and set of tasks. First of all, to select illustrative material, the method of corpus analysis was used, on the basis of which a selection of examples was carried out. To analyze the categorical picture of the world and identify central and peripheral areas and their specificity, a descriptive-analytical method was used. The work also employs inductive and comparative methods to identify similarities and differences in the expression of a feature using adjectives and verbs in Russian and English. Contextual analysis is also used as a method: when considering the semantic and functional features of adjectives and verbs, the context of their use is taken into account. In addition, the authors employ a quantitative method for calculations, in connection with which the obtained linguistic data are subject to cognitive interpretation.

The following authentic works of English writers and their translation were used as the **sources of illustrative material**:

1. Андерсон Ш. (1989) Книга о нелепых людях. Пер. В. Гольшева. - М., 1989.
2. Фаулз Дж. Башня из черного дерева. Пер. И. Бессмертной / Дж. Фаулз. - М., 1998.
3. Фицджеральд Ф.С. (1989) Опять Вавилон. Пер. Н. Кан. Москва.
4. Anderson Sh. (1989). The Book of Grotesque. In: *American Short Stories*.

The 20th Century. Moscow, 1989.

5. Fitzgerald F.S. (1989). *Babylon Revisited*. In: *American Short Stories. The 20th Century*. Moscow.

6. Fowles J. (1980). *The Ebony Tower*. Moscow.

7. USA Today. <https://www.usatoday.com>. Date of address: March 18, 2024

8. Vogue. <https://www.vogue.com/fashion>. Date of address: March 10, 2024

The theoretical background is presented by the works of M. Berns [3], B. Kachru [4], Proshina Z.G. [5], [6], [7], [8], [9] on the varieties of languages. To identify the central and peripheral pictures of the world, the paper analyzes the works of E.S. Kubryakova [10], [11], R. Marlina, R. Gir [12], B. Serebrennikov [13], R. Pavilenis [14], , A. Rivlina [15], Snodin and T. Young [16]. The analysis of the part of speech system was based on the works of V.G. Admoni [17], E.V. Gulyga, E.I. Shendels [18]; I.I. Meshchaninov [19], E. Paulini [20], A.A. Peshkovsky [21], A.E. Suprun [22] et al. The works of T.I. Danilenko [1975], V.G. Gak [24], E.A. Vorontsova [25], [26], A. Wierzbicka [27] contributed to the analysis of cross-cultural differences.

The practical value of the study refers to its applicability in various linguistic spheres, in particular, at the seminars in translation, theoretical grammar where considering the results obtained in the study, one can forecast the mistakes made in the peripheral areas of the adjectives and verbs. The results obtained in the study can be used in textbooks and study guides in these linguistic disciplines.

Results and Discussions. The language of communication, used by non-native speakers, undergoes a transformation towards simplification and “adaptation” to their native language to such a degree that only a small part of the total number of speakers uses the correct language (according to the standards observed by the speakers themselves). As Berns [3, p. 8] notes: “The unprecedented spread of the English language in the world leads to the fact that there are new types of it formed under the influence of other languages and cultures and reflecting elements of the non-Anglo-Saxon mentality, moral values, cultural and historical realities, traditions, and norms of behavior. It is noteworthy, Berns continues, that “if before when studying English as a foreign language the student set the goal of communicating verbally and in writing without an interpreter with a native English speaker, now communicative situations, where both interlocutors use English as a foreign language, are much more common” [ibid, p. 15].

In this regard, we should mention the concentric model of Kachru [28] where the author, based on historical background and the attitude to the language norm, distributes the countries where English is used between the internal and external circles, as well as the expansion zone. Inner and outer/external circles include countries, in which English is the primary or the second official language. While, countries of the expansion zone are those countries, in which English is used as a means of intercultural communication.

Based on this theory, it seems possible to distinguish between English as

a second language (ESL), a language that is used to communicate with native speakers and transmit common cultural values, and English as a lingua franca (ELF), used for communication with the representatives of the expansion zone countries. Therefore, such differentiation implies that for ESL the goal is to imitate the speech of the native speaker through sharing their cultural values, while for ELF, the goal is to establish communication, to adapt to the cultural values of a representative of another culture and what is more, to express yourself [29].

When using English as a means of international communication, we deal with the concept of a variety, which reflects the specifics of ideas about the nature, society and the world of a given language community [30]. Any language imposes a new perception of reality, the so called a picture of the world in the individual's consciousness. The question arises of how the pictures of the world of the mother tongue and the language being studied are related, how similar they are and where inconsistencies can be predicted.

The knowledge about the world accumulated by this language community forms the basis of the conceptual picture of the world, which is closely connected with the language.

While a number of research by Russian and foreign authors is devoted to the correlation of conceptual and linguistic pictures of the world [10], [11], [12], [13] in the present article, we share the viewpoints of B. Serebrennikov, A.A. Ufimtseva, E.S. Kubryakova and R.I. Pavilenis on the categorical structure of the picture of the world.

Due to the fact that human thinking operates according to general laws and people have identical biological and social needs, therefore, the initial model of the world is universal. Meanwhile, in variant knowledge, the laws, common to any language community, form the core of the picture of the world. However, each nation has specific perception peculiarities, due to the peculiarity of its geographical location, history, and cultural characteristics [15], [16]. These features of cognition constitute peripheral areas in the picture of the world.

We can predict that when using a foreign language, the features of any variety of the English language (Russian, Spanish, Finnish, etc.) will manifest itself in peripheral areas.

The system of our ideas about the world is reflected in the system of parts of speech, which is also built on a categorical or field basis [17], [18], [19], [20], [21], [22], [31] and many others. Within the parts of speech system, we can distinguish a core with an optimal concentration on the most important grammatical signs and a periphery, devoid of one or more signs [32, pp. 76-77].

Peripheral units can move away from the core and come closer to the words of other parts of speech. Consequently, there are words combining the characteristics of two classes of words at the same time. The way of verbalization of such peripheral formations depends on the norms and preferences of this particular

language. Consider the position on the example of a class of peripheral formations combining the properties of adjectives and verbs.

Due to the inconsistencies between Russian and English, we can predict a certain interference of their native language, which manifests itself in the fact that for English language, the nominative rather than the verbal way of verbalization is more preferable, while for the Russian language, verbal units are more characteristic [23, p. 28], [24, p. 827], [6], [8].

First and foremost, this is manifested in the expression of emotions. It is typical for the Russian language to use verbs: *радоваться*, *грустить*, *стесняться*, *бояться*, etc. This is where typical mistakes arise when Russian students try to find the verb equivalent and, in some cases, use the adjective without connective “to be”: *I late, I afraid etc.*

These errors can be explained by the fact that verbalization of emotions with the verbal form involves the effective expression of emotions, which is contrary to the norms of behavior of the British society. For a Russian person, an open manifestation of emotions, is a sign of the “breadth of the Russian soul”, and accordingly, it is verbalized through a verbal form [25], [27, p. 40].

The tendency to nominalization is manifested in the English language through the existence of so-called “verb satellites” or functional synonyms of verbs, most of which are adjectives in *-able* such as *be likable*, *be agreeable*, *be touchable*, etc.

The violation of parallelism between language systems in the field of adjectives with *-able* is also explained by the fact that English adjectives are characterized by an implicit expression of additional semantic connotations, namely the seme of quality, modality, and passivity. In Russian, all these semes, as a rule, have an explicit expression. The lack of a tendency in the Russian language to combine several semes in one language unit can be explained by the fact that the use of adjectives in *-able* is not so common in the Russian version of the English language, and passive or modal verb combinations are more characteristic for the Russian variety [26, p. 80].

1) *I only mention him because he became the nearest thing to what is understandable and lovable if all grotesques in the writer’s book (Sh. Anderson, 135). – О старом же плотнике... я упомянул потому только, что среди всех нелепых личностей в книге писателя его легче всего, наверное, можно было понять и простить (translation by T. Golusheva, 26).*

In addition to the modal and passive meanings in the semantics of some adjectives on *-able*, there are also estimation semes, which in Russian have an explicit expression.

2) *He says Ckhartshvili, which is Georgian, is unpronounceable to most Russians (USA Today, 2003). – Он говорит, что фамилия Чартшвили грузинского происхождения и для большинства русских является труднопроизносимой (the author’s translation).*

3) *Even damaged hair can touchable (Vogue, 1998). – Даже поврежденные*

волосы могут быть приятными на ощупь (the author's translation).

It is important to note that in these formations there is a shift in emphasis from the subject to the object of the action, which in English leads to the choice in favor of an adjective rather than a verb unit.

4) Gerald was likable (M. Mitchel, 53)- Джеральда все любили.

5) More of the same stuff that made Robert Altman's movie 'Ready to Wear' so very forgettable. (Harper's Bazaar, November 1996) – Всю ... что вскоре заставило забыть о фильме.

The next group of adjectives, which also do not receive worthy attention in the Russian version of the English language, are adjectives in *-ive* in the predicative position. These are also a kind of functional synonyms of verbs such as *to support - be supportive, to conduct - be conductive, to dismiss - be dismissive*. These formations are quite common in the English language, since, showing their verbal nature, they allow doing without dependent members.

6) This parent must not be dismissive, as that would leave the little Scorpion in a paranoid mess of supposed self-delusion (<http://astro.rin.ru>)- Родители должны уделять максимум внимания....

Such constructions are not typical for the Russian language, therefore, in most cases, a verb will be used to convey this meaning, which, in fact, is not a grammatical error, but violates the authentic construction of the text.

The features described above of the Russian variety of the English language are due to the so-called paradigmatic asymmetry which arises in the field of derivative names that combine in their semantic structure of the seme of the original and received parts of speech that in our case are the verb and the adjective.

Another type of asymmetry of language systems, syntagmatic asymmetry, occurs when only one character should be used in the syntagma, excluding the use of synonyms. This is often manifested when semi-free combinations are used.

7) *It was almost as if he were delighted to have another man to talk to* (J. Fowles, 19). – *Казалось, ему доставляет удовольствие принимать у себя в доме и иметь в качестве собеседника мужчину* (Translation of I., 27).

8) *He was never more than politely interested in any of the things that vitally interested anyone else* (M. Mitchel, 21). – *Он просто проявлял вежливый интерес к тому, чему другие отдавали души* (Translation of T. Ozyorskaya, 27).

As it can be viewed from the examples, the use of the combination of "show interest" and "show pleasure" in Russian can be explained by the selectivity of the words of "pleasure" and "interest", where we again encounter a preference for the verb way of expression in Russian.

The essence of the functional asymmetry between language systems is determined by the main trends in the development of the language. By virtue of the decisive tendency towards analyticism in the English language, even with the appropriate verb unit, preference is given to adjective forms, while the use of the

verb is preferable for the Russian language.

9) The mother and father were serious, watchful (F. Scott. Fitzgerald, 63). – Отец и мать чутко, внимательно наблюдали за ними (Translation of N. Kan, 34).

10) But her swift toilets in times of emergency were amazing (M. Mitchel, 26). – Но если возникала необходимость действовать быстро, ее молниеносная готовность поражала всех (Translation of T. Ozyorskaya, 34).

Having considered the main differences in the use of verbs and adjectives, typical for the Russian variety of the English language, we can state that these peculiarities arise on the regular basis which is determined by the specificity of the native language. So, the local variant of English along with some differences in grammatical structure, reveals some information about the mentality of people speaking English as their second language.

Conclusions. Analysis of trends in modern English from the standpoint of its use as ESL and ELF led us to the conclusion that the varieties of English, in our opinion, should be differentiated depending on the tasks. If we focus on using the language to communicate with representatives of countries of the first and second zones, then, we should focus on the authenticity of speech and bring it as much as possible to the standards of the host culture.

If we aim to use the language as a means of communication with representatives of non-English speaking countries, then the focus is shifted towards the demonstration of our own cultural values, which are expressed in the language. On this basis, this article presents a justifiable point of view on the allocation of the Russian variety of English [33] [34] [5], [6], [7], [8], [9] with its specific features caused by interference from the mother tongue.

The cognitive theory about the parts of speech allows distinguishing among their central and peripheral areas. Analysis of parallel examples from the works of authentic English texts with their Russian translation in the sphere of adjectives and verbs made it possible to spot the differences in the use of verbs and adjectives. Contextual analysis let us conclude that the major differences were stated at the peripheral areas which are caused by the influence of the Russian linguistic picture of the world.

Thus, we could identify the main peculiarities of the Russian variety of the English language in relation to adjectives and verbs. The prospects of further research involve the analysis of the specificity of nouns and verbs which can contribute to our conception of the Russian variety of the English language.

Библиографический список:

1. Мельников А.С. Диалог культур: важно ли на каком языке. Ростов-на-Дону: Экономический вестник государственного университета. 2004. № 2 (3). С. 100-109.
2. Павленис Р.И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. – Москва: Мысль, 2018.
3. Бернс М. Дидактические и прагматические подходы к преподаванию английского языка. Предположения // Английский язык объединяет мир. Материалы международной конференции. 2002. С.12-18.
4. Качру Б. Мировые английские языки и прикладная лингвистика // Мировые английские языки, 1990.

№ 9 (1). С. 3-20.

5. Прошина З.Г. EFL или EFL? Изменение буквы или новая концепция языкового образования // Известия Московского университета, языкознания и межкультурной коммуникации. 2016. № 19 (4).
6. Прошина З.Г., Ривлина А.А. Английский в России как опция и как дополнительный языковой ресурс / М.Б. Раренко (ред.) // Английский язык в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии и за его пределами. Москва: ИНИОН РАН. 2020. С. 73-89.
7. Прошина З.Г. Русский английский: миф или реальность? / С.В. Андросова // Материалы 13-й Международной конференции Дальневосточной ассоциации преподавателей английского языка «Языковедение и преподавание языков: мечты, надежды, стремления, достижения». Благовещенск: Издательство Амурского государственного университета. 2021. С. 97-104.
8. Прошина З.Г. Оксфордский словарь и разнovidности английского языка – тенденция к культурному обогащению // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2021. Том 18. № 1.
9. Прошина З.Г. Славянские англичане: образование или культура? Глава 19. // The Routledge Handbook of World Englishes. 2-е изд. пересмотрено. – Рутледж Лондон, Нью-Йорк. 2021. С. 338-354.
10. Кубрякова Е. С. Роль словопроизводства в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. – Москва: Наука, 1988. С. 141-146.
11. Кубрякова Е. С. Эволюция языковых представлений во второй половине XX века (опыт анализа парадигм) // Язык и наука конца XX века. – М.: РГГУ, 1995. С. 144-238.
12. Марлина Р. и Гир Р. (ред.) Педагогика английского как международного языка. Взгляды ученых, преподавателей и студентов. Чам Гейдельберг, Нью-Йорк и Дордрехт: Springer, 2014. – DOI: 10.1007/978-3-319-06127-6.
13. Серебrenников Б. А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. – Москва: Наука, 1988.
14. Павленис Р.И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. – Москва: Мысль, 2018.
15. Ривлина А. Двухязычное творчество в России: англо-русская языковая игра // World Englishes. 2015. № (34). С. 436-455. – DOI: 10.1111/weng.12153.
16. Снодин Н., Янг Т. Дж. Разнovidности английского языка для носителей языка: восприятие и отношение // Asian Englishes. 2015. № 17. С. 248-260. – DOI: 10.1080/13488678.2015.1083354.
17. Адмони В.Г. Полевая природа частей речи (на материале числительных) // Вопросы теории частей речи. – Ленинград: Наука, 1968. С. 98-106.
18. Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. Грамматико-лексическое поле в современном немецком языке. – Москва: Просвещение, 1969.
19. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. – Ленинград: Наука, 1978.
20. Паулини Э. Система в языке // Языкознание в Чехословакии: Сборник статей. 1978. С. 20-27.
21. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – Москва: Языки славянской культуры, 2001.
22. Супрун А.Е. Части речи в русском языке. – Москва: Просвещение, 1971.
23. Даниленко Т.И. Структура В.А. (глагола-связки и прилагательного, имеющего один корень глагола) в современном английском языке. Диссертация, Кандидатский английский язык мира: что влияет на выбор моделей английского языка / Туи, Линь Ле., Ли, Дж. Дутер, и Фан, Ле Ха // Путешествие к знаниям и путешествии к знаниям: 7-е издание «Взаимодействие с Вьетнамом - междисциплинарный диалог» Конференция. – Издательство Cioiid, 1975. С. 11-28.
24. Гак В.Г. Проблемы лексико-грамматической организации предложений (на материале французского языка в сравнении с русским). Диссертация доктора филологических наук. – Москва, Институт языкознания АН, 1967.
25. Воронцова (Россинская) Е.А. Проблема языковой и культурной коммуникации в цивилизации XXI века // Образование и культура России в меняющемся мире. 2027. С. 61-64.
26. Воронцова (Россинская) Е. А. Формально-семантическая асимметрия в сфере частей речи как основа их функциональной близости (на материале класса прилагательных в английском языке). Монография. – Барнаул: АлтГУ, 2015.
27. Вежицка А. Семантика, культура и познание. – Оксфорд: Оксфорд, 1992.
28. Качру Б. Стандарты, кодификация и социалингвистический реализм: английский язык во внешнем круге / Р. Квирк и Х.Г. Виддоусон (ред.) // Английский в мире: преподавание и изучение языка в литературе Издательство Кембриджского университета для британцев Совет. 1985. С. 11-30.
29. Маккей С. Преподавание английского языка как международного: переосмысление целей и подходов // Исследования по овладению вторым языком. – Оксфорд: Издательство Оксфордского университета, 2002.
30. Комлев Н. Г. Слово, денотат и картина мира // Вопросы философии. 1981. № 11. С. 24-38.
31. Вагек Ю. Лингвистический словарь Пражской школы (Перевод с французского, английского и чешского Мельчука И.А., Санникова В.З.). Москва: Прогресс, 1964.
32. Адмони В.Г. Грамматика как система построения и общая теория грамматики. – Ленинград: Наука.
33. Бондаренко О. Существует ли русский английский? // Американский журнал исследований в области образования. № 2 (9). 2014. С. 832-839.
34. Прошина З., Эдди А. (ред.). Русский английский: история, функции и особенности (изучение на английском языке). – Кембридж: Издательство Кембриджского университета, 2016. – DOI: 10.1017/CBO9781139683623.

Reference

1. Melnikov A.S. Dialogue of cultures: does it matter in what language? Rostov-on-Don: Economic Bulletin of the State University. 2004. № 2 (3). P. 100-109.
2. Pavilionis R.I. The problem of meaning. Modern logical-philosophical analysis of language. – Moscow: Mysl, 2018.
3. Burns M. Didactic and pragmatic approaches to teaching English. Assumptions // The English language unites the world. Proceedings of the international conference. 2002. P. 12-18.
4. Kachru B. World English languages and applied linguistics // World English languages, 1990. № 9 (1). P. 3-20.
5. Proshina Z.G. EIL or EFL? Changing the letter or a new concept of language education // News of Moscow University, Linguistics and Intercultural Communication. 2016. № 19 (4).
6. Proshina Z.G., Rivilina A.A. English in Russia as an option and as an additional language resource / M.B. Rarenko (ed.) // English in the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and beyond. Moscow: INION RAS. 2020. P. 73-89.
7. Proshina Z.G. Russian English: myth or reality? / S.V. Androsova // Proceedings of the 13th International Conference of the Far Eastern Association of English Language Teachers "Linguistics and Language Teaching: Dreams, Hopes, Aspirations, Achievements." Blagoveshchensk: Amur State University Publishing House. 2021. P. 97-104.
8. Proshina Z.G. Oxford Dictionary and varieties of the English language - a tendency towards cultural enrichment // Social and Humanitarian Sciences in the Far East. 2021. Vol. 18. № 1.
9. Proshina Z.G. Slavic English: education or culture? Chapter 19. // The Routledge Handbook of World Englishes. 2nd ed. revised. – Routledge London, New York. 2021. P. 338-354.
10. Kubryakova E. S. The role of word production in the formation of the linguistic picture of the world // The role of the human factor in language. – Moscow: Nauka, 1988. P. 141-146.
11. Kubryakova E. S. Evolution of linguistic representations in the second half of the 20th century (experience in analyzing paradigms) // Language and science of the end of the 20th century. – M.: Russian State University for the Humanities, 1995. P. 144-238.
12. Marlina, R. and Geer, R. (eds.) Pedagogy of English as an International Language. Views of scientists, teachers and students. Cham Heidelberg, New York and Dordrecht: Springer, 2014. - DOI: 10.1007/978-3-319-06127-6.
13. Serebrennikov B. A. The role of the human factor in language. Language and thinking. – Moscow: Science, 1988.
14. Pavilionis R.I. The problem of meaning. Modern logical-philosophical analysis of language. – Moscow: Mysl, 2018.
15. Rivilina A. Bilingual creativity in Russia: English-Russian language game // World Englishes. 2015. № (34). P. 436-455. – DOI: 10.1111/weng.12153.
16. Snodin N., Young T. J. Varieties of English for native speakers: perception and attitude // Asian Englishes. 2015. № 17. P. 248-260. – DOI: 10.1080/13488678.2015.1083354.
17. Admoni V.G. Field nature of parts of speech (based on numerals) // Questions of the theory of parts of speech. – Leningrad: Science, 1968. P. 98-106.
18. Gulyga E.V., Shendels E.I. The grammatical and lexical field in modern German. – Moscow: Education, 1969.
19. Meshchaninov I.I. Members of a sentence and parts of speech. – Leningrad: Science, 1978.
20. Paulini E. System in language // Linguistics in Czechoslovakia: Collection of articles. 1978. P. 20-27.
21. Peshkovsky A.M. Russian syntax in scientific coverage. – Moscow: Languages of Slavic culture, 2001.
22. Suprun A.E. Parts of speech in Russian. – Moscow: Education, 1971.
23. Danilenko T.I. Structure V.A. (linking verb and adjective having the same verb root) in modern English. Dissertation, PhD World English: What Influences the Choice of English Language Models / Tui Lin Le., Li J. Duter. and Phan, Le Ha // Journey to Knowledge and Journey to Knowledge: 7th Edition "Engagement with Vietnam - Interdisciplinary Dialogue" Conference. – Cioid Publishing House, 1975. P. 11-28.
24. Gak V.G. Problems of lexical and grammatical organization of sentences (based on the material of the French language in comparison with Russian). Dissertation of Doctor of Philological Sciences. – Moscow, Institute of Linguistics of the Academy of Sciences, 1967.
25. Vorontsova (Rossinskaya) E.A. The problem of linguistic and cultural communication in the civilization of the 21st century // Education and culture of Russia in a changing world. 2027. P. 61-64.
26. Vorontsova E. A. Formal-semantic asymmetry in the sphere of parts of speech as the basis of their functional proximity (based on the class of adjectives in the English language). Monograph. – Barnaul: Altai State University, 2015.
27. Wierzbicka A. Semantics, culture and knowledge. – Oxford: Oxford, 1992.
28. Kachru B. Standards, codification and sociolinguistic realism: English in the outer circle / R. Quirk and H.G. Widdowson (ed.) // English in the world: teaching and learning language in literature Cambridge University Press for British Council. 1985. P. 11-30.
29. McKay S. Teaching English as an International Language: Rethinking Goals and Approaches // Research in Second Language Acquisition. – Oxford: Oxford University Press, 2002.
30. Komlev N. G. Word, denotation and picture of the world // Questions of philosophy. 1981. № 11. P. 24-38.
31. Vagek Y. Linguistic Dictionary of the Prague School (Translation from French, English and Czech Melchuk I.A., Sannikova V.Z.). Moscow: Progress, 1964.
32. Admoni V.G. Grammar as a system of construction and general theory of grammar. – Leningrad: Science.
33. Bondarenko O. Does Russian English exist? // American Journal of Educational Research. № 2 (9). 2014. P. 832-839.
34. Proshina Z., Eddie A. (eds.). Russian English: history, functions and features (study in English). – Cambridge: Cambridge University Press, 2016. – DOI: 10.1017/CBO9781139683623.

Аннотации

Рябова Е.Д.

Чапкин Н.С.

Некоммерческие и коммерческие медицинские организации: теоретические аспекты осуществления деятельности

В статье рассматриваются отдельные аспекты деятельности некоммерческих (неправительственных, общественных) организаций, обеспечивающих охрану здоровья граждан. Определено, что роль некоммерческих и неправительственных общественных организаций в глобальном здравоохранении состоит в укреплении систем здравоохранения и чаще всего включает работу в партнерстве с министерствами здравоохранения; управление совместными проектами и программами; и пр. Несмотря на то, что ресурсы общественных организаций значительно скромнее по сравнению с коммерческими, они вносят значительный вклад в охрану здоровья населения и снижение неравенства в доступности медицинской помощи.

Ключевые слова: бизнес, организация, коммерческие организации, некоммерческие организации, здравоохранение, медицинская помощь, деятельность.

Терновая Л.О.

Камни силы и судьбы в структуре культурных кодов и властных отношений

В современном мире разворачивается настоящая ментальная битва между приверженцами традиционных ценностей и предлагаемых западному обществу новых жизненных паттернов, в которых подчеркивается смысл истории и теряются устойчивые прежде идентичности. Ответ, почему эти новшества оказываются свободно восприимчивыми частью населения, можно найти, изучая различия культурных кодов Востока и Запада, даже в тех их частях, что напрямую не затрагивают ни глубинные личностные аспекты бытия, ни высокие геополитические стратегии. Но такие фрагменты обязательно имеют непосредственное отношение к прочтению смыслов отношения человека к стихиям природы: земле, воде, растениям, огню. Всякий их элемент трактовался в ракурсе тех возможностей и запретов, которые были у людей независимо от их происхождения или социального положения. Камень, отражал смысл родной земли, а потому утверждал господство над ней и в некоторых культурах выступал как индикатор права на власть. В других культурах такая власть трактовалась не как политический институт, а как нравственная твердость и умение владеть собою. И хотя многое из этого культурного кода утеряно, сохранившиеся памятники помогают его реконструировать.

Ключевые слова: история, традиционные ценности, культурный код, власть, сила, мегалит, фольклор.

Зуев А.В.

Северное пароходное общество: новые страницы истории российского торгового флота

В статье исследуются мало изученные факты становления российского торгового флота России. Отмечается, что одним из крупнейших пароходных обществ на Балтике в дореволюционной России было Северное пароходное общество, которое было учреждено по инициативе и при участии Датско-Русского пароходного общества. Основной капитал общества составлял 2000000 рублей и был разделён на 8000 акций, по 250 рублей каждая. Показан процесс становления общества, выявлены проблемные моменты и трудности. По материалам ежегодных общих собраний акционеров в статье приведены итоги деятельности Северного пароходного общества. Нарушение нормальной жизни государства отразилось на делах обществ, совершенно изменив планомерный ход его работ. События Первой мировой войны привели к тому, что на основании положения о военно-судовой повинности большинство пароходов общества были переданы в полное распоряжение правительства для военных перевозок. На основании декрета СНК «О национализации торгового флота» от 26 января 1918 г. общество было объявлено общенациональной собственностью. Утверждается, что Северное пароходное общество стало важным фактором в развитии морской торговли и судостроительной промышленности не только на Балтике, но и всей страны. Оно внесло свой достойный вклад в становлении торгового флота дореволюционной России и оставило значительный след в истории российского торгового флота.

Ключевые слова: Северное пароходное общество, Датско-Русское пароходное общество, пароходное сообщество, правление, акции, совет директоров, военно-судовая повинность, капитан судна, экипаж судна.

Изнатенко С.В.

«Адмирал Ушаков», «Адмирал Сенявин» и «Генерал-адмирал Апраксин» – броненосцы береговой обороны российского императорского флота

Исторический анализ вопросов создания броненосцев береговой обороны требует особо учитывать стратегическое назначение кораблей данного класса. По задумке руководства Морского ведомства, они должны были стать основой российского флота на Балтике, имеющими определенное преимущество в одиночных боях с броненосцами аналогичного класса флотов западных держав.

Выполняя функции поддержки береговых батарей, а также имея возможность укрыться в своем порту данные корабли могли успешно противостоять нападениям более крупных броненосцев.

Однако в контексте внешней политики России и целей создания Тихоокеанского флота, строительство броненосцев береговой обороны не в полной мере отвечало принципам рациональности рассматриваемого периода строительства флота.

Ключевые слова: броненосцы береговой обороны, Россия, береговая оборона, военное кораблестроение, Российский императорский флот.

Ладович А.А.

Постсоветская историография развития транспортной системы в Западной Сибири в XIX веке

Историография транспортной системы Западносибирской части России XIX века сложена из нескольких ключевых аспектов. В этом плане она представлена сюжетами, посвященными специфике собственно транспорта, а также суждениями и оценкой истории транспорта. Немаловажное значение имеют общесторические, даже концептуальные проблемы. В статье рассмотрены обширные литературные источники, книги и научные статьи непосредственно посвященные развитию транспортной системы Западной Сибири, дан их анализ с точки зрения комплексного подхода.

Ключевые слова: развитие, транспортная система, Западная Сибирь, XIX век, Транссибирская магистраль, постсоветская историография.

Ильин А.А.

Ларионов А.Э.

Теория официальной народности как методология истории в русской консервативной историографии 2-й четверти XIX века

Статья посвящена исследованию методологических принципов историописания в русской консервативной историографии 2-й четверти XIX столетия. В центре авторского внимания находятся исторические труды историков, являвшихся сторонниками и адептами «теории официальной народности». Которая рассматривается в качестве действенного методологического основания на определенном этапе развития отечественной исторической науки. Конкретные исторические работы М.П. Погодина, Н.Г. Устрялова, А.И. Михайловского-Данилевского и М.А. Корфа рассмотрены в качестве историографических источников, представляющих собой единый интеллектуальный капитал николаевской эпохи. В качестве рабочей гипотезы авторы статьи выдвигают тезис о сохранении за произведениями указанных авторов не только музейно-мемориальной, но и вполне актуальной научной ценности для отечественной исторической науки вплоть до настоящего момента. Методология истории, фундированная «теорией официальной народности», предстаёт как закономерный продукт своей исторической эпохи и непосредственно предшествовавших макроисторических событий, от Великой Французской революции до Восстания декабристов включительно. Соответственно, отвергается стереотипная идея о сугубо ситуационно-политической обусловленности «теории официальной народности» и чисто карьеристских устремлениях её идеологов. Выявлен комплекс идей историко-методологического характера в работах четырёх историков, которые объединены в рамках единой эпистемологической модели, дающей простор для научного творчества и, вместе с тем, сохраняющей аксиологические интенции гуманитарного знания. Сочетание прагматического рационализма и христианской метафизики, описаний времён большой длительности с локально-событийными реконструкциями являются характерными чертами российской методологии истории во 2-й четверти XIX века и несут в себе значительный потенциал познания истории. Соответственно, научная ценность консервативной методологии истории и историографии является значительно более высокой, чем это считалось до последнего времени.

Ключевые слова: теория официальной народности, методология истории, историография, история России, интеллектуальный капитал, консерватизм, николаевская эпоха.

Нансо М.Б.

Агирбов Т.Р.

Виртуальность и реальность: индивид в гибридном пространстве

Введение. Трансформация процесса социализации индивида под влиянием его пребывания в вирту-

альном и реальном мирах сделали самым важным качеством индивида его способность рационально использовать возможности технологий для саморазвития в реальной жизни. Проблема существования в гибридном пространстве, использования преимуществ одного мира в интересах другого приобретает самый актуальный характер. Теоретический анализ. В силу растущего влияния образов реальности на образ жизни индивида проблематика виртуальности как неотъемлемой части социального бытия индивида находится в центре научно-исследовательского дискурса. Предметом междисциплинарных исследований являются существо, свойства, причины востребованности виртуального мира, характер его влияния, негативные последствия гипертрофированной роли в жизни индивида. Заключение. Особые характеристики виртуального бытия: анонимность, свобода, абстрагирование от реальных факторов, отсутствие внутреннего и внешнего контроля, барьеров, «нейтральность» к достоверности, правовым, нравственным и культурным нормам - формируют у индивида множество выраженных зависимостей и особые, антропные, характеристики, способные изменить свойства реальной личности. Злоупотребление даже преимуществами виртуального мира придает последним характер угроз и рисков. Совершение коммуникаций в условиях виртуального мира с неизбежностью требует применения социокультурных механизмов, эффективно используемых в условиях реальности.

Ключевые слова: виртуальность, гибридное пространство, иллюзорность, цифровая аддикция, эскапизм, цифровая покорность, Интернет-феномены.

Суслов А.Ю.

Театры Татарстана в зеркале современной историографии

Рассматриваются театральное пространство Республики Татарстан в отражении исследований последних десятилетий. Подчеркиваются длительные театральные традиции, существовавшие в Казанской губернии и Татарстане с конца XVIII века. Отмечаются существующие историографические исследования, их вклад в разработку темы. Анализируются основные направления трудов историков, культурологов, театроведов; наиболее значимые публикации. Отмечается значение энциклопедических изданий, как российского, так и республиканского уровня, издававшихся с 1960-х годов. Делается вывод о большой работе коллектива Института татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан. Подчеркивается роль ведущих театроведов, в том числе И.И. Иляловой и Ю.А. Благова, их труды по истории ведущих театров Казани. Обращается внимание на перспективы дальнейшей разработки темы – исследование деятельности частных театров, анализ развития материально-технической базы театров, театральные коллективы в районах республики, гастрольная и фестивальная деятельность.

Ключевые слова: театр, история, историография, энциклопедия, Казань, Татарстан, репертуар, драматургия, сценография.

Ширяева-Бакшеевникова В.Н.

Развитие морских промыслов мурманского берега в XI-XVIII веках

В данной научной статье автор подробно анализирует развитие морских промыслов на Мурманском берегу в период с XI по XVIII века. Исследуется влияние географических, экономических и политических факторов на развитие рыболовства, добычи морского зверя и других видов морских ресурсов в указанный период. Автор подробно описывает различные этапы, начиная с формирования первых поселений до появления монополий и передачи промыслов в частные или государственные руки. Особое внимание уделяется времени Петра I, когда были созданы монопольные компании, стремившиеся к развитию промыслов, но фактически занимавшиеся эксплуатацией и контролем. Автор анализирует негативное влияние монополий на развитие промыслов, указывая на значительное налоговое бремя, которое замедляло процесс. В статье также приводится сравнение развития морских промыслов на Мурманском берегу и соседнем норвежском берегу в районе Финмаркена, где отмена монополий способствовала расцвету промыслов и увеличению торговых операций. В заключение подчеркивается, что постоянные передачи промыслов от монопольных компаний к государству и обратно негативно сказывались на развитии промыслов на Мурманском берегу, не позволяя им значительно продвинуться в техническом и экономическом плане. Сравнение с развитием морских промыслов на норвежском берегу в Финмаркене показывает, что освобождение от монополий и инновационная поддержка правительства привели к процветанию рыбного промысла и обогащению региона. Общий вывод заключается в том, что монополии и недостаточная государственная поддержка промыслов на Мурманском берегу привели к их упадку и оставанию от соседней.

Ключевые слова: Мурманский берег, морские промыслы, рыболовство, добыча морского зверя, XI-XVIII века, покрут, рыбный промысел, Кольский полуостров, Мурман, Норвегия.

Щербаков М.Ю.**Антифинляндские настроения в общественном мнении и политике 1880–1890-х годов**

В центре внимания статьи находятся вопросы антифинляндских настроений в российском общественном мнении и политической практики двух последних десятилетий XIX века. Антифинляндские настроения в российском общественном сознании были детерминированы рядом важных общественно-политических сдвигов в жизни пореформенной Российской империи. В 1880–1890-х годах политика российского правительства в национальном вопросе претерпела существенную трансформацию. Бытование «финляндского вопроса», а следовательно, и «антифинляндских настроений» проявлялось в нескольких формах: 1) практических шагах самодержавия по унификации («русификации») национальных окраин; 2) дискуссии о правовом положении Великого княжества Финляндии в составе Российской империи; 3) формировании негативного общественного мнения по вопросу автономии Финляндии. При этом, основная волна русификации финляндской окраины Российской империи будет связана с царствованием Николая II.

Ключевые слова: финляндский вопрос, политика русификации Финляндии, русско-финские отношения, национальный вопрос, антифинляндские настроения, общественное мнение.

Щербаков М.Ю.**Антифинляндские настроения в общественном мнении и политике 1880–1890-х годов**

В центре внимания статьи находятся вопросы антифинляндских настроений в российском общественном мнении и политической практики двух последних десятилетий XIX века. Антифинляндские настроения в российском общественном сознании были детерминированы рядом важных общественно-политических сдвигов в жизни пореформенной Российской империи. В 1880–1890-х годах политика российского правительства в национальном вопросе претерпела существенную трансформацию. Бытование «финляндского вопроса», а следовательно, и «антифинляндских настроений» проявлялось в нескольких формах: 1) практических шагах самодержавия по унификации («русификации») национальных окраин; 2) дискуссии о правовом положении Великого княжества Финляндии в составе Российской империи; 3) формировании негативного общественного мнения по вопросу автономии Финляндии. При этом, основная волна русификации финляндской окраины Российской империи будет связана с царствованием Николая II.

Ключевые слова: финляндский вопрос, политика русификации Финляндии, русско-финские отношения, национальный вопрос, антифинляндские настроения, общественное мнение.

Ян Шанжун**Американская пропаганда времен Холодной Войны и кризис с венгерскими беженцами в 1956 году**

Данная работа отражает исследования содержания американской пропаганды в середине прошлого века. Автор изучает последствия венгерского восстания 1956 года, в ходе которого 200 000 венгров стали беженцами, что привело к самому серьезному кризису беженцев со времен холодной войны. Возникновение проблемы венгерских беженцев имеет множество внутренних и внешних причин и является результатом совокупности внутренних и внешних факторов. Данная конфликтная ситуация напрямую связана с социальными потрясениями, которые были вызваны вводом советских войск на территорию Венгрии для подавления восстания и яростным сопротивлением венгерского народа. Также это обусловлено пропагандой США в Венгрии в начале холодной войны. Нестабильная социальная обстановка во время венгерских событий и пропаганда запада вызвали у некоторых граждан Венгрии сильное беспокойство за будущее, а некоторые участники боялись советского возмездия, и бегство казалось им единственным выходом.

Поэтому в контексте данного исследования основной целью является изучение американской пропаганды времен холодной войны в 1956 г. Объектом исследования выступают события холодной войны и кризис с венгерскими беженцами в данный период. Предмет - американская пропаганда в указанное время.

Ключевые слова: пропаганда времен холодной войны, США, венгерские беженцы 1956 года, американская пропаганда, национальная безопасность, политический курс развития, холодная война, коммунистический режим, Советский Союз.

Захарьев Я.О.**Китайская община Юго-Восточной Азии в начале XXI века: вопросы сохранения власти и влияния**

В статье изложена специфика власти и влияния китайской общины Юго-Восточной Азии в 2000-2020х гг. Отражены особенности продвижения китайцев в странах АСЕАН. Объясняется, почему хуацяо организованы именно в общину, а не диаспору с т.з. целей и задач. На основе авторитетных источников дан прогноз развития роли китайской общины Юго-Восточной Азии в регионе. Сделаны выводы о проблемах сохранения ниш хуацяо в условиях активной конкуренции с корпорациями из Китайской Народной Республики, с описанием разнообразных решений, определяющих стратегию хуацяо в странах АСЕАН и иных регионах их интересов.

Ключевые слова: китайская община Юго-Восточной Азии, хуацяо Юго-Восточной Азии, Юго-Восточная Азия, АСЕАН, ЮВА, китайское национальное меньшинство, общины и диаспоры, хуацяо, китайская община, китайский фактор, китайский вопрос, власть и национальные меньшинства, национальное меньшинство, мультикультурализм.

Хуан Ясинь

Место и роль «глобальных» СМИ в системе масс-медийной коммуникации

Бурное развитие цифровых и информационных технологий привело к тому, что население земного шара в большей степени начало потреблять информацию не через традиционные средства массовой информации (телевидение, газеты), как это было в XX веке, а преимущественно посредством сети Интернет. В связи с этим граждане всех стран оказались вовлеченными в новую систему медиакommunikации, носящей глобальный характер. Медиа-коммуникация нового типа отразилась и на средствах массовой информации, которые также стали «глобальными». Цель статьи – на примере «глобальных» СМИ западных стран выявить особенности освещения ими политических событий международного уровня. Методы исследования: метод политического анализа, проблемный метод, сравнительный метод. Результаты исследования показали, что в «глобальных» СМИ прослеживается субъективный взгляд на события мировой политики. Автор статьи делает вывод, что подобный факт связан с принадлежностью «глобальных» СМИ к разным национальным сообществам, имеющих политическую и идеологическую специфику.

Ключевые слова: медиа-коммуникация, глобализация, «глобальные» СМИ, цифровая эпоха, медиаимпериализм.

Долгенко А.Н.

Касатикова А.А.

Косырева М.С.

Категоризация языкового пуризма в филологическом наследии немецкого гуманизма (опыт Ю.Г. Шоттеля)

Статья посвящена анализу категоризации понятия языкового пуризма в филологическом наследии немецкого гуманизма XVII–XVIII вв. Особое место уделяется соотношению представлений о чистоте и очищении языка в трудах создателя первой регулярной грамматики немецкого языка Ю.Г. Шоттеля. Авторы приходят к выводу о том, что немецкий гуманизм не борется с иноязычным давлением, а концентрирует внимание на процессе очищения языка и создании национального языкового стандарта.

Ключевые слова: языковой пуризм, история немецкого языка, немецкий гуманизм.

Баталов А.А.

Серегина М.К.

Взаимосвязь речевого портрета и способов реализации критической оценки оратора в TED Talks

Статья посвящена исследованию корреляции социальных характеристик спикеров научно-популярных конференций в формате TED Talks с особенностями реализации их критической точки зрения в речи. Анализируется экспрессивный языковой потенциал на лексическом и грамматическом уровнях в контексте связи с профессиональной сферой деятельности оратора. Основная цель работы заключается в выявлении прямого влияния речевого портрета личности на способы вербализации его точки зрения в монологическом высказывании.

Ключевые слова: коммуникация, публичное выступление, стилистические приёмы, языковой потенциал, экстралингвистические факторы.

Басова О.В.

Современные технологии при преподавании английского языка

В настоящей научной работе автор анализирует современные технологии при преподавании англий-

ского языка. Для этого автор исследует реальные практические инструменты, используемые в настоящее время для обучения, приводит конкретные примеры, рассматривает их недостатки и преимущества. Отдельно автор акцентирует внимание на том, что для более широкого внедрения ИКТ в образовательный процесс требуется существенная перестройка различных механизмов внутри образовательной организации, работа по повышению цифровой грамотности педагогов английского языка и т.д. В заключении автор делает общий вывод о необходимости более широкого распространения ИКТ на преподавание иностранных языков. Объектом данного научного исследования являются современные технологии в преподавании английского языка. Целью данного научного исследования является комплексный, последовательный анализ применения современных технологий в образовательном процессе по обучению английскому. Методы данного научного исследования: сравнительный анализ, формально-юридический, моделирование, обобщение, конкретизация, систематизация, дедукция, иные методы теоретического и практического уровней научного познания. Научная новизна данного научного исследования заключается в подготовке комплексного исследования, формировании авторских выводов относительно статуса современных технологий в преподавании английского языка. Данная научная статья будет полезна теоретикам, практикам, обучающимся и преподавательскому составу, а также широкому кругу читателей, интересующихся особенностями организации и функционирования современной отечественной системы преподавания иностранных языков и английского языка, в частности.

Ключевые слова: дистанционные технологии, интерактивные технологии, иностранный язык, английский язык, преподавание, педагогические технологии.

Ишунькина А.С.

Текст как продукт письменной речи

В данной статье рассматривается отношение к тексту, как к форме представления письменной речи. Письменная речь на протяжении долгого времени вызывает определенный интерес среди научного сообщества. Разнообразные пути исследования письменной речи представляют её не только, как способ сохранения информации на долгое время, но и как психическую функцию человека, которая неразрывно связана с устной речью, и возможна лишь при условии высокого уровня развития устной коммуникации. Объектами исследования письменного общения становятся не только тексты, но и отношение к тексту через мысли автора, а также материалы, ресурсы и приемы, используемые в письме. Также, письменная речь является ключевой фигурой в разных науках и до сих пор является предметом дискуссий в ряде дисциплин. Помимо этого, письменная коммуникация занимает центральное место в жизни каждого человека и социальной идентификации, что в свою очередь, становится предметом оценивания, связанного с контролем письменной речи. Целью данной статьи является представление текста, как базового продукта письменной речи и подходов к его определению. Автор изучает специфику определения текста через его формальные элементы организации или через его дискурсивную структуру, а также проводит анализ отношения к тексту с разных точек его восприятия и взаимодействия между автором текста и читателем.

Ключевые слова: текст, письменная речь, письменная коммуникация, дискурс, когнитивный процесс, продукт письменной коммуникации, социальное взаимодействие.

Синявский А.А.

Применение зооморфных метафор в деловом русском и испанском языках

Метафоры постоянно используются в нашей повседневной разговорной речи, а также в различных художественных и даже научных языках. Метафора - это выражение, при котором значение одного слова или понятия переносится на другое слово или понятие с помощью образного сравнения, она может использоваться для придания красоты тексту или изображению, расширения значения или помощи в понимании сложных идей. В экономической сфере в испанском и русском языках часто используются образы животных. Использование образных выражений помогает создать более яркие и запоминающиеся фразы, которые легче понять и запомнить аудитории. Язык экономистов и менеджеров черпает вдохновение из различных аспектов жизни животных, таких как их поведение, способности и взаимодействия в группах или стаях, что позволяет описывать различные аспекты бизнеса, включая поведение, стратегии и характеристики компаний и рынков. Этот прием помогает студентам экономических специальностей выразительнее строить свою речь и лучше запоминать новые термины, так как ассоциации с животными более яркие и интересные.

Ключевые слова: метафора, зоометафора, аналогия, сравнение, образ, описание, термин, фразеология.

Сизинцева А.С.

Бажеряну В.В.

Использование невербальных средств общения в процессе коммуникации в англоязычных и русскоязычных производственных коллективах

Данная статья посвящена вопросу изучения роли использования невербальных средств общения в процессе коммуникативного взаимодействия работников англоязычных и русскоязычных производственных коллективов. Эффективная деловая коммуникация характеризуется не только пониманием слов собеседника, но и способностью корректно интерпретировать визуальную информацию – мимику или жесты собеседника. Владение невербальными средствами общения помогает работниками различных трудовых коллективов выстраивать успешную коммуникацию, что способствует организации эффективного производственного процесса. Результаты анкетирования сотрудников англоязычных и русскоязычных промышленных предприятий, приведенные в данной статье, показали, что более 80% опрошенных работников высоко оценивают роль невербальных средств общения в процессе производственной коммуникации. Также испытуемые оценили роль молчания в процессе коммуникации в русской и английской производственной среде.

Ключевые слова: коммуникативное взаимодействие, невербальные средства общения, англоязычный производственный коллектив, русскоязычный производственный коллектив, роль молчания в общении.

Жун Синь

Го Лихун

Концепт «мать» в языковой картине мира русского языка (на материале фразеологии)

Концепт «мать» является одним из ключевых элементов русской концептосферы, обладая значительным количеством когнитивных признаков и широкой коммуникативной релевантностью. Статья посвящена исследованию репрезентации концепта «мать» во фразеологической картине мира русского языка. Анализируемые фразеологические единицы были распределены на десять фразеосемантических групп, отражающих когнитивные характеристики, воплощенные в тех или иных значениях исследуемого концепта; проведен количественный анализ продуктивности выделенных групп. Разнообразие когнитивных признаков и широкий спектр фразеосемантических групп изучаемого концепта, подтверждают его важность для понимания культурной идентичности русского народа.

Ключевые слова: языковая картина мира, фразеологическая картина мира, концепт, мать, фразеосемантическая группа.

Ишуткина Д.А.

Шаламова О.О.

Ли Н.Б.

Аутентичность текста как феномен современного российского образования в обучении корейскому языку

Актуальность исследуемого вопроса обусловлена необходимостью выбора эффективных способов формирования коммуникативной компетенции при обучении иностранному языку. В связи с этим, цель заключается в рассмотрении аутентичности текста как способа создания естественной коммуникативной ситуации и тем самым организации более эффективного учебного процесса. В статье дано определение понятию «аутентичность» и «аутентичные тексты», приведена классификация аутентичности и аутентичных текстов, рассмотрены достоинства и недостатки использования аутентичных текстовых материалов в обучении иностранному языку и раскрыта истинная цель работы с ними – активизация мыслительной деятельности обучающихся. Материалы статьи вносят теоретический вклад в изучение проблемы аутентичности и представляют практическую ценность для первичной организации работы с аутентичными материалами на занятиях по иностранному языку.

Ключевые слова: аутентичность, аутентичный текст, иностранный язык, корейский язык, коммуникативная компетенция.

Лю Ляньчжи

Лю Ижуй

Гао Хуэйминь

Способы и навыки перевода четырехсимвольного слова в «Докладе на XX съезде КПК»

Китайское четырехсимвольное слово представляет важную часть китайской традиционной культу-

ры, его основными характеристиками являются лаконичность, простота и краткость языка, яркие выраженные национальные особенности и культурные черты. Большинство китайских четырехсимвольных слов исходят из классических произведений, а некоторые основаны на исторических событиях. В «Докладе на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая» широко используется четырехсимвольное слово для интерпретации способа управления страной и партией и передачи философского управления в новую эпоху с помощью традиционной культуры. Таким образом, при переводе уделено внимание передаче образности, контекста и идеологического подтекста, заложенных в китайских четырехсимвольных словах. В данной статье выяснены особенности русского перевода китайских четырехсимвольных слов в «Докладе на XX съезде КПК», обобщены стратегии перевода различных типов четырехсимвольных слов. Целью статьи является содействие исследованию русского перевода китайских четырехсимвольных слов.

Ключевые слова: «Доклад на XX съезде КПК», четырехсимвольное слово, способы перевода.

Лю Наньин

Освоение заимствований в русском языке на рубеже XX-XXI веков

Статья посвящена анализу процесса освоения заимствованных элементов в современном русском языке на рубеже XX-XXI веков. С развитием глобализации и международных связей в язык-реципиенте в течение XX-XXI веков расширяется число заимствованных слов, у которых часто меняются значения и условия употребления. Кроме этих внешних причин, появление иноязычных лексики также связано с необходимостью выражения дополнительных смыслов слов в специальных сферах или в особых условиях употребления. Особое внимание в статье уделяется словообразовательному аспекту освоения заимствований. Заимствованные элементы в современном русском языке часто обновляются; большинство дериватов, созданных на их основе, образовано аффиксацией. В статье выделяются также основные этапы адаптации заимствований. Активность употребления заимствованных слов вместо исконных в современном русском языке отражает развитие культурных контактов и продуктивность ряда словообразовательных моделей современного русского языка.

Ключевые слова: заимствование, иноязычные слова, словообразование, дериваты, словообразовательные гнезда, способ словообразования, освоение заимствований, иноязычные словари.

Макарова О.Г.

Красикова О.М.

Бадмаева А.А.

Категория падежа в русском и бурятском языках (сопоставительный анализ)

Статья посвящена сопоставительному анализу падежей в русском и бурятском языках. Падеж, являясь словоизменительной категорией имени выражается его флексиями; дополнительными средствами и способами различения падежных форм могут служить чередования в основах существительных и специальные акцентные характеристики. Выявлены основные грамматические особенности падежей, их функционирования в предложениях, их основных сходствах и различиях выражения синтаксических отношений в рассматриваемых языках.

Ключевые слова: падежная система, русский язык, бурятский язык, сопоставительный анализ, склонение, имена существительные, предлоги, послелого, грамматические особенности.

Мирзоева Ф.Р.

Особенности функционирования эвфемизмов в маркетинге

В мире маркетинга эвфемизмы широко используются за способность завуалировать и раскрасить действительность, с целью создания положительного образа товара или услуг. В статье исследуются особенности использования эвфемизмов в маркетинге. Выделяются функции эвфемизмов и Предметом анализа является лексика, отобранная из различных сфер маркетинговой коммуникации, включая рекламные тексты. Материалом для исследования послужили эвфемизмы, отобранные из британских и американских источников.

Ключевые слова: эвфемизм, маскировка значения, манипулирование, маркетинг, реклама.

Поспелова Н.В.

Баширова Р.Ф.

Лингвокультурологическое чтение текста художественного произведения «How to be good» Нина Хорнби

Данная статья описывает значимость лингвокультурологического чтения на уроках иностранного языка. Через анализ художественных текстов на иностранном языке учащиеся развивают критическое мышление, погружаются в культурный контекст и повышают уровень владения языком. Изучение англоязычной литературы способствует формированию понимания иноязычной культуры, расширению своего кругозора.

Ключевые слова: чтение, англоязычное произведение, текст, лингвокультурологическое чтение, иностранный язык, упражнения.

Россинская Е.А.

Камех Хош Неда

Васильева Ю.А.

Особенности русского варианта английского языка в области употребления прилагательных и глаголов

Цель исследования – привести основания для разграничения варианта иностранного языка, используемого для общения с носителями языка и трансляции общих культурных ценностей, и языка, предназначенного для общения с носителем иной культуры. В статье поднимается вопрос об интерференции родного и иностранного языка, что порождает особый вариант иностранного языка. Особое внимание уделяется различиям английского и русского языков в области периферийных прилагательных и глаголов, что и составляет отличительные признаки русского варианта английского языка. Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые на основании категориального и когнитивного подходов выделена специфика русского варианта английского языка в области прилагательных и глаголов. В результате исследования выявлено, что родной язык во многом определяет способ выражения понятий на иностранном языке, что обусловлено, по мнению авторов статьи, различными языковыми тенденциями в области глаголов и прилагательных, а именно, предпочтением английского языка к именному способу выражения, а русского – к глагольному. Данное заключение позволяет говорить о том, что изучающие английский язык в силу собственной языковой картины мира модифицируют язык, что позволяет говорить о нескольких вариантах английского языка.

Ключевые слова: русский вариант английского языка, ядерные и периферийные языковые единицы, языковая картина мира.

Abstracts

Ryabova E.L.

Chapkin N.S.

Commercial and non-profit medical organizations: theoretical aspects of the implementation of activities

The article examines certain aspects of the activities of non-profit (non-governmental, public) organizations that ensure the protection of citizens' health. It is determined that the role of non-profit and non-governmental public organizations in global health is to strengthen health systems and most often includes working in partnership with ministries of health; managing joint projects and programs; etc. Despite the fact that the resources of public organizations are much more modest compared to commercial ones, they make a significant contribution to protecting public health and reducing inequalities in access to medical care.

Key words: business, organization, commercial organizations, non-profit organizations, healthcare, medical care, activity.

Ternovaya L.O.

Stones of power and destiny in the structure of cultural codes and power relations

In the modern world, a real mental battle is unfolding between adherents of traditional values and new life patterns offered to Western society, in which the meaning of history is crossed out and previously stable identities are lost. The answer to why these innovations are freely accepted by part of the population can be found by studying the differences in the cultural codes of the East and West, even in those parts that do not directly affect either the deep personal aspects of existence or high geopolitical strategies. But such fragments are necessarily directly related to reading the meaning of man's relationship with the elements of nature: earth, water, plants, fire. Every element of them was interpreted from the perspective of the opportunities and prohibitions that people had, regardless of their origin or social status. The stone reflected the meaning of the native land, and therefore asserted dominance over it and in some cultures acted as an indicator of the right to power. In other cultures, such power was interpreted not as a political institution, but as moral firmness and the ability to control oneself. And although much of this cultural code has been lost, surviving monuments help to reconstruct it.

Key words: history, traditional values, cultural code, power, strength, megalith, folklore.

Zuev A.V.

Northern shipping company: new pages in the history of the Russian merchant fleet

The article examines the little-studied facts of the formation of the Russian merchant fleet of Russia. It is noted that one of the largest shipping companies in the Baltic in pre-revolutionary Russia was the Northern Shipping Society, which was established on the initiative and with the participation of the Danish-Russian Shipping Society. The company's fixed capital amounted to 2,000,000 rubles and was divided into 8,000 shares, 250 rubles each. The process of formation of society is shown, problematic issues and difficulties are identified. Based on the materials of the annual general meetings of shareholders, the article presents the results of the activities of the Northern Shipping Company. The disruption of the normal life of the state affected the affairs of societies, completely changing the planned course of its work. The events of the First World War led to the fact that, on the basis of the provisions on military service, most of the company's ships were transferred to the complete disposal of the government for military transportation. Based on the decree of the Council of People's Commissars "On the nationalization of the merchant fleet" dated January 26, 1918, the company was declared national property. It is argued that the Northern Shipping Company has become an important factor in the development of maritime trade and the shipbuilding industry not only in the Baltic, but throughout the country. It made its worthy contribution to the development of the merchant fleet of pre-revolutionary Russia and left a significant mark on the history of the Russian merchant fleet.

Key words: Northern Shipping Company, Danish-Russian Shipping Company, steamship service, board, shares, board of directors, military service, ship captain, ship crew.

Ignatenko S.V.

«Admiral Ushakov», «Admiral Seniavin» and «General-admiral Apraksin» – coastal battleships of the imperial Russian navy

Historical analysis of the issues of creating coastal defense battleships requires special consideration of the strategic purpose of ships of this class. As conceived by the leadership of the Maritime Department, they were supposed to become the basis of the Russian fleet in the Baltic, having a certain advantage in single battles with the battleships of the coastal defense fleets of the Western powers.

With the support of coastal batteries and the ability to take refuge in their port, these ships of the type could successfully withstand attacks by larger battleships.

However, in the context of Russian foreign policy and the goals of creating the Pacific Fleet, the construction of coastal defense battleships did not fully meet the principles of rationality of the period of fleet creation.

Key words: coastal defense battleships, Russia, coastal defense, military shipbuilding, Russian Imperial Navy.

Ladovich A.A.

Post-soviet historiography of the development of the transport system in Western Siberia in the XIXth century

The historiography of the transport system of the Western Siberian part of Russia of the XIX century consists of several key aspects. In this regard, it is represented by stories devoted to the specifics of transport itself, as well as judgments and assessments of the history of transport. General historical, even conceptual problems are of no small importance. The article considers extensive literary sources directly devoted to the development of the transport system of Western Siberia.

Key words: development, transportation system, Western Siberia, XIX century, post-Soviet historiography, post-Soviet historiography.

Ilyin A.A.

Larionov A.E.

The theory of official nationality as a methodology of history in the Russian conservative historiography of the 2nd quarter of the XIX century

The article is devoted to the study of methodological principles of historiography in the Russian conservative historiography of the 2nd quarter of the XIX century. The author's attention is focused on the historical works of historians who were supporters and adherents of the "theory of official nationality". Which is considered as an effective methodological basis at a certain stage of the development of Russian historical science. Specific historical works by M.P. Pogodin, N.G. Ustryalov, A.I. Mikhailovsky-Danilevsky and M.A. Korfa are considered as historiographical sources representing a single intellectual capital of the Mykolaiiv epoch. As a working hypothesis, the authors of the article put forward the thesis about the preservation of the works of these authors not only museum-memorial, but also quite relevant scientific value for the national historical science up to the present moment. The methodology of history, based on the "theory of official nationality", appears as a natural product of its historical epoch and the immediately preceding macro-historical events, from the Great French Revolution to the Decembrist Uprising inclusive. Accordingly, the stereotypical idea of the purely situational-political conditionality of the "theory of official nationality" and the purely careerist aspirations of its ideologists is rejected. The complex of historical and methodological ideas in the works of four historians, which are united within a single epistemological model, giving scope for scientific creativity and, at the same time, preserving the axiological intentions of humanitarian knowledge, is revealed. The combination of pragmatic rationalism and Christian metaphysics, descriptions of long-lasting times with local-event reconstructions are characteristic features of the Russian methodology of history in the 2nd quarter of the XIX century and carry a significant potential for the knowledge of history. Accordingly, the scientific value of the conservative methodology of history and historiography is much higher than it was thought until recently.

Key words: theory of official nationality, methodology of history, historiography, history of Russia, intellectual capital, conservatism, the Nicholas era.

Napso M.B.

Agirbov T.R.

Virtuality and reality: an individual in a hybrid space

Introduction. The transformation of the process of socialization of an individual under the influence of his stay in the virtual and real worlds has made the most important quality of an individual his ability to

rationally use the possibilities of technology for self-development in real life. The problem of existence in a hybrid space, using the advantages of one world in the interests of another, is becoming the most urgent. Theoretical analysis. Due to the growing influence of reality images on an individual's lifestyle, the problem of virtuality as an integral part of an individual's social existence is at the center of scientific research discourse. The subject of interdisciplinary research is the essence, properties, reasons for the demand for the virtual world, the nature of its influence, and the negative consequences of an exaggerated role in an individual's life. Conclusion. The special characteristics of virtual existence: anonymity, freedom, abstraction from real factors, lack of internal and external control, barriers, "neutrality" to reliability, legal, moral and cultural norms - form an individual's many pronounced dependencies and special, anthropic characteristics that can change the properties of a real person. The abuse of even the advantages of the virtual world gives the latter the character of threats and risks. Improving communications in the virtual world inevitably requires the use of socio-cultural mechanisms that are effectively used in reality.

Key words: virtuality, hybrid space, illusory, digital addiction, escapism, digital submission, Internet phenomena.

Suslov A.Y.

Theaters of Tatarstan in the mirror of modern historiography

The theatrical space of the Republic of Tatarstan is considered in the reflection of the research of the last decades. The long-lasting theatrical traditions that existed in the Kazan province and the Tatar camp since the end of the XVIII century are emphasized. The existing historiographical studies and their contribution to the development of the topic are noted. The main directions of the works of historians, cultural scientists, theater critics are analyzed; the most significant publications. The importance of encyclopedic publications, both Russian and republican, published since the 1960s is noted. The conclusion is made about the great work of the staff of the Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. The role of leading theater critics, including I.I. Ilyalova and Yu.A. Blagova, their works on the history of the leading theaters of Kazan is emphasized. Attention is drawn to the prospects for further development of the topic – a study of the activities of private theaters, an analysis of the development of the material and technical base of theaters, theater groups in the regions of the republic, touring and festival activities.

Key words: theater, history, historiography, encyclopedia, Kazan, Tatarstan, repertoire, drama, scenography.

Shiryayeva-Bakshevnikova V.N.

The development of marine crafts of the Murmansk coast in the XI-XVIII centuries

In this scientific article, the author analyzes in detail the development of marine fisheries on the Murmansk coast in the period from the XI to the XVIII centuries. The influence of geographical, economic and political factors on the development of fishing, the extraction of marine animals and other types of marine resources during this period is being investigated. The author describes in detail the various stages, from the formation of the first settlements to the emergence of monopolies and the transfer of crafts to private or public hands. Special attention is paid to the time of Peter the Great, when monopoly companies were created, striving for the development of crafts, but actually engaged in exploitation and control. The author analyzes the negative impact of monopolies on the development of fisheries, pointing to the significant tax burden that slowed down the process. The article also provides a comparison of the development of marine fisheries on the Murmansk coast and the neighboring Norwegian coast in the Finmarken area, where the abolition of monopolies contributed to the flourishing of fisheries and increased trade operations. In conclusion, it is emphasized that the constant transfers of fisheries from monopoly companies to the state and back had a negative impact on the development of fisheries on the Murmansk coast, preventing them from making significant technical and economic progress. A comparison with the development of marine fisheries on the Norwegian coast in Finmarken shows that the liberation from monopolies and the innovative support of the government led to the prosperity of the fishery and the enrichment of the region. The general conclusion is that monopolies and insufficient state support for fisheries on the Murmansk coast have led to their decline and lagging behind their neighbors.

Key words: Murmansk coast, marine fisheries, fishing, extraction of sea animals, XI-XVIII centuries, pokrut, fishing, Kola Peninsula, Murmansk, Norway.

Shcherbakov M.U.**Anti-Finnish sentiments in public opinion and politics of the 1880s–1890s**

The article focuses on the issues of anti-Finnish sentiments in Russian public opinion and the political practice of the last two decades of the XIX century. Anti-Finnish sentiments in the Russian public consciousness were determined by a number of socio-political upheavals in the life of the post-reform Russian Empire. In the 1880s and 1890s, the Russian government's policy on the national issue went through a significant transformation. The existence of the "Finnish question" and, consequently, the "anti-Finnish sentiments" manifested itself in several forms: 1) the practical steps of the autocracy to incorporate the national outskirts ("Russification policies"); 2) discussions on the legal status of the Grand Duchy of Finland as part of the Russian Empire; 3) the formation of negative public opinion on the issue of Finnish autonomy. The main wave of Russification policies will be associated with the reign of Nicholas II.

Key words: Finnish question, policy of Russification of Finland, Russian-Finnish relations, national question, anti-Finnish sentiments, public opinion.

Yang Shangrong**American propaganda during the Cold War and the Hungarian refugee crisis in 1956**

This work reflects research on the content of American propaganda in the middle of the last century. The author explores the consequences of the 1956 Hungarian uprising, during which 200,000 Hungarians became refugees, which led to the most serious refugee crisis since the Cold War. The emergence of the problem of Hungarian refugees has many internal and external causes and is the result of a combination of internal and external factors. This conflict situation is directly related to the social upheavals that were caused by the entry of Soviet troops into the territory of Hungary to suppress the uprising and the fierce resistance of the Hungarian people. This is also due to the US propaganda in Hungary at the beginning of the Cold War. The unstable social situation during the Hungarian events and the propaganda of the West caused some Hungarian citizens to be very worried about the future, and some participants were afraid of Soviet retaliation, and flight seemed to them the only way out.

Therefore, in the context of this study, the main goal is to study American propaganda during the Cold War in 1956. The object of the study is the events of the Cold War and the crisis with Hungarian refugees during this period. The subject is American propaganda at the specified time.

Key words: Cold War propaganda, USA, Hungarian refugees of 1956, American propaganda, national security, political course of development, cold War, communist regime, Soviet Union.

Zakharyev Y.O.**Chinese community of Southeast Asia at the beginning of the 21st century: issues of maintaining power and influence**

The article outlines the specifics of the power and influence of the Chinese community of Southeast Asia in the 2000–2020s. The features of the promotion of the Chinese in ASEAN countries are reflected. It is explained why the Huaqiao are organized specifically into a community, and not a diaspora with t.z. goals and objectives. Based on authoritative sources, a forecast is given for the development of the role of the Chinese community of Southeast Asia in the region. Conclusions are drawn about the problems of preserving the niches of huaqiao in conditions of active competition with corporations from the People's Republic of China, with a description of the various solutions that determine the strategy of huaqiao in the ASEAN countries and other regions of their interests.

Key words: Chinese community of Southeast Asia, huaqiao of Southeast Asia, Southeast Asia, ASEAN, Southeast Asia, Chinese national minority, communities and diasporas, huaqiao, Chinese community, Chinese factor, Chinese question, power and national minorities, national minority, multiculturalism.

Huang Yaxin**The place and role of "global" media in the system of mass-media communication**

The rapid development of digital and information technologies has led to the fact that the world's population began to consume information to a greater extent not through traditional media (television, newspapers), as it was in the twentieth century, but mainly through the Internet. In this regard, citizens of all countries have become involved in a new system of media communication, which is global in nature. Media communication of a new type has also affected the mass media becoming also a "global" one. The purpose

of the article is to identify the peculiarities of their coverage of political events of international level on the example of “global” media of Western countries. Research methods: method of political analysis, problem method, comparative method. The results of the study showed that the “global” media have a subjective view of world political events. The author of the article concludes that such a fact is related to the belonging of “global” media to different national communities with political and ideological specifics.

Key words: media communication, globalization, “global” media, digital age, media imperialism.

Dolgenko A.N.

Kasatikova A.A.

Kosyreva M.S.

Categorization of linguistic purism in the philological heritage of German humanism (experience of Yu.G. Schottel)

The article is devoted to the analysis of the categorization of the concept of linguistic purism in the philological heritage of German humanism of the XVII-XVIII centuries. A particular attention is given to the correlation of the concepts of purity and purification of language in the works of the author of the first regular grammar of the German language Yu.G. Schottel. The authors come to the conclusion that German humanism does not fight against foreign-language pressure, but focuses on the process of purifying the language and creating a national language standard.

Key words: language purism, history of the German language, German humanism.

Batalov A.A.

Seregina M.K.

Relation of speech portrait and ways of implementing of the speaker's critical opinion in TED Talks

The article is devoted to the study of the correlation between the social characteristics of speakers of popular science conferences in the TED Talks format and the peculiarities of their critical point of view realisation in speech. The expressive linguistic potential at the lexical and grammatical levels and the connection with the professional sphere are analysed. The main aim of the work is to reveal the direct influence of the speech portrait of a personality on the ways of verbalising the point of view in a monological speech.

Key words: communication, public speech, stylistic devices, linguistic potential, extralinguistic factors.

Basova O.V.

Modern technologies in teaching English

In this scientific work, the author analyzes modern technologies in teaching English. To do this, the author examines real practical tools currently used for training, provides specific examples, and considers their disadvantages and advantages. Separately, the author focuses on the fact that for the wider introduction of ICT in the educational process, a significant restructuring of various mechanisms within the educational organization is required, work to improve the digital literacy of English language teachers, etc. In conclusion, the author makes a general conclusion about the need for wider distribution of ICT in the teaching of foreign languages. The object of this scientific research is modern technologies in teaching English. The purpose of this scientific research is a comprehensive, consistent analysis of the use of modern technologies in the educational process of teaching English. Methods of this scientific research: comparative analysis, formal legal, modeling, generalization, specification, systematization, deduction, other methods of theoretical and practical levels of scientific knowledge. The scientific novelty of this scientific research lies in the preparation of a comprehensive study, the formation of the author's conclusions regarding the status of modern technologies in teaching English. This scientific article will be useful to theorists, practitioners, students and teaching staff, as well as a wide range of readers interested in the features of the organization and functioning of the modern domestic system of teaching foreign languages and English in particular.

Key words: distance technologies, interactive technologies, foreign language, English, teaching, pedagogical technologies.

Iashunkina A.S.

Text as a product of the writing process

This article examines the attitude to the text as a form of presentation of the writing process. The written speech has attracted the interest among the scientific community for a long time. Various ways of

studying the written speech present it not only as a way of long-term memory storage, but also as a mental function of a person, which is inextricably linked with oral speech, and it is possible only if the level of oral communication is highly developed. The objects of a research in the written communication are not only the texts, but also the attitude to the text through the thoughts of the author, as well as materials, resources and techniques which are used in writing. Also, the written language is a key figure in various sciences and is still the subject of debates in some disciplines. In addition, the written communication occupies a central place in every person's life and social identification, which becomes the subject of assessment related to the control of the written speech. The purpose of this article is to present a text as a basic product of the written speech and approaches to its definition. The author studies the specifics of defining a text through its formal organizational elements or discursive structure and also analyzes the attitude towards the text from different points of its perception.

Key words: text, written speech, written communication, discourse, cognitive process, product of written communication, social interaction.

Sinyavsky A.A.

Applying zoomorphic metaphors in Spanish and Russian business discourse

Metaphors are regularly used in daily communication as well as in various fictional and even academic texts. Metaphors are expressions where the meaning of a word or a notion is transferred to another word or notion by means of imagery; metaphors can be used to embellish the text or the image, to enlarge its meaning or to facilitate in comprehending complex ideas. In both Spanish and Russian animal images are often employed in the economic discourse. The use of metaphors allows to create more vivid and catchy phrases that are easier to understand and to remember for the audience. The language of economists and managers draws its inspiration from different aspects of animal life, i.e. behavior, abilities and group interaction, which leads to such expressions being used to describe different aspects of business, including company and market behaviors, strategies and characteristics. This method allows the students of economics to make their speech more expressive and to better memorize new terms as the animalistic associations tend to be vivid and interesting.

Key words: metaphor, zoomorphic metaphor, analogy, comparison, image, description, term, phraseology.

Sizintseva A.S.

Bazheryanu V.V.

Application of non-verbal language in the communication process in English-speaking and Russian-speaking production teams

This article is devoted to the issue of studying the role of the use of non-verbal means of communication in the process of communicative interaction between employees of English-speaking and Russian-speaking production teams. Effective business communication is characterized not only by understanding the words of the interlocutor, but also by the ability to correctly interpret visual information - facial expressions or gestures of the interlocutor. Mastery of nonverbal means of communication helps employees of various work groups build successful communication, which contributes to the organization of an effective production process. The results of a survey of employees of English-speaking and Russian-speaking industrial enterprises presented in this article showed that more than 80% of the surveyed workers highly appreciate the role of non-verbal means of communication in the process of industrial communication. The respondents also assessed the role of silence in the communication process in the Russian and English production environment.

Key words: communicative interaction, non-verbal means of communication, English-speaking production team, Russian-speaking production team, the role of silence in communication.

Rong Xin

Guo Li Hong

The concept "mother" in the language picture of the world (based on phraseology the Russian language)

The concept "mother" is one of the key elements of the Russian concept sphere, possessing a significant number of cognitive characteristics and broad communicative relevance. The article is devoted to the study of the representation of the concept "mother" in the phraseological picture of the world of the Russian

language. The analyzed phraseological units were divided into ten phraseological semantic groups, reflecting the cognitive characteristics embodied in certain meanings of the concept under study; a quantitative analysis of the productivity of the selected groups was carried out. The variety of cognitive features and a wide range of phraseosemantic groups of the concept confirm its importance for understanding the cultural identity of the Russian people.

Key words: linguistic picture of the world, phraseological picture of the world, concept, mother, phraseosemantic group.

Ishutkina D.A.

Shalamova O.O.

Lee N.B.

The phenomenon of text authenticity in modern education when teaching Korean language

The relevance of the topic arises from the need to determine effective ways of developing communicative competence while teaching a foreign language. Therefore, the aim of the article is to consider the authenticity of the text as a way to create a natural communicative situation for providing effective teaching and learning. The article defines the concepts of "authenticity" and "authentic texts", provides a classification of authenticity and authentic texts, analyzes the advantages and disadvantages of using authentic texts while teaching a foreign language for increasing the students' intellectual activity. The findings are of theoretical relevance for studying the problem of authenticity and of direct practical value for the primary organization of work with authentic texts in foreign language classes.

Key words: authenticity, authentic text, foreign language, korean language, communicative competence.

Liu Lianzhi

Liu Yirui

Gao Huimin

Translation methods and techniques of four-character words in the report of the 20th National Congress

Chinese four-character words are an important component of traditional Chinese culture, their main features are concise language, simple and concise, with strong national and cultural characteristics. In the report of the 20th National Congress of the Communist Party of China, the utilization of four-character words extensively elucidates the governance approach for both the country and Party through traditional culture, while transmitting the concept of governance in the new era. Therefore, when translating the four-character words in the Report, it is necessary to pay attention to conveying their imagery, artistic conception and ideological connotation. The article analyzes the characteristics of russian translation of four-character words in the Report of the 20th National Congress of the Communist Party of China, and summarizes the translation strategies of different types of four-character words, with a view to providing reference for the study of russian translation of Chinese four-character words.

Key words: Report of the 20th National Congress of the Communist Party, four-character words, translation methods.

Liu Nanying

Mastering borrowings in the Russian language at the turn of the XX-XXI centuries

The article is devoted to the analysis of the process of assimilation of borrowed elements in the modern Russian language at the turn of XX-XXI centuries. With the development of globalisation and international relations in the recipient language during the XX-XXI centuries, the number of borrowed words, which often change their meanings and conditions of use, is expanding. Besides these external reasons, the emergence of foreign-language vocabulary is also connected with the need to express additional meanings of words in special spheres or in special conditions of use. Special attention in the article is paid to the word-formation aspect of borrowings acquisition. Borrowed elements in the modern Russian language are often updated; most derivatives created on their basis are formed by affixation. The article also identifies the main stages of borrowings adaptation. The active use of borrowed words instead of native words in modern Russian reflects the development of cultural contacts and the productivity of a number of word-formation models of modern Russian.

Key words: borrowing, foreign-language words, word formation, derivatives, word nests, method of word formation, acquisition of borrowings, foreign-language dictionaries.

Makarova O.G.

Krasikova O.M.

Badmaeva A.A.

Case category in Russian and Buryat languages (comparative analysis)

The article is devoted to a comparative analysis of cases in the Russian and Buryat languages. Case, being an inflectional category of a name, is expressed by its inflections; additional means and ways of distinguishing case forms can be alternations in the stems of nouns and special accent characteristics. The main grammatical features of cases, their functioning in a sentence, their main similarities and differences in the expression of syntactic relations in the languages under consideration are revealed.

Key words: case system, Russian language, Buryat, comparative analysis, declension, nouns, prepositions, postpositions, grammatical features.

Mirzoeva F.R.

Peculiarities of euphemisms functioning in marketing

In the world of marketing euphemisms are widely used for their ability to veil reality in order to create a positive image of goods or services. The article explores the peculiarities of using euphemisms in marketing. The functions of euphemisms and the subject of the analysis is the lexicon selected from various spheres of marketing communication, including advertising texts. The material for the study is selected from British and American sources.

Key words: euphemism, masking of meaning, manipulation, marketing, advertising.

Pospelova N.V.

Basharova R.F.

Linguistic and cultural reading of the text of the work of art "How to be good" by Nick Hornby

This article describes the importance of linguistic and cultural reading in foreign language lessons. Through the analysis of literary texts in a foreign language, students develop critical thinking, immerse themselves in the cultural context and improve their language proficiency. The study of English-language literature contributes to the formation of an understanding of foreign language culture, expanding one's horizons.

Key words: reading, English-language work, text, linguistic and cultural reading, foreign language, exercises.

Rossinskaya E.A.

Kameh Khosh Neda

Vasilyeva Y.A.

Features of the Russian variety of the English language in the use of adjectives and verbs

The purpose of the study is to provide grounds for distinguishing between a variety of a foreign language used to communicate with native speakers and broadcast common cultural values and a language intended for communication with speakers of a different culture. The article raises the issue of interference between native and foreign languages, which gives rise to a special variety of a foreign language. Particular attention is paid to the differences between the English and Russian languages in the field of peripheral adjectives and verbs, which constitute the distinctive features of the Russian version of the English language. The scientific novelty of the work lies in the fact that the article for the first time, on the basis of categorical and cognitive approaches, highlights the specifics of the Russian variety of the English language in the field of adjectives and verbs. As a result of the study, it was revealed that the native language largely determines the way of expressing concepts in a foreign language, which is due, according to the authors of the article, to various linguistic trends in the field of verbs and adjectives, namely, the preference of English for the nominal method of expression, and Russian for verbal. This conclusion allows us to say that students of English, due to their own linguistic picture of the world, modify the language, which lets us distinguish several varieties of the English language.

Key words: Russian variety of English, central and peripheral language units, linguistic picture of the world.

Авторы

Агирбов Т.Р. - студент, Северо-Кавказская государственная академия.

Бадмаева А.А. - преподаватель, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г. Улан-Удэ.

Бажеряну В.В. - аспирант, ФГБОУ ВО «Комсомольский-на-Амуре государственный университет».

Басова О.В. - старший преподаватель кафедры теории и методики обучения иностранным языкам, ФГАОУ ВО «Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского», г. Омск.

Баталов А.А. - кандидат филологических наук, старший преподаватель, кафедра теории и практики иностранных языков. ИИЯ (Институт иностранных языков), Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Васильева Ю.А. - кандидат педагогических наук. Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Башарова Р.Ф. - студент. Елабужский институт (филиал) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Елабуга.

Гао Хуэйминь - аспирант, старший преподаватель института иностранных языков, Северо-восточный университет лесного хозяйства, г. Харбин.

Го Лихун - доцент института иностранных языков, Цицикарский университет, Китай. Аспирант кафедры стилистики и риторики, Кемеровский государственный университет.

Долгенко А.Н. - заведующий кафедрой русского и иностранных языков, доктор филологических наук, доцент. Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева.

Жун Синь - магистрант. Институт иностранных языков, Цицикарский университет, Китай.

Захарьев Я.О. - аспирант. Дипломатическая академия МИД РФ.

Зуев А.В. - кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, Ленинградский областной филиал Санкт-Петербургского университета МВД России.

Игнатенко С.В. - преподаватель кафедры Международного морского права, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный морской технический университет», г. Санкт-Петербург.

Ильин А.А. - старший преподаватель, аспирант факультета истории, политологии и права, ГОУ ВО Государственный университет просвещения.

Камех Хош Неда - кандидат филологических наук. Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Касатикова А.А. - старший преподаватель кафедры русского и иностранных языков. Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева.

Косырева М.С. - доктор филологических наук, доцент кафедры иностранных языков. Новосибирский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии.

Красикова О.М. - старший преподаватель, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г. Улан-Удэ.

Ладович А.А. - аспирант кафедры истории и документоведения. Курганский государственный университет.

Ларионов А.Э. - кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России факультета истории, политологии и права, ГОУ ВО Государственный университет просвещения.

Ли Н.Б. - старший преподаватель. ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», г. Хабаровск.

Лю Ижуй - м-р перевода института иностранных языков, Северо-восточный университет лесного хозяйства, г. Харбин.

Лю Ляньчи - м-р перевода института иностранных языков, Северо-восточный университет лесного хозяйства, г. Харби.

Лю Наньин - аспирант. Московский педагогический государственный университет.

Макарова О.Г. - кандидат педагогических наук, доцент, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г. Улан-Удэ.

Мирзоева Ф.Р. - кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка Дипломатической Академии МИД России, Москва.

Напсо М.Б. - доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса, Северо-Кавказская государственная академия.

Поспелова Н.В. - доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, кандидат филологических наук. Елабужский институт (филиал) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Елабуга.

Россинская Е.А. - кандидат филологических наук. Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Московский педагогический государственный университет.

Рябова Е.Л. - доктор политических наук, Главный редактор, международное издательство «Этносоциум».

Серегина М.К. - студентка магистратуры. ИИЯ (Институт иностранных языков), Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Сизинцева А.С. - кандидат технических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Комсомольский-на-Амуре государственный университет».

Синявский А.А. - доцент, кандидат филологических наук. Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации.

Суслов А.Ю. - ведущий научный сотрудник, доктор исторических наук, доцент. Институт татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан, г. Казань.

Терновая Л.О. - доктор исторических наук, профессор, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ).

Хуан Ясинь - магистр. Национальный исследовательский университет, Высшая школа экономики.

Чапкин Н.С. - старший преподаватель. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова». Базовая кафедра цифровой экономики института развития информационного общества.

Шаламова О.О. - доцент с ученой степенью кандидат наук и ученым званием доцент, кандидат педагогических наук, доцент. ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», г. Хабаровск.

Ширяева-Бакшевникова В.Н. - кандидат исторических наук, Государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург.

Ишуткина Д.А. - магистрант. ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», г. Хабаровск.

Щербаков М.Ю. - аспирант. Государственный университет просвещения.

Ян Шанжун - Институт истории и культуры, Северо-Западный педагогический университет.

Яшунькина А.С. - аспирант, учитель, государственное бюджетное общеобразовательное учреждение, гимназия №402 г. Санкт-Петербург.

Authors

Agirbov T.R., Student of the North Caucasus State Academy.

Badmaeva A.A., Teacher, East Siberian State University of Technology and Management, Ulan-Ude.

Basharova R.F., Student. Yelabuga Institute (branch) of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Kazan (Volga Region) Federal University", Yelabuga.

Basova O.V., Senior Lecturer, Department of Theory and Methodology of Foreign Language Teaching, FGAOU HE "Omsk State University named after F.M. Dostoevsky", Omsk.

Batalov A.A., PhD, Assistant Professor, Department of Foreign Languages in Theory and Practice, Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia.

Bazheryanu V.V., Graduate student, Komsomolsk-on-Amur State University.

Chapkin N.S., Senior Lecturer. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian Economic University named after G.V. Plekhanov". Basic Department of Digital Economy of the Institute for the Development of the Information Society.

Dolgenko A.N., Doctor of Philological Sciences, Associate Professor. Head of the Department of Russian and Foreign Languages, A.Y. Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Gao Huimin, Senior teacher, postgraduate, Institute of Foreign Languages, Northeast Forestry University (Harbin, China).

Guo Li Hong, Associate Professor, School of Foreign Languages, Qiqihar University. Postgraduate student of the Department of Stylistics and Rhetoric, Kemerovo State University.

Huang Yaxin, Master. Higher School of Economics.

Iashunkina A.S., Postgraduate Student, Teacher, State budgetary general education institution, gymnasium №402, St. Petersburg.

Ignatenko S.V., lecturer of the Department of International Maritime Law, Saint-Petersburg State Marine Technical University, Saint-Petersburg.

Ishutkina D.A., Graduate student (Master's student). Pacific National University, Khabarovsk.

Ilyin A.A., Senior lecturer, post-graduate student of the Faculty of History, Political Science and Law of the State University of Education.

Kameh Khosh Neda, Candidate of Philology. Peoples' Friendship University of Russia.

Kasatikova A.A., Senior Lecturer of the Department of Russian and Foreign Languages. A.Ya. Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Kosyreva M.S., Doctor of Philological Sciences, Associate Professor. Associate Professor of the Department of Foreign Languages. Order of Zhukov Novosibirsk Military National Guard Troops Institute.

Krasikova O.M., Senior Lecturer, East Siberian State University of Technology and Management, Ulan-Ude.

Ladovich A.A., Postgraduate student of the Department of History and Documentology Kurgan State University.

Larionov A.E., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History, Faculty of History, Political Science and Law, State University of Education.

Lee N.B., Senior lecturer. Pacific National University, Khabarovsk.

Liu Lianzhi, Postgraduate of Interpreting and Translation, Institute of Foreign Languages, Northeast Forestry University (Harbin, China).

Liu Nanying, PhD student. Moscow Pedagogical State University.

Liu Yirui, Postgraduate of Interpreting and Translation, Institute of Foreign Languages, Northeast Forestry University (Harbin, China).

Makarova O.G., PhD, Associate Professor, East Siberian State University of Technology and Management, Ulan-Ude.

Mirzoeva F.R., PhD in Pedagogy, Associate Professor of the Department of English Language, Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs.

Napso M.B., Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the North Caucasus State Academy.

Rong Xin, Master's degree candidate. School of Foreign Languages, Qiqihar University.

Pospelova N.V., Associate Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication, Candidate of Philological Sciences. Yelabuga Institute (branch) of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Kazan (Volga Region) Federal University", Yelabuga.

Rossinskaya E.A., Candidate of Philology. Peoples' Friendship University of Russia. Moscow Pedagogical State University.

Ryabova E.L., Doctor of Political Sciences, Editor-in-Chief, international publishing house "Ethnosocium".

Seregina M.K., Master's Degree Student. Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia.

Shcherbakov M.U., Postgraduate student. Federal State University of Education.

Sinyavsky A.A., Associate Professor, Candidate of Philology. All-Russian Foreign Trade Academy under the Ministry of Economic Development of Russia.

Shalamova O.O., PhD of Pedagogic Sciences, Assistant professor. Pacific National University, Khabarovsk.

Shiryayeva-Bakshchevnikova V.N., Candidate of Historical Sciences. State University of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg.

Sizintseva A.S., Candidate of Technical Sciences, Associate Professor. Komsomolsk-on-Amur State University.

Suslov A.Y., Leading Researcher, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor. Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow Automobile and Highway State Technical University.

Vasilyeva Y.A., Candidate of Pedagogy. Peoples' Friendship University of Russia.

Yang Shangrong, Institute of History and Culture, Northwestern Pedagogical University.

Zakharyev Y.O., Graduate student. Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry.

Zuev A.V., Candidate of historical sciences, Associate Professor of the Department of socio-economic and humanitarian disciplines, Leningrad Regional Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«ЭТНОСОЦИУМ»**

Журнал «ЭТНОСОЦИУМ и межнациональная культура»
входит в Перечень ВАК РФ

В составе редакционного совета ведущие государственные, общественные деятели, выдающиеся российские и зарубежные ученые. В работе журнала участвуют все регионы России, страны Латинской Америки, Китая, Европы. Журнал распространяется во всех органах государственной власти России (во всех регионах), в посольствах зарубежных стран и за рубежом.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОСУЩЕСТВЛЯЕТ:

создание, регистрацию, издание и продвижение журналов и альманахов; помощь во всех вопросах, в том числе в юридических, бухгалтерских, арендных, кадровых.

Редакционная подготовка

(литературное и техническое редактирование), дизайн.

Рецензенты и оппоненты, доктора наук и профессора.

Издаем книги, монографии, авторефераты, учебные пособия и др. на высоком уровне, нужным тиражом!

В процесс выпуска книги входит:

- * допечатная доработка (по желанию автора);
- * редактирование;
- * корректура;
- * подготовка электронного макета;
- * присвоение ISBN;
- * присвоение кодов УДК, ББК и авторского знака;
- * разработка дизайна обложки;
- * печать тиража (различными способами: офсет, цифра);
- * передача 16 экземпляров в Книжную палату;
- * рассылка готового тиража по территории РФ.

Все изданные нами книги проходят рецензирование и квалифицированную предпечатную подготовку.

www.etnosocium.ru
тел: +7 (495) 772-19-99
e-mail: etnosocium@mail.ru